

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

POLITICAL LINGUISTICS

5(77)'2019

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2019. – Вып. 5 (77). – 210 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Bud. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2019. – Issue 5 (77). –
210 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Благодарим РФФИ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».

We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research for material support of the project within Grant № 19-012-00465 A “Linguopolitical personology: cognitive turn”.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

5(77)'2019

Научный журнал

Учредитель: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <http://politlinguist.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2019

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

5(77)'2019

Scientific journal

Founder: FSB HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <http://politlinguist.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

- Э. В. Будаев* — Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия
- М. Б. Ворошилова* — Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

- В. Н. Базылев* — Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
- Ю. В. Богоявленская* — Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
- Р. Гусман Тирандо* — Университет Гранады, Гранада, Испания
- Е. В. Дзюба* — Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- С. В. Иванова* — Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
- В. И. Карасик* — Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия; Тяньцзиньский университет иностранных языков, Китай
- Н. Н. Кошкарова* — Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
- Е. А. Нахимова* — Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- Н. Б. Руженцева* — Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- О. А. Солопова* — Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
- Д. Вайс* — Университет Цюриха, Швейцария
- А. де Лазари* — Лодзинский университет, Польша
- И. Иньиго-Мора* — Севильский университет, Испания
- Б. Ю. Норман* — Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
- П. Серю* — Лозаннский университет, Швейцария
- Й. Сипко* — Прешовский университет, Словакия
- П. Стейнер* — Пенсильванский университет, США
- У Айхуа* — Пекинский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
- Л. Цонева* — Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
- Дж. Шарифутдинов* — Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
- Ян Кэ* — Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: Д. О. Морозов

Заведующий отделом перевода: С. М. Поляков

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhniy Tagil, Russia
M. B. Voroshilova Ural Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

V. N. Bazylev Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
R. Guzman Tirado University of Granada, Spain
E. V. Dzyuba Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
S. V. Ivanova Leningrad State University named after Alexander Pushkin, St. Petersburg, Russia
V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Tianjin Foreign Studies University, China
N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
D. Weiss University of Zurich, Switzerland
A. de Lazari University of Łódź, Poland
I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain
B. Yu. Norman Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
P. Seriot University of Lausanne, Switzerland
J. Sipko University of Prešov, Slovakia
P. Steiner University of Pennsylvania, USA
Wu Aihua Beijing Foreign Studies University, China
L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria
G. Sharafutdinov Guangdong University of Foreign Studies, China
Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика» 10

РАЗДЕЛ 1. ДИСКУССИИ

Сковородников А. П.	О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии	12
Франко Е. П. Франко М. В.	Экология языка в современном обществе	26

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Базылев В. Н.	«Шапки снимать будем?..»: Юрий Андропов и Константин Черненко	34
Корниенко А. В.	Дискурс «Фейсбука» в непрямом диалоге с властью	46
Руженцева Н. Б.	Портреты политиков: типология и речевая организация	57

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Видинеева Н. Ю.	Языковые средства выражения имплицитности в жанре блогов о проблеме Brexit	64
Кожухова И. В. Вильданова Г. А.	Жанровые особенности допроса Р. Мюллера (Robert Mueller Testimony)	76
Михина О. В. Михин А. Н.	Дискурсивная личность бундесканцлера Германии	81
Новикова В. П. Челпанова Е. В.	Медиаконцепт «гиг-экономика» на политической арене	88
Петрова А. В. Петров М. В.	Комплексная методика анализа метафоры в карикатурах как креолизованных текстах политической агитации	97
Плотникова М. В.	Мэр здорового человека: речевой портрет мэра г. Якутска Сарданы Авксентьевой в Сети	105
Рябченко Н. А. Катермина В. В. Гнедаш А. А. Вульфович Б. Г.	Региональный политический дискурс: теоретическая модель, методология исследования и практики управления политическим контентом в online-пространстве субъектов РФ	114

РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Врублевская О. В.	Прецедентные антропонимы политического дискурса как средство социальной оценки	132
Дымова А. В. Золотайко А. И.	Метафоризация синего цвета в британском интернет- и рок-дискурсе	140
Кошкарлова Н. Н. Яковлева Е. М.	Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности	147

Лату М. Н.	Некоторые проблемные вопросы определения специфики системности терминов при моделировании научного знания (на примере политической терминологии)	153
-------------------	--	-----

Мартыненко И. А.	Топонимика Марианских островов: отражение колониального прошлого и современные тенденции развития.....	159
-------------------------	--	-----

РАЗДЕЛ 5. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Бабилова М. Р. Тагильцева Ю. Р.	Коммуникативные стратегии и тактики как один из факторов формирования уязвимого поведения молодежи в сети Интернет	171
--	--	-----

РАЗДЕЛ 6. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Линь Сюе	Русский «медведь» и китайский «лун»: зоометафора в русском и китайском политическом дискурсе	177
-----------------	--	-----

Лю Лифэнь У Цзюань Жэнь Яцянь	Сопоставление пространственной конфигурации языкового ландшафта китайских и российских университетов	185
--	--	-----

Сипко Й.	СССР — только репрессии, деформации, застой?	193
-----------------	--	-----

РАЗДЕЛ 7. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Какзанова Е. М.	Языковые границы политического дискурса на улицах ГДР в монографии Филиппа Дреезена «Границы дискурса: типы и функции речевого сопротивления на улицах ГДР».....	202
------------------------	--	-----

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»	207
--	-----

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics”	10
---	----

PART 1. DISCUSSIONS

Skovorodnikov A. P.	On Some Unanswered Questions of the Linguo-Ecological Theory	12
Franko E. P. Franko M. V.	Ecology of Language in Modern Society	26

PART 2. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Bazylev V. N.	“Shall we Take off the Caps?...”: Yuri Andropov and Konstantin Chernenko	34
Kornienko A. V.	<i>Facebook</i> Discourse in Indirect Dialogue with Authorities	46
Ruzhentseva N. B.	Portraits of Politicians: Typology and Verbal Organization	57

PART 3. POLITICAL COMMUNICATION

Vidineeva N. Yu.	Implicit Linguistic Means in the Genre of Blogs on Brexit	64
Kozhukhova I. V. Vil'danova G. A.	Genre Peculiarities of Robert Mueller Testimony	76
Mikhina O. V. Mikhin A. N.	Discursive personality of the Bundeskanzler of Germany	81
Novikova V. P. Chelpanova E. V.	Media Concept «Gig economy» on the Political Arena	88
Petrova A. V. Petrov M. V.	A Complex Method of Analysis of Metaphors in Cartoon as a Creolized Text of Political Propaganda	97
Plotnikova M. V.	Healthy Man’s Mayor: Online Speech Portrait of Sardana Avksentieva, Mayor of Yakutsk	105
Ryabchenko N. A. Katermina V. V. Gnedash A. A. Vulfovich B. G.	Regional Political Discourse: Theoretical Model, Methodology of Research and Practice of Managing Political Content in the Online Space of the Russian Federation Subjects	114

PART 4. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Vrublevskaya O. V.	Precedent Anthroponyms of Political Discourse as a Means of Social Evaluation	132
Dymova A. V. Zolotaiko A. I.	Metaphorical Representation of the Blue Color in British Internet and Rock Discourses	140
Koshkarova N. N. Yakovleva E. M.	Discourse of new emotionality: Communicative practices of digital reality	147

Latu M. N.	Academic Knowledge Modeling: Some Problems of Terms Systematicity Determination (on the example of political terminology)	153
-------------------	---	-----

Martynenko I. A.	Toponymy of the Mariana Islands: Reflection of the Colonial Past and the Current Development Trends	159
-------------------------	---	-----

PART 5. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Babikova M. R. Tagil'tseva Yu. R.	Communicative strategies and tactics as a factor of formation of vulnerable behavior of young people on the Internet.....	171
--	---	-----

PART 6. FOREIGN EXPERIENCE

Lin Xue	Russian <i>Bear</i> and Chinese <i>Long</i> : Zoological Metaphor in Russian and Chinese Political Discourse	177
----------------	--	-----

Liu Lifen Wu Juan Ren Yaqian	Comparison of linguistic landscape configuration of Chinese and Russian universities	185
---	---	-----

Sipko J.	USSR: Only Repressions, Deformations, Stagnation?	193
-----------------	---	-----

PART 7. REVIEWS. CHRONICLE

Kakzanova E. M.	Linguistic boundaries of political discourse in the streets of GDR in the monograph by Philipp Dreessen "Discourse Boundaries: Types and Functions of Speech Resistance in the Streets of GDR"	202
------------------------	---	-----

Manuscripts Requirements.....	207
-------------------------------	-----

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зару-

бежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а по-

тому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

Интернет-сайт: <http://politlinguist.ru/>

Группа в социальной сети «Фейсбук»:
<https://www.facebook.com/groups/296664587806086/>

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ДИСКУССИИ

УДК 81'271.2
ББК Ш105.553
DOI 10.26170/pl19-05-01

ГСНТИ 16.21.61

Код ВАК 10.02.01

А. П. Сковородников

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0171-596x

✉ *E-mail*: skapnat@mail.ru.

О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии

АННОТАЦИЯ. По форме и содержанию статья представляет собой ответы на вопросы, предложенные для обсуждения на Всероссийском научном семинаре «Экология языка и современные коммуникативные практики», состоявшемся 23—24 апреля 2019 года в Сибирском федеральном университете. Учитывая рост интереса мирового научного сообщества к экологической проблематике, в частности к экологии языка и различным ее интерпретациям, а также к концепциям ее предметной сферы, организаторы семинара предложили для обсуждения следующие вопросы (темы): 1) лингвоэкология или эколингвистика: тождество или различие?; 2) лингвоэкология и культура речи: вопрос разграничения понятий; 3) обоснование предметного поля лингвоэкологии/эколингвистики; 4) междисциплинарность лингвоэкологии/эколингвистики; 5) направления лингвоэкологических/эколингвистических исследований в России и за рубежом; 6) соотношение экологии языка и лингвистики информационно-психологической войны. В статье дано по необходимости краткое обоснование авторской точки зрения на решение поставленных вопросов, кроме пятого, требующего развернутого аналитического обзора. Автор надеется, что дискуссия по указанным вопросам будет продолжена на страницах журнала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвоэкология; эколингвистика; экология языка; культура речи; предметное поле; междисциплинарность; информационно-психологическая война.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сковородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 82а; e-mail: skapnat@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сковородников, А. П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии / А. П. Сковородников // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 12-25. — DOI 10.26170/pl19-05-01.

Первый вопрос. Лингвоэкология и эколингвистика: тождество или различие?

В обзорно-аналитических работах исследователей проблем экологии языка содержатся попытки дифференцировать указанные понятия (см. об этом, например, статьи С. В. Ионовой [Ионова 2010], В. П. Коровушкина [Коровушкин 2011], Н. А. Курашкиной [Курашкина 2016а, 2016б], А. А. Громорушкиной [Громорушкина 2018]), однако значительная часть пишущих по этой проблематике употребляют эти термины как синонимы, что создает некоторую терминологическую избыточность и неупорядоченность. В основательной обзорно-аналитической статье Н. А. Курашкиной [Курашкина 2015] убедительно показаны разночтения (если не сказать «хаос») в интерпретации и разграничении терминопонятий «эколингвистика» и «лингвоэкология». Резюмируя, Н. А. Курашкина предлагает такое «решение терминологической дилеммы, позволяющее снять проблему сомнительной синонимии», которое позиционирует эколингвистику как «„зонтичный“ термин для широкого спектра подходов, преследующих разные цели. Из

этого следует, что лингвоэкология (экология языка, языковая экология) представляет собой лишь одну из отраслей, объединяющих экологию и лингвистику, являясь при этом неотъемлемой частью эколингвистики как целого комплекса экологически ориентированных языковых дисциплин (с позиций А. Филла)» [Курашкина 2015: 152].

Понятно, почему автор цитированной статьи, как и некоторые другие лингвисты, предпочитает термин «эколингвистика»: манифестируя принадлежность к лингвистике, он хорошо встраивается в ряд других «лингвистик» типа психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, медиалингвистики, политической лингвистики и т. д. Однако, собирая под «зонтиком» эколингвистики все двояко ориентированные дисциплины (и на лингвистику, и на экологию), мы не уйдем от того факта, что для части этих дисциплин доминирующим целеполаганием будет в конечном счете решение экологических задач в предметной языковой области, а для другой части — решение лингвистических задач в предметной области экологии — общей экологии и частных экологий, например, задач терминологических. Ср. с таким замечанием Н. А. Курашкиной,

© Сковородников А. П., 2019

ссылающейся на статью Г. М. Фадеева «Стилистические аспекты лексикона немецкого экологического дискурса» (Вестник МГЛУ. 2011. Вып. 19 (625). С. 61): «Заметную активность проявляют ученые, разрабатывающие критический анализ экологического дискурса и экологию перевода, объединяемые под общим термином *эколингвистика*. Изучение экологического дискурса, реализуемого в свете лингво-синергетического подхода, „позволяет выделить общий экологический дискурс, основная тема которого — отношения между живыми организмами и окружающим их миром, и его частные курсы как конститuentы вышестоящей единицы“» [Курашкина 2016б]. Если учитывать онтологию (сущностную сторону) научной дисциплины *лингвоэкология*, то придется признать, что целеустановочной доминантой этой дисциплины является экологический, а не лингвистический компонент. Ведь речь идет об *экологии языка*, т. е. о такой разновидности экологии, которая занимается проблемами языка с позиции экологии. Лингвоэкология, т. е. *лингвистическая экология*, является смысловым аналогом словосочетания *экология языка*. Язык, точнее его «здоровье» является объектом этой науки, а экология — субъектом, задающим идеологию, методологию, а во многом и понятийную систему этой дисциплины. В рамках родового понятия «лингвоэкология» можно выделять те или иные целевые трансформации этой дисциплины, например, *лингвоэкологию эмоций* [Шаховский 2015], *педагогическую лингвоэкологию* [Сущенко 2013], *этическую лингвоэкологию* [Андреева, Дзида, Зятькова 2012] и т. д.

Что касается терминопонятия «эколингвистика», то как синоним лингвоэкологии оно, в силу сказанного выше, избыточно и некорректно. Но этот термин может «работать» как название особого направления лингвистики, не пересекающегося с лингвоэкологией. Эколингвистику (экологическую лингвистику) можно рассматривать как такое направление лингвистики, объектом которого является язык экологии, точнее — разных экологий, прежде всего биоэкологии, социоэкологии, экологии культуры, с позиций языковых закономерностей и норм, т. е. с лингвистических позиций. Тогда вопрос о синонимии терминов снимается, они выступают как наименования самостоятельных научных направлений: в одном случае — экологии (лингвоэкология), в другом случае — лингвистики (эколингвистика).

С близких нам позиций разграничивает понятия «лингвоэкология» и «эколингвистика» В. П. Коровушкин, пришедший к выводу,

что «термин „эколингвистика“ можно было бы закрепить за тем разделом **лингвистической науки** (здесь и далее выделено мной. — А. С.), в котором в качестве исходного принимаются лингвистические факты — языковые знаки; и, напротив, термин „лингвоэкология“ следовало бы закрепить за тем разделом **экологической науки**, в котором в качестве исходного принимаются экологические факты, воздействующие на функционирование языковых знаков» [Коровушкин 2011: 62]. Однако сразу за этим следует противоречащая сказанному мысль о желательности «зонтичного» термина: «При этом весьма проблематично на данном этапе развития эколингвистики / лингвоэкологии подобрать такой научный термин, который объединил бы эти два не совсем синонимичных термина» [Там же]. Но эти термины, если они принадлежат разным наукам, не могут быть не только синонимами, но и покрываться одним родовым («зонтичным») понятием как его видовые составляющие. Таким образом, вопрос о «зонтичном» терминопонятии отпадает в том смысле, что «зонтиком» для лингвоэкологии является экология, а для эколингвистики — лингвистика.

В свете сказанного лингвоэкология может быть определена как такая междисциплинарная гуманитарная наука, предметом изучения которой является состояние языка как сложной семиотической системы **с экологических позиций** (метафорически «здоровье языка»), обусловленное социальными, историческими, политическими и другими экстралингвистическими факторами, влияющими негативно или позитивно на язык и языковое сознание его носителей; пути и способы защиты языка от негативных влияний среды его обитания, с одной стороны, и его обогащения и совершенствования, с другой (к этому определению лингвоэкологии мы еще вернемся). Термином же «эколингвистика» целесообразно обозначить такой специфический раздел лингвистики, который занимается проблемами языка всех экологических наук **с лингвистических позиций**.

Второй вопрос. Лингвоэкология и культура речи: разграничение понятий

Нам представляется, что разграничение этих понятий, а следовательно, и предметного содержания этих дисциплин, можно провести, сопоставив оппозиции основных аксиологических концептов, лежащих в их основаниях. Культура речи при традиционном ее понимании отвечает на вопрос, *правильна или неправильна*, т. е. *нормативна или ненормативна* та или иная речевая единица с точки зрения литературного язы-

ка. При более современном и широком понимании культуры речи как культуры речевого общения к этому добавятся оппозиции, мотивированные так называемыми коммуникативными качествами хорошей речи: *уместно / неуместно, ясно / неясно, выразительно / невыразительно, эффективно / неэффективно*.

Лингвэкология, не входя в пререкания с культурой речи, задается вопросом, *полезно или вредно (экологично или неэкологично)* что-либо в языке или речи, а также в среде их «обитания» и функционирования, для сохранения и развития языка. **В таком ракурсе лингвэкологию можно рассматривать как продолжение, своего рода развитие (но не тождество!) культуры речи.** Покажем это на конкретном примере.

Возьмем глагол *пилить* (совершенный вид *распилить*) в значении «незаконно присваивать (присвоить) государственные деньги». Этого глагола в указанном значении нет в толковых словарях современного русского языка (см., напр.: [Большой толковый... 1998; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов 2011]). Нет его даже в «Большом толковом словаре русской разговорной экспрессивной речи» (СПб. : Норинт, 2004. 768 с.). Нет его в этом значении в словарях русского жаргона, по крайней мере в наиболее известных (см., напр.: [Мокиенко, Никитина 2001; Ермакова, Земская, Розина 1999]). Таким образом, культура речи определенно говорит, что глагол *пилить (распилить)* в указанном значении находится за пределами литературной нормы, из чего можно сделать вывод о нежелательности его употребления.

В то же время лингвэкология вам скажет, что *пилить (распилить)* в этом значении и его производное *распил* полезны, так как, не нарушая законов языка и речевой этики, обогащают русский язык образными средствами. Это подтверждается практикой качественных (не желтых) СМИ, например: *Не то чтобы стали более рьяно бороться, просто давать и брать стали больше и чаще, иначе откуда бы появились неологизмы: „откат“ и „распилить бюджет“* (Аргументы и факты. 2008. № 29); *Ведь **пилить бюджет** можно по ходу самых разных видов деятельности, включая нейтральные и даже полезные* (Известия. 2014.04.30); *Не много парламентариев захотело заниматься делами ветеранов („пилить“ бюджет гораздо интереснее)* (Известия. 23.01.2004); *Она (цель. — А. С.) всем известна и ни от кого не скрывается — спасибо гласности. Цель лапидарна — **пилить*** (Литературная газета. 2013. № 9);

*Я спросил их, что они думают о сколковском проекте, и они в один голос сказали мне: „Воровство и **распил бюджета**“* (Комсомольская правда. 24.08.2013). Имея в виду лингвэкологическую оценку указанных речевых фактов, культура речи сделает вывод об их уместности в не строго официальной речи — разговорной и публицистической. Если не учитывать взаимодействия лингвэкологических и культурноречевых критериев, то в разряд нежелательных речевых фактов попадут, как в следующей публикации, многие остроумные окказиональные образования, возникающие в результате языковой игры, например такие, как *«брехлама* (реклама, которая и брехня и хлам), *нехоть* (состояние, когда ничего не хочется), *зомбоящик* (телевизор), *самозвонец* (тот, кто всюду звонит о себе, саморекламщик), *трепортер* (многопустословный репортер), *стабилизец, обьЕГЭрить* и т. п.» [Шаховский 2015: 15].

Таким образом, можно заключить, что культура речи и лингвэкология, будучи взаимодополняющими дисциплинами, различаются, во-первых, целеполаганием и объектом забот, во-вторых, критериями оценки речевых и языковых фактов.

Здесь возникает вопрос о допустимости в науке оценочных целеполаганий. Мне представляется приемлемой точка зрения Э. Дюркгейма, который писал: «По одной теории, сторонники которой принадлежат к самым различным школам, наука ничего не может сообщить нам о том, чего мы должны хотеть. Ей известны, говорят, лишь факты, которые все имеют одинаковую ценность и одинаковый интерес; она их наблюдает, объясняет, но не судит. Для нее нет таких фактов, которые были бы достойны порицания. Добро и зло не существуют в ее глазах. Она может сообщить нам, каким образом причины вызывают следствия, но не какие цели нужно преследовать». И далее: «Действительно, для обществ, как и для индивидов, здоровье хорошо и желательно, болезнь же, наоборот, плоха, и ее следует избегать. Если, стало быть, мы найдем **объективный критерий, внутренне присущий самим фактам** (здесь и далее выделено мной. — А. С.) и позволяющий нам научно отличать здоровье от болезни **в разных категориях социальных явлений**, то наука будет в состоянии прояснить практику, оставаясь в то же время верной своему методу» [Дюркгейм 1995].

Итак, в социальных науках оценочность не только допустима, но и желательна при наличии объективных критериев, органичных («внутренне присущих») рассматривае-

мым фактам. Это подтверждается суждениями и других философов. Так, Э. Фромм предлагает «называть рациональными любые мысли, чувства или действия, которые способствуют адекватному функционированию и росту целостной системы (частью которой они являются), а все, что имеет тенденцию к ослаблению или разрушению целого, считать иррациональным» [Фромм 1998: 349—350]. (В этом суждении Э. Фромма рациональное — аналог полезного, а иррациональное — вредного.) А Фридрих Ницше говорит об оценивании как об одной из главных сущностей человеческого бытия: «Оценивать — значит созидать: слушайте, вы, созидатели! Оценивать — это драгоценность и жемчужина всех оцененных вещей. Через оценку впервые является ценность; и без оценки был бы пуст орех бытия» [Ницше [http](http://)].

Третий вопрос. О предметном поле лингвоэкологии

Предметное поле лингвоэкологии чрезвычайно широко и разнообразно. Так, его тематический обзор, не претендующий на исчерпывающую полноту, занял в моей монографии «Экология русского языка» (Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.) четыре страницы (с. 23—26). Поэтому в своей краткой статье ограничусь проблемой рамок (или контура) предметного поля лингвоэкологии.

Для установления этих рамок полезно, как и во многих других случаях, обратиться к философии, ибо хорошая философия, в моем представлении, — это высший уровень здравого смысла, высший уровень проникновения в суть вещей. Недаром выдающийся французский философ Гастон Башляр считал, что научная мысль «нуждается в философском руководстве» [Башляр 1987: 166]. Близкие мысли высказывали и другие зарубежные и русские философы (см., напр.: [Ясперс [http](http://); Франк [http](http://); Лосев 1991: 213—214; Розанов 2008а: 131; Розанов 2008б: 151; Панарин 2002: 222; Гиренок 2012]).

Очень точно и убедительно, в виде обобщающего суждения, высказался по интересующему нас вопросу крупнейший философ XX в. Мартин Хайдеггер: «Сохранение и возрастание характеризуют неотрывные друг от друга основные тяготения жизни. Сущность жизни немислима без желания роста, возрастания. Сохранение жизни всегда служит возрастанию. **Если жизнь ограничивается самосохранением, она деградирует** (выделено мной. — А. С.)» [Хайдеггер 1993: 185]. Если распространить это обобщающее суждение на рассматриваемую нами область (жизнь языка), то станет оче-

видной ограниченность такого понимания предмета лингвоэкологии, которое сводится к изучению негативных процессов, происходящих в языке и речи. А такой крен в сторону изучения деградационных процессов в языке и речи при невнимании к созидательным процессам наблюдается в дефинициях лингвоэкологии у многих авторов (см. обзор дефиниций лингвоэкологии в [Суценко 2011: 57—61]; см. также определения лингвоэкологии в терминологических словарях [Словарь социолингвистических терминов 2006: 106; Матвеева 2010: 189; Стариценок 2008: 287; Жеребило 2010: 182]). Этот факт, как и суждения выдающихся философов, делают обоснованным включение в предмет лингвоэкологии вопросов позитивного развития языка, его творческого совершенствования и пополнения, что и нашло отражение в нашей упомянутой выше дефиниции лингвоэкологии.

Философия помогает нам также понять, что в предметное поле лингвоэкологии должна быть включена национальная языковая картина мира, национальное языковое сознание. Дело в том, что язык и сознание — взаимообусловленные сущности. Фактически эта мысль содержится в широко известном высказывании Карла Маркса, что «язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание» [Маркс, Энгельс 1955: 29]. А Ханс-Георг Гадамер обращал внимание на то, что «на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир <...>. Язык, в среде которого вырастает человек, определяет вместе с тем его связь с миром и отношение к нему» [Гадамер 1988: 263]. Отсюда следует, что лингвоэкология призвана заниматься не только сбережением и развитием языка как семиотической системы, но и сбережением и развитием национального языкового сознания, национальной языковой картины мира. И это тоже отражено в нашем определении лингвоэкологии.

Есть основание полагать, что в предмет лингвоэкологии должно быть включено рассмотрение с экологических позиций не только языковых единиц, но и целых текстов, прежде всего текстов классической художественной литературы как хранилища и продуцента эталонного (элитного, полнофункционального) литературного языка и национального менталитета, а также инструмента познания «тонких миров». И в первую очередь тексты классической поэзии, поскольку «именно литература, поэзия в частности, обладает способностью проникать в

самые глубокие уровни реальности, открывать то, что порой закрыто даже для философии» [Мамлеев 2009: 173]. Недаром народный поэт Татарстана Ренат Харис, характеризуя гениальную оду Гавриила Державина «Бог», говорит, что Державин «осмелился описать неопишное, объяснить необъяснимое» [Харис 2018], то есть, говоря сугубо прозаически, подчеркивает гносеологическую мощь державинского текста.

Видный философ нашего времени Э. В. Ильенков, полагая, что человеческие чувства не поддаются моделированию на языке математики и кибернетики, заметил: «Так ли уж необходимо его (чувство. — А. С.) „моделировать“ на языке математики и кибернетики? Человечество ведь давно создало весьма совершенный язык, на котором это чувство моделируется гораздо более успешно. Язык настоящей поэзии, настоящей музыки, настоящей живописи. Хороший, точный язык и, главное, понятный» [Ильенков 2014: 115—116]. По сути об этом же говорят философы С. Л. Франк и С. Н. Булгаков. С. Л. Франк: «Человеческое слово само проистекает из „слова Божия“ — из Слова, которое „вначале было у Бога“ и „само было Богом“, — из Логоса, — и есть его отображение, хотя и несовершенное. Об этом свидетельствует уже та форма человеческого слова, в которой оно является в своей полноценности, — поэзия, которая по своему существу не есть ни отвлеченное определение в понятиях или „объективное описание“ предметной реальности, ни чисто субъективное самовысказывание, „исповедь“ поэта как человека, а есть **человеческое откровение тайны первореальности во всей ее — ускользающей от „прозаического“ слова глубине и значительности; она есть некая подслушанная и переданная поэтом „херувимская песнь“ о реальности — голос самой реальности, говорящей о себе самой** (выделено мной. — А. С.)» [Франк 1990: 478]. А С. Н. Булгаков познавательную роль поэзии утверждает цитатой из поэтической книги А. А. Фета «Вечерние огни»:

*Как беден наш язык: хочю и не могу!
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачно
волною:
Напрасно вечное томление сердец!
И клонит голову маститую мудреца
Пред этой ложью роковою.
Лишь у тебя, поэт, крылатый слова
звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный
запах...* [Булгаков 1994: 320].

Из сказанного выше вытекает лингвоэкологическая задача — хранить и популяризировать литературно-художественную, прозаическую и в особенности поэтическую классику; поддерживать творчество начинающих талантов (не графоманов!), памятуя, что «поэзия — нежнейший цветок культуры, в поэзии культура находит свой интимный язык, и тот, кто не владеет *этим* языком, для того закрыто самое главное в культуре. Изучить все новые языки и все древние и не усвоить себе единого и величайшего из языков — язык поэтов, — это значит остаться очень далеко от истинной культуры» [Эрн 1991: 119].

Четвертый вопрос.

О междисциплинарности лингвоэкологии

По сути дела вопрос о междисциплинарности лингвоэкологии не дискуссионен, так как эта междисциплинарность очевидна. Само наименование этой науки содержит в себе указание на эту особенность лингвоэкологии, на ее своего рода гибридность (экология плюс лингвистика). Тем не менее лингвоэкологам приходится обращаться при решении своих задач и к другим наукам. Перечисляя такие науки, исследователи называют разное количество частично не совпадающих дисциплин. Так, например, С. А. Актуганова отмечает связь лингвоэкологии с психолингвистикой, этнолингвистикой, лингвистической антропологией, социолингвистикой и социологией языка, этикой, эстетикой и философией [Актуганова <http>]; Е. В. Семчук полагает, что «ЛЭ взаимодействует с языкознанием, с социо-, психо-, этнолингвистикой, герменевтикой, экологией, биологией, культурологией, этикой, педагогикой, методикой языка и культурой речи» [Семчук 2014], причем эти перечни ничем не аргументированы. По мнению В. П. Коровушкина, «в лингвоэкологическую матрицу входят следующие „донорские“ науки:

– *нелингвистические науки*: экология (биология, социоэкология, экология культуры), антропология, этология, культурология, культурная антропология, социология, этнопсихология, история (народа и государства), политология;

– *междисциплинарные науки* с лингвистическим компонентом: лингвоантропология / антрополингвистика, этнолингвистика, социолингвистика (включая языковую политику и языковое планирование), юрлингвистика, лингвокриминология, психолингвистика, социопсихолингвистика, лингвокогнитология, лингвострановедение, лингвокультурология, теория культуры речи, социолектология, социолексикография;

– *лингвистические науки*: история языка, дисциплины, изучающие языковые контакты и смешение языков; билингвология; семантика; стилистика; лексикология; лексикография; жаргонология; арготология; коллоквиалистика и все более частные дисциплины, исследующие отклонения от литературной нормы на всех языковых уровнях, прежде всего нестандартная лексика, фразеология и паремиология, которые входят в системы профессиональных и корпоративных субязыков и социолектов, а также субкультур, особенно маргинальных (девиантных и антисоциальных)» [Коровушкин 2011: 61].

Как видим, различия между этими списками дисциплин-контактеров велики, и можно представить себе и другие варианты такого рода перечней. Представляется, что при решении вопроса о том, какие дисциплины входят в «лингвоэкологическую матрицу», целесообразно придерживаться следующих соображений.

Во-первых, считать перечень научных дисциплин-контактеров незакрытым и варьирующимся в зависимости от целей, аспектов и условий проводимого исследования. Во-вторых, дифференцировать контактирующие дисциплины с выделением **базовых дисциплин** (экология и лингвистика во всех их разновидностях) и дисциплин, необходимость контакта с которыми обладает значительной степенью вероятности. Как говорит опыт наших наблюдений, это прежде всего философия языка, социология, социолингвистика, культурология, лингвокультурология, этнопсихология, история, когнитология, лингвокогнитология, политология, политическая лингвистика, этика и эстетика — их можно назвать **парабазовыми дисциплинами**; и прочие дисциплины — назовем их **дисциплинами ситуативной необходимости**. Подчеркну, что обращение лингвоэкологии к тем или иным дисциплинам обусловлено главным образом прагматической исследовательской ситуацией. Так, если исследуется смысловая амбивалентность ключевых слов политического дискурса, особенно идеологем, характерных для той или иной эпохи, то придется обратиться прежде всего к истории страны и народа данного периода, к идеям и понятиям социологии, когнитологии, политологии, политической лингвистики, экономики, этики. При рассмотрении проблемы внешних заимствований — к истории, истории культуры, этнопсихологии, экономике, политологии, теории моды, эстетике. И так далее. Следует также иметь в виду, что в любом лингвоэкологическом исследовании проекция проблемы в область философии может оказаться

весьма полезной. Так междисциплинарность лингвоэкологии оборачивается ее полидисциплинарностью.

При решении рассматриваемого вопроса следует также иметь в виду, что речь должна идти о потребностях лингвоэкологии, а не о потребностях дисциплин — кандидатов в контактеры. Покажем это на примере. Так, В. И. Шаховский пишет: «...вскоре подняли вопрос о коммуникативных эмоциональных ситуациях общения, об эмотивной, этологической, экологической функциях языка, а затем и о его терапевтической функции. Постепенно исследователи пришли к мысли о том, что эта функция языка очень тесно связана со здоровьесохранительной деятельностью человека, в том числе и через язык. Таким образом, валеология как наука о сохранении здоровья человека переплелась и с терапевтической функцией языка, и стало возможным выделить как отдельное научное направление лингвоэкологию языка» [Шаховский 2015: 12]. Получается, что валеология породила лингвоэкологию, которая, таким образом, оказывается ее «дочерним предприятием» и «служанкой». Между тем лингвоэкология «родилась» раньше валеологии, и ее задачей является сохранение «здоровья» языка, а не здоровья человека, что является прерогативой и задачей прежде всего медицины; хотя лингвоэкология, как и многие другие науки (например, психология, психолингвистика, социолингвистика, когнитология), имеет **опосредованное** отношение к психическому здоровью человека. Поэтому нет оснований включать лингвоэкологию в область (домен) валеологии, тем более что последняя имеет сомнительный научный статус. Имея в виду сказанное, и нужно решать, в контактах с какими дисциплинами **заинтересована лингвоэкология и соответственно этому выделять дисциплины, входящие в круг лингвоэкологической междисциплинарности**.

Пятый вопрос. О соотношении лингвоэкологии и лингвистики информационно-психологической войны

Этот вопрос тесно примыкает к предыдущему, являясь, собственно говоря, его частью. Здесь нужно иметь в виду, что лингвистика информационно-психологической войны со стороны целеполагания является частью политической лингвистики. Однако те языковые новации, которые возникают как следствие информационно-психологической войны (далее ИПВ), не могут не интересовать лингвоэкологию, так как имеют прямое отношение либо к процессу засорения языка (чаще всего), либо к процессу его обогаще-

ния (что происходит значительно реже и преимущественно в виде появления новых терминов).

Так, например, как следствие ИПВ в русскую речь хлынули многочисленные словесные политические ярлыки типа *ватники, колорады, совки, биомасса, майданутые, либерасты, дерьмократы, гайдареныши, ельциноиды* и проч. Многие из этих ярлыков вышли за пределы окказионального употребления и стали фактически узуализмами, что, кстати, говорит о количественном росте потенциальных средств языковой агрессии в системе языка.

К средствам языковой негативации, нарушающим этико-речевую норму, относятся также разного рода иронические, часто оскорбительные, наименования, прозвища, клички, использующиеся в современном политическом дискурсе: *Азиопа, Рашка, Путлер, Зюгашвили, ПарАшенко, Эльцинд, Рыжий / Ржавый Толик, Чубаучер, Жирик, Кепка* (Лужков), *Пургинян* (Кургинян), *Айфон* (Медведев) и т. п., а также некоторые аббревиатуры: *ЕБН, ВВП*.

В сферу интересов лингвоэкологии включаются также смысловые трансформации и искажения ряда характерных для политического дискурса слов, в том числе искажения манипулятивного характера, которые происходят в результате дряхления иногда десятилетиями идеологического противостояния разных сегментов российского социума. Некоторые ранее стилистически нейтральные слова приобретают негативно-оценочные коннотации или негласно табуируются.

Сравним показания словарей и современной речевой практики, например, для таких слов, как *русские / россияне, элита, национализм*.

Русские / Россияне

В словарях: «Русские <...> Нация, основное население РСФСР, а также лица, относящиеся к этой нации» [Словарь русского языка 1987, т. 3: 742]; «Россиянин <...> Устар. и высок. Русский» [Там же: 732]; «Русские <...> Восточнославянский народ, составляющий основное население России, представители этого народа» [Большой толковый... 1998: 1134], «Россияне <...> Жители, граждане России» [Там же: 1129]; «Русские <...> Народ, составляющий основное коренное население России» [Толковый... 2011: 844], «Россияне <...> 1. То же, что русские (устар., обычно высок.). 2. Общее название населения России» [Толковый... 2011: 840].

В современной публицистике: Это теперь стали подозрительно относиться

к словам и, чтобы никого не обидеть, стали говорить „россияне“ (Литературная Россия. 01.11.1991); ...Само слово „русский“ в течение последних лет как бы табуировано, фактически изгнано из лексикона власти (Завтра. 2006. № 36); Все время прослеживается стремление ныне власть имущих подменить русских безлико официальными „россиянами“... (Русский Вестник. 1996. № 26); С тех пор как советский народ переименовали в совок, коммунизм и социализм обсмеяли, а русский народ тихо слили в российский, в моде стали ругательные оценки... (Литературная газета. 2010. № 30); „Такое понятие, как русский народ, должно исчезнуть вообще“ — Аллен Даллес. Наше правительство всеми силами, правдами и неправдами пытается воплотить эту идею в жизнь, создать новый народ „россияне“, который станет хозяином Русской земли, по образу и подобию Америки (PontiusPilat. Русские или Россияне? URL: https://pikabu.ru/story/russkie_ili_rossiyane_2196695).

Таким образом, можно заметить, что в настоящее время в многозначном слове «россияне» на первое место вышло значение «общее название населения России», а «россияне» в значении «русские» передвинулось на второе место, сохранив квалификацию «устаревшее», но в значительной степени лишившись стилистического оттенка высокого стиля. Наблюдается также, по крайней мере в речевой практике власти, тенденция вытеснить из употребления слово «русские», заменив его «россиянами».

Элита

В словарях: «1. Лучшие, отборные экземпляры, сорта каких-л. растений, животных, получаемые путем селекции.<...> 2. Лучшие представители общества или какой-л его части» [Словарь русского языка 1988, т. 4: 758]; «1. Лучшие представители общества или какой-л. его части <...> || Обычно ирон. Привилегированный слой общества; избранные <...> 2. Спец. Лучшие, отборные экземпляры, сорта каких-л растений, животных, получаемые путем селекции <...>» [Большой толковый... 1998: 1521]; «1. Лучшие растения, семена или животные, по своим качествам наиболее пригодные для разведения, воспроизводства. 2. Лучшие представители какой-н. части общества, группировки, а также люди, относящиеся к верхушке какой-н. организации, группировки (книж.)» [Толковый... 2011: 1125].

В современной публицистике: Но вряд ли были годы в истории страны подлее по отношению к своему народу, чем 90-е годы XX века, когда накипь превратилась в богачей и назвала себя элитой (Комсомоль-

ская правда. 20—27 февр. 2014 г.); *Истоки предательства, истоки этого компрадорского поведения элит сходятся в одной дате — августе 2014 года* (Завтра. 2013. № 52); *...Эти люди все равно не могут быть национальной элитой, потому что они не ощущают себя ответственными за остальных, за менее имущих* (Известия. 2010. № 197); *Эти элиты, как показали годы безвремения, оказались пострашнее всех агрессоров, вместе взятых* (Аргументы и факты. 2013. № 25); *...Высшая элита сознательно обслуживает капиталистический проект по самоуничтожению России* (Литературная газета. 2013. № 27) и т. п.

Видно, что наблюдается тенденция выхода на первое место политического значения слова «элита», причем, согласно показаниям некоторых словарей и публицистических текстов, слово «элита» в этом значении используется с оттенком иронии, а иногда и сарказма.

Национализм

В словарях: «1. Реакционная буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика, основывающаяся на идеях превосходства и исключительности какой-л. нации и оправдывающая господство одних наций над другими <...> 2. Национальное движение в поработанных странах за национальную независимость против империализма, колониализма» [Словарь русского языка 1986, т. 2: 413]; «1. Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющая общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам. <...> 2. Проявление чувства национального превосходства, идей национального антагонизма, национальной замкнутости <...>» [Большой толковый... 1998: 152]; «1. Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим. 2. Проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости <...>» [Толковый... 2011: 500].

Таким образом, толковые словари как советского, так и постсоветского времени, отражающие официальную точку зрения, предъявляют дефиниции лексического значения слова «национализм», однозначно характеризующие его как социально негативное и вредное явление, сблизжая его с понятиями шовинизма и нацизма.

Однако **в современной публицистике** можно встретить много случаев положительной трактовки сути национализма. Приведем несколько примеров: *...Многие, даже высокопоставленные чиновники путают*

нацизм и национализм, не видят между ними разницы. Но если с тем, что нацизм разрушителен для нации, можно согласиться, то без здорового национализма не может существовать ни нация, ни народ. Как раз здоровый национализм создает нацию, а не наоборот (Литературная газета. 2014. № 1—2); *...Многие, начиная с высоких думских чинов, стремятся наполнить национализм самым черным смыслом, превращая категорию в жупел. Между тем, не понимая или ложно толкуя термин „национализм“, невозможно воспитать национальное самосознание* (Русский вестник. 2014. № 25); *...Национализм важнее, чем патриотизм, потому что это любовь к своему народу, а патриотизм — это любовь к месту своего рождения или жизни, или любовь к своей стране. Эти вещи тоже взаимосвязаны, но тут тоже должна быть иерархия, а в основе всего — любовь к своему народу* (Русский вестник. 2015. № 2); *Созидательный национализм — это богатая и сильная Россия для всех, кто ее любит. Это защита русской культуры. Это разумное самоограничение новой буржуазии и правящей элиты в пользу бедных слоев населения. Глубокие реформы невозможны без национальной мобилизации* (Аргументы и факты. 2015. № 25); *В связи с многими событиями, происходящими сегодня в Греции и других странах Европейского союза, я, как и многие, считаю, что единственным ответом как для моей Родины, так и для всей Европы, является национализм. Несомненно, только национальное правительство может дать свободную страну, сможет избавить от страха перед нелегальными мигрантами, сможет противостоять агрессии на экономическом уровне, остановит моральное, культурное унижение народа* (Завтра. 2013. № 52).

На неадекватность понимания и толкования слова «национализм» обращает внимание, например, известный социолог и культуролог Ксения Касьянова (В. Ф. Чеснокова) в своей монографии «О русском национальном характере»: «Надо сказать, что у нас до сего времени в обыденном сознании постоянно путаются понятия „национализм“ и „нацизм“, и на первое понятие автоматически переносятся отрицательные характеристики второго. Поэтому до сих пор мы боимся говорить открыто и свободно о национальных принципах, национализме как защите национальной культуры не только от нападков извне, но и от внутреннего ослабления и разрушения, которые неизбежно сопутствуют такой боязни обсуждения национальных проблем» [Касьянова 2003: 509].

Интересны и убедительны суждения авторитетных в России людей о двух типах национализма, например: «Да, непримиримые формы всякого, без исключения всякого на Земле национализма есть болезнь. И больной национализм опасен, вреден прежде всего для своего же народа. Но не крайней гневливой бранью, а совестящим вразумлением можно и нужно обращать его в национализм строительный, созидающий. Без которого ни один народ в истории не выстроил своего бытия» [Солженицын... 1998: 150—151]. Мысль о двух типах национализма нашла отражение даже в учебной литературе (см., напр.: [Исаев, Баранов 2012: 416—417]).

У некоторых позитивно окрашенных или стилистически нейтральных слов и устойчивых словосочетаний формируется двойная, позитивно-негативная, оценочная коннотация по причине противоположного отношения к обозначаемым ими феноменам со стороны конфликтующих страт общества, а иногда из-за социальной дискредитации соответствующих слов-понятий (ввиду расхождения слова и дела). Эти альтернативные оценочные коннотации возникли, например, у таких слов, как *модернизация, демократия, реформа, толерантность, права человека, цивилизованные страны, общечеловеческие ценности, национальная идея* и др. Покажем это на нескольких примерах:

– В рамках пенсионной **реформы** введены повышенные взносы для предприятий с вредными либо тяжелыми условиями труда (Известия. 2014.06.05) — ср.: *Есть научные термины и есть перевод этих терминов на русский язык. Так, есть научный термин „реформа“. На русский язык переводится как „уничтожение“. <...> Точно так же слово „приватизация“ на современном русском языке означает „разграбление“* (Завтра. 2016. № 11);

– Соединенные Штаты приняли на себя обязательства **гарантировать фундаментальные права человека** в борьбе с терроризмом, в том числе право на честный суд, и запретить произвольное задержание (РИА «Новости». 2014.01.10) — ср.: *Обозревая ближайшее двадцатилетие нашей жизни, я поражаюсь, что не находится ни одного человека, который бросил бы нравственный вызов бессовестности сегодняшнего времени с его политическим курсом игры с правами человека. Все эти годы под разговоры о свободе совести разрушается право души быть нравственной...* (Литературная газета. 2006. № 15);

– *„Нам важно, чтобы будущие поколения воспитывались не на компьютерных играх,*

в которых люди охотятся на людей, а на книгах, прививающих общечеловеческие ценности“, — убежден Ильяз Муслимов (Комсомольская правда. 2011.04.01) — ср.: *...Но возвращалась армия в другую страну — страну Горбачева, который лепетал об общечеловеческих ценностях и о том, что Европа — наш общий дом. Очень скоро наш „общий дом“ Европа вместе с натовскими танками приблизился к Пскову, и общечеловеческими ценностями стали европейские гомосексуалисты, занявшие посты мэров и президентов* (Завтра. 2019. № 6);

– *Страна стабильна, если она чем-то или кем-то скреплена. В силу государственного устройства России страна должна управляться из единого центра. Другого никогда не было и, думаю, не будет. Но должна существовать идеология, разделяемая большинством населения, которая призвана объединять и скреплять этот гигантский механизм* (Аргументы и факты. 2016. № 19) — ср.: *Идеология, будь то левая, правая, националистическая, консервативная, модернистская, какая угодно, не может решить ни одной проблемы* (Известия. 2014.04.25);

– *Как показывают примеры самых разных стран, времени на это уходит немного, тем более что та самая глобализация, которая, как считается, губит отечественное производство, на самом деле играет ему на руку — технологии покупаются и продаются на мировом рынке свободно, а то самое страшное ВТО запрещает подобной купле-продаже препятствовать* (Известия. 2014.01. 22) — ср.: *Для этого самим левым следовало бы иметь современное (а не переписанное из публицистики позапрошлого века) представление о том, как устроен мир, из каких общественных классов на самом деле состоит так называемое постиндустриальное общество, что такое глобализация и почему ее идеология (фактически уже религия) так агрессивно „освобождает“ человека от морали, родины, профсоюза, церкви, семьи, литературы, театра и в конечном итоге — от самого себя как разумного существа* (Известия. 2014.01.27).

Заметим, что в данных оппозициях как позитивные, так и негативные коннотации слов-идеологем не окказиональны, а узуальные.

К большим лексико-фразеологическим утратам в языковом сознании нескольких поколений россиян привела многолетняя борьба атеистического правящего класса с православием, в частности выразившаяся в недопущении в школу филологического изучения Библии и церковнославянского языка

как одной из основ современного русского литературного языка. В результате из лексикона многих (очень многих) россиян ушли как «устаревшие» слова, обладающие высокой этической ценностью, такие как *благословивший, добродетельный, душепитательный, целомудренный* и *целомудрие, нестяжательство, благоговение, воздержание, незлобивость, искупление* и многие другие. Такое языковое беспамятство свойственно нескольким поколениям русскоязычных россиян.

Процессы, происходящие в топонимике под влиянием идеологического противоборства, тоже не безразличны для лингвоэкологии. Одну из ситуаций в этой области охарактеризую с помощью анекдота: «Уфологи гадают, почему инопланетяне с нами в контакт не вступают. А потому и не вступают, что попробуют понять, почему город называется Санкт-Петербург, а область вокруг него Ленинградская, и сойдут с ума» (АиФ. 2012. № 12). Россияне оказались крепче инопланетян: они не сходят с ума также и оттого, что Вятка стоит посреди Кировской области, Екатеринбург посреди Свердловской области, а в Красноярске одна из центральных улиц по-прежнему называется улицей Диктатуры Пролетариата. Кстати, автор этой статьи живет в Красноярске на улице Карла Маркса (бывшая Гостинская), в доме, на первом этаже которого располагается библиотека имени Ленинского комсомола (и все это — в капиталистической России!).

Разумеется, не может лингвоэкология не реагировать на информационно-психологическую войну, объявленную русскому языку зарубежными и отечественными русофобами, которые доходят до призывов сделать английский язык языком российской высшей школы и даже фактически государственным языком Российской Федерации [Яковенко 2012] (реакцию на статью И. Г. Яковенко см. в публикациях: [Кирилина 2012; Кирилина 2013; Худиев [http](#)]). Не может также лингвоэкология не реагировать на регулярное и планомерное сокращение часов, отводимых на преподавание русского языка и литературы в школе, в пользу преподавания английского языка, причем с самого раннего возраста, что чревато не только снижением грамотности, но и ментальными мутациями у молодого поколения россиян. Не зря еще А. А. Потебня предупреждал, что «знание двух языков в раннем возрасте не есть обладание двумя системами изображения и сообщения одного и того же круга мыслей, но раздвояет этот круг и наперед затрудняет достижение цельности мирозерцания, мешает научной абстракции» [Потебня 1993: 166—167]. И советовал, чтобы «ознакомле-

ние учащихся с иностранными языками начиналось лишь тогда, когда они достаточно укрепились в знании своего» [Там же: 169].

В этой связи нельзя не упомянуть такое массовое явление, как вывески торговых и других коммерческих предприятий в русских городах на английском языке без перевода на русский язык. Это свидетельствует об отсутствии у многих наших соотечественников, в том числе обладающих статусом муниципальных руководителей, чувства национального достоинства.

Упомянутые в последних двух пунктах явления диагностируют затянувшуюся социальную болезнь, которую известный мыслитель нашего времени Александр Александрович Зиновьев назвал *западнизмом* [Зиновьев 2008], а писатель и общественный деятель XVII в. Юрий Крижанич — *чужебием* [Крижанич [http](#)]. Думаю, что приведенных фактов достаточно, для того чтобы считать естественными и целесообразными тесные контакты лингвоэкологии и лингвистики информационно-психологической войны.

Итак, на основании всего сказанного можно сделать такие краткие **выводы**.

1. Лингвоэкология и эколингвистика не синонимы, а названия дисциплин, относящихся к разным научным сферам, имеющим разные объекты и задачи: лингвоэкология — к сфере экологии, эколингвистика — к сфере лингвистики.

2. Лингвоэкология и теория культуры речи — близкие по объекту, целям и методологии дисциплины с разными предметами и не совпадающими аксиологическими критериями. У лингвоэкологии на первом плане — язык со всеми его уровнями в аспекте оппозиции концептов *вредно / полезно, перспективно / неперспективно*; у теории культуры речи на первом плане — речь во всех ее разновидностях в аспекте концептуальных оппозиций *правильно* (нормативно) / *неправильно* (ненормативно), *уместно / неуместно, эффективно / неэффективно*. Речевые факты интересуют лингвоэкологию в той мере, в которой они нужны для экологических выводов в отношении языка.

3. Онтологическая полнота содержания понятия «лингвоэкология» предполагает включение в него изучения не только деградиционных процессов, но и процессов положительного развития языка, а также состояния национального языкового сознания. Представляется также обоснованным включение в предметное поле лингвоэкологии с ее специфическими задачами текстов прозаической и поэтической классики как хранителей и продуцентов эталонного литературного языка и национальной ментальности.

4. Перечень научных дисциплин-контактеров следует считать открытым и варьирующимся в зависимости от целей, аспектов и условий проводимого исследования. Дисциплины-контактеры естественным образом делятся на **базовые дисциплины** (экология и лингвистика); **парабазовые дисциплины**, потребность в которых вероятно велика (философия языка, социология, социолингвистика, культурология, лингвокультурология, этнопсихология, история, когнитология, лингвокогнитология, политология, политическая лингвистика, этика и эстетика), и прочие дисциплины, которые предлагается назвать **дисциплинами ситуативной необходимости**. Обращение лингвоэкологии к тем или иным дисциплинам обусловлено главным образом прагматической исследовательской ситуацией.

5. Контакты лингвоэкологии с лингвистикой информационно-психологической войны целесообразны и неизбежны, так как языковые новации, возникающие как следствие ИПВ, имеют прямое отношение либо к процессу засорения, порчи языка, либо (значительно реже) к процессу его обогащения. В проблематику лингвоэкологии вписываются, например, такие явления публичной коммуникации, как рост количества и разнообразия словесных политических ярлыков и прозвищ; изменение лексического значения некоторых слов-идеологем в направлении негативации обозначаемых ими феноменов; развитие у некоторых слов, характерных для политического дискурса, двойной (позитивно-негативной) эмоционально-оценочной коннотации; вопиющие идеологические противоречия в сфере топонимики, прежде всего городской; навязывание через средства массовой информации и по другим каналам не мотивированных необходимостью, но «модных» иноязычных заимствований и другие явления.

Представленные в статье ответы на предложенные вопросы требуют дальнейшего обсуждения с целью нахождения консенсусных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева К. А., Дзида Н. Н., Зятькова Л. Я. Этическая лингвоэкология человека нравственного : коллектив. моногр. — Тюмень : Вектор Бук, 2012. 160 с.
2. Актуганова С. А. Основные направления современных лингвоэкологических исследований [Электронный ресурс] // Новое слово в науке: перспективы развития : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 мая 2015 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 253—255. URL: https://interactive-plus.ru/article/9138/discussion_platform (дата обращения: 20.04.2019).
3. Башляр Г. Новый рационализм : пер. с фр. / предисл. и общ. ред. А. Ф. Зотова. — М. : Прогресс, 1987. 376 с.
4. Бернацкая А. А. О трех аспектах экологии языка // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2003. № 4. С. 32—38.

5. Большой толковый словарь русской разговорной экспрессивной речи. — СПб. : Норинт, 2004. 768 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
7. Булгаков С. Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. — М. : Республика, 1994. 415 с.
8. Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. — М. : Прогресс, 1988. 704 с.
9. Гиренок Ф. И. Без надежды на успех // Литературная газета. 2012. № 52.
10. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение [Электронный ресурс] / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. — М. : Канон, 1995. 352 с. URL: <http://www.opente.xtnn.ru/man/?id=4447> (дата обращения: 20.04.2019).
11. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона : ок. 450 слов / под общ. рук. Р. И. Розинной. — М. : Азбуковник, 1999. 320 с.
12. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
13. Зиновьев А. А. Русская трагедия. — М. : Алгоритм : Эксмо, 2008. 608 с.
14. Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии. Что там, в Зазеркалье? — М. : Книжный дом «Либроком», 2014. 128 с.
15. Ионова С. В. Основные направления эколлингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вест. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 86—93.
16. Исаев Б. А., Баранов Н. А. Современная российская политика : учеб. пособие для бакалавров. — СПб. : Питер, 2012. 448 с.
17. Касьянова К. О русском национальном характере. — М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. 560 с.
18. Кирилина А. В. Глобализация и судьба языков // Литературная газета. 2012. № 5.
19. Кирилина А. В. Останется ли русский великим и могучим? // Литературная газета. 2013. № 18.
20. Коношкевич М. И. Экология языка и языковой личности в медиапространстве // Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. «Социальные и гуманитарные науки: образование и общество» (23 мая 2014 г.) / Новгород. филиал «Ун-та Рос. акад. образования». — Н. Новгород, 2014. С. 16—22.
21. Коровушкин В. П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // Вестн. Череповец. гос. ун-та. Филологические науки. 2011. № 1. С. 60—64.
22. Крижанич Ю. Политика [Электронный ресурс]. URL: www.hrono.ru/libris/lib_k/krizh12.php (дата обращения: 20.04.2019).
23. Курашкина Н. А. Истоки и пути развития эколлингвистики [Электронный ресурс] // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2016а. Т. 15. С. 246—250. URL: <https://e-koncept.ru/2016/86950.html> (дата обращения: 19.04.2019).
24. Курашкина Н. А. Основные направления современной российской эколлингвистики [Электронный ресурс] // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2016б. Т. 2. С. 166—170. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46040.htm> (дата обращения: 19.04.2019).
25. Курашкина Н. А. Эколлингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 143—156.
26. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. — М. : Политиздат, 1991. 525 с.
27. Мамлеев Ю. В. Русские походы в тонкий мир. — М. : АСТ : Зебра Е, 2009. 254 с.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. — М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1955. Т. 3. С. 11—81.
29. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. — Ростов н/Д. : Феникс, 2010. 562 с.
30. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб. : Норинт, 2001. 720 с.
31. Ницше Ф. Так говорил Заратустра [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt> (дата обращения: 20.04.2019).

32. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
33. Потебня А. А. Язык и народность // Мысль и язык / А. А. Потебня. — Киев: Синто, 1993. С. 158—185.
34. Потеряхина И. Н. Лингвоэкологические характеристики англоязычной виртуальной корпоративной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2015. 185 с.
35. Потеряхина И. Н. Лингвоэкологические характеристики англоязычной виртуальной корпоративной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2015. 25 с.
36. Потеряхина И. Н. Теоретические основы эколингвистических исследований [Электронный ресурс]. URL: <https://pglu.ru/upload/iblock/e38/p30037.pdf> (дата обращения: 19.04.2019).
37. Розанов В. В. Философские влияния в русском обществе // Собр. соч. Природа и история (статьи и очерки 1904—1905 гг.) / В. В. Розанов; под общ. ред. А. Н. Николюкина; сост. А. Н. Николюкина, П. П. Апрышко, О. В. Быстровой. — М.: Республика; СПб.: Росток, 2008а. С. 119—129.
38. Розанов В. В. Две философии (критическая заметка) // Собр. соч. Природа и история (статьи и очерки 1904—1905 гг.) / под общ. ред. А. Н. Николюкина; сост. А. Н. Николюкина, П. П. Апрышко, О. В. Быстровой. — М.: Республика; СПб.: Росток, 2008б. С. 149—152.
39. Семчук Е. В. Лингвоэкология как междисциплинарная наука [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 1233—1235. URL: <https://moluch.ru/archive/63/9073/> (дата обращения: 01.06.2019).
40. Сковородников А. П. Экология русского языка: моногр. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.
41. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. П—Р / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1987. 752 с.
42. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. С—Я / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1988. 800 с.
43. Словарь социолингвистических терминов. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2006. 312 с.
44. Солженицын А. И. Россия в обвале. — М.: Русский путь, 1998. 208 с.
45. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. — Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 811 с.
46. Сущенко Е. А. Педагогическая лингвоэкология как фактор безопасности жизнедеятельности субъектов образовательного процесса: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. — СПб., 2013. 60 с.
47. Сущенко Е. А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / под ред. д-ра пед. и филол. наук, проф. Л. Г. Татарниковой. — СПб.: Петрополис, 2011. 424 с.
48. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.
49. Франк С. Л. Непостижимое // Соч. / С. Л. Франк. — М.: Правда, 1990. С. 183—528.
50. Франк С. Л. Русское мировоззрение [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriotica.ru/reli_gion/frank_rus_mir_.html (дата обращения: 20.04.2019).
51. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М.: АСТ-ЛТД, 1998. 698 с.
52. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер. — М.: Гнозис, 1993. С. 168—217.
53. Харис Р. Великое поэтическое изъяснение великих таинств. Ода «Бог» Гавриила Державина достойна переводов на все языки // Литературная газета. 2018. № 29.
54. Худиев Сергей. Туземная философия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/52354.html> (дата обращения: 20.04.2019).
55. Шаховский В. П. Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности [Электронный ресурс] // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. № 1. С. 11—18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/emotsionalnaya-kommunikatsiya-kak-moderator-modusa-ekologichnosti> (дата обращения: 19.04.2019).
56. Эрн В. Ф. Борьба за Логос. Культурное непонимание // Соч. / В. Ф. Эрн. — М.: Правда, 1991. С. 109—126.
57. Яковенко И. Г. Что делать? [Электронный ресурс] // Новая газета. 2012. № 29. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/03/15/48804-cto-delat> (дата обращения: 19.04.2019).
58. Ясперс К. Т. Введение в философию [Электронный ресурс]. URL: https://www.ereading.club/bookreader.php/96538/Yaspers_-_Vvedenie_v_filosofiyu.html (дата обращения: 19.04.2019).
59. PontiusPilat. Русские или Россияне? [Электронный ресурс]. URL: https://pikabu.ru/story/russkie_ili_rossiyane_2196695 (дата обращения: 19.04.2019).

A. P. Skovorodnikov

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-0171-596x

 E-mail: skapnat@mail.ru.

On Some Unanswered Questions of the Linguo-Ecological Theory

ABSTRACT. *The article contains answers to the questions raised for discussion at the Russian Scientific Seminar “Ecology of Language and Modern Communicative Practices”, held in April 23—24, 2019 at the Siberian Federal University. Taking into account the growing interest of the world scientific community in ecological issues, and specifically, in the ecology of language and its various interpretations, as well as in the concepts of its subject area, the seminar organizers suggested the following questions (topics) for discussion: 1) linguoecology or ecolinguistics: identical or different?; 2) linguoecology and speech culture: distinction between the concepts; 3) substantiation of the subject field of linguoecology / ecolinguistics; 4) interdisciplinarity of linguoecology / ecolinguistics; 5) areas of linguoecological / ecolinguistic research in Russia and abroad; 6) relationship between ecology of language and linguistics of information and psychological warfare. The article provides a brief justification of the author’s point of view on the solution of the questions raised, except for the fifth one which requires a detailed analytical review. The author hopes that the discussion of these issues will continue on the pages of the journal.*

KEYWORDS: *linguoecology; ecolinguistics; ecology of language; speech culture; subject field; interdisciplinarity; information and psychological warfare.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Skovorodnikov Aleksandr Petrovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

FOR CITATION: *Skovorodnikov, A. P. On Some Unanswered Questions of the Linguo-Ecological Theory / A. P. Skovorodnikov // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 12-25. — DOI 10.26170/pl19-05-01.*

REFERENCES

1. Andreeva K. A., Dzida N. N., Zyat'kova L. Ya. Ethical Linguoecology of Moral Man : collective. monograph. — Tyumen : Vector Beech, 2012. 160 p. [Eticheskaya lingvoekologiya cheloveka nravstvennogo : kollektiv. monogr. — Tyumen' : Vektor Buk, 2012. 160 s.]. — (In Rus.)
2. Aktuganova S. A. The Main Directions of Modern Linguoecological Research [Electronic resource] // A New Word in Science: Development Prospects: Materials of the IV Intern. scientific-practical conf. (Cheboksary, May 29, 2015) / editorial: O. N. Shirokov [et al.]. — Cheboksary : Central nervous system "Interactive plus", 2015. P. 253—255. [Osnovnye napravleniya sovremennykh lingvoekologicheskikh issledovaniy // Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya : materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 29 maya 2015 g.) / redkol.: O. N. Shirokov [i dr.]. — Cheboksary : TsNS «Interaktiv plus», 2015. S. 253—255]. URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/9138/discussion_platform (date of access: 20.04.2019). — (In Rus.)
3. Bashlyar G. New Rationalism : transl. from Fr. / foreword and commonly., ed. by A. F. Zotov. — Moscow : Progress, 1987. 376 p. [Novyy rationalizm : per. s fr. / predisl. i obshch. red. A. F. Zotova. — M. : Progress, 1987. 376 s.]. — (In Rus.)
4. Bernatskaya A. A. On Three Aspects of the Ecology of Language // Journal of Krasnoyarsk State Univ. Humanitarian Sciences. 2003. No. 4. P. 32—38. [O trekh aspektakh ekologii yazyka // Vestn. Krasnoyarsk. gos. un-ta. Gumanitarnye nauki. 2003. № 4. S. 32—38]. — (In Rus.)
5. A Large Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Expressive Speech. — St. Petersburg : Norint, 2004. 768 p. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi. — SPb. : Norint, 2004. 768 s.]. — (In Rus.)
6. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. and ch. ed. by S. A. Kuznetsov. — St. Petersburg : Norint, 1998. 1536 p. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 1998. 1536 s.]. — (In Rus.)
7. Bulgakov S. N. Non-evening Light: Contemplation and Speculation. — Moscow : Republic, 1994. 415 p. [Svet nevecherniy: sozertsaniya i umozreniya. — M. : Respublika, 1994. 415 s.]. — (In Rus.)
8. Gadamer Kh. G. Truth and Method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics. — Moscow : Progress, 1988. 704 p. [Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki. — M. : Progress, 1988. 704 s.]. — (In Rus.)
9. Girenok F. I. Without Hope of Success // Literary Newspaper. 2012. No. 52. [Bez nadezhdy na uspekhn // Literaturnaya gazeta. 2012. № 52]. — (In Rus.)
10. Dyurkgeym E. Sociology. Its Subject, Method, Purpose [Electronic resource] / transl. from Fr., comp., afters. and approx. by A. B. Hoffmann. — Moscow : Canon, 1995. 352 p. [Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie / per. s fr., sost., poslesl. i prim. A. B. Gofmana. — M. : Kanon, 1995. 352 s.]. URL: <http://www.opente.xtnn.ru/man/?id=4447> (date of access: 20.04.2019). — (In Rus.)
11. Ermakova O. P., Zemskaya E. A., Rozina R. I. Words that We All Met: Explanatory Dictionary of Russian General Jargon : approx. 450 words / under total. chief of R. I. Rozina. — Moscow : Azbukovnik, 1999. 320 p. [Slova, s kotorymi my vse vstrechalis': tolkovyy slovar' russkogo obshchego zhargona : ok. 450 slov / pod obshch. ruk. R. I. Rozinoy. — M. : Azbukovnik, 1999. 320 s.]. — (In Rus.)
12. Zhrebilo T. V. Dictionary of Linguistic Terms. Ed. 5th, fix and add. — Nazran : Pilgrim, 2010. 486 p. [Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e, ispr. i dop. — Nazran' : Pilgrim, 2010. 486 s.]. — (In Rus.)
13. Zinov'ev A. A. Russian Tragedy. — Moscow : Algorithm : Eksmo, 2008. 608 p. [Russkaya tragediya. — M. : Algoritm : Eksmo, 2008. 608 s.]. — (In Rus.)
14. Il'enkov E. V. On the Aesthetic Nature of Fantasy. What is There in the Looking Glass? — Moscow : Book House Librocom, 2014. 128 p. [Ob esteticheskoy prirode fantazii. Chto tam, v Zerkale? — M. : Knizhnyy dom «Librocom», 2014. 128 s.]. — (In Rus.)
15. Ionova S. V. The Main Directions of Ecolinguistic Research: Foreign and Domestic Experience // Proceedings of Volgograd State Univ. Ser. 2. Linguistics. 2010. No. 1 (11). P. 86—
93. [Osnovnye napravleniya ekolingvisticheskikh issledovaniy: zarubezhnyy i otechestvennyy opyt // Vest. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2. Yazykoznanie. 2010. № 1 (11). S. 86—93]. — (In Rus.)
16. Isaev B. A., Baranov N. A. Contemporary Russian Politics : teaching aid for bachelors. — St. Petersburg : Peter, 2012. 448 p. [Sovremennaya rossiyskaya politika : ucheb. posobie dlya bakalavrov. — SPb. : Piter, 2012. 448 s.]. — (In Rus.)
17. Kas'yanova K. On the Russian National Character. — Moscow : Academic Project ; Ekaterinburg : Business Book, 2003. 560 p. [O russkom natsional'nom kharaktere. — M. : Akademicheskiiy proekt ; Ekaterinburg : Delovaya kniga, 2003. 560 s.]. — (In Rus.)
18. Kirilina A. V. Globalization and the Fate of Languages // Literary Newspaper. 2012. No. 5. [Globalizatsiya i sud'ba yazykov // Literaturnaya gazeta. 2012. № 5]. — (In Rus.)
19. Kirilina A. V. Will the Russian Remain Great and Powerful? // Literary Newspaper. 2013. No. 18. [Ostanetsya li russkiy velikim i moguchim? // Literaturnaya gazeta. 2013. № 18]. — (In Rus.)
20. Konyushkevich M. I. Ecology of Language and Linguistic Personality in the Media // Materials of the V Intern. scientific-practical Conf. "Social and Human Sciences: Education and Society" (May 23, 2014) / Novgorod branch of the University of Rus. Acad. of Education. — N. Novgorod, 2014. P. 16—22. [Ekologiya yazyka i yazykovoy lichnosti v mediaprostranstve // Materialy V Mezhdunaro. nauch.-prakt. konf. «Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: obrazovanie i obshchestvo» (23 maya 2014 g.) / Novgorod. filial «Un-ta Ros. akad. obrazovaniya». — N. Novgorod, 2014. S. 16—22]. — (In Rus.)
21. Korovushkin V. P. The Main Attributes of Linguoecology as an Autonomous Interdisciplinary Branch of Linguistics // Journ. of Cherepovets State Univ. Philological Sciences. 2011. No 1. P. 60—64. [Osnovnye atributy lingvoekologii kak avtonomnyy mezhdistsiplinarnyy otrasli yazykoznaniya // Vestn. Cherepovets. gos. un-ta. Filologicheskie nauki. 2011. № 1. S. 60—64]. — (In Rus.)
22. Krizhanich Yu. Politics [Electronic resource]. [Politika]. URL: www.hrono.ru/libris/lib_k/krizh12.php (date of access: 20.04.2019). — (In Rus.)
23. Kurashkina N. A. Sources and Developmental Paths of Ecolinguistics [Electronic resource] // Concept : Scientific Method. electron. Journal. 2016a. Vol. 15. P. 246—250. [Istoki i puti razvitiya ekolingvistiki // Kontsept : nauch.-metod. elektron. zhurn. 2016a. T. 15. S. 246—250]. URL: <https://e-koncept.ru/2016/86950.htm> (date of access: 19.04.2019).
24. Kurashkina N. A. The Main Directions of Modern Russian Ecolinguistics [Electronic resource] // Concept : Scientific Method. Electron. Journal. 2016b. Vol. 2. P. 166—170. [Osnovnye napravleniya sovremennoy rossiyskoy ekolingvistiki // Kontsept : nauch.-metod. elektron. zhurn. 2016b. T. 2. S. 166—170]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46040.htm> (date of access: 19.04.2019).
25. Kurashkina N. A. Ecolinguistics or Linguoecology? The Terminological Dilemma of an Interdisciplinary Scientific Field // Ecology of language and Communicative Practice. 2015. No. 2. P. 143—156. [Ekolingvistika ili lingvoekologiya? Terminologicheskaya dilemma mezhdistsiplinarnoy nauchnoy oblasti // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2015. № 2. S. 143—156]. — (In Rus.)
26. Losev A. F. Philosophy. Mythology. The Culture. — Moscow : Politizdat, 1991. 525 p. [Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura. — M. : Politizdat, 1991. 525 s.]. — (In Rus.)
27. Mamleev Yu. V. Russian Campaigns in the Thin World. — Moscow : AST : Zebra E, 2009. 254 p. [Russkie pokhody v tonkiy mir. — M. : AST : Zebra E, 2009. 254 s.]. — (In Rus.)
28. Marks K., Engel's F. German Ideology // Works. — Moscow : State. Publ. House of Political Literature, 1955. Vol. 3. P. 11—81. [Nemetskaya ideologiya // Soch. — M. : Gos. izd-vo polit. literatury, 1955. T. 3. S. 11—81]. — (In Rus.)
29. Matveeva T. V. Complete Dictionary of Linguistic Terms. — Rostov on Don : Phoenix, 2010. 562 p. [Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov. — Rostov n/D. : Feniks, 2010. 562 s.]. — (In Rus.)
30. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Large Dictionary of Russian Slang. — St. Petersburg : Norint, 2001. 720 p. [Bol'shoy slovar' russkogo zhargona. — SPb. : Norint, 2001. 720 s.]. — (In Rus.)

31. Nietzsche F. So Said Zarathustra [Electronic resource]. [Tak govorit Zarathustra]. URL: <http://lib.ru/NICSH/zarathustra.txt> (date of access: 20.04.2019). — (In Rus.)
32. Panarin A. S. Orthodox Civilization in the Global World. — Moscow : Algorithm, 2002. 496 p. [Pravoslavnaya tsivilizatsiya v global'nom mire. — M. : Algoritm, 2002. 496 s.]. — (In Rus.)
33. Potebnya A. A. Language and Nationality // Thought and Language / A. A. Potebnya. — Kiev : Shinto, 1993. P. 158—185. [Yazyk i narodnost' // Mysl' i yazyk / A. A. Potebnya. — Kiev : Sinto, 1993. S. 158—185]. — (In Rus.)
34. Poteryakhina I. N. Linguoecological Characteristics of English-speaking Virtual Corporate Communication : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Pyatigorsk, 2015. 185 p. [Lingvoekologicheskie kharakteristiki angloyazychnoy virtual'noy korporativnoy kommunikatsii : dis. ... kand. filol. nauk. — Pyatigorsk, 2015. 185 s.]. — (In Rus.)
35. Poteryakhina I. N. Linguoecological Characteristics of English-speaking Virtual Corporate Communication : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Pyatigorsk, 2015. 25 p. [Lingvoekologicheskie kharakteristiki angloyazychnoy virtual'noy korporativnoy kommunikatsii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Pyatigorsk, 2015. 25 s.]. — (In Rus.)
36. Poteryakhina I. N. Theoretical Foundations of Ecolinguistic Research [Electronic resource]. [Teoreticheskie osnovy ekolinguisticheskikh issledovaniy]. URL: <https://pglu.ru/upload/iblock/e38/p30037.pdf> (date of access: 19.04.2019). — (In Rus.)
37. Rozanov V. V. Philosophical Influences in Russian Society // Collected Works. Nature and History (articles and essays of 1904—1905) / V. V. Rozanov ; under the general. ed. of A. N. Nikolyukina ; comp. A. N. Nikolyukin, P. P. Apryshko, O. V. Bystrova. — Moscow : Republic ; St. Petersburg : Rostock, 2008a. P. 119—129. [Filosofskie vliyaniya v russkom obshchestve // Sobr. soch. Priroda i istoriya (stat'i i ocherki 1904—1905 gg.) / V. V. Rozanov ; pod obshch. red. A. N. Nikolyukina ; sost. A. N. Nikolyukina, P. P. Apryshko, O. V. Bystroyov. — M. : Respublika ; SPb. : Rostok, 2008a. S. 119—129]. — (In Rus.)
38. Rozanov V. V. Two Philosophies (Critical Note) // Collected Works. Nature and History (articles and essays of 1904—1905) / under the general. ed. of A. N. Nikolyukina ; comp. A. N. Nikolyukin, P. P. Apryshko, O. V. Bystrova. — Moscow : Republic ; St. Petersburg : Rostock, 2008b. P. 149—152. [Dve filosofii (kriticheskaya zametka) // Sobr. soch. Priroda i istoriya (stat'i i ocherki 1904—1905 gg.) / pod obshch. red. A. N. Nikolyukina ; sost. A. N. Nikolyukina, P. P. Apryshko, O. V. Bystroyov. — M. : Respublika ; SPb. : Rostok, 2008b. S. 149—152]. — (In Rus.)
39. Semchuk E. V. Linguoecology as an Interdisciplinary Science [Electronic resource] // Young Scientist. 2014. No. 4. P. 1233—1235. [Lingvoekologiya kak mezhdistsiplinarnaya nauka // Molodoy uchenyy. 2014. № 4. S. 1233—1235]. URL: <https://moluch.ru/archive/63/9073/> (date of access: 01.06.2019).
40. Skovorodnikov A. P. Ecology of the Russian Language : monograph. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2016. 388 p. [Ekologiya russkogo yazyka : monogr. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. 388 s.]. — (In Rus.)
41. Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Vol. 3. P — R / USSR Academy of Sciences, Inst. of lang ; under the editorship of A. P. Evgenieva. 3rd ed., Ster. — Moscow : Russian language, 1987. 752 p. [Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 3. P—R / AN SSSR, In-t rus. yaz. ; pod red. A. P. Evgen'evoy. 3-e izd., ster. — M. : Russkiy yazyk, 1987. 752 s.]. — (In Rus.)
42. Dictionary of the Russian Language. In 4 vol. Vol. 4. S — Ya / AN USSR, Institute of Rus. lang ; under the editorship of A. P. Evgenieva. 3rd ed., Ster. — Moscow : Russian language, 1988. 800 p. [Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4. S—Ya / AN SSSR, In-t rus. yaz. ; pod red. A. P. Evgen'evoy. 3-e izd., ster. — M. : Russkiy yazyk, 1988. 800 s.]. — (In Rus.)
43. Dictionary of Sociolinguistic Terms. — Moscow : Inst. of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2006. 312 p. [Slovar' sotsiolinguisticheskikh terminov. — M. : In-t yazykoznaniya RAN, 2006. 312 s.]. — (In Rus.)
44. Solzhenitsyn A. I. Russia in a Collapse. — Moscow : Russian Way, 1998. 208 p. [Rossiya v obvale. — M. : Russkiy put', 1998. 208 s.]. — (In Rus.)
45. Starichenok V. D. Large Linguistic Dictionary. — Rostov on Don : Phoenix, 2008. 811 p. [Bol'shoy lingvisticheskiy slovar'. — Rostov n/D. : Feniks, 2008. 811 s.]. — (In Rus.)
46. Sushchenko E. A. Pedagogical Linguoecology as a Factor of Life Safety of the Subjects of the Educational Process : synopsis of doctoral thesis ... of Pedagogy. — St. Petersburg, 2013. 60 p. [Pedagogicheskaya lingvoekologiya kak faktor bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti sub"ektov obrazovatel'nogo protsessa : avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. — SPb., 2013. 60 s.]. — (In Rus.)
47. Sushchenko E. A. Dictionary and reference book of Linguo-environmental Terms and Concepts / ed. Dr. ped. and Philos. sciences, prof. L. G. Tatarnikova. — St. Petersburg : Petropolis, 2011. 442 p. [Slovar'-spravochnik lingvoekologicheskikh terminov i ponyatiy / pod red. d-ra ped. i folos. nauk, prof. L. G. Tatarnikovy. — SPb. : Petropolis, 2011. 424 s.]. — (In Rus.)
48. Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information on the Origin of Words / RAS, Institute of Russian. lang n. a. V. V. Vinogradov ; resp. ed. N. Yu. Shvedova. — Moscow : Azbukovnik, 2011. 1175 p. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / RAN, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova ; otv. red. N. Yu. Shvedova. — M. : Azbukovnik, 2011. 1175 s.]. — (In Rus.)
49. Frank S. L. The Unknowable // Works / S. L. Frank. — Moscow : True, 1990. P. 183—528. [Nepostizhimoe // Soch. / S. L. Frank. — M. : Pravda, 1990. S. 183—528]. — (In Rus.)
50. Frank S. L. Russian Worldview [Electronic resource]. [Russkoe mirovozzrenie]. URL: http://www.patriotica.ru/religion/frank_rus_mir_.html (date of access: 20.04.2019). — (In Rus.)
51. Fromm E. Anatomy of Human Destructiveness. — Moscow : AST-LTD, 1998. 698 p. [Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti. — M. : AST-LTD, 1998. 698 s.]. — (In Rus.)
52. Heidegger M. Nietzsche's Words "God is Dead" // Works and Reflections of Different Years / M. Heidegger. — Moscow : Gnosis, 1993. P. 168—217. [Slova Nitsche «Bog mertv» // Raboty i razmyshleniya raznykh let / M. Khaydegger. — M. : Gnozis, 1993. S. 168—217]. — (In Rus.)
53. Kharis R. The Great Poetic Explanation of the Great Sacraments. Ode "God" of Gabriel Derzhavin Worthy of Translations into All Languages // Literary Newspaper. 2018.No 29. [Velikoe poeticheskoe iz'yasnenie velikikh tainstv. Oda «Bog» Gavrila Derzhavina dostoyna perevodov na vse yazyki // Literaturnaya gazeta. 2018. № 29]. — (In Rus.)
54. Khudiev Sergey. Native Philosophy [Electronic Resource]. [Tuzemnaya filosofiya]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/52354.html> (date of access: 20.04.2019).
55. Shakhovskiy V. P. Emotional Communication as a Moderator of the Mode of Environmental Friendliness [Electronic resource] // Proceedings of Rus. Univ. of Friendship of Peoples. Ser.: Linguistics. 2015. No. 1. P. 11—18. [Emotsional'naya kommunikatsiya kak moderator modusa ekologichnosti // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. 2015. № 1. S. 11—18]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/emotsionalnaya-kommunikatsiya-kak-moderator-modusa-ekologichnosti> (date of access: 19.04.2019).
56. Ern V. F. The Struggle for the Logos. Cultural Misunderstanding // Works / V. F. Ern. — Moscow : True, 1991. P. 109—126. [Bor'ba za Logos. Kul'tumoe neponimanie // Soch. / V. F. Ern. — M. : Pravda, 1991. S. 109—126]. — (In Rus.)
57. Yakovenko I. G. What to Do? [Electronic resource] // New Newspaper. 2012. No. 29. [Chto delat'? // Novaya gazeta. 2012. № 29]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/03/15/48804-cto-delat> (date of access: 19.04.2019). — (In Rus.)
58. Yaspers K. T. Introduction to Philosophy [Electronic Resource]. [Vvedenie v filosofiyu]. URL: https://www.ereading.club/bookreader.php/96538/Yaspers_-_Vvedenie_v_filosofiyu.html (date of access: 19.04.2019). — (In Rus.)
59. PontiusPilat. Russians or Peoples of Russia? [Electronic resource]. [Russkie ili Rossiyanе?]. URL: https://pikabu.ru/story/russkie_ili_rossiyane_2196695 (date of access: 19.04.2019). — (In Rus.)

Е. П. Франко

Белорусский государственный аграрно-технический университет, Минск, Республика Беларусь
ORCID ID: —

М. В. Франко

гимназия № 82, Краснодар, Россия
ORCID ID: —

E-mail: janeshaden9@mail.ru.

Экология языка в современном обществе

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема экологии русского языка. Кризисное состояние экологии языка может привести к деградации человека, для которого данный язык является родным. Актуальность указанной проблематики обусловлена тенденциями развития современного общества: появлением глобальных информационных систем, ускорением взаимопроникновения различных культур, глобализацией экономики. Также актуальность связана с тем, что русская языковая культура находится в кризисном состоянии. В эколингвистическом аспекте характеризуется состояние русского языка. В результате проникновения иностранных слов в язык забываются исконно русские слова, что негативно сказывается на грамотности населения. Многие люди, чаще дети и подростки, употребляют иностранные слова, даже не задумываясь об их значении. Низкий уровень образованности молодежи приводит к тому, что подростки не могут излагать четко свои мысли. Был проведен опрос группы респондентов (112 человек из гимназии № 82 г. Краснодара), связанный с экологией русского языка. В результате было выявлено, насколько часто участники заменяют иностранными словами русские, правильно ли пишут распространенные родные слова и выражения. Диагностированы признаки кризисного состояния русской лингвокультуры: чувствуется уменьшение русских слов в лексиконе молодежи. Процессы, происходящие в языке, требуют внимания не только со стороны специалистов, но и со стороны государства. Формулируется основная задача экологии языка (сохранить языковую самобытность, внедряя новое), предлагаются необходимые для ее выполнения конкретные меры (продвижение русского языка за пределами России; увеличение удельного веса языкового образования в школе и вузе; обращение в преподавании к русской литературе XX в.; совершенствование педагогической подготовки учителей-словесников и методики преподавания русского языка; тщательная регуляция норм русского языка).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экология языка; русский язык; русская речь; лингвоэкология; иноязычные слова; иностранные слова; заимствованные слова.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Франко Евгения Петровна, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры инновационного развития аграрно-промышленного комплекса, Белорусский государственный аграрно-технический университет; 220023, Респ. Беларусь, г. Минск, пр-т Независимости, 99; e-mail: janeshaden9@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Франко Марина Вячеславовна, учитель русского языка и литературы, гимназия № 82; 350080, Россия, г. Краснодар, ул. 30-й Иркутской дивизии, 1; e-mail: janeshaden9@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Франко, Е. П. Экология языка в современном обществе / Е. П. Франко, М. В. Франко // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 26-33. — DOI 10.26170/pl19-05-02.

ВВЕДЕНИЕ

Многие специалисты, профессионально занимающиеся изучением языка — лингвисты, филологи, — а также представители других областей наук писали о взаимосвязи языка и окружающей среды. В конце 80-х гг. XX столетия актуальные языковые процессы привели к всплеску академического интереса к проблеме проникновения иностранных слов в русский язык.

Популярной темой исследований на рубеже второго и третьего тысячелетий становятся параллели между лингвистическим и биологическим разнообразием, отмиранием языка и вымиранием видов животных. К сожалению, данная проблема остается острой и в настоящее время, даже становится более серьезной, так как устои русской речи

разрушаются под натиском иностранных слов [Калинин 2014].

Исследователи, занимающиеся русским языком, длительное время отмечают в своих работах и докладах на конференциях важность проблемы экологизации языка в России, говоря о начале разложения русской культуры в связи с кризисными явлениями в русском языке (в частности, это было предметом активного обсуждения на конференции, проводившейся в Рязани в связи с 80-летием со дня рождения А. И. Солженицына [Межрег. науч.-практ. конф. 1998]).

Современные тенденции развития человеческого общества: появление глобальных информационных систем, ускорение взаимопроникновения различных культур, глобализация экономики — повышают актуаль-

ность изучения проблем взаимодействия различных языков с окружающей средой и человеком, т. е. рассмотрения вопросов, так или иначе связанных с экологией языка [Сковородников 2016; Солженицын 2000: 3].

Правильная речь, хорошее владение русским языком всегда будут востребованы. На сегодняшний день важно любое обращение к этой проблеме, поскольку наш родной русский язык настолько загрязнен, что пора предпринимать меры противодействия этому, пока не поздно.

СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЭКОЛИНГВИСТИКА

Александр Солженицын, выступая перед аудиторией, все время заострял внимание на том, что эволюция языка — это постоянный процесс, при этом происходит потеря каких-то функций и приобретение других. Однако, к сожалению, при рассмотрении языковых изменений в широком временном диапазоне больше теряется. Это и есть языковая эволюция. Изменения, произошедшие в начале XX столетия в русском языке, постепенно начали приводить к потере культуры использования родного языка.

По мнению ученых (А. П. Сковородникова, А. И. Солженицына [Сковородников 2016]), для противодействия отрицательным тенденциям словоупотребления и поиска путей обогащения и совершенствования речевого общения необходимо изучать экологию языка. Был введен такой термин, как «экологизация», который применительно к языкознанию постепенно распространяется и проявляется в России.

В практической плоскости экологизация тесно связана с языковой политикой. Языковая политика необходима для сохранения моральных и духовных ценностей, запечатленных в языке, которые на современном этапе развития страны начинают деградировать вследствие проникновения иностранных слов в наш язык и заимствования элементов других культур. Необходимым требованием для развития языка должно быть единство народа, который бы хотел сохранить свою культуру, мораль, духовные ценности, ведь язык — важнейшее средство национальной идентификации: принадлежность к нации определяется по тому, на каком языке человек говорит.

«Загрязненность» современного русского языка, в особенности в сфере его речевого употребления, вызывает негодование специалистов, а также всех, кто любит и ценит родную речь. Большинство выдающихся ученых-лингвистов (например, Л. И. Скворцов [Хабарова 2007]) «бьют» тревогу, публикуя работы, анализирующие снижение куль-

туры речи современного русского человека. По прочтении данных трудов нельзя не согласиться с мнением их авторов. Для высокообразованного человека, живущего в век величайших открытий, на первом месте должно быть глубокое знание родного языка, виртуозное владение литературным слогом. Все это и включает в себя «экологизация» языка.

Чтобы наглядно объяснить, что имеется в виду под экологизацией в языковой сфере, необходимо провести аналогию с экологией окружающей среды, испытывающей такие вредные воздействия, как выбросы в атмосферу выхлопных газов, химических веществ, производящихся заводами, загрязненность водных источников, накопление радионуклидов, из-за которых в природе начинаются необратимые процессы разрушения. Сходные процессы наблюдаются с языковой экологией: «...искаженность, грубость, нарушение смысла, стиля и грамматики в употреблении» — это тоже своего рода «загрязнители» [Скворцов 1996]. В результате люди утрачивают способность ясно излагать свои мысли, доносить информацию друг до друга, т. е. язык перестает быть орудием изложения мыслей человека.

Языковая политика должна быть направлена на очищение речевой среды. Речь — это экосистема, самообновляющаяся и самовозрождающаяся, служащая как современному человеку, так и последующим поколениям. Как говорят исследователи, в бережном отношении к родной речи проявляется забота культурного человека о будущем [Хабарова 2007]. Непристойная лексика, сквернословие и непонятные, требующие для большинства перевода англицизмы вступают в противоречие с православной духовной традицией русского народа, разрушают русский язык, а с ним — и культуру русского человека, которая складывалась веками. При описании экологии языка лингвисты (например, В. С. Миловатский и А. Т. Липатов [Липатов 2007]) часто говорят о том, что экология слова — это прежде всего и есть экология души человека. Человек и природа — это неделимое целое, части которого находятся в гармонии. Одной из главных составляющих этой гармонии является целостность языковая. Соответствующие связи в природе только на первый взгляд представляются поверхностными, на самом деле это достаточно глубокие причинно-следственные связи. Общество, пренебрегающее языковой культурой, «загрязняющее» свой язык, со временем деградирует, и, как правило, в таком состоянии перестает уделять достаточное внимание экологической ситуации вокруг себя.

Эколингвистический подход к культуре речи основан на русской духовной традиции, описывающей взаимосвязь слова и природы. Для прояснения этой традиции необходимо привести несколько цитат.

В 1836 г. Ф. И. Тютчев написал [Тютчев 2002]:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

В поучении против сквернословия Иоанна Златоуста говорится, что *матерным словом оскорбляется, во-первых, Матерь Божия, во-вторых, родная мать человека и, наконец, „третья мать“ — Мать-Земля* [Скворцов 1996].

Святитель Феофан Затворник во второй половине XIX в. так охарактеризовал силу слова: *«Пути и способы, коими воздействует благодать на дух человека, зачастую немы: ко всем им должен быть приложен еще способ доверительный и совершительный. Это — слово, или проповедь. Вера от слуха». «Возбуждительная сила его (слова) тем значительнее, что оно действует разом на всего человека, на весь его состав»* [Святитель Феофан Затворник [http](#)]. Само время заставляет громко и с тревогой заговорить об экологии языка [Камчатнов 2006].

Сегодня экология языка понимается как «наука о целостности языка, о его связи с культурой своего народа и вместе с тем о его связи с земной семиосферой. Это — наука об энергетике слова, о его творческой силе, о его связи с биосферой, с языком живой природы. Это, наконец, понятие о духовном значении слова, о глубокой его связи с личностью, с характером и судьбой народа, с высшими духовными сферами, с Творцом. Отсюда становится все более ясно, что биологической, земной экологии не обойтись без экологии слова и духа» [Миловатский 2004].

Русский язык, словно в зеркале, отражает все перипетии нашего трудного времени: в языке, как и в жизни, воцарился культ бизнеса, несущий с собой разрушение, вседозволенность и коммерциализацию. Резко снизился общий уровень владения языком, особенно в среде молодых россиян. Вследствие постоянного воздействия СМИ неуклонно падает культура русского слова. Манера выражения, построенная на принципах оруэлловского новояза, активно внедряемая в нашу жизнь, разрушает самобытность и мыслимость русской речи.

ПРИЧИНЫ КРИЗИСНОГО СОСТОЯНИЯ ЯЗЫКА

Каждый день в мире вместе с последним носителем умирает какой-нибудь язык, а вместе с ним — верования и взгляды какого-либо этноса. Язык не может быть сохранен навсегда так же, как экспонаты в музее, потому что его невозможно полностью зафиксировать на письме. Поэтому с последним носителем язык исчезает навсегда. А. И. Солженицын говорил в своих выступлениях, что процесс эволюции всякого языка протекает непрерывно, что-то постепенно теряется, что-то приобретает [Солженицын. Наука в пиратском государстве [http](#)].

Однако значительные перемены в обществе, революции также вызывают болезненное сотрясение языка, приводят его в ненормальное, хаотическое в угрожающих масштабах состояние. На фоне всего многообразия языков нашей планеты русский — самый богатый. Согласно данным авторитетных лексикографических источников (прежде всего академических толковых словарей), в нем насчитывается от 130 до 150 тысяч слов, но если добавить к ним наречия, оканчивающиеся на -о, -е, а также другие производные слова, отличающиеся от имеющих словарную фиксацию частеречной принадлежностью, это количество перевалит за миллион. И тем не менее русскому языку грозит исчезновение.

Есть несколько путей умирания языка. Язык забывается, если уменьшается число говорящих на нем. Другой вариант — смешение одного языка с другим, что мы наблюдаем сейчас. Английские слова вторглись в русский язык, и всё чаще молодежь, бизнесмены, экономисты, политики используют иностранные слова наряду с русскими. Отчасти это напоминает ситуацию XIX—XX вв., когда русские помещики, поэты, писатели хорошо знали французский и немецкий языки. Однако, разговаривая между собой на французском языке, они никогда не смешивали русскую речь с французской. Тем не менее даже тогда в России активно насаждался иностранный язык — французский. Не случайно почти в каждой дворянской семье детей воспитывал гувернер-француз, культурный уровень которого нередко не превышал уровня извозчика. Французы, немцы и другие иностранцы знали, что «где чужой язык употребляется предпочтительнее своего, где чужие книги читаются более, нежели свои, там при безмолвии словесности всё вянет и не процветает» (А. С. Шишков).

Перечислим важнейшие факторы «загрязнения» русского языка сегодня.

1. Засорение русского языка иностранными словами.

2. Использование нецензурной лексики.
3. Использование сокращенных форм слов.
4. Засорение русского языка сленгами и жаргонизмами.
5. Упрощение навыков устного общения.
6. Вымирание письменной культуры.
7. Уменьшение объема и качества языкового образования в школах и вузах.
8. Сокращение базы разговорного русского языка в связи с геополитической обстановкой в мире.
9. Массовая безграмотность.

В результате действия этих факторов в XXI в. школьники уже не умеют слушать педагога-учителя, началось вымирание русского языка, более 25 млн русских превратились в униженных «мигрантов» за рубежом. Люди, которые владели красивой речью, умели точно изъяснять свои мысли, теряют дар языка и буквально возвращаются к жестам. В наше время дети растут в загрязненной речевой среде. Они не развивают дар речи, в результате чего снижается их уровень умственного развития, что ведет к деградации общества.

Ниже будут охарактеризованы конкретные кризисные явления.

МАССОВАЯ БЕЗГРАМОТНОСТЬ

Сейчас встретить грамматическую ошибку в тексте, размещенном на самом видном месте, совсем несложно. В Москве создали виртуальную доску позора с такими «ляпами», на ней сотни фотографий: листовки, вывески, афиши. Столичный учитель Вита Кириченко, устав от неуважения со стороны рекламщиков к самым простым правилам русского языка, запустила интернет-проект «Москва — город грамотных людей». Филолог Анастасия Третьякова отмечает, что московский проект нужен для представителей молодежи, так как «они читают безграмотную вещь, и они воспринимают ее как некую норму». Хватает небольшой прогулки по Москве, да и по другим городам, чтобы увидеть десятки слоганов с ошибками [В Москва энтузиасты... <http>].

Популярным приемом у рекламщиков является игра слов, вольное обращение со стилем. На что только не готовы пойти рекламодатели, чтобы привлечь клиентов! По статистике, каждое третье объявление содержит грубые грамматические ошибки. Известны случаи, когда ратующие за чистоту речи волонтеры под руководством преподавателей филологического факультета писали владельцам вывесок письма с указанием ошибок и просьбой исправить их. Но рекламодатели игнорируют такого рода обращения.

Что касается разговорной и письменной речи, то здесь еще больше проявлений безграмотности, чем в наружной рекламе. Приведем лишь самые распространенные примеры.

Люди неправильно произносят слова. Чрезвычайно распространены ошибки в таких частотных словах: *дбговор*, *красивее*, *звбнит*, *свеклá*, *осúжден*, *квáртал*, *килóметр*, *катáлог*. Допускаются погрешности против синтаксических, лексических, стилистических норм. Например, часто кондукторы говорят «оплатите за проезд» (если беспредложная конструкция «оплатить проезд» вызывает трудности, то можно использовать другой глагол: «заплатить за проезд»).

Ученики в 8 классе не знают, как писать глагольные концовки «-тся» и «-ться». Между тем достаточно просто задать вопрос: «Что сделать?», «Что делать?», «Что сделает?». Если в вопросе есть мягкий знак, то он есть и в глагольной форме, к которой задан.

Постоянные сомнения вызывает выбор варианта «прийти» или «придти». Необходимо запомнить, что начальная форма глагола — «прийти», но в будущем времени перед окончанием возникает «д»: *приду*, *придут*, *придешь*.

И примеров таких элементарных ошибок можно привести тысячи. К сожалению, в результате их распространенности выпускники средних школ не могут составить осознанное высказывание. Они испытывают затруднения с использованием фразеологизмов, которые широко представлены в художественной литературе, потому что не читают.

Нельзя не упомянуть о нецензурной лексике, которую все чаще употребляют взрослые и дети в своей речи. Наличие матерных слов можно заметить даже в художественной литературе, в театре («продукция» Вл. Сорокина), в песнях современных исполнителей, в кино, в телесериалах, в ток-шоу и в речи известных людей, на которую равняются их поклонники. Такое пренебрежение к стилистическим установкам ведет к восприятию мата как нормы.

В результате растет безграмотное, некультурное, агрессивное поколение.

ПРОБЛЕМА ПРИХОДА ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

Количество иностранных слов в повседневной речи из года в год увеличивается. Помимо прочего, в XX в. в русский язык чужие слова начали проникать из-за повышенного интереса к малочисленным народам, начала изучения их культур и языков.

Проблема лавинообразных заимствований не только осталась, но и продолжает

усугубляться. Иностранные слова все больше появляются в русской речи в результате развития культурных, политических, экономических связей. Некоторые из них так укоренились в языке, что им невозможно подобрать основанные на традиционной русской лексике синонимы. Конечно, речь здесь не идет о давних заимствованиях, которые нельзя исключать из лексикона (например, пришедшие из греческого слова *скамья*, *свекла* вместо соответствующих *лавка*, *бурак*).

В различных сферах жизни можно обнаружить множество примеров иностранных слов. Политическая сфера: *вице-премьер*, *премьер-министр*, *парламент*, *мэр*. Экономические и финансовые термины: *маркетинг*, *инвестиция*, *дилер*. Спорт, массовая культура, компьютерная техника — во всех этих сферах есть заимствованные слова. Общение бизнесменов, компьютерщиков, ученых некоторых областей происходит практически на английском языке.

Конечно, заимствованные слова могут быть и полезными. Если употреблять их правильно и к месту, то речь будет точной и выразительной. В нашу жизнь в последние годы входят новые явления, а с ними новые слова, в русском языке, как правило, не имеющие эквивалентов. Такой путь обогащения лексики за счет заимствований характерен для всех современных языков. В наш век технологического и информационного бума поток новых идей, вещей, технологий требует быстрого называния предметов и явлений, что заставляет включать в язык уже имеющиеся иностранные названия, а не ожидать создания самобытных слов на русской почве [Лутьянов 2017].

Таким образом, заимствованные слова — результат языковых контактов разных

народов. Безусловно, иностранные слова нужны, но при их заимствовании необходимо соблюдать разумные ограничения (например, сложно оправдать появление в наши дни слов «хобби», «юниор», «комикс»). Если мы будем приветствовать каждое заимствованное слово, тогда русский язык совсем исчезнет.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Для выявления состояния экологии языка был проведен опрос учащихся гимназии № 82 г. Краснодара (количество участников — 112 человек), направленный на изучение грамотности учащихся и их отношения к заимствованным словам, на установление частоты употребления иностранных слов. Респондентам было предложено выбрать варианты ответов либо предложить свой вариант по следующим вопросам.

1. Выберите правильный вариант:

- А. Оплатить проезд.
- Б. Заплатить за проезд.
- В. Оплатить за проезд.

2. Выберите правильный вариант:

- А. Прийти.
- Б. Прийдти.
- В. Придти.

3. Как часто Вы употребляете иностранные слова в разговоре?

4. Какие именно русские слова Вы заменяете иностранными? Приведите примеры иноязычных замен.

5. Как Вы относитесь к иностранным заимствованиям в русском языке?

6. В каких случаях Вы употребляете иностранные слова?

На рисунках 1—5 наглядно представлены результаты проведенного опроса.

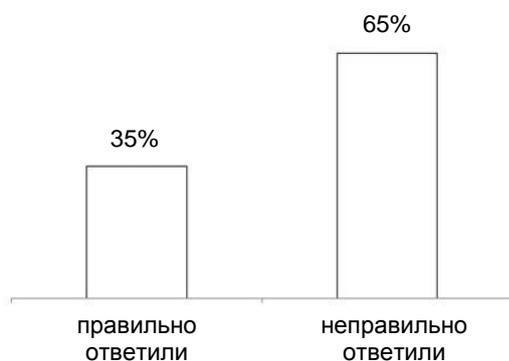

Рис. 1. Ответы на вопрос 1

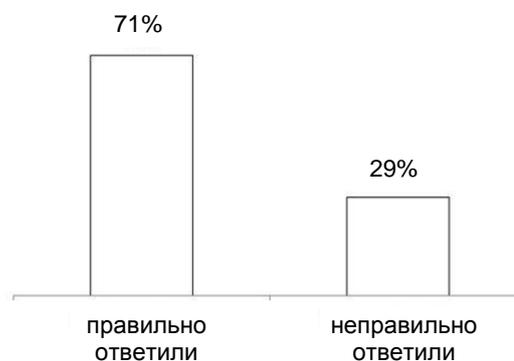

Рис. 2. Ответы на вопрос 2

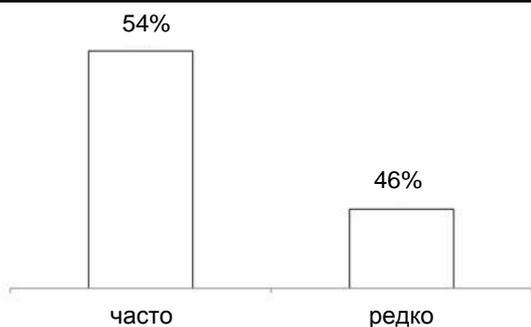

Рис. 3. Ответы на вопрос 3

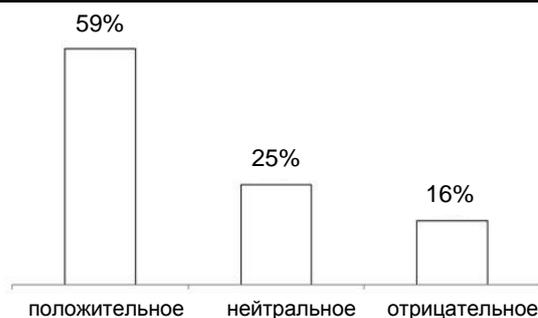

Рис. 4. Отношение к английским заимствованиям у подростков (сверстников)

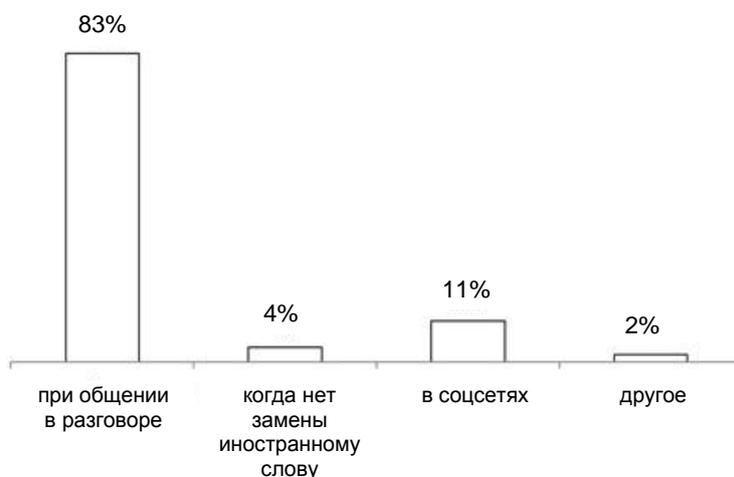

Рис. 5. Ответы на вопрос «В каких случаях Вы употребляете иностранные слова?»

В результате проведенного опроса было выявлено, что наиболее употребляемыми иностранными словами являются *e-mail* — «почта»; *ok* — «хорошо»; *волонтер* — «доброволец»; *стиль* — «предпочтение в моде»; *толерантность* — «терпимость к чему-либо»; *имидж* — «образ»; *худи* — «кофта с капюшоном»; *look* — «собранный образ в одежде»; *prank* — « розыгрыш»; *please* — «пожалуйста»; *go* — «пошли»; *boyfriend* — «парень»; *chat* — «переписка»; *sorry* — «извините»; *easy* — «легко»; *face* — «лицо».

Таким образом, опрос показал, что подростки пользуются иностранными словами постоянно во всех сферах своей жизни, часто значение используемых русских слов знают плохо. Отсюда вытекают задачи экологии русского языка — сохранить языковую самобытность, внедряя новое.

Для сохранения и развития русского языка требуется:

- 1) продвижение русского языка за пределами России;
- 2) улучшение языкового образования в школах и вузах, увеличение часов на занятия по соответствующим предметам;
- 3) использование в преподавании русской литературы XX в.;

- 4) совершенствование педагогических методик преподавания русского языка;
- 5) обеспечение качественной подготовки педагогов и повышения их квалификации;
- 6) регулирование норм русского языка и публикация новых нормативных материалов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует отметить, что современная жизнь сильно повлияла на экологию русского языка. В современных условиях происходит разложение культуры слова. Русский язык, как и любой другой, нуждается во внимательном отношении. К. Г. Паустовский говорил, что языку мы учимся и должны учиться непрерывно до последних дней жизни. У русскоговорящих язык — важнейшая часть культурного наследия. Веками в языке аккумулируются ценности духовного порядка.

Выражаясь словами Александра Солженицына, «русский язык испытал коррозию, быстро оскудел и сузился» [Солженицын. Наука в пиратском государстве [http](http://)]. Сейчас мы становимся свидетелями того, как повышается английский язык, на котором гово-

рит весь мир. Сеть Интернет сводит к минимуму устную речь. Борьба с этим может лишь следующими способами: каждый русскоговорящий должен как можно чаще употреблять русские слова, избегая ненужных заимствований, читать художественную литературу, заниматься родным языком; не засорять речь словами-паразитами, излишним количеством иностранных слов и сквернословием; стремиться к высокому уровню образованности и культуры. Однако в первую очередь необходимы меры продуманной языковой политики: на экологию языка должно обратить внимание государство.

Между тем проводимая политика в области образования демонстрирует пренебрежение к русскому языку. В вузах в последние годы появлялись новые направления специализации: «Перевод и переводоведение», «Теория и методика преподавания иностранного языка», «Теория и практика межкультурной коммуникации». Безусловно, важность изучения иностранного языка не требует доказательств. Однако следует понимать, зачем писатели и поэты прошлого изучали множество языков. Они в сравнении замечали больше нюансов родного языка, лучше разбирались в употреблении времен, предлогов, точнее выражали мысль и строили предложения в оригинальном, творческом стиле. Человек должен развиваться и учить что-то новое, в том числе иностранные языки, но это не значит, что нужно смешивать языки, культуры, разнокультурные моральные нормы. Между тем именно это сейчас и происходит: иностранный язык стал популярен у молодежи, новые поколения смешивают его с русским, что приводит к деформациям словарного запаса русского языка.

Проблема экологии русского языка очень актуальна в наше время. Это и всенародная проблема, и личная проблема каждого отдельного человека. Возродить русский язык,

очистить его и сберечь для будущих поколений может любой человек, стоит только начать с себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. В Москве энтузиасты начали борьбу за грамотность русского языка [Электронный ресурс] // НИИ социологии. URL: <http://niisocio.ru/press-centr/materialy-smi/55-pervyy-kanal/147-v-moskve-entuziasty-nachali-borbu-za-gramotnost-russkogo-yazyka> (дата обращения: 18.02.2019).
2. Калинин А. В. Русская лексика. — М., 2014. 232 с.
3. Камчатнов А. Сакральный славянский язык в Церкви и культуре // Современное обновленчество — протестантизм «восточного образца»: матер. IX науч.-богослов. конф. — Йошкар-Ола, 2006. С. 10—24.
4. Липатов А. Т. Духовность и экология слова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mari-eparhia.ru/library/konfer/2007/2/> (дата обращения: 18.02.2019).
5. Лутьянов Н. А. Общественно-политическая лексика современного языка газет // Междунар. школьный науч. вестн. 2017. № 5-1. С. 101—105.
6. Межрег. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения А. И. Солженицына. — Рязань, 1998. С. 187—196.
7. Миловатский В. С. Об экологии слова. — М., 2004. 12 с.
8. Святитель Иоанн Златоуст. Полн. собр. творений. — Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2009. 635 с.
9. Святитель Феофан Затворник. Путь ко спасению. Письма о христианской жизни. Поучения [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.cerkov.ru/155/20>.
10. Скворцов Л. И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи. — М.: Просвещение, 1996. 160 с.
11. Сквородников А. П. Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе [Электронный ресурс]: тезисы // Новая университетская жизнь / Сиб. федер. ун-т. URL: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/307>.
12. Сквородников А. П. Экология русского языка: моногр. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.
13. Солженицын А. И. Наука в пиратском государстве. Слово при получении Большой Ломоносовской медали Российской академии наук [Электронный ресурс] // Русская историческая библиотека: сайт. URL: <http://rushist.com/index.php/rus-literature/3859-solzhenitsyn-nauka-v-piratskom-gosudarstve> (дата обращения: 15.02.2019).
14. Солженицын А. И. Рассказы. — М., 2001. 501 с.
15. Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения. — М.: Русский путь, 2000. 280 с.
16. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и писем. В 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1813—1849. — М.: Классика, 2002. С. 169—170.
17. Хабарова Л. В. Обзор статьи Л. И. Скворцова «Язык общения и культура (экология и язык)»: реф. / Благовещенский филиал Москов. акад. предпринимательства при правительстве г. Москвы. — Благовещенск, 2007. 3 с.

E. P. Franko

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk, Republic of Belarus

ORCID ID: —

M. V. Franko

Gymnasium № 82, Krasnodar, Russia

ORCID ID: —

E-mail: janeshaden9@mail.ru.

Ecology of Language in Modern Society

ABSTRACT. *The article deals with the issue of the Russian language ecology. A crisis in the ecological well-being of the language may lead a person for whom this language is native to degradation. The urgency of the topic stems from the tendencies of the modern society development: emergence of global information systems, enhanced interpenetration of various cultures, and globalization of economy. The urgency is also connected with the fact that the Russian linguistic culture is in the state of crisis. The article characterizes the state of the Russian language in the light of ecolinguistics. As a result of penetration of foreign words in the language, many words of the Russian origin fall out of use, which has a negative effect on*

the population literacy. Many people, more often children and teenagers, use foreign words even without thinking about their meanings. The low level of education among young people leads to the situation when teenagers cannot coherently express their thoughts. The authors have conducted a questionnaire in a group of respondents (112 pupils of Krasnodar Gymnasium No 82) connected with the Russian language ecology. As a result it has been revealed how often participators replace Russian words with foreign ones and if they spell common native words and expressions correctly. The article has diagnosed the characteristic features of the critical state of the Russian linguoculture: there is a tendency towards reduction of Russian words in the speech of young people. The processes going on in the language need attention not only on the part of the specialists, but also on the part of the state. The authors formulate the main task of linguoecology (to preserve linguistic uniqueness while adopting new phenomena) and suggest concrete measures to achieve this goal (to promote the study of the Russian language abroad; to increase the importance of linguistic education in higher and secondary school; to go back to the Russian literature of the 20th century in practical teaching; to improve the pedagogical training of teachers of Russian philology and methods of teaching Russian; to regulate the norms of the Russian language with utmost care).

KEYWORDS: ecology of language; Russian; Russian speech; linguoecology; foreign words; loanwords; borrowed words.

AUTHOR'S INFORMATION: Franko Evgeniya Petrovna, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of Department of Innovative Development of the Agro-Industrial Complex, Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk, Republic of Belarus.

AUTHOR'S INFORMATION: Franko Marina Vyacheslavovna, Russian and Literature Teacher, Gymnasium № 82, Krasnodar, Russia.

FOR CITATION: Franko, E. P. Ecology of Language in Modern Society / E. P. Franko, M. V. Franko // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 26-33. — DOI 10.26170/pl19-05-02.

REFERENCES

1. In Moscow, Enthusiasts began the Struggle for Literacy of the Russian Language [Electronic resource] // Research Institute of Sociology. [V Moskvu entuziasty nachali bor'bu za gramotnost' russkogo yazyka // NII cotsiologii]. URL: <http://niisocio.ru/press-centr/material-y-smi/55-pervyj-kanal/147-v-moskve-entuziasty-nachali-borbu-za-gramotnost-russkogo-yazyka> (date of access: 18.02.2019). — (In Rus.)
2. Kalinin A. V. Russian Vocabulary. — Moscow, 2014. 232 p. [Russkaya leksika. — M., 2014. 232 s.]. — (In Rus.)
3. Kamchatnov A. Sacred Slavic Language in the Church and Culture // Modern Renovationism — Protestantism of the “Oriental Pattern”: Mater. of IX Scientific Theologian. Conf. — Yoshkar-Ola, 2006. P. 10—24. [Sakral'nyy slavyanskiy yazyk v Tserkvi i kul'ture // Sovremennoe obnovenchestvo — protestantizm «vostochnogo obraztsa»: mater. IX nauch.-bogoslav. konf. — Yoshkar-Ola, 2006. S. 10—24]. — (In Rus.)
4. Lipatov A. T. Spirituality and Ecology of the Word [Electronic resource]. [Dukhovnost' i ekologiya slova]. URL: <http://www.mari-eparhia.ru/library/konfer/2007/2/> (date of access: 18.02.2019).
5. Lut'yanov N. A. Socio-political Vocabulary of the Modern Language of Newspapers // Intern. School Science Journ. 2017. No. 5-1. P. 101—105. [Obshchestvenno-politicheskaya leksika sovremennogo yazyka gazet // Mezhdunar. shkol'nyy nauch. vestn. 2017. № 5-1. S. 101—105]. — (In Rus.)
6. Interregional Scientific-practical Conf. in Connection with 80th Anniversary of the Birth of A. I. Solzhenitsyn. — Ryazan, 1998. P. 187—196. [Mezhreg. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 80-letiyu so dnya rozhdeniya A. I. Solzhenitsyna. — Ryazan', 1998. S. 187—196]. — (In Rus.)
7. Milovatskiy V. S. On the Ecology of the Word. — Moscow, 2004. 12 p. [Ob ekologii slova. — M., 2004. 12 s.]. — (In Rus.)
8. Svyatitel' Ioann Zlatoust. Full Collection of Works. — Holy Assumption Pochaev Lavra, 2009. 635 p. [Poln. sobr. tvoreniy. — Svyato-Uspenskaya Pochaevskaya Lavra, 2009. 635 s.]. — (In Rus.)
9. Svyatitel' Feofan Zatvoznik. The Path to Salvation. Letters about the Christian Life. Teachings [Electronic resource]. [Put' ko spaseniyu. Pis'ma o khristianskoy zhizni. Poucheniya]. URL: <http://lib.cerkov.ru/155/20>.
10. Skvortsov L. I. Ecology of the Word, or Let's Talk about the Culture of Russian Speech. — Moscow : Education, 1996. 160 p. [Ekologiya slova, ili Pogovorim o kul'ture russkoy rechi. — M. : Prosvshchenie, 1996. 160 s.]. — (In Rus.)
11. Skovorodnikov A. P. Ecology of the Modern Russian Language and the Role of the Media in this Process [Electronic resource] : theses // New University Life / Sib. Feder. Univ. [Ekologiya sovremennogo russkogo yazyka i rol' sredstv massovoy informatsii v etom protsesse : tezisy // Novaya universitetskaya zhizn' / Sib. feder. un-t.]. URL: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/307>.
12. Skovorodnikov A. P. Ecology of the Russian Language : monograph. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2016. 388 p. [Ekologiya russkogo yazyka : monogr. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. 388 s.]. — (In Rus.)
13. Solzhenitsyn A. I. Science in a Pirate State. The Word upon Receipt of the Great Lomonosov Medal of the Russian Academy of Sciences [Electronic resource] // Russian Historical Library : website. [Nauka v piratskom gosudarstve. Slovo pri poluchenii Bol'shoy Lomonosovskoy medali Rossiyskoy akademii nauk // Russkaya istoricheskaya biblioteka : sayt]. URL: <http://rushist.com/index.php/rus-literature/3859-solzhenitsyn-nauka-v-piratskom-gosudarstve> (date of access: 15.02.2019). — (In Rus.)
14. Solzhenitsyn A. I. Short Stories. — Moscow, 2001. 501 p. [Rasskazy. — M., 2001. 501 s.]. — (In Rus.)
15. Solzhenitsyn A. I. Russian Dictionary of Language Extension. — Moscow : Russian Way, 2000. 280 p. [Russkiy slovar' yazykovogo rasshireniya. — M. : Russkiy put', 2000. 280 s.]. — (In Rus.)
16. Tyutchev F. I. Collected Works and Letters. In 6 vols. Vol. 1. Poems, 1813—1849. — Moscow : Classic, 2002. P. 169—170. [Poln. sobr. soch. i pisem. V 6 t. T. 1. Stikhotvoreniya, 1813—1849. — M. : Klassika, 2002. S. 169—170]. — (In Rus.)
17. Khabarova L. V. Review of the Article by L. I. Skvortsov “Communication Language and Culture (Ecology and Language)”: ref. / Annunciation branch of Moscow. Acad. Entrepreneurship under the Government of Moscow. — Blagoveshchensk, 2007. 3 p. [Obzor stat'i L. I. Skvortsova «Yazyk obshcheniya i kul'tura (ekologiya i yazyk)»: ref. / Blagoveshchenskiy filial Moskov. akad. predprinimatel'stva pri pravitel'stve g. Moskvyy. — Blagoveshchensk, 2007. 3 s.]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'27
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-006.21
DOI 10.26170/pl19-05-03

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

В. Н. Базылев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8952-9485

 E-mail: v-bazylev@inbox.ru.

«Шапки снимать будем?..»: Юрий Андропов и Константин Черненко

АННОТАЦИЯ. *Статья продолжает авторскую серию психополитического анализа автопортретов политиков советской эпохи. Предыдущие материалы были посвящены советским партийным и государственным деятелям — Лазарю Кагановичу и Никите Хрущеву, Леониду Брежневу и Михаилу Горбачеву. Данная статья — это обращение в рамках исследовательской парадигмы политической лингвистики к анализу автобиографического нарратива Ю. В. Андропова и К. У. Черненко. Цель исследования — показать стратегию чтения и понимания автобиографии политического лидера как коммуникативного ролевого акта, авторизирующего его (политика) самоосознание и саморепрезентацию. Создание автобиографического нарратива определяет главное: политический лидер выступает в истории страны как диегетический нарратор. Анализируются интенциональные речевые действия политика в рамках нарративной повествовательной стратегии с использованием интертекста, коллективного повествования и авторского текста. Исследование выполнено в парадигме современной нарратологии, которая интересуется текстом с точки зрения его фикциональности (вымышленности) и фактуальности (действительности), а также типами нарраторов (повествователей) и образом автора. Отмечается, что и Ю. В. Андропов, и К. У. Черненко в меньшей степени, чем, например, Л. И. Брежнев, акцентируют свою роль в исторических событиях, отсюда характеризующее их дискурс изменение стиля: стиль становится более документальным, сухим, повествовательным, реже прорывается субъективность изложения, исчезает разоблачительная традиция 60-х годов. В избранные труды политического деятеля начинают включаться стенограммы, что демонстрирует приверженность бюрократическому, а не литературному стилю. Демонстрируется, как в подобных текстах переплетаются мифологическое и документальное начало.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: автобиографии политиков; политическая лингвистика; политический дискурс; политическая психология; политические деятели; стратегии чтения; интерпретация текстов; политический нарратив; лингвоперсоналогия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков им. Мориса Тореза, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: v-bazylev@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Базылев, В. Н. «Шапки снимать будем?..»: Юрий Андропов и Константин Черненко / В. Н. Базылев // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 34-45. — DOI 10.26170/pl19-05-03.

Введение. Статья продолжает авторскую серию исследований, посвященных автореферентному дискурсу советских политических деятелей второй половины XX в. Эта проблематика становится в последние годы все более актуальной. По мнению А. П. Чудинова, лингвополитическая персоналогия является пограничной областью языкознания, оформившейся на стыке политической лингвистики и лингвистической персоналогии. Последняя, в свою очередь, методологически восходит к исследованиям в области теории языковой личности и социально-речевого портретирования. Успешно пользуясь методологическими достижениями обозначенных дисциплин, лингвополитическая персоналогия в то же время активно расширяет границы собственных практических изысканий. Наряду с изучением политического дискурса современности актуальным представляется обращение к историческому

(диахронному) портретированию руководителей страны.

Аналитический обзор публикаций по названной тематике позволил его авторам — А. П. Чудинову, Е. А. Нахимовой и М. В. Никифоровой — говорить о том, что изучение коммуникативного облика политических лидеров, занимавших высшие государственные должности и добившихся значительных успехов в своей деятельности, являет собой перспективную область исследования современной лингвополитической персоналогии. Тем самым расширяется предметная сфера исследования политической лингвистики, что, в свою очередь, влечет за собой увеличение междисциплинарных связей лингвополитической персоналогии и других отраслей современного гуманитарного знания — политологии, социологии, историографии и др. Представляется, что подобного рода тенденции в полной мере отражают

установку современной науки на интегративность исследовательских подходов, которая призвана обеспечить многомерное, комплексное описание рассматриваемого феномена [Чудинов 2018: 14—15, 24].

В настоящей статье речь пойдет о двух советских политиках, на недолгое время после смерти Л. И. Брежнева и перед приходом во власть М. С. Горбачева поочередно возглавлявших СССР — Ю. В. Андропове и К. У. Черненко. Недолгое, потому что первый руководил государством всего два года, а второй — всего год. Оба завершили некий отрезок истории первого в мире социалистического государства. Завершили своеобразным, как выразился главный кремлевский врач той эпохи Евгений Чазов, «хороводом смертей».

История, как известно из классической немецкой философии, повторяется дважды. Первоисточник этой мысли — слова немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770—1831), на что указывал К. Маркс в своем сочинении «18-е брюмера Луи Бонапарта», когда приводил эту гегелевскую мысль, сопровождая ее своей ссылкой: «Гегель замечает где-то, что все великие всемирно-исторические события и личности повторяются дважды: первый раз как трагедия, а второй — как фарс» [Маркс 1957: 342].

Действительно, смерть Ленина и Сталина воспринимались по преимуществу как трагедия. А на похоронах Ю. В. Андропова произошло то, что стало впоследствии историческим анекдотом: «Шапки снимать будем? Морозно...» — сказал К. У. Черненко, обращаясь к председателю Совмина^[1] Н. А. Тихонову. Микрофон был включен, и эти слова услышала вся страна.

Неснятие головного убора на похоронах в русской лингвокультуре — это не только нарушение традиции, это симптом деконструкции лингвокультуры в целом, так как привычное представление, по Ж. Деррида, лишается именно глубины (архетипичности) традиции и становится тривиальным, выходя в том числе из-под речевого контроля субъекта [Деррида 2000: 32]. Именно это явление было зафиксировано в литературе соц-арта, того же В. Сорокина, когда в романе «Тридцатая любовь Марины» диалоги героев переходят в длинный слитный текст, не связанный с изначальным сюжетом и имитирующий поток советской пропаганды времен Ю. А. Андропова и К. У. Черненко [Сорокин 2017: 385 и сл.].

Заголовок статьи — это аллюзия не только на слова Константина Устиновича Черненко, но и на всю дискурсивную ситуацию заката эпохи развитого социализма.

Биографическая справка. Андропов Юрий Владимирович (2 июня 1914 — 9 февраля 1984) — советский государственный и политический деятель, руководитель СССР в 1982—1984 годах. Председатель Комитета государственной безопасности СССР (1967—1982), Генеральный секретарь ЦК КПСС (1982—1984), Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1983—1984) [Медведев 2012].

Черненко Константин Устинович (11 сентября 1911 — 10 марта 1985) — советский партийный и государственный деятель. Генеральный секретарь ЦК КПСС с 13 февраля 1984 г., Председатель Президиума Верховного Совета СССР с 11 апреля 1984 г. (депутат с 1966 г.). Член ВКП(б) с 1931 г., ЦК КПСС — с 1971 г. (кандидат с 1966), член Политбюро ЦК КПСС с 1978 г. (кандидат с 1977). Руководитель СССР с 1984 по 1985 г. [Прибытков 2009].

Материалы к исследованию. Ю. В. Андропов и К. У. Черненко удостоились издания так называемых избранных сочинений. Небольших по объему и не переиздававшихся с того времени. В 1983 г., к концу второго года пребывания Ю. Андропова у власти, выходят «Избранные речи и статьи», охватывающие период с 1942 (статья «Мы защитим тебя, Карелия родная!»), опубликованная в журнале «Смена») до 1983 г. «Избранные речи и статьи» К. Черненко вышли в 1984 г., в первый и последний год его пребывания во власти.

Оговорим, что опора на такого рода издания в исследовании политического дискурса важна и продуктивна. Они концентрируют все или основные произведения советского политика в качестве его идеологического, пропагандистского, литературно-художественного или публицистического наследия.

Такое издание — двойственное по хромотопу: ретроспективное и проспективное одновременно. Оно предпринимается тогда, когда уже официально утверждено и признано идейное и идеологическое значение политической личности как вождя для общества и наступило время его исторического или актуального изучения. Обращение к такому источнику продуктивно, так как в нем на самом поверхностном уровне совершаются различные операции с информацией. В данном контексте уместным оказывается образ «выпрямления коммуникации», предложенный В. В. Дементьевым. Он обусловлен решением прагматических задач идеологического воздействия на адресата [Дементьев 2010: 244].

Кроме того, оно содержит в себе образ автора, обладает комплексной структурой и

формой, характеризуясь «мягкой формализацией», обнаруживает определенную степень ритуализации, занимая некое место среди иных социолингвистических типов «советского дискурса», а именно дискурса политического. Тем самым «избранные речи и статьи» как жанр занимают важное, с точки зрения политической лингвистики, место в системе русской лингвокультуры XX в. [Базылев 2018].

Говоря о решении прагматических задач, мы имеем в виду следующее. Во-первых, выход в свет подобного издания был государственным мероприятием идеологического, научного и культурно-исторического значения. Во-вторых, их адресат, т. е. советский читатель, никогда не был просто адресатом и пассивным потребителем этих политических нарративов. По словам Е. А. Добренко, согласно общественно преобразующей доктрине, лежавшей в основании соцреализма, он был объектом преобразования и формовки. Он сам оказывался существенной активной частью общего политико-идеологического проекта, который состоял в ковке и перекровке человеческого материала [Добренко 1997: 97].

Надо признать, что в жанре «собрания сочинений» советская культура вплоть до последних изданий «трудов» Ю. В. Андропова и К. У. Черненко действительно реализовала авангардный политико-идеологический проект. Соцреалистическое «собрание речей и статей» вождей было своеобразной встречей и культурным компромиссом двух потоков: массы и власти.

Методика исследования. В своем исследовании мы ориентируемся на теоретические постулаты, которые, как нам представляется, оптимально соответствуют исследовательской задаче — показать стратегию чтения и понимания автобиографии политического лидера как коммуникативного ролевого акта, авторизующего его самосознание и саморепрезентацию. Во-первых, речь идет о работах В. В. Нурковой, которая предлагает оценивать часть эмпирики жизненного опыта как релевантную систему смысловых образований личности, презентующую сознание субъекта в форме различных структурно-функциональных единиц. Каждому уровню при этом соответствует специфичная система единиц анализа. Микроуровень функционирования автобиографической памяти представлен единицами «воспоминаний», которые могут актуализироваться по типу «фотографических», «важных», «переломных» и «характерных», а макроуровень — единицами жизненных тем, истории жизни, представления о своей судь-

бе как целостности и иллюзорного «мгновенного жизненного обзора» [Нуркова 2010: 69]. Помимо этого, предлагается понимать автобиографический нарратив как реализацию цели в рамках мотивированной деятельности. Его анализ с учетом ситуации рассказывания является методом реконструкции структуры мотивов, целей и ценностей личности. Характеристики рассказа дают возможность оценить место мотива в иерархии, связанной с актуализацией воспоминания. Автобиографический нарратив является осознаваемым средством изменения или стабилизации личностных свойств, его анализ позволяет выявить тот идеальный «проект» личности, который своей жизнедеятельностью стремится осуществить субъект. Семиотическая опосредованность нарратива открывает возможность анализа тех дискурсивных практик, в которых складывается самосознание человека [Нуркова 2008: 20].

Отталкиваясь от обозначенного выше современного подхода к автобиографии политического деятеля, мы оказываемся в ситуации, когда становится необходимым взглянуть на его тексты с позиций понимания и оценки их искренности, чтобы не оказаться в ситуации ложного понимания, спровоцированного намеренной установкой на манипулирование массовым сознанием автора и/или издателя «избранных работ». Это обязывает нас обратиться к такой классической работе, как исследование С. И. Плотниковой о неискреннем дискурсе. В главе, посвященной герменевтическим основам верификации неискренного дискурса, С. И. Плотникова указывает на то, что интендирование, или осознанная направленность на понимание, является важным приемом, позволяющим поставить предел неискреннему дискурсу [Плотникова 2000: 200—201].

Исходя из очерченных выше исследовательских предустановок, мы обращаемся в статье к таким аспектам нарратива, как автобиографическая парадигма Юрия Владимировича Андропова и Константина Устиновича Черненко, к их эго-памяти, к документальному и мифологическому в их автобиографиях.

Автобиографическая парадигма политика. Когда читатель берет в руки тексты Ю. В. Андропова или К. У. Черненко, первое, что привлекает внимание, — это высокая степень обобщения в восприятии своей судьбы как части биографии целого поколения. Последнее же с неизбежностью ведет к эпизоду описываемого.

Издание текстов Ю. В. Андропова начинается с его воспоминания о 40-х годах:

«Вспоминаю первые дни войны. На одну пограничную заставу пришли девушки из соседнего села. Пришли в праздничных, парадных платьях и сказали:

— Мы будем с вами. Вместе будем отстаивать границу. Дайте винтовки: стрелять ведь вы сами нас научили.

И они сражались храбро и стойко, помогая бойцам отражать бешеный напор врага» [Андропов 1983: 21].

Напомним, что в июне 1940 г. Ю. В. Андропов был направлен на комсомольскую работу в образованную 31 марта 1940 г. Карело-Финскую ССР. 3 июня 1940 г. Ю. В. Андропов был избран первым секретарем ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР.

Ю. В. Андропов понимает, что смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена, потому что она принципиально незавершима, а память свободна в вечном преображении прошлого.

Опосредованная же и завуалированная форма саморефлексии при этом позволяет достичь очень высокой степени открытости, что создает своеобразную нарративную маску. Как это постоянно происходит с К. У. Черненко. Дело в том, что основным этапом его политической биографии — это заведование с 1965 по 1982 г. общим отделом ЦК КПСС. Отсюда — лейтмотив всех его тестов, которых было достаточно много: К. Черненко постоянно публиковался в ведущих пропагандистских журналах эпохи развитого социализма — «Вопросы истории КПСС», «Международная жизнь», «Проблемы мира и социализма», «Коммунист». Лейтмотив в данном случае понимается по Б. М. Гаспарову [Гаспаров 1994: 28], как основной идейный фон всего письменного наследия К. У. Черненко, настойчиво повторяемый речевой оборот в его текстах. К. У. Черненко отождествляет себя с работой, со своим постом в партийной иерархии. Важнейшим элементом в этой деятельности была его (!) «работа с письмами трудящихся».

«Демократизм внутрипартийной жизни, советский социалистический демократизм находят свое яркое проявление в том, что Коммунистическая партия и Советское правительство во всей своей деятельности опираются на коллективный разум и мудрость народа, советуются с ним по всем вопросам, имеющим большое государственное значение. В последние годы партийные и советские органы все полнее учитывают и претворяют в жизнь высказанные на собраниях, митингах, в письмах предложения и пожелания коммунистов и беспартийных. Важнейшие из предложений и рекомендаций трудящихся учитываются Центральным

комитетом партии при вынесении решений по тем или иным вопросам. В работе с письмами трудящихся в последние годы стало больше четкости, оперативности, деловитости...» (Из статьи в журнале «Вопросы истории КПСС 1971 года) [Черненко 1984: 32—33].

«Все вы, товарищи, хорошо знаете, какое большое внимание уделяет вопросам работы с письмами и устными обращениями трудящихся Центральный Комитет нашей партии <...>» (Из доклада на Всесоюзном совещании партийных работников 1980 года) [Черненко 1984: 334].

В процессе повторения или варьирования этот лейтмотив не только вызывает устойчивые ассоциации у адресата, но и обретает особую идейную и идеологическую значимость. При этом учитывался опыт адресата, так как он был главным потребителем этого дискурса. В этом случае понимать слова К. У. Черненко следует как отчет о своей (!) работе.

Помимо этого, в автобиографическую парадигму органично включается сосредоточенность политиков на осмыслении собственной жизни, на описании становления себя как лидера, на стремлении осознать пройденный путь как целое, придать эмпирическому существованию оформленность и связность, делая повествование о своей жизни логичнее и целенаправленнее. Как, например, у Ю. В. Андропова.

«Близость фронта нас ко многому обязывает. И мы прилагаем все усилия, чтобы помочь нашим бойцам крепче бить врага <...> Весной для армии понадобились накомарники. Комсомольцы стали их изготавливать. Было объявлено соревнование. <...> Армии нужны маскировочные халаты — комсомольцы шьют халаты. Летом наши комсомольцы взялись сделать для армии несколько тысяч колец к лыжным палкам. <...> К зиме комсомольцы республики взяли обязательство восстановить старое обмундирование бойцов...» [Андропов 1983: 24].

А К. У. Черненко по сути, как мы указывали выше, идентифицирует себя с деятельностью возглавляемого им органом ЦК КПСС: вначале в неопределенно-личном дискурсе, но постепенно переходя к дискурсу личному (от включенного «мы» к первому лицу «я»).

«Систематически и целеустремленно работает такой орган ЦК КПСС, как Секретариат <...> Регулярно проводятся заседания Секретариата ЦК, внимание которого сосредоточено прежде всего на подборе кадров и проверке исполнения принятых решений <...>» (Из статьи в журнале «Во-

просы истории КПСС 1971 г.). — «Недавно Секретариат ЦК КПСС, рассмотрев записку Общего отдела ЦК, принял постановление „О мерах по усилению контроля за сроками исполнения постановлений и поручений ЦК КПСС“... Я говорю об этом потому, что постановления майского Пленума ЦК относятся именно к такого рода документам... В этой связи я хотел бы обратить ваше внимание на тот факт, что подготовительную работу к Пленуму ЦК КПСС можно по справедливости назвать концентрированным выражением всей сложившейся практики демократического подхода к подготовке и решению такого рода вопросов...» (Из выступления на пленуме Красноярского крайкома КПСС в 1982 г.) [Черненко 1984: 94, 519].

Особенно «прочувствованно» и «задушевно» звучит это «я» на личных встречах с адресатом, пусть и массовым. Например, в качестве кандидата в Верховный Совет СССР.

«Трудно подыскать такие слова, которые вместили бы все, чем я обязан своим избирателям, слова, способные выразить всю глубину чувства благодарности, которые мне хотелось бы высказать сегодня. Но есть простое и, на мой взгляд, задушевное слово — спасибо, которое хочется сказать вам: спасибо вам, уважаемые товарищи и друзья, за высокое доверие, которое вы оказываете мне, за добрые чувства, за прекраснее слова, которые были сказаны в мой адрес, за теплую встречу...» [Черненко 1984: 226].

Это не столько обусловлено личностным субъективным восприятием, сколько освящено исторической ленинской традицией.

«Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин подчеркивал, что аппарат управления — ближайшие помощники партии в осуществлении ее политики, тесных связей с широкими массами коммунистов и беспартийных, в привлечении их к решению политических, хозяйственных, идеологических задач, в постоянном изучении социальных процессов, происходящих в стране» [Черненко 1984: 65].

Во всех случаях, когда К. У. Черненко цитирует ленинские мысли, он проецирует их на себя и на свою деятельность.

«Ленинский стиль партийной работы <...> Его основные черты — <...> деловитость и организованность, тесная связь с массами, четко налаженный контроль, умелая работа с кадрами, коллективность руководства и другие...» [Черненко 1984: 123].

Так автобиографическую парадигму заполняют события, зафиксированные в его эго-памяти.

Эго-память политика. Ощущение себя как лидера ведет к рефлексии значительности собственного «я» по мере изложения событий во времени. Но оно же, время, ставит некий предел субъективности, так как не все можно выставить на суд адресата, не обо всем можно рассказывать откровенно.

«Недавно в ряде первичных комсомольских организаций нашей республики были проведены собрания с докладами, посвященными истории Карелии, истории совместной борьбы русского и карельского народов против иноземных захватчиков и поработителей. Какой огромный интерес у молодежи вызвали эти собрания! <...> Мы стараемся добиться, чтобы юноши и девушки, уехавшие из родного села в ремесленные училища, на работу в город, не порывали связи с земляками. Письма от земляков, ушедших на производство в город, в армию, являются могучим оружием воспитательной работы. <...> В нашей республике разбиты десятки новых спортивных площадок, цветники, отремонтированы общежития. Но все то, что мы уже сделали, мы рассматриваем только как начало большого и важного дела...» (это из статьи в газете «Комсомольская правда» 1943 г. [Андропов 1983: 27—28]).

А вот фрагмент из выступления К. У. Черненко на торжественном собрании, посвященном вручению ордена Красного Знамени пограничному отряду Краснознаменного Восточного пограничного округа в 1979 г.: «Разумеется, товарищи, я не собираюсь сегодня выступать перед вами с личными воспоминаниями. Но все же несколько слов о том времени я хотел бы сказать <...>. Вы знаете, что для Советской страны начало 30-х годов было непростым периодом, но его пафос состоял в наступлении социализма на всех направлениях государственного, хозяйственного и культурного строительства <...> Служба на границе была пределом мечтаний для нас, тогдашних комсомольцев. А когда мечта эта сбывалась, то молодежь стремилась оправдать высокое доверие и с честью до конца выполнить свой долг...» [Черненко 1984: 256].

Контекстуально дискурс К. У. Черненко вписывается в факт его биографии: в 1931—1933 гг. он служил в 49-м погранотряде пограничной заставы Хоргос в Казахской АССР; в период службы вступил в ВКП(б) и был избран секретарем парторганизации погранотряда.

«Для меня, бывшего пограничника, сегодняшнее событие волнующе вдвойне: именно в вашем пограничном отряде началась моя воинская служба, когда я добровольцем пришел сюда в 1930 году...» [Черненко 1984: 255].

При этом следует отметить, что и Ю. В. Андропов, и К. У. Черненко в меньшей степени, чем, например, Л. И. Брежнев, приукрашивают свою роль в исторических событиях и «выпячивают» себя [Базылев 2017]. Отсюда изменение стиля, характеризующее дискурс Ю. В. Андропова и К. У. Черненко в отличие от дискурса Л. И. Брежнева и брежневской эпохи (особенно на фоне таких автобиографических текстов, как «Малая земля», «Возрождение», «Целина») в целом: стиль становится более документальным, сухим, повествовательным, реже прорывается субъективность изложения, исчезает разоблачительная традиция 60-х годов. В качестве иллюстрации сказанного можно обратиться к стенограмме встречи Ю. Андропова с московскими станкостроителями 31 января 1983 г. [Андропов 1983: 221 и сл.].

Помимо прочего, факт включения в избранные труды политического деятеля стенограммы такого рода также свидетельствует о том, что в начале 80-х годов меняется стиль дискурсивной практики политика: он становится, повторимся, стенографичен, политик все более начинает придерживаться *бюрократического*, нежели литературного стиля. При парадоксальной антонимичности лексической суггестивности текста.

«Важное условие успеха партийного руководства, — говорил на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — заключается в ленинском стиле работы. А ленинский стиль — это стиль творческий, чуждый субъективизму, проникнутый научным подходом ко всем общественным процессам. Он предполагает высокую требовательность к себе и другим, исключает самодовольство, противостоит любым проявлениям *бюрократизма* и *формализма*» (из статьи 1976 г. «Некоторые вопросы ленинского стиля в работе КПСС») [Черненко 1984: 109].

Но это не отменяет традицию мифологического в автобиографии.

Мифологическое в автобиографии. Прочитав Ю. Андропова, фрагмент из его статьи 1942 г.: «Когда по инициативе ЦК ЛКСМ в республике создавался комсомольский лыжный батальон, нам пришлось выдержать буквально натиск добровольцев. Отбор в батальон был строгий. Брали только самых выносливых, самых здоровых, самых сильных лыжников» [Андропов 1983: 21].

Налицо субъективность. Но именно это придает словам Ю. В. Андропова в начале 80-х особую ценность в глазах адресата. Ему открывается авторское отношение к эпохе, воссоздается дух времени. Неважно, что воспоминания зачастую невозможно сопоставить с достоверными фактами. Сте-

пень правдоподобия является в этом случае единственным критерием истинности. Адресату предлагается посмотреть на историческое событие «глазами документа» и «глазами политика». И это несмотря на то, что адресату кажется: факты из жизни политического лидера государства легко проверяемы по тем или иным документальным источникам.

Так же, как и в случае с К. У. Черненко, когда он выступает на встрече со своими избирателями в качестве кандидата в 1979 г.: «Перед отъездом в Кишинев я еще раз проанализировал выполнение ваших наказов и пожеланий, высказанных в период подготовки к прошлым выборам. Эти наказания, как вы помните, сводились в первую очередь к тому, чтобы мы и дальше развивали материальную основу, на которой вырастает коммунистическое общество, укрепляли и развивали нашу государственность, демократию, повышали материальное благосостояние народа, обеспечивали мир, чтобы спокойно можно было строить коммунизм. Помню я и о других ваших наказах: строительство больницы, жилья, некоторых культурных учреждений в Кишиневе. Думаю, товарищи, вы согласитесь со мной, что партия наша, которая опубликовала свою новую предвыборную программу, свое Обращение, может твердо заявить народу: все, что наметила партия перед прошлыми выборами, выполнено. <...> Каждый советский человек знает, что страна наша продвинулась вперед. Еще больше окрепли морально-политическое единство советского народа, всех наций и народностей СССР, сплоченность трудящихся вокруг Коммунистической партии и ее ленинского Центрального комитета...» [Черненко 1984: 229].

Текст в этот момент перестает быть собственным воспоминанием автора о проделанной работе, только личным прошлым. Текст начинает выполнять иную задачу — он, как гамельнский крысолов, уводит адресата в мир устоявшихся мифологем и красочных лубочных зарисовок.

Вот как Ю. Андропов описывает возвращение карело-финской молодежи к национальным истокам в противовес западному буржуазному влиянию в 1943 г.

«У нас сейчас как-то не принято петь народные песни. Мы поинтересовались на одном из предприятий поселка Сегеж, какие народные песни знает молодежь. Опросили многих. Но только двое ответили, что знают песню о Ермаке и песню о Стеньке Разине (и то не целиком!). Замечательные песни народов нашей страны, воспевающие ратные подвиги богатырей, прославляющие народную стойкость в борьбе против инозем-

ных захватчиков, подчас молодежи вовсе неизвестны.

Еще хуже обстоит дело с народными танцами. Кое-где находятся мудрецы, склонные думать, что плясать русскую, камаринскую, гопака, карельскую кадрили вообще недостойно серьезных людей. Вот, мол, танго — это совсем другое дело. Не потому ли на наших вечерах нередко царит нестерпимая скука?

Однажды на один из таких молодежных вечеров в избу-читальню пришел старый лесоруб. Долго сидел он, глядя па семенящих и толкающихся ребят, увлеченных фокстротом. А потом подошел к гармонисту, подмигнул ему и сказал:

— А ну, резани нашенскую! Да порезвее!..

Собрали круг. Старик замечательно сплясал, за ним пошли и молодые. Получилось хорошо. Старик, разгоряченный танцем, стоял в стороне и, укоризненно покачивая головой, говорил:

— Давно бы так... А то гляжу на вас и прямо молодости не вижу...

В ряде районов республики мы провели семинары организаторов песни и пляски. На эту необычную учебу молодежь собралась из колхозов, с лесопунктов. Многие, должно быть, приготовились слушать доклады. И вдруг вместо лектора пришел баянист с руководителем из Дома культуры. Сначала некоторые смеялись, но потом все были довольны.

Чтобы популяризировать народные и советские песни, мы советуем комсомольским работникам ездить в села с патефоном. Сначала это казалось несколько странным: пристало ли секретарю райкома являться на молодежные собрания с патефоном и пластинками? Книжки, свежие газеты, плакаты — это понятно. Но патефон...

Однако сельская молодежь самым искренним образом приветствовала это начинание. И комсомольские активисты увидели, что ничего зазорного в нем нет.

В Лоухском районе в избах-читальнях и красных уголках отсутствует радиотрансляция. Молодежь хочет послушать песню, выучить ее, а как это сделаешь? Дело дошло до того, что, услышав начало песни „Ты ждешь, Лизавета“, девушки сами присочинили окончание.

И вот в село приехал инструктор райкома, привез патефон, пластинки. Молодежь с жадностью слушала народные песни, записывала слова. Теперь песни поют, их несут из села в село.

В Беломорском районе комсомольцы вместе с работниками Дома культуры вос-

становливают хор поморов. Кое-что делается и в других районах. Но всего этого, конечно, явно недостаточно. Мы должны восстановить в правах традиционные народные игры, пляски, гулянья. Должны привить молодежи любовь к народной песне, к народным видам спорта» [Андропов 1983: 29—30].

Строго говоря, нельзя понимать подобный дискурс как банальную и формальную реализацию социального заказа — будь то сталинская или брежневская эпоха. Скорее, это константа советской лингвокультуры всего XX в. Это рефлектируют сами политики.

«Есть определенная закономерность в том, что у самых истоков действительно крупных, этапных явлений общественной жизни рождаются проблемы, которые как бы не стареют. Не стареют даже тогда, когда их успешное разрешение в тот или иной период уже наложило неизгладимый отпечаток на ход исторических событий. Проходят годы, сменяются поколения, а проблемы эти по-прежнему волнуют людей, требуют все нового напряжения творческой мысли, вызывают жаркие споры внутри партии...» [Черненко 1984: 495].

40 лет спустя, после повествования Ю. В. Андропова, в программном докладе на Пленуме ЦК КПСС 14 июня 1983 г. снова явно прозвучала личная озабоченность руководителя страны о культурно-духовном облике человека первого в мире социалистического государства. Эта озабоченность также есть фрагмент автопортрета — культурного автопортрета политика. Это у него, политика, есть гражданская позиция, партийный подход, идеалы, благородство жизненных целей, идейная убежденность, трудолюбие и мужество и под.

«Исходной в творчестве художника была и остается его гражданская позиция. Лишь партийный подход помогает постигать ведущие тенденции современности. Истинный талант не отгораживается от жизни, не допускает ни лубочного приукрашивания действительности, ни искусственного выпячивания теневых явлений.

Но, чего греха таить, бывает и по-другому. На экране или под пером некоторых авторов на первый план выступают порой лишь неудавшиеся судьбы, жизненные неурядицы, этакие развинченные, ноющие персонажи. А человек, особенно молодой, нуждается в идеале, воплощающем благородство жизненных целей, идейную убежденность, трудолюбие и мужество. И таких героев не надо выдумывать, они рядом с нами.

Вызывает беспокойство, что в некоторых произведениях допускаются отступления от

исторической правды, например, в оценке коллективизации, проскальзывают „богоискательские“ мотивы, идеализация патриархальщины. Встречаемся мы и с примерами, когда автор либо теряется перед сложными проблемами, либо пытается щегольнуть „нестандартным“ их толкованием, а в итоге получается искажение нашей действительности. Таких явлений можно было бы избежать, если бы во всех коллективах журналов и издательств более решительно пресекались факты беспринципности, примиренчества, субъективистских пристрастий. В полной мере сказанное относится и к формированию репертуара театра и кино.

Не все удовлетворяет нас и в таком популярном искусстве, как эстрадное. Нельзя, например, не видеть, что на волне этой популярности подчас всплывают музыкальные ансамбли с программами сомнительного свойства, что наносит идейный и эстетический ущерб.

Более тщательно следует подходить к отбору зарубежной духовной продукции, которую мы получаем по культурному обмену. Ведь известно, что наряду с произведениями содержательными к нам попадают фильмы, пьесы, издания, музыка, для которых характерны безыдейность, пошлость, художественная несостоятельность. Нельзя забывать, товарищи, что здесь для нас на первом месте должен быть не коммерческий, а политический подход <...> [Черненко 1984: 588—589].

Это действительно их личные переживания и тревоги, которые и Ю. В. Андропов, и К. У. Черненко желали передать адресату в надежде на его восприимчивость и нетерпимость к противоположному.

И Ю. В. Андропов, и К. У. Черненко тем самым манифестировали свою причастность к «великим теням» недавнего прошлого, овеянного ностальгическим туманом и на их глазах превращающегося в миф.

К тому же они помещали свою биографию внутрь биографии всей страны, т. е. каждого советского гражданина СССР.

«Здесь, в этом зале, собрались те, кто входит в штаб нашей партии, который восемнадцать лет бессленно возглавлял Леонид Ильич. Каждый из нас знает, сколько сил и души вложил он в организацию дружной, коллективной работы, в то, чтобы этот штаб прокладывал верный ленинский курс. Каждый из нас знает, какой неоценимый вклад внес Леонид Ильич в создание той здоровой морально-политической атмосферы, которая характеризует сегодня жизнь и деятельность нашей партии» [Андропов 1983: 205].

При этом у Ю. В. Андропова следует от-

метить более узкий диапазон этой включенности: исключительно 60-е годы, эпоха Л. И. Брежнева и сам Леонид Ильич. У К. Черненко этот диапазон шире: он позволяет себе включить в него М. И. Калинина и С. М. Кирова, Н. К. Крупскую и К. Маркса, и самого Ю. В. Андропова, а не только В. И. Ленина и Л. И. Брежнева [Черненко 1984: 341, 482, 576, 577, 584, 607].

«С. М. Киров считал, что без изучения местного опыта, без умения доводить дело до намеченного результата невозможно наладить живое руководство деятельностью партийных организаций. „Надо поставить дело так, — советовал С. М. Киров, — чтобы посылаемым людям давать конкретные задания: поезжай в районный комитет, поменьше командуй, поменьше изображай режиссера, а помоги работать, поделись опытом, помоги настроить дело и посиди, пока его не закончишь“» [Черненко 1984: 482].

В тексте дается ссылка на избранные речи и статьи С. М. Кирова 1912—1934 гг. Здесь следует напомнить о том, что именно в период правления К. У. Черненко был запущен очередной, так и не удавшийся, проект по полной политической реабилитации Сталина. В связи с этим укажем в качестве комментария, что впервые такой проект появился еще в начале правления Л. И. Брежнева в середине 60-х. Но первая информация об этом вызвала протестное движение, известное по таким документам, как «Письмо 25-ти» и «Письмо 13-ти» 1966 г. Это была реакция на торжественное заседание в Кремле 8 мая 1965 г., когда Л. И. Брежнев впервые после многолетних умолчаний под аплодисменты зала упомянул имя Сталина. Затем, в конце 1969 года, к 90-летнему юбилею Сталина, М. А. Суслов^[2] организовал ряд мероприятий по его реабилитации и был близок к цели. Однако резкие протесты интеллигенции, включая часть, приближенную к властной элите, заставили и Брежнева, и Суслова свернуть кампанию [Медведев 1992].

Опосредованная и завуалированная форма саморефлексии позволяла в данном случае достичь очень высокой степени откровенности.

«Мне, как вашему депутату, особенно приятно, что трудящиеся Ступинского, Каширского, Серебряно-Прудского и Домодедовского районов вносят достойный вклад в общие трудовые усилия советского народа...» [Андропов 1983: 171].

Общественно-исторический миф всегда непосредственно ориентирован на коллективную и одновременно индивидуальную историческую память и представляет собой

сильнейший регулятор общественного поведения при поисках ориентира для идентификации.

«Затем к присутствующим обратился Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов.

Дорогие товарищи! Большое спасибо вам за теплую встречу. Я воспринимаю такое ваше отношение как аванс на будущее и постараюсь работать так, чтобы оправдать ваше доверие. Естественно, что это я отношу не к себе лично, а к Центральному Комитету и Политбюро. Спасибо вам за это...» [Андропов 1983: 223].

Разумеется, такое мифотворчество возникает вследствие того, что никакое общество не может существовать, если основная масса его граждан не готова подчиняться его законам, следовать его нормам, традициям и обычаям, если не испытывает удовлетворения от принадлежности к нему как к своему миру. Эта готовность имеет своим основанием еще более глубокую интенцию — потребность в солидарности общественного коллектива. Здесь вновь можно обратиться в качестве примера к стенограмме встречи Ю. В. Андропова с московскими станкостроителями 31 января 1983 г. [Андропов 1983: 221—222, 229].

Это мы и наблюдаем в советском сообществе 80-х годов, эпохе прихода во власть Ю. В. Андропова и К. У. Черненко — обществе, стремящемся к единению через прошлое. Потому что во всех этих «голых фактах» объективная информация о реальных действиях главы государства: Ю. В. Андропова и К. У. Черненко — невольно совмещается с авторскими представлениями о наиболее выгодных перспективах и возможностях развития страны в годы их правления, о приемлемости последующего этапа ее истории и подобных вещах, подверженных периодическим изменениям и пересмотрам. По сути, речь идет о документальной реальности страны, отраженной в автобиографии.

Документальное в автореферентном дискурсе Ю. В. Андропова и К. У. Черненко. Автореферентный дискурс политика группирует вокруг себя множество явлений действительности. Таким образом возникает пограничное состояние, при котором жанровое разнообразие текстов, из которых конструируется «избранное», предполагает и определенную дозу вымысла, в чем мы могли убедиться выше, документальную основу, опирающуюся на пережитую реальность.

Так это прочитывается в Ответах на вопросы корреспондента газеты «Правда» в 1983 и в Ответах журналу «Шпигель» в 1983 году у Ю. В. Андропова [Андропов 1983: 250, 259].

Так же — во многочисленных выступлениях К. У. Черненко: в Речи на встрече с избирателями Куйбышевского избирательного округа г. Москвы, в Речи на внеочередном Пленуме ЦК КПСС, в Речи на вручении орденов городам Фрунзе, Челябинску, Тбилиси [Черненко 1984: 303, 555, 241, 338, 544].

Из речи К. Черненко при вручении городу Тбилиси ордена Ленина 29 октября 1982 г.: «А какие хорошие, добрые перемены городу приносил каждый послевоенный год! Я не хочу сказать, что все было ровно и розово. Собственно говоря, вы не хуже меня знаете о сложной политической работе, которую вам нужно было провести после известного постановления Центрального Комитета КПСС „Об организаторской и политической работе Тбилисского горкома Компартии Грузии по выполнению решений XXIV съезда КПСС“. Это была борьба за здоровый политический климат в республике, борьба, если угодно, за ее доброе имя, за ее честь. И коммунисты Тбилиси, всей Грузии во главе с товарищем Шеварднадзе хорошо справились с задачами, поставленными Центральным Комитетом КПСС. (*Аплодисменты.*)» [Черненко 1984: 545].

Здесь необходим краткий комментарий: речь идет о том, что начиная с 1972 г., когда Э. Шеварднадзе при поддержке Ю. В. Андропова стал первым секретарем ЦК КПСС Грузии, развернулась очередная борьба с коррупцией в республике, начавшаяся с чистки партийных рядов. Именно к этому призывало то самое постановление 1975 г., о котором упоминает К. У. Черненко. Подробнее он остановится на нем в статье для журнала «Вопросы истории КПСС» за 1975 г. «Некоторые вопросы совершенствования партийного и государственного аппарата» [Черненко 1984: 65 и сл].

При этом все же четкую грань между документальным фрагментом и мифологическим в подобных дискурсах иногда провести крайне трудно. Смысл и событие могут встретиться, в итоге рождается осмысленная событийность. Ведь описываемые события, как правило, плохо документированы и не поддаются перекрестной проверке по иным источникам, так как политический лидер обязательно находится лично как бы внутри повествования. Выше мы упоминали смену грамматического включенного «мы» на личностное «я» на примере дискурса К. У. Черненко.

Приведем несколько иллюстрирующих отмеченную особенность примеров из текстов К. У. Черненко начала 80-х гг.: «Я говорю об этом потому, что постановления майского Пленума ЦК относятся именно к такого рода документам <...> В этой связи хотел бы

обратить ваше внимание на тот факт, что подготовительную работу можно по справедливости назвать концентрированным выражением всей сложившейся практики демократического подхода к подготовке таких решений <...> Я сознательно, товарищи, в своем выступлении не привожу факты и цифры... <...> Но все же я не могу удержаться, чтобы не сказать о красноярских комбайностроителях <...> Здесь я хочу, товарищи, еще раз обратить внимание на вопросы развития животноводства в вашем крае <...>» [Черненко 1984: 520, 522, 524—525].

Поясним теперь, что коммуникативно-грамматическое оформление текста связано с субъектной перспективой нарратора и с его субъектной сферой. В их взаимодействии и подмене скрываются основные, характеризующие текст предикаты «достоверности» и «субъективности». Беспристрастное изложение фактов и предполагаемая авторская оценка — еще один ключевой фактор. В дискурсе, базирующемся на концепции идентичности и правды, ощущается меньшая связь между опытом и дискурсом, чем между дискурсом и опытом. Отсюда — гипертипизация и вымышленные образы.

Как у К. У. Черненко: «Быть рядом с Лениным Ильичем, слушать его, воочию ощущать остроту ума, находчивость, жизнелюбие — это была школа для всех нас, кому выпало счастье работать с ним рука об руку <...>» [Черненко 1984: 555].

По цитируемым в статье примерам видно, какую большую нагрузку имеет вымысел. Но следует помнить, что при конструировании автобиографии главная цель политика — это создание своего образа, создание своего характера на основании прожитой им жизни. При этом всегда заметно стремление пишущего подчеркнуть уникальность своего жизненного пути.

Тексты, опубликованные в «Избранном» Ю. Андропова и К. Черненко, в достаточной мере «оснащены» художественными приемами, их автобиографический дискурс почти неразличим, но это не значит, что он отсутствует. И это лишний раз доказывает, как сложно провести грань между вымыслом и реальностью в подобных автодокументальных текстах.

Заключение. Обстановка, люди, среда, страна — все это изменилось по сравнению с тем, когда для адресата были актуальны тексты «Избранного» Ю. В. Андропова и К. У. Черненко. Наша историческая память, в попытке зацепиться хоть за какие-то отголоски прошлого, вынуждена достраивать то, чего не было, и убеждать себя, что так и было на самом деле, что, несомненно, рождает миф.

Таким образом, социальная мифологема напрямую увязана с документальностью текста, опирающегося на ненадежные механизмы человеческой памяти. Не случайно Поль де Ман и вовсе полагал автобиографию не жанром, а фигурой речи, которая так или иначе проявляется во всех текстах. Он предложил разделение на «автора текста» и «автора в тексте», в чьих сложных взаимоотношениях и прослеживается момент истины. Их взаимоотношения основаны на том жизненном опыте автора — политического лидера, когда в контексте автореферентного нарратива имеет место синтез и взаимопроникновение социального, культурного, религиозного и т. п. внутреннего мира автора, осознаваемого через мир его же самого. Взгляд на себя со стороны не всегда, конечно, объективен. Скорее и чаще даже субъективен, но он интересен тем, что автор «прочитывает» и анализирует себя самого [Поль де Ман 2019].

А это, в свою очередь, открывает для исследователя лингвоперсоналогического поля новые перспективы. Среди них — изучение автореферентного нарратива политического лидера как некоей утопии — личностной и общественной, как утопической «я»-ориентированной модели в современных и исторических социокультурных практиках [Утопические проекты... 2019].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Совмин, аббр. Совет министров СССР (син. Правительство СССР) — высший коллегиальный орган исполнительной и распорядительной государственной власти СССР в период с 1946 по 1991 г.; обладал правом законодательной инициативы; председатель Совмина — это по сути глава правительства страны; Николай Александрович Тихонов возглавлял Совмин с 1980 по 1985 г., будучи одним из самых пожилых глав правительства (с 75 до 80 лет) в послевоенной истории Европы.

[2]. Михаил Андреевич Суслов (1902—1982) — советский партийный и государственный деятель; являлся идеологом партии, и его иногда называли «серым кардиналом» советского строя и «Победоносцевым Советского Союза».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. — М.: Политиздат, 1983. 320 с.
2. Базылев В. Н. Жанры соцреализма: «Собрание сочинений» и «Избранные труды» от советских политических лидеров // Жанры речи. 2018. № 1. С. 48—55.
3. Базылев В. Н. О времени и о себе — «Дорогом Леониде Ильиче» // Политическая лингвистика. 2017. № 6. С. 12—21.
4. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. — М.: Наука, 1994. 304 с.
5. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. — М.: Знак, 2010. 600 с.
6. Деррида Ж. О грамматологии. — М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

7. Добренко Е. А. Формовка советского читателя. — М. : Академический проект, 1997. 340 с.
8. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Политиздат, 1957. Т. 8. 689 с.
9. Медведев Р. А. Андропов. — М. : Молодая гвардия, 2012. 434 с.
10. Медведев Р. А., Ермаков Д. А. «Серый кардинал». М. А. Сулов: политический портрет. — М. : Республика, 1992. 240 с.
11. Нуркова В. В. Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии // Психология : журн. Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 2. С. 64—82.
12. Нуркова В. В. Анализ феноменологии автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 17—25.
13. Плотникова С. А. Неискренний дискурс. — Иркутск : ИГЛУ, 2000. 244 с.

14. Пол де Ман. Сопротивление теории. Современная литературная теория. Антология [Электронный ресурс]. URL: fil.wikireading.ru (дата обращения: 12.06.2019).
15. Прибытков В. В. Черненко. — М. : Молодая гвардия, 2009. 224 с.
16. Сорокин В. Г. Тридцатая любовь Марини. — М. : АСТ, 2017. 448 с.
17. Утопические проекты в истории культуры : материалы 2-й Всерос. науч. конф. / под ред. Т. С. Паниотова. — Ростов н/Д : Южный федеральный ун-т, 2019. 272 с.
18. Чазов Е. И. Хоровод смертей: Брежнев, Андропов, Черненко... — М. : Алгоритм, 2014. 570 с.
19. Черненко К. У. Избранные речи и статьи. — М. : Политиздат, 1984. 670 с.
20. Чудинов А. П., Нахимова Е. А., Никифорова М. В. Российская лингвополитическая персонология: исследование образов политических лидеров // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 14—31.

V. N. Bazylev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8952-9485

 E-mail: v-bazylev@inbox.ru.

“Shall we Take off the Caps?...”: Yuri Andropov and Konstantin Chernenko

ABSTRACT. *The article continues an authored series of psycho-political analysis of self-portraits of politicians of the Soviet epoch. The previous papers were devoted to the Soviet Communist Party leaders and statesmen – Lazar Kaganovich and Nikita Khrushchev, Leonid Brezhnev and Mikhail Gorbachev. The given article looks at the analysis of self-portrait narrative of Yu. V. Andropov and K. U. Chernenko within the scientific paradigm of political linguistics. The aim of the study is to show the strategy of reading and comprehension of autobiography of a political leader as a communicative role act authorizing his self-consciousness and self-representation. The paper argues that the creation of a political narrative is determined by the main factor: the political leader is a diegetic narrator in the history of the country. The article analyzes intentional speech acts of the politician within the framework of the narrative strategy using intertext, collective narration and author's text. The research is carried out within the paradigm of modern narratology which looks at the text from the point of view of its fictionality and factuality (reality) and the types of narrators (story-tellers) and the image of the author. The article notes that Yu. V. Andropov and K. U. Chernenko do not emphasize their role in the history as vehemently as, for instance, L. I. Brezhnev, which results in a change of the style of their discourse: it becomes more documentary, dry, narrative, less subjective and not given to the denouncing tradition of the 60s. The selected works of a political leader begin to include transcripts, which demonstrates adherence to the bureaucratic and not to the literary style. It is shown how mythological and documentary strategies combine in such texts.*

KEYWORDS: *autobiographies of politicians; political linguistics; political discourse; political psychology; politicians; reading strategies; text interpretation; political narrative; linguopersonology.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Bazylev Vladimir Nikolaevich, Professor, Dr. habil. of Philology, The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Bazylev, V. N. “Shall we Take off the Caps?...”: Yuri Andropov and Konstantin Chernenko / V. N. Bazylev // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 34-45. — DOI 10.26170/pl19-05-03.*

REFERENCES

1. Andropov Yu. V. Selected Speeches and Articles. — Moscow : Politizdat, 1983. 320 p. [Izbrannyye rechi i stat'i. — M. : Politizdat, 1983. 320 s.]. — (In Rus.)
2. Bazylev V. N. Genres of Socialist Realism: “Collected Works” and “Selected Works” from Soviet Political Leaders // Genres of Speech. 2018. No. 1. P. 48—55. [Zhanry sotsrealizma: «Sobranie sochineniy» i «Izbrannyye trudy» ot sovetsskikh politicheskikh liderov // Zhanry rechi. 2018. № 1. S. 48—55]. — (In Rus.)
3. Bazylev V. N. About His Time and About Himself: Leonid I. Brezhnev // Political Linguistics. 2017. No 6. P. 12—21. [O vremeni i o sebe — «Dorogom Leonide Il'iche» // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 6. S. 12—21]. — (In Rus.)
4. Gasparov B. M. Literary Leitmotifs. — Moscow : Science, 1994. 304 p. [Literaturnyye leytmotivy. — M. : Nauka, 1994. 304 s.]. — (In Rus.)
5. Dement'ev V. V. Theory of Speech Genres. — Moscow : Sign, 2010. 600 s. [Teoriya rechevykh zhanrov. — M. : Znak, 2010. 600 s.]. — (In Rus.)
6. Derrida Zh. About Grammatology. — Moscow : Ad Marginem, 2000. 512 p. [O grammatologii. — M. : Ad Marginem, 2000. 512 s.]. — (In Rus.)
7. Dobrenko E. A. Formation of the Soviet Reader. — Moscow : Academic project, 1997. 340 p. [Formovka sovetskogo chitatelya. — M. : Akademicheskiiy proekt, 1997. 340 s.]. — (In Rus.)
8. Marks K. Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte // Works / K. Marx, F. Engels. — Moscow : Politizdat, 1957. Vol. 8. 689 p. [Vosemnadtsatoye bryumera Lui Bonaparta // Sochineniya / K. Marks, F. Engel's. — M. : Politizdat, 1957. T. 8. 689 s.]. — (In Rus.)
9. Medvedev R. A. Andropov. — Moscow : Young Guard, 2012. 443 p. [Andropov. — M. : Molodaya gvardiya, 2012. 434 s.]. — (In Rus.)
10. Medvedev R. A., Ermakov D. A. “Gray Cardinal”. M. A. Suslov: a political portrait. — Moscow : Republic, 1992. 240 p. [«Seryy kardinal». M. A. Suslov: politicheskiiy portret. — M. : Respublika, 1992. 240 s.]. — (In Rus.)

11. Nurkova V. V. Autobiographical Memory in the Optics of Cultural-historical and Activity Methodology // Psychology : Journ. of Higher School of Economics. 2010. Vol. 7. No. 2. P. 64—82. [Avtobiograficheskaya pamyat' v optike kul'turno-istoricheskoy i deyatel'nostnoy metodologii // Psikhologiya : zhurn. Vysshey shkoly ekonomiki. 2010. T. 7. № 2. S. 64—82]. — (In Rus.)
12. Nurkova V. V. Analysis of the Phenomenology of Autobiographical Memory from the Standpoint of the Cultural-historical Approach // Cultural-historical Psychology. 2008. No. 1. P. 17—25. [Analiz fenomenologii avtobiograficheskoy pamyati s pozitsiy kul'turno-istoricheskogo podkhoda // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2008. № 1. S. 17—25]. — (In Rus.)
13. Plotnikova S. A. Insincere Discourse. — Irkutsk : IGLU, 2000. 244 p. [Neiskrenniy diskurs. — Irkutsk : IGLU, 2000. 244 s.]. — (In Rus.)
14. Paul de Mans. Resistance to Theory. Modern Literary Theory. Anthology [Electronic resource]. [Soprotivlenie teorii. Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya]. URL: fil.wikireading.ru (date of access: 12.06.2019). — (In Rus.)
15. Pribytkov V. V. Chernenko. — Moscow : Young Guard, 2009. 224 p. [Chernenko. — M. : Molodaya gvardiya, 2009. 224 s.]. — (In Rus.)
16. Sorokin V. G. Thirtieth Love of Marina. — Moscow : AST, 2017. 448 p. [Tritsatsataya lyubov' Mariny. — M. : AST, 2017. 448 s.]. — (In Rus.)
17. Utopian Projects in the History of Culture : materials of the 2nd All-Russian scientific conf. / ed. T. S. Paniotova. — Rostov on Don : Southern Federal University, 2019. 272 p. [Utopicheskie proekty v istorii kul'tury : materialy 2-y Vseros. nauch. konf. / pod red. T. S. Paniotova. — Rostov n/D : Yuzhnyy federal'nyy un-t, 2019. 272 s.]. — (In Rus.)
18. Chazov E. I. Round Dance of Deaths: Brezhnev, Andropov, Chernenko ... — Moscow : Algorithm, 2014. 570 p. [Khorovod smertey: Brezhnev, Andropov, Chernenko... — M. : Algoritm, 2014. 570 s.]. — (In Rus.)
19. Chernenko K. U. Selected Speeches and Articles. — Moscow : Politizdat, 1984. 670 p. [Izbrannye rechi i stat'i. — M. : Politizdat, 1984. 670 s.]. — (In Rus.)
20. Chudinov A. P., Nakhimova E. A., Nikiforova M. V. Russian Linguopolitical Personology: a Study of the Images of Political Leaders // Proceedings of Rus. University of Friendship of Peoples. Ser. : Theory of Language. Semiotics. Semantics. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 14—31. [Rossiyskaya lingvopoliticheskaya personologiya: issledovanie obrazov politicheskikh liderov // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2018. T. 9. № 1. S. 14—31]. — (In Rus.)

А. В. Корниенко

Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0532-3760

E-mail: av.kornienko@mail.ru.

Дискурс «Фейсбука» в непрямом диалоге с властью

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты анализа дискурса «Фейсбука» в его отражении в извлеченных из него словах, выражениях и фразах, ставших победителями ежегодно проводимого в России в течение 12 лет конкурса «Слово года». Сам конкурс, имеющий международный статус, проводится с целью выявления тех слов, выражений и фраз, укорененных в языке либо только появившихся в истекшем году, которые приобрели в контрольный период общественное звучание, получили общественный резонанс. Именно они, признанные Экспертным советом Центра творческого развития русского языка призерами конкурса на основании строгих количественно-качественных критериев отбора, по убеждению экспертов, отражают подлинные унастроения людей, служат показателями эмоционального и интеллектуального состояния общества. Качественный анализ полного массива призеров конкурса ориентировался на определение его ключевых характеристик. Проведенное исследование позволяет сделать выводы о нескольких сложившихся к настоящему времени тенденциях функционирования фейбучного дискурса, а именно его отчетливой политизации, критичности по отношению к высказываниям и действиям власти, негативной сверхоценочности, насыщенности элементами языковой игры, направленной на намеренное понижение оценочных смыслов. Также исследование показало: абсолютное большинство неологизмов-призеров конкурса, возникших как ответная реакция пользователей «Фейсбука» на управленческие решения власти, имеют русские корни и созданы на словообразовательной базе русского языка. Полученные результаты — свидетельство того, что в наши дни социальная сеть «Фейсбук» — активный участник непрямого диалога общества с властью, диалога критичного, повышено эмоционального, апеллирующего к языковой игре на понижение оценочных смыслов и предлагающего альтернативные обозначения социальных реалий. Слова же года, запечатлевающие в себе атмосферу наших дней, текущие события и отношение к ним людей, определяют проблематику столь необходимого двустороннего диалога общества и власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: слова года; Интернет; интернет-дискурс; языковая игра; политический дискурс; русский язык; социальные сети.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Корниенко Алла Владимировна, научный сотрудник, сектор социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург; 190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; e-mail: av.kornienko@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Корниенко, А. В. Дискурс «Фейсбука» в непрямом диалоге с властью / А. В. Корниенко // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 46-56. — DOI 10.26170/pl19-05-04.

Стремительно вторгшиеся в наш обиход социальные сети быстро завоевали широчайший круг приверженцев. Сегодня один только «Фейсбук», прочно удерживающий первенство в рейтинге популярности соцсетей, имеет в России суточную аудиторию более шести миллионов человек [Facebook раскрыла ежедневную аудиторию в России 2019]. Социальные сети кардинально изменили нашу жизнь. Многие люди, профессионально свободные от создания связных и цельных текстов, стали добровольно и активно писать их для «Фейсбука», оттачивая навыки владения письменным языком. И это радует, поскольку по сей день наше школьное образование, увы, сконцентрировано на нормативности, правильности/неправильности языкового употребления, а не на умении выражать свои мысли и пользоваться языком в целях общения. Пишущие в «Фейсбуке» обрели тем самым значимый для себя канал

самовыражения и самопрезентации в публичном пространстве, социологи же обогатились дополнительным источником важной информации об отношении людей к происходящему, их настроениях и оценках разных событий. В свою очередь, лингвисты столкнулись с новыми объектами исследований: дискурсом социальных сетей и их языком, равно как и языком интернета в целом, существенно отличающимся от современного русского литературного языка, что видно хотя бы по вышедшему недавно «Словарю языка интернета» [Словарь языка интернета.ru 2016]. «Фейсбук» позволяет специалистам отслеживать языковые изменения, пополнение словарника, судить об особенностях неофициального языка, спонтанной языковой коммуникации. Вместе с тем соцсети в целом и «Фейсбук», о котором пойдет речь далее, в частности, стали открытым каналом непрямого диалога общества с властью, что подтверждают итоги еже-

годно проводимого в России в течение 12 лет конкурса «Слово года».

Несколько слов о самом конкурсе. Он имеет международный статус. В России впервые был проведен в 2007 г. Его инициатор, организатор и куратор — известный филолог, философ и культуролог М. Н. Эпштейн. Согласно замыслу, цель конкурса — выявление тех уже утвердившихся в языке слов, выражений и фраз, а также появившихся неологизмов, которые приобрели в текущем году общественное звучание, получили общественный резонанс. Именно они, с точки зрения организаторов конкурса, отражают подлинные умонастроения людей, служат показателями эмоционального и интеллектуального состояния общества [Эпштейн 2013]. Из имеющихся в лингвистическом арсенале концепций: ключевых слов культуры (Анна Вежбицкая) [Вежбицкая 1999], лингвокультурных констант (Ю. С. Степанов) [Степанов 2004], ключевых слов текущего момента (Т. В. Шмелева) [Шмелева 1993] — концепция слов года теснее всего связана с последней. Она аналогичным образом опирается на критерий частотности слова, говорящий о его популярности или популярности реалии, им означенной, учитывает грамматический потенциал слова, его синтагматику и парадигматику, принимает во внимание факты языковой игры с ним.

В конкурсе четыре номинации: первые две — «Слово года» и «Выражение/Фраза года» — сфокусированы на уже бытующих в языке лексических единицах, третья — «Протологизмы» — аккумулирует новые слова и выражения. Четвертая номинация — «Антиязык», она же «Язык лжи, агрессии, пропаганды» — объединяет высказывания власти, относящиеся к контрольному периоду. Призеров конкурса определяет по специально разработанной формализованной процедуре Экспертный совет, созданный при Центре развития русского языка и объединяющий специалистов разного профиля: лингвистов, писателей, журналистов, культурологов, психологов, социологов. Первичный материал конкурса собирается через социальную сеть «Фейсбук». В сборе участвуют 300 человек, распределенных в две группы, после чего в работу вступают эксперты.

По итогам экспертного голосования в разные годы призерами конкурса избирались слова: *гламур, блог* — 2007 (обе лексемы, заметим, заимствованные и неполитизированные); *великодержавность, кризис* — 2008; *Болотная* — 2012; *проФАНация науки, наукопомрачение* — 2013; *бандеровцы, крымнаш* (именно в таком, слитном написании, которое оформилось очень быстро) —

2014; *беженцы* — 2015; *брексит, неужазант* — 2016. В номинации «Выражение/Фраза года» побеждали обороты *антисиротский закон, гибридная война, вмешательство в выборы*, фразы *хватит кормить Кавказ; правда в силе: кто сильнее, тот и прав*.

Анализ массива призеров конкурса разных лет по первым трем вышеназванным номинациям позволяет выделить несколько общих признаков, характеризующих слова, выражения и фразы года. Во-первых, победители конкурса, как правило, являют собой реакции пользователей «Фейсбука» на текущие политические события, высказывания и/или действия властей. Так, последний по времени конкурс-2018 запомнится словами «*новичок*», «*токсичный*», «*пенсия, пенсионер*», выражениями «*солберецкий собор*» (другое всплывшее написание — «солберецкий собор» — менее распространено), «*пенсионная реформа, театральное дело*», протологизмами «*вохрократия, пенсиянин, выборрариум*», именуемыми соответственно власть силовиков, спецслужб; россиянина, волею судеб дожившего до реформированной пенсии, и избирательный участок. Лишь на старте конкурса, в 2007 г., его победителями оказались далекие от политики слова *гламур, блог* и *нано-* (в качестве приставки); с 2008 г. и по сей день наблюдается активная политизация призеров конкурса. Среди них, конечно, имеются и такие лексические единицы, как «*покемоны*», пришедшие к нам вместе с широко распространеннейшей по миру в 2016 г. компьютерной игрой, вызвавшей заметный общественный резонанс, или короткий, но меткий англицизм «*хайп*» (2017), или весьма актуальное словосочетание «*банный день*» (2014), подразумевающее тот самый день, когда пользователи «Фейсбука» банят (глагол образован от английского *ban* «запрещать» или «запрет» [Словарь языка интернета.ru 2016: 176]) тех, с кем прекращают общение в интернете, но все эти выражения выглядят скорее исключениями из наблюдаемых предпочтений пишущей в «Фейсбуке» публики.

Сказанное говорит в пользу политизации публичного дискурса «Фейсбука» и его языка, придания им политического характера. Данное обстоятельство вполне вписывается в наблюдаемую нами повсеместно политизацию различных сфер общественной жизни (науки, образования, культуры в целом), а значит, не остаются в стороне от названного процесса и его первоосновы — общественный дискурс вкупе с языком как универсальным средством социальной коммуникации. При этом политическая ангажированность

языка порой доводится до предельной черты, когда политическую подоплеку приобретают не только полнозначные слова, но даже неполнозначные предлоги. Достаточно вспомнить пресловутые *на Украине — в Украине, на Донбассе — в Донбассе*, расколовшие общество надвое и превратившиеся в маркеры политических позиций.

Второй признак массива победителей конкурса — их преимущественно негативный оценочный ореол. Преобладающая доля слов и выражений года явно тяготеет к левому, отрицательному полюсу оценочной шкалы. Они несут свой безусловный негативный заряд в самих себе, поскольку являются прагмемами — словами сдвоенного, «предметно»-оценочного значения, сохраняющими свой негативизм всегда, в любом контексте. Прагмема — то, что специалисты квалифицируют как самое сильное средство языкового воздействия коммуникатора на реципиента [Эпштейн 1991: 31], то, что Д. Болинджер справедливо назвал «заряженным оружием», которое стреляет всегда, намеренно или произвольно [Болинджер]. Примеры подобных слов — уже упоминавшиеся лексемы *токсичный, наукопомрачение, антисиротский (закон), (гибридная) война*, равно как и иные призеры конкурса: *(допинговый) скандал, гол-политика, распилокрафия, Госдур, домогант, зломенитый* и пр.

Лингвисты констатируют: «В любом языке гораздо больше негативной лексики, чем позитивной, больше оскорбительной, чем хвалебной» [Кронгауз 2015: 158]. В общественном дискурсе аналогичная ситуация, а именно «асимметрия в оценках, направленная в сторону пессимизма», по выражению А. Вежибицкой: негативные оценки в своей совокупности стремятся перевешивать позитивные. Причина такого явления — в асимметрии самих оценочных предикатов «хорошо» (+) и «плохо» (–), подробно исследованной Е. М. Вольф и рожденной несоответствием способов выражения хорошего и плохого. Положительные оценки чаще ориентированы на отношение оценивающего субъекта к событию в целом, в то время как отрицательные предпочитают указывать на свойства и действия оцениваемого объекта, хотя бы и вымышленные [Вольф 2002: 20]. Кроме того, хотя «хорошо» означает и соответствие норме, и ее превышение, а «плохо» — всегда отклонение от нормы [Вольф 2002: 19], то, что поначалу вызывает радость и одобрение, с течением времени начинает восприниматься людьми как нормативное, должное и мыслится ими уже безоценочно, тогда как любое отклонение от нормы неизменно рождает острое недовольство.

Принимая во внимание существующую двойную асимметрию позитивных и негативных оценок, мы априори предполагали, что дискурс «Фейсбука» не есть исключение из общего правила и извлеченные из него слова года будут нести в себе оценочный дисбаланс, что и показал наш анализ. Новостью оказалось то, что превалирующая их часть — прагмема, в которых резко негативная оценка встроена уже изначально, а не сообщается контекстом их употребления. Добавим, что в массиве слов года почти совсем отсутствуют положительно заряженные прагмема, которые порой находим в призерах аналогичного конкурса других стран. К примеру, Китай в 2013 г. отметился словосочетанием *позитивная энергия* [Словарь перемен — 2014 2015: 21], а через пару лет иероглифом *неподкупность* [Словарь перемен — 2015—2016 2018: 100]; тогда же в Японии победителем был признан иероглиф, означающий «спокойствие», «безопасность» [Там же]. Установленные нами факты свидетельствуют о критическом отношении пользователей «Фейсбука» к решениям власти, которое они объективируют через социальную сеть. Оно и есть тот экстралингвистический фактор, который придает словам года отрицательную энергию.

Третий признак анализируемого массива призеров конкурса усматривается в пронизанности насмешкой значительной его части. Особенно это касается протологизмов — новых слов, выражений и фраз, возникших как ответная вербальная реакция на текущие политические события и демонстрирующих словообразовательные возможности пользователей «Фейсбука». Опираясь термином «насмешка», мы, в опоре на Большой толковый словарь русского языка, мыслим под ним «обидную шутку по поводу кого-, чего-либо» [Большой толковый словарь русского языка 1998: 600]. Лингвисты включают в семантическую формулу данного термина как минимум три элемента: 1) шутка, 2) причиняющая обиду, 3) свидетельствующая о несерьезном отношении к объекту [Карасик 2013: 117]. Они подчеркивают преднамеренность насмешки и ее проникнутость духом оппозиционности коммуникатора по отношению к реципиенту. Функционально насмешка служит инструментом понижения оценки объекта, дискредитации описываемого; иными словами, насмешку можно определить как вид языковой игры, направленной на снижение оценочных смыслов^[1].

Среди победителей конкурса гуляют слова и выражения *Госдур, здравохоронение, наукопомрачение, зломенитый,*

домогант, стабилизец, пилинг и отка- тинг, депутаты и депутаты, фраза *вперед в темное прошлое* и многие дру- гие. В последнем по времени конкурсе, по- вторим, в номинации «Протологизмы» вы- двинулись слова *вохрократия, пенсиянин* и *выборрариум*. Примеры использования в «Фейсбуке» всего перечисленного не остав- ляют сомнений в их подчеркнута насмешли- вом характере: *всем — закон, себе — по- нятия, — вот что значит вохрократия; когда я стану пенсиянин, сосед мой бу- дет марсианин; в ходе весеннего вы- боррариума из предвыборной гонки ес- тественным путём убыло четверо кандидатов*. В заключительной фразе без- зымянный пользователь «Фейсбука» обы- грывает уже появившееся у слова *выборра- риум* вторичное, переносное значение: «из- бирательная кампания, сопровождающаяся скандалами, инсинуациями, драками или мелкими потасовками».

Еще ярче тенденция насмешливого, не- серьезного отношения к описываемому объек- ту проступает при взгляде на лексические единицы, хотя и не ставшие призерами кон- курса, но участвовавшие в нем и претендо- вавшие на победу. Среди них в общем списке претендентов 2018 г. находим слово *инопо- литянин*, означающее политика, который смотрит на жизнь словно с другой планеты, действия которого идут вразрез со здравым смыслом, и сложносоставное новообразова- ние *золотопогоно-гопота* (иное написание слитное: *золотопогоногопота*), хлестко именуемое гопничающий генералитет, слу- жащий не по закону и уставу, а по «понятиям». Среди них и выражение *сердечно-засудис- тая система*, указывающее на такое состоя- ние судебной системы, при котором судьи, при всем своим сочувствии и сострадании к под- судимому, вынуждены по указке сверху выно- сить обвинительные приговоры, и выражение *солсбермудский треугольник* — название для территории, на которой происходят не- понятные действия шпионского характера, переходящие в фарс, а также для самих этих действий. Из протологизмов-претен- дентов более ранних лет можно вспомнить *криминалиссимуса, распилократию, ба- нанотехнологии, обсирились, гиподер- жаву, карманизацию* и пр.

Насмешка, как отмечают специалисты, может нести в себе разную субъективную модальность, манифестирующую отношение говорящего или пишущего субъекта к сооб- щаемому и обнаруживающую его эмоцио- нальную реакцию на предмет сообщения. Насмешка может быть проявлением речевой (вербальной) агрессии; в подобных случаях

она определяется как одна из форм реали- зации данного психолингвистического фено- мена [Басовская 2004: 257]. Раскрывая с по- мощью метода свободного ассоциативного эксперимента содержание концепта «рече- вая агрессия» в языковом сознании россиян, Л. М. Закоян выяснила, что и обыденным сознанием насмешка мыслится как особая форма речевой агрессии [Закоян]. Вместе с тем насмешка может быть и индикатором пассивной реакции: вялого согласия, уста- лости, апатии, неверия в возможность позитивных изменений, — и средством самоут- верждения, и инструментом вытеснения страха, т. е. улучшения психологического состояния коммуникатора. Насмешкой мож- но бороться с пафосом, излишней патетич- ностью чьих-либо высказываний [Карасик 2013: 117]. Однако во всех означенных слу- чаях насмешка функционально действует одинаково: она всегда намеренно понижает оценку сообщаемого.

Р. М. Блакар — автор широко известной работы по анализу языка и его функциони- рования в структуре социально-политиче- ской деятельности — констатирует: «Через свое использование языка мы выражаем наше отношение и чувства к тому, о чем мы говорим, а это, в свою очередь, отражаясь, говорит нечто о нас самих, о наших целях, установках, ценностях и т. д.» [Блакар]. Ве- дущаяся из года в год в сообщениях «Фейс- бука» языковая игра на сознательное пони- жение оценочных смыслов подтверждает существование среди пользователей на- званной социальной сети отчетливого сег- мента несогласных с заявлениями властей, принимаемыми и реализуемыми ею управ- ленческими решениями и проводимым ею курсом в целом. Если, вслед за Н. Фэркло, усматривать в публичном дискурсе само- стоятельную форму социальной практики, следует признать, что современные дискур- сивные практики, реализуемые в «Фейсбу- ке» теми, кого привычно именуют оппозици- ей, порождают конкурирующий с официозом дискурс, по-иному описывающий и оцени- вающий политические события. Попутно от- метим, что распространяемые «Фейсбуком» альтернативные обозначения реалий обще- ственной жизни в своем абсолютном боль- шинстве имеют непосредственную привязку к отечественной действительности, внутрен- ней и внешней российской политике. Почти единственным исключением из этого общего правила выступает слово *брексит (brexit)*, признанное победителем конкурса 2016 г. не только в России, но и в Англии, Германии, Португалии [Словарь перемен — 2015— 2016 2018: 190—191].

Дополнительным индикатором обособленности дискурса «Фейсбука» от официального дискурса властей предстает еще одна аналитическая категория — *лейтмотив года*, введенная в ходе последнего по времени выбора призеров конкурса. Она охватила те слова, выражения и фразы-победители по всем номинациям, которые обнаруживают общий смысл и тему. Было выявлено несколько таких лейтмотивов: пенсия и пенсионная реформа; гибридная война и противостояние с Западом; яд, отравление, токсичность; развитие цифровой техники интернета. Но своеобразным «сверхлейтмотивом», получившим при голосовании экспертов наибольшее количество баллов, было признано противостояние власти и общества, связанное с жертвами государственного давления и произвола, с пресловутыми судебными процессами [Эпштейн 2018]. Упомянутый лейтмотив присутствует и в выражении-призере **театральное дело**, и во многих лексических единицах, попавших в общий список кандидатов для голосования (список кандидатов протяженностью около 300 лексических образований, отображающих новизну, своеобразие, исторический смысл текущего времени, формируется по предложениям участников групп «Слово года» на «Фейсбуке»), таких как **«Новое величие», мусорные бунты, «Зимняя вишня»**. К ним примыкают «пенсионные» мемы-победители^[2] конкурса: **пенсия, пенсионер, пенсионная реформа, пенсиянин**, отражающие коллизии государства с населением. Здесь же **репосты** и **блокировка**, сопряженные с борьбой с интернетом, и многие другие. Итак, слова года, запечатлевающие атмосферу наших дней и создающие портрет текущего года, проникнуты духом насмешки, а значит противопоставления власти. Критическое к ней отношение охотно выражается посредством языковой игры, которая определяется специалистами как игра с формой речи, ведомая для усиления ее выразительности и/или создания комического эффекта [Русская разговорная речь 1983: 172—173]. Но выбор пишущей в «Фейсбуке» публики падает, как видим, не на беззубую шутку, являющую собой базовую словесную форму комического, а на ее производную, задействующую механизм снижения. В условиях, когда власть, путая реальное и идеальное, приобрела привычку говорить о должном как о существующем в действительности или, напротив, придавать существующему статус должного, насмешка оказывается самой подходящей реакцией на сложившуюся ситуацию.

Наконец, еще один признак слов года — их очевидная «русскость». Сегодня многих тревожит огромное количество заимствований, влившихся в наш язык в последнее время. Различные техницизмы, англицизмы окружили нас такой плотной стеной, что породили расхожее мнение о «порче» русского языка и необходимости оградить его от иноязычных вливаний. Как следствие, Ассоциация учителей литературы и русского языка даже предложила создать в России лингвистическую полицию для защиты от засилья иностранных слов, что вызвало негативную реакцию академического сообщества [Левонтина 2018: 222]. Анализ подмассива протограмм показал, что они в своем абсолютном большинстве созданы именно на русской словообразовательной базе, т. е. произведены согласно существующим в языке словообразовательным моделям с использованием имеющегося в нем арсенала словообразовательных средств.

Не останавливаясь подробно на всех слово- и смыслообразовательных приемах, взятых на вооружение пользователями «Фейсбука», отметим лишь две самые частые модели, реализованные в нашем аналитическом материале: паронимическую аттракцию и контаминацию. Первая модель опирается на сходство в звучании отдельных компонентов двух «сближаемых» слов. По замечанию О. С. Иссерс, обстоятельно исследовавшей политическую лексикологию новейшего времени, оценочные новообразования, построенные на основе данной модели, очень характерны для социальной критики, ибо они высвечивают наиболее острые проблемы общественной жизни [Иссерс 2014: 50]. Яркими примерами таких новообразований являются оказавшиеся на пике публичных дискуссий 90-х годов лексемы **демокрады, дерьмокрааты** и **прихватизация, прихватизаторы**. В нашем массиве это слова и выражения **здравохоронение, извирательная кампания, волеизъявление** (слово года — 2016 со значением «угасание и болезнь общественной воли, столь откровенно определившие исход прошедших в том году думских выборов»), **настомящее, Осколково** и пр. Вторая, контаминационная модель базируется на «междусловном наложении» и проявляется в порождении слов-гибридов. Как утверждает О. С. Иссерс, последние получили активное хождение в политической риторике постсоветского периода в целях дискредитации политических оппонентов [Иссерс 2014: 51]. Среди призеров конкурса мы находим **зломентый, религархию, кривосудие, выборрариум**, а также **злово** — победившее

в 2016 г. указание на то, что экспрессия злобы царит в российском общественном дискурсе, *гиподержаву* — клеймо для страны, находящейся на пути к упадку, и *нанопрезидента*, воплотившего насмешливый скепсис по поводу некогда провозглашенного экс-президентом Д. А. Медведевым технологического прорыва России.

Складывающаяся в целом на материале призеров конкурса картина политической дериватологии чрезвычайно многообразна. Находят место в ней и прием обманутого ожидания (*наукопомрачение, партия жуликов и воров*), и логическое несоответствие (*вперед в темное прошлое*), и обыгрывание устойчивых фраз (*хотели как лучше, а получилось навсегда*), и оксюморонные сочетания (*Госдура, вдохновенная пошлость*). Свою лепту вносит в нее антропонимическая игра с фамилиями политиков и других известных лиц (*кадыринг, депардировать*)^[3] и новообразование от выражений и фраз (*крымнаш, ихтамнеты*)^[4]. Здесь же имеют место префиксация (*обсирились, прикремленные*), суффиксация (*стабилизец, позитиффчик*), сокращение (*ЧВК Вагнер, креакл* — производное от словосочетания «креативный класс», сменившее позитивную оценку, заключенную в исходной форме, на противоположную. Если *креативный класс*, как утверждают О. С. Иссерс и Д. А. Ганеева, изучавшие бытование упомянутого концепта в блогосфере в 2012—2013 гг., воспринимался скорее как субъект гражданского общества и мыслился в связке с концептом «гражданские инициативы» [Иссерс, Ганеева 2013: 44], то ставший победителем конкурса-2013 *креакл* наполнен отчетливо негативными коннотациями). Краткий обзор задействованных в призерах конкурса приемов слово- и смыслообразования завершим сходным примером семантической трансформации, произошедшей с выражением *вежливые люди*. Попавшее во время крымских событий почти случайно в заголовок журналистского поста, оно мгновенно превратилось в повсеместно распространяемый СМИ мем, а затем и в бренд. Но запущенный в оборот эвфемизм быстро приобрел перевернутое «предметное» и оценочное значение, слившись с представлением об угрозе и опасности.

Понятно, что далеко не все лексические новообразования пользователей «Фейсбука» закрепятся в активном словаре современного русского языка. Язык — явление нерукотворное, развивающееся по своим внутренним законам; он вберет в себя нужное, откинув лишнее. Однако постоянно появляющиеся новые слова, выражения и

фразы, наполненные актуальными смыслами, несущие в себе дух нашего времени, свидетельствуют о том, что волновало людей на исходе нулевых и что волнует их теперь. Новые слова демонстрируют высокий креативный потенциал своих создателей, их способность моментально реагировать на текущие политические события. Новые слова подтверждают жизнестойкость словообразовательных практик русского языка и выявляют наиболее популярные из них. Когда-то Джеймс Тербер писал о «разрушительном залпе словесной артиллерии по крепости рассудка» [Цит. по Болинджер], имея в виду, что самый обычный акт номинации может воздействовать на формирование нашего отношения к обозначаемому. О скрытом влиянии языка на мышление убежденно говорил и Б. В. Вильде, усматривая в языке «не только некий способ *выражения*, но также и *формирования* мысли» [Вильде 2005: 25]. Лейтмотивом звучат во всемирно известной книге В. Клемперера строки шиллеровского дистиха о языке, который «сочиняет и мыслит» за нас [Клемперер 1998]. Р. Блакар, в свою очередь, констатирует тройное воздействие отдельной вербальной единицы на сознание реципиента, осуществляемое через ее референциальное значение, через ее эмотивно-эмоциональный компонент и через сопряженный с ней ассоциативный ряд [Блакар]. Новые слова как креаторы мыслей понуждают нас к новому восприятию реальности. Сам же язык — носитель информации и хранитель накопленного людского опыта и знаний — обладает ресурсом быть мощным распорядителем жизни.

Подтверждение выявленных анализом массива слов года тенденций мы нашли в материалах нового лексикографического издания — «Словаря перемен», созданного усилиями команды писательницы и филолога Марины Вишневецкой. Два выпуска этого издания, подготовленного М. Вишневецкой и членами собранного ею фейсбучного сообщества «Словарь перемен», запечатлели лексические новации интернета, прессы, теленовостей, относящиеся к 2014 г. и 2015—2016 гг. соответственно [Словарь перемен — 2014 2015; Словарь перемен — 2015—2016 2018]. Задуманное как словарь выражений и слов, вошедших в публичный дискурс или актуализировавшихся в нем в указанные годы, издание стало своеобразным лексикографическим дневником, почти ежедневником, отражающим происходящее в нашем обществе перемены. В отличие от формализованных количественно-качественных процедур, положенных в основу выбора слов года в конкурсе с тем же названи-

ем, привлечшее наше внимание издание подчинено иной логике. Как явствует из аннотации, его задача — сложить для потомков некий языковой пазл, одновременно острый и парадоксальный, грубый и изысканный, зачастую неполиткорректный, собранный как из хорошо укорененных в языке слов, так и мимолетных, жизнь которых длилась не дольше породившего их информационного повода. Пазл, творимый вдогонку, по горячим следам, отстающий от времени на полшага, фиксирующий новый речевой опыт, слова и выражения, произнесенные пусть только один-единственный раз, или, напротив, закрепившиеся идиомы и мемы, — все то, что определяло речевую стихию недавно минувших лет. Новаторское лексикографическое изобретение, которое Гасан Гусейнов в предисловии к изданию назвал «нашим нооскопом — желанным прибором для изучения коллективного сознания соотечественников» [Гусейнов 2018: 9].

Подробное ознакомление с двумя выпусками «Словаря перемен» убеждает, что политическое в нем превалирует над всем остальным. Оба издания с полным правом могли бы именоваться общественно-политическим словарем 2014—2016 гг. Конечно, в них легко отыскиваются вышепредставленные слова года: **Госдура**, **кадыринг**, **гибридная война**, **вежливые люди**, **брексит**. Но есть в них и много иных причастных к политике лексических единиц, не столь распространенных, порою просто уникальных в своем одноразовом употреблении и все же обрисовывающих бытующие варианты осмысления переживаемых обществом событий. А то, что каждая словарная статья обоих изданий содержит ряд контекстов использования приведенной в ней лексической единицы и приблизительную дату ее появления в медийном дискурсе, превращает лексикографическую новинку в исторический документ. Среди включений в «Словарь перемен» находим возвращающуюся в нашу жизнь и язык **цензуру**, обозначение государственной военизированной организации **Росгвардия** и созданного в январе 2016 г. по инициативе министра обороны всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения **Юнармия**, т. е. нейтральные лексемы, оценочное значение которых может привноситься в них сопутствующим им контекстом. Однако значительно больше в рассматриваемых источниках лексических единиц с негативным оценочным потенциалом, часто очень сильным, обусловленным их «прагмемной» природой. Примеры критикующих действия властей лексических новообразований — выра-

жение **продуктовая инквизиция**, возникшее как реакция социальных сетей и СМИ на уничтожение запрещенных к ввозу в РФ продуктов, и **веерная голодовка**, образованное по аналогии с веерными отключениями воды, электричества, отопления применительно к протестной акции многодетных матерей и матерей детей-инвалидов в Волгоградской области. Здесь же выражение **контртуристическая операция**, появившееся в Сети в связи с приостановкой туристического потока между Россией и Турцией как ответа на уничтожение ею российского бомбардировщика, и неологизм **победобесие**, зазвучавший в Рунете и СМИ, когда карнавализация Дня Победы стала приобретать трагифарсовые черты, и многое другое.

Вместе с тем «Словарь перемен» — доказательство того, что осмысление политической реальности идет рука об руку с ее обыгрыванием: в нем огромное количество продуктов языковой игры, нацеленных на комический эффект. Среди них масса лексических новаций, буквально насыщенных насмешкой, таких как **пармезанить**, **перепатриот**, **Чебурнет**, **Дарья Тимурович** — мем, означающий «ложный предлог для отказа в регистрации партии или кандидата на политических выборах» и расширившийся до «ложного аргумента, подтасовки». Насмешкой дышат фразы **турецкий отдых «Все включено» сменился на крымский «Все выключено»** и **никогда еще россияне не жили так плохо, как при Обаме**, глаголы **свиолончелить**, **скрымзить**, **солимпиадить** и анаграмма слова **крымнаш**, звучащая как **намкрыш**. Даже ставший, по утверждению М. Вишневецкой, и мемом, и тегом **Домбас** (тег — содержательная метка для сетевых текстов в виде слова или выражения, позволяющая классифицировать и группировать их тематически. На основе «тега» сформировалось понятие «хештег» («хэштег») с близким значением [Словарь языка интернета.ru 2016: 221]), заимствованный из надписи на стене «Домбас независим» и с очевидностью доказывающий присутствие в украинском сепаратистском движении лиц местного происхождения, принимает комическую форму, невзирая на серьезность спровоцировавшей его появления ситуации [Словарь перемен—2014 2015: 53].

Упомянутые нами лексические единицы из «Словаря перемен», как и многие другие, составляющие преобладающую часть его вокабуляра, являют собой продукты русских словообразовательных моделей. Новые заимствования, конечно, есть, но они малочисленны (**хе́йтер**, **флейминг**, **хайп**). Новообразования же отечественного произ-

водства обнаруживают те же деривативные приемы, что и слова года: паронимическую аттракцию (*хапремонт, стерхдержава*), контаминацию (*олимпиард рублей, милициардер*), антропонимы (*мизулинг, пехтинг*), обыгрывание устойчивых выражений (фраза *дави гусей, спасай Россию*, возникшая после того, как в Татарстане бульдозером «казнили» запрещенные к ввозу тушки домашней птицы из Венгрии), обманутое ожидание (*белорусские мидии* как намек на то, что через страны Таможенного союза в Россию можно ввозить любой импорт), сокращения (*СМД* — средства массовой дезинформации) и пр. Есть в «Словаре перемен» и такие стремительно разбежавшиеся по социальным сетям неудобоваримые жаргонизмы, как *ржубль* (ржу + рубль) или *чотаржу*, слепленный из трех исходных элементов. Первое лексическое новообразование — реакция блогеров на падение курса рубля, второе — широко распространенное в 2014 г. в электронном пространстве речевое клише, быстро приобретшее характер хештега и заголовка. Подобные им расхожие клише в сетевом дискурсе представляют собой не просто вместилища насмешки; они, как отмечает Ксения Туркова, часто выступают маркерами сарказма, иногда даже с оттенком злорадства [Туркова 2014]. Сверх того, манифестируя эмоциональное отношение использующих их субъектов к сообщаемому, они освобождают последних от пространных логических доказательств собственной позиции и одновременно проводят четкую границу между своими — теми, кто принадлежит интернет-сообществу и употребляет сленговые выражения — и чужими, теми, у кого они не в ходу [Кронгауз 2012: 258]. Таким образом, предъявляемый «Словарем перемен» богатый арсенал лексических новинок, включающий и широко известные удачи вроде меткой метафоры *битва холодильника с телевизором*, и откровенно сленговые промахи типа *ржубль* и *чотаржу*, очевидно тяготеющие к столь популярному в недавнем прошлом «языку папонков», бесспорно обязан своим рождением, как правило, отечественному словопроизводству.

Итак, сегодня «Фейсбук», как и прочие социальные сети, активное средство непрямого диалога сетевого сообщества с властью. Диалога публичного, многогранного, насыщенного злободневным содержанием, вовлекшего в коммуникацию сотни тысяч людей и демонстрирующего отчетливую политизацию языка и сетевого дискурса. Как реакция на общественно-политические события, этот диалог часто остро критичен по

отношению к власти, ее высказываниям и решениям. Критическое осмысление реальности нередко подталкивает фейсбучных авторов к языковой игре, задействующей механизмы снижения и переворачивания оценочных смыслов, в том числе с помощью насмешки и порождения новых слов. Учтем, что такая языковая игра полностью отвечает ключевым особенностям современных российских речевых практик с их сверхвысоким эмоциональным накалом и тягой к оценочным перевертышам, порождаемой принципиальным дуализмом ценностных установок русской культуры в целом [Корниенко 2018]. Язык же, выстроенный по принципу «свой — чужой» и помогающий в силу наличия в нем определенных слов-маркеров опознавать «социально, поколенчески, идейно, территориально чужих» [Левонтина 2018: 214], в наши дни зримо высвечивает и политико-идеологические расколы в среде пользователей «Фейсбука». А несущие в себе дух времени слова года сохраняют для будущего перечень переживаемых обществом текущих событий и ответное к ним отношение.

Долгие годы в нашей стране язык каждого нового политического периода задавался сверху. Утверждался, как писал П. Бурдые, «новый дискурс власти, новый политический словарь со своими терминами и понятиями, со своими адресатами и ориентирами, со своими метафорами и эвфемизмами, — дискурс и словарь, за которыми стоит своя картина мира, связанная с новыми интересами новых властных групп» [Бурдые 2005]. Официальный язык повсеместно кодифицировался, официальный дискурс всеобщее воспроизводился посредством социальных институтов. Власть контролировала использование языка, справедливо усматривая в нем мощнейший символический рычаг социального управления. Подобное положение дел породило веру в незыблемость монополярной односторонней коммуникации, в ходе которой общество только потребляет официальный дискурс, сохраняя позицию бессменного реципиента. Между тем в настоящее время, когда декларируемые нами социальные ориентиры сопряжены со словами «демократия» и «развитие», общество нуждается в прямом двустороннем диалоге с властью, который предполагает и многоголосие его участников, и столкновение альтернативных позиций, и множественность рациональных аргументов и эмоциональных оценок, и конкурирующие обозначения социальных реалий. И открытую обоснованную критику власти. И учет мнения оппозиции — непреложного условия существования гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Мы оперируем термином «языковая игра» (а не близким к нему термином «речевая игра»), дабы подчеркнуть ее истоки: «знание системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» [см.: Санников 1999: 15].

[2]. Согласно «Словарю языка интернета», под мемом понимается короткий фрагмент информации (слово или фраза, изображение и т. п.), мгновенно и неожиданно ставший модным и активно воспроизводящийся в интернете, в том числе в новых контекстах или ситуациях. К настоящему времени слово *мем* уже обросло дериватами: *меметизироваться* (стать мемом), *меметизация* (превращение в мем) и разговорными вариантами *мемчик* и *мемес* [см. Словарь языка интернета.ru 2016: 200].

[3]. Насмешливые наименования для политического процесса усиления одной фамилии и для лишения гражданства, но таким удачным образом, что в результате утративший гражданство субъект приобретает налоговые льготы, окружается роскошью и почетом в той стране, куда он как бы «депардируется».

[4]. Изначальное наименование российских военных, чье участие в военном конфликте на востоке Украины официально не признается Россией, позже — обозначение контингента неофициальных военных формирований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басовская Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Кристика и семиотика. 2004. Вып. 7.
2. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти [Электронный ресурс]. URL: http://www.studmed.ru/view/blakar-rm-yazyk-kak-instrument-socialnoy-vlasti_5562e1ca816.html (дата обращения: 14.05.2019).
3. Болинджер Д. Истина — проблема лингвистическая [Электронный ресурс]. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_85.html (дата обращения: 11.05.2019).
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998.
5. Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка. 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_9.html (дата обращения: 12.06.2019).
6. Вежбицкая Анна. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. — М.: Языки русской культуры, 1999.
7. Вильде Б. В. Дневник и письма из тюрьмы. — М.: Русский путь, 2005.
8. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. — М.: Едиториал УРСС, 2002.

A. V. Kornienko

Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
ORCID ID: 0000-0002-0532-3760

E-mail: av.kornienko@mail.ru.

9. Гусейнов Г. Дневник лексикографа, или Нооскоп Марины Вишневецкой / Словарь перемен — 2015-2016 / авт.-сост. М. Вишневецкая. — М.: Три квадрата, 2018.

10. Иссерс О. С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени сквозь призму проектов «Слово года» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50).

11. Иссерс О. С., Ганеева Д. А. «Новое русское слово» в контексте политического дискурса: *диалог, оппозиция, креативный класс* // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45).

12. Закоян Л. М. Речевая агрессия в языковом сознании представителей русской лингвокультуры [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/27986076-Zakoyan-l-m-recheva-ya-agressiya-v-yazykovom-soznanii-predstaviteley-russkoy-lingvokultury-abstract.html> (дата обращения: 22.05.2019).

13. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. — М.: Гнозис, 2013.

14. Клемперер В. ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А. Б. Григорьева. — М.: Прогресс-Традиция, 1998.

15. Корниенко А. В. Слова года в непрямом диалоге с властью // Телескоп. 2018. № 2 (128).

16. Кронгауз М. А. «Вырабатываются специальные слова ненависти»: интервью Ксении Кнорре-Дмитриевой // Словарь перемен — 2014 / сост. М. Вишневецкая. — М.: Три квадрата, 2015.

17. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. — М.: Астрель: CORPUS, 2012.

18. Левонтина И. Б. Почему не стоит волноваться о судьбе русской речи // Словарь перемен — 2015-2016 / авт.-сост. М. Вишневецкая. — М.: Три квадрата, 2018.

19. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / под ред. Е. А. Земской. — М.: Наука, 1983.

20. Санников В. З. Русский язык в свете языковой игры. — М.: Языки русской культуры, 1999.

21. Словарь перемен — 2014 / сост. М. Вишневецкая. — М.: Три квадрата, 2015.

22. Словарь перемен — 2015-2016 / авт.-сост. М. Вишневецкая. — М.: Три квадрата, 2018.

23. Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016.

24. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Академический проект, 2004.

25. Туркова Ксения: словарный запас [Электронный ресурс]. Вып. 5. 18.08.2014. URL: <http://snob.ru/selected/entry/79814> (дата обращения: 18.06.2019).

26. Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1.

27. Эпштейн М. Н. Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса // Философская и социологическая мысль. 1991. № 6.

28. Эпштейн М. Н. Слова как символы эпохи [Электронный ресурс]: беседа с журналисткой Ксенией Лариной. 05.01.2013. // Сноб. URL: http://www.snob.ru/profile/27356/blog/70248#comment_683001 (дата обращения: 05.05.2019).

29. Эпштейн М. Н. Слово-2018. Подведены вербальные итоги года [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/146301> (дата обращения: 29.06.2019).

30. Facebook раскрыла ежедневную аудиторию в России [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://www.sostav.ru/publication/facebook-raskryla-ezhednevnyuyu-auditoriyu-v-rossii-34499.html> (дата обращения: 03.05.2019).

Facebook Discourse in Indirect Dialogue with Authorities

ABSTRACT. *The article analyzes Facebook discourse as it is reflected in linguistic units contained in it: words, word combinations and phrases that became winners of the annual competition ‘The Word of the Year’ held in Russia over the last 12 years. The competition has an international status and aims to detect the words, expressions, and phrases which have either been already assimilated in the language, or have just appeared in the year under review, have become a public issue*

in the period under study and have provoked a public response. The selection of prize winners is recognized by the Expert Council of the Center for Creative Development of the Russian Language and is based on strict quantitative and qualitative selection criteria. Experts believe that the selected items reflect the true mindsets of the people and act as indicators of the emotional and intellectual state of society. The aim of the qualitative analysis of the sample of the competition prize-winners was to identify the key features of the units. This study makes it possible to determine some trends in the functioning of Facebook discourse, and specifically its evident politicization, critical attitude to statements and acts of authorities, negative overrating, and abundance of language game elements deliberately aimed to lower evaluation. The study also shows that the absolute majority of prize-winning neologisms arising as a response of Facebook users to managerial decisions of the authorities have Russian roots and are coined on the derivational basis of the Russian language. The results obtained indicate that the social network Facebook is nowadays an active participant in the indirect dialogue with the authorities. This dialogue is critical and highly emotional, it employs language game aimed to lower evaluative meanings and suggests alternative designations for social realities. And the words of the year capturing the atmosphere of our time, current affairs and the people's attitude to them outline the issues of a much needed two-way (bilateral) dialogue between society and power.

KEYWORDS: the word of the year; Internet; Internet discourse; language game; political discourse; Russian; social networks.

AUTHOR'S INFORMATION: Kornienko Alla Vladimirovna, Researcher, Department of Sociology of Power and Civilian Society, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Kornienko, A. V. Facebook Discourse in Indirect Dialogue with Authorities / A. V. Kornienko // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 46-56. — DOI 10.26170/pl19-05-04.

REFERENCES

- Basovskaya E. N. Creators of Black and White Reality: on Verbal Aggression in the Media // Criticism and semiotics. 2004. Issue. 7. [Tvortsy cherno-beloy real'nosti: o verbal'noy agressii v sredstvakh massovoy informatsii // Kritika i semiotika. 2004. Vyp. 7]. — (In Rus.)
- Blakar R. Language as an Instrument of Social Power [Electronic resource]. [Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti]. URL: http://www.studmed.ru/view/blakar-rm-yazyk-kak-instrument-sotsialnoy-vlasti_5562e1ca816.html (date of access: 14. 05. 2019). — (In Rus.)
- Bolindzher D. Truth is a Linguistic Problem [Electronic resource]. [Istina — problema lingvisticheskaya]. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_85.html (date of access: 11.05.2019). — (In Rus.)
- Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. and ch. ed. S. A. Kuznetsov. — St. Petersburg : Norint, 1998. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 1998]. — (In Rus.)
- Burd'e P. On the Production and Reproduction of a Legitimate Language. 2005 [Electronic resource]. [O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo yazyka. 2005]. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_9.html (date of access: 12. 06.2019). — (In Rus.)
- Vezhbitskaya Anna. Semantic Universalies and Description of Languages / transl. from English A. D. Shmeleva, ed. T. V. Bulygina. — Moscow : Languages of Russian Culture, 1999. [Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov / per. s angl. A. D. Shmeleva pod red. T. V. Bulyginy. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1999]. — (In Rus.)
- Vil'de B. V. Diary and Letters from Prison. — Moscow: Russian Way, 2005. [Dnevnik i pis'ma iz tyur'my. — M. : Russkiy put', 2005]. — (In Rus.)
- Vol'f E. M. Functional Evaluation Semantics. 2nd ed., ext. — Moscow : URSS editorial, 2002. [Funktsional'naya semantika otsenki. 2-e izd., dop. — M. : Editorial URSS, 2002]. — (In Rus.)
- Guseynov G. The lexicographer's Diary, or Marina Vishnevetskaya's Nooscope / Dictionary of Changes — 2015-2016 / ed. M. Vishnevetskaya. — Moscow : Three squares, 2018. [Dnevnik leksikografa, ili Nooskop Mariny Vishnevetskoj / Slovar' peremen — 2015-2016 / avt.-sost. M. Vishnevetskaya. — M. : Tri kvadrata, 2018]. — (In Rus.)
- Issers O. S. In Search of a Common Vocabulary: Discursive Practices of Modern Times Through the Prism of the Word of the Year Projects // Political Linguistics. 2014. No. 4 (50). [V poiskakh obshchego slovarya: diskursivnye praktiki noveyshego vremeni skvoz' prizmovykh proektov «Slovo goda» // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50)]. — (In Rus.)
- Issers O. S., Ganeeva D. A. "The New Russian Word" in the Context of Political Discourse: Dialogue, Opposition, Creative Class // Political Linguistics. 2013. No. 3 (45). [«Novoe russkoe slovo» v kontekste politicheskogo diskursa: dialog, oppozitsiya, kreativnyy klass // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3 (45)]. — (In Rus.)
- Zakoyan L. M. Speech Aggression in the Linguistic Consciousness of Representatives of Russian Linguistic Culture [Electronic resource]. [Rechevaya agressiya v yazykovom soznanii predstaviteley russkoy lingvokul'tury]. URL: <https://dozplayer.ru/27986076-Zakoyan-l-m-rechevaya-agressiya-v-yazykovom-soznanii-predstaviteley-russkoy-lingvokul'tury-abstract.html> (date of access: 22.05.2019). — (In Rus.)
- Karasik V. I. Language Matrix of Culture. — Moscow : Gnosis, 2013. [Yazykovaya matritsa kul'tury. — M. : Gnozis, 2013]. — (In Rus.)
- Klemperer V. The Language of the Third Reich. Notebook Philologist / per. from German by A. B. Grigoriev. — Moscow : Progress-Tradition, 1998. [LTI. Yazyk Tret'ego reykh. Zapishnaya knizhka filologa / per. s nem. A. B. Grigor'eva. — M. : Progress-Traditsiya, 1998]. — (In Rus.)
- Kornienko A. V. Words of the Year in an Indirect Dialogue with the Authorities // Telescope. 2018. No 2 (128). [Slova goda v nepryamom dialoge s vlast'yu // Teleskop. 2018. № 2 (128)]. — (In Rus.)
- Krongauz M. A. "Special Words of Hatred are Being Developed": Interview with Ksenia Knorre-Dmitrieva // Dictionary of Changes — 2014 / comp. M. Vishnevetskaya. — Moscow : Three squares, 2015. [«Vyryabatyvayutsya spetsial'nye slova nenavisti» : interv'yu Ksenii Knorre-Dmitrievoy // Slovar' peremen — 2014 / sost. M. Vishnevetskaya. — M. : Tri kvadrata, 2015]. — (In Rus.)
- Krongauz M. Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown. 3D. — Moscow : Astrel : CORPUS, 2012. [Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva. 3D. — M. : Astrel' : CORPUS, 2012]. — (In Rus.)
- Levontina I. B. Why not Worry about the Fate of Russian Speech // Dictionary of Changes — 2015-2016 / ed. M. Vishnevetskaya. — Moscow : Three squares, 2018. [Pochemu ne stoit volnovat'sya o sud'be russkoy rechi // Slovar' peremen — 2015-2016 / avt.-sost. M. Vishnevetskaya. — M. : Tri kvadrata, 2018]. — (In Rus.)
- Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture / under. ed. E.A. Zemsky. — Moscow : Science, 1983. [Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest / pod. red. E. A. Zemskoy. — M. : Nauka, 1983]. — (In Rus.)
- Sannikov V. Z. Russian Language in the Light of the Language Game. — Moscow : Languages of Russian culture, 1999. [Russkiy yazyk v svete yazykovoy igry. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1999]. — (In Rus.)

21. Dictionary of Changes — 2014 / comp. M. Vishnevetskaya. — Moscow : Three squares, 2015. [Slovar' peremen — 2014 / sost. M. Vishnevetskaya. — M. : Tri kvadrata, 2015]. — (In Rus.)
22. Dictionary of Changes — 2015-2016 / ed. M. Vishnevetskaya. — Moscow : Three squares, 2018. [Slovar' peremen — 2015-2016 / avt.-sost. M. Vishnevetskaya. — M. : Tri kvadrata, 2018]. — (In Rus.)
23. Dictionary of the Internet.ru / under. ed. of M. A. Krongauz. — Moscow : AST-PRESS BOOK, 2016. [Slovar' yazyka interneta.ru / pod. red. M. A. Krongauza. — M. : AST-PRESS KNIGA, 2016]. — (In Rus.)
24. Stepanov Yu. S. Constants: Dictionary of Russian Culture. 3rd ed., rev. and add. — Moscow : Academic project, 2004. [Konstanty: slovar' russkoy kul'tury. 3-e izd., ispr. i dop. — M. : Akademicheskij proekt, 2004]. — (In Rus.)
25. Ksenia Turkova: Vocabulary [Electronic resource]. Vol. 5. 08/18/2014. [Turkova Kseniya: slovarnyy zapas Vyp. 5. 18.08.2014]. URL: <http://snob.ru/selected/entry/79814> (date of access: 18.06.2019). — (In Rus.)
26. Shmeleva T. V. Keywords of the Current Moment // Collegium. 1993. No. 1. [Klyuchevye slova tekushchego momenta // Sollegium. 1993. № 1]. — (In Rus.)
27. Epshteyn M. N. Ideology and Language. Model Building and Comprehension of Discourse // Philosophical and Sociological Thought. 1991. No. 6. [Ideologiya i yazyk. Postroenie modeli i osmyslenie diskursa // Filosofskaya i sotsiologicheskaya mysl'. 1991. № 6]. — (In Rus.)
28. Epshteyn M. N. Words as Symbols of the Era [Electronic resource]: conversation with journalist Ksenia Larina. 01/05/2013 [Snob. Slova kak simvoly epokhi : beseda s zhurnalistkoy Kseniey Larinoj. 05.01.2013. // Snob]. URL: http://www.snob.ru/profile/27356/blog/70248#comment_683001 (date of access: 05.05.2019).
29. Epshteyn M. N. 2018 Word. The Verbal Results of the Year [Electronic resource]. 2018. [Slovo-2018. Podvedeny verbal'nye itogi goda. 2018]. URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/146301> (date of access: 29.06.2019).
30. Facebook Revealed a Daily Audience in Russia [Electronic resource]. 2019. [Facebook raskryla ezhdnevnyuyu auditoriyu v Rossii. 2019]. URL: <https://www.sostav.ru/publication/facebook-raskryla-ezhdnevnyuyu-auditoriyu-v-rossii-34499.html> (date of access: 03.05.2019).

Н. Б. Руженцева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: — **E-mail:** verbalis@mail.ru.

Портреты политиков: типология и речевая организация

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена жанровому корпусу современных политических портретов, которые исследуются с позиций их типологизации и речевой организации. Корпус политических портретов можно дифференцировать по разным основаниям. Во-первых, это собственно политические портреты, освещающие фигуру и деятельность политика в том или ином ракурсе, с той или иной степенью полноты, и речевые портреты, отражающие специфику речевой коммуникации. Во-вторых, это портреты-мемуары и журналистские портреты (рассказ о политике, интервью с ним). В-третьих, это портреты федеральных и региональных политиков. В-четвертых, это развернутые политические портреты и мини-портреты (слоганы-характеристики). Кроме того, можно выделить политические портреты в рамках одного семиотического ряда (вербального) и креолизованные портреты, созданные посредством двух семиотических рядов — вербального и визуального. Собственно политические портреты базируются прежде всего на категории оценки, поляризации «хорошего политика» и «плохого политика». Анализ речевых портретов политика ведется чаще всего с позиции их идиостилевых особенностей, которые во многом определяются выбранным имиджевым конструктом. Идиостиль формируют также мемы политиков и языковые табу, которые накладываются рядом законов и требованиями политкорректности. Анализ, как и проектирование книг (мемуаров) политика, может быть представлен через содержательную и формальную стороны. В свою очередь, журналистские портреты, транслируемые посредством различных СМИ, нуждаются в первую очередь в типологизации и систематизации. Только на материале массовых газет можно выделить более 20 разновидностей политического портрета, каждая из которых имеет оригинальную жанровую, речевую и прагматическую организацию. Среди политиков федерального уровня, портреты которых активно создаются СМИ, лидирует В. В. Путин. В настоящее время возросло внимание к портретированию региональных политиков и к научно-выявлению практических схем конструирования их образов. Что касается креолизованных портретов, то чаще всего в их центре находится прецедентный визуализированный образ известного политика прошлого или настоящего. Визуальный и вербальный семиотические ряды могут пересекаться, взаимодействовать, а их креативная комбинаторика позволяет авторам создать оригинальный, запоминающийся образ представителя власти. В целом основными тенденциями развития жанра политического портрета мы считаем: а) увеличение числа аспектов, в рамках которых раскрывается личность политика, интимизацию информации; б) увеличение количества жанровых вариантов; в) увеличение доли креолизованных портретов; г) использование в портретах форм комического — юмора, иронии, сарказма, пародирования, что особенно характерно для массовых СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвоперсонология; политические деятели; политическая риторика; политические речи; СМИ; средства массовой информации; политические портреты; журналистика; креолизованные тексты; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Руженцева, Н. Б. Портреты политиков: типология и речевая организация / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 57-63. — DOI 10.26170/pl19-05-05.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья выполнена с финансовой поддержкой гранта РФФИ № 19-012-00465/19 «Лингво-политическая персонология: дискурсивный поворот».

Политическое портретирование рассматривается в рамках такого направления политической лингвистики, как лингвополитическая персонология. Она возникла на пересечении а) политической лингвистики [Будаев, Чудинов 2008; Чудинов 2012, 2013; Шейгал 2004 и др.], б) исследований языковой личности [Караулов 2010; Седов 2004 и др.], в) социально-речевого портретирования [Базылев 2005; Китайгородская, Розанова 1995 и др.]. Для анализа политических портретов в настоящее время используется целый корпус методов и методик, например

исследование образа политика посредством анализа ключевых слов [Соломатов 2005], аксиологическая характеристика образа политика [Грошева, Будаев 2017] и т. д. Однако количество и разнообразие политических портретов, транслируемых СМИ в последние годы, неуклонно увеличиваются. Как следствие, возникает необходимость в типологизации этой жанровой разновидности политического дискурса и ее системном описании.

Политические портреты можно классифицировать по разным основаниям. По одному основанию это 1) собственно полити-

ческие портреты, освещающие фигуру и деятельность политика в том или ином ракурсе, с той или иной степенью полноты; 2) речевые портреты, отражающие специфику речевой коммуникации того или иного политика. По другому (жанровому) основанию это 1) портреты-мемуары (книги: воспоминания о политике; воспоминания самого политика); 2) журналистские портреты (тексты СМИ: рассказ о политике; интервью с политиком). По третьему основанию выделяются 1) портреты федеральных политиков и 2) портреты региональных политиков. Наконец, можно указать 1) политические портреты — развернутые тексты и 2) мини-портреты — слоганы, и прежде всего такую их разновидность, как слоган-характеристика. Кроме того, есть политические портреты в рамках только одного семиотического ряда — вербального, и креолизованные политические портреты, созданные при участии двух семиотических рядов — вербального и визуального. Остановимся на каждой группе политических портретов и на методиках, используемых для их исследования. На методиках анализа необходимо остановиться потому, что с их применением выявляются практические схемы конструирования образа политика, транслируемого в дальнейшем посредством того или иного носителя.

1. СОБСТВЕННО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Представляют фигуру политика в том или ином ракурсе, с той или иной степенью полноты, базируются прежде всего на категории оценки [Суздальцева 2012]. Характеристики положительного образа политика:

- деловые качества;
- разносторонность, широта интересов и взглядов;
- современность;
- человечность;
- это личность героического типа;
- эта личность вписана в традиционный национальный контекст;
- это личность, близкая по своим интересам и увлечениям тому, что свойственно сейчас среднестатистическому жителю России;
- это личность раскрепощенного типа [Там же: 326].

В свою очередь, негативный образ политика создается «за счет использования всех тех разрядов слов, в которых присутствует сема негатива. Здесь особенно выделяются эффективная инвективная лексика: оценочные слова, слова с отрицательными коннотациями, оценочные метафоры, слова-жупелы» [Там же: 327]. Как отмечает

В. Н. Суздальцева, «слово „чиновник“ постоянно обрастает негативно-оценочными коннотациями — это коррумпированность, продажность, начетничество, бюрократизм, формализм, черствость, жестокосердие, пренебрежительность (в отношении к просителям), нерадивость, лень, эгоизм, карьеризм, корыстность, взяточничество, произвол, самодурство, нерасторопность, волокита, пренебрежительное отношение к своим служебным обязанностям» [Там же: 327—328]. Кроме того, «в оценке образа „плохого“ политика обращает на себя внимание тот факт, что на первый план выходят характеристики не просто плохого лидера, а более объемного образа плохого человека: глупый, вялый, отталкивающий, плохой семьянин. Образ „плохого“ политика формируется с позиций „плохой — хороший человек“. Образ же хорошего политика строится, прежде всего, с позиций лидерства (качеств, присущих лидеру)» [Матвеева, Замская 2012: 333].

В целом категория оценки активно реализуется в большинстве жанровых разновидностей политического портрета.

2. РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ

Одна из самых популярных методик анализа речевого портрета политика разработана красноярскими исследователями. Она включает а) содержательное основание: 1) концепты, используемые в функции ключевых слов; 2) лозунги; 3) модель настоящего; 4) модель будущего; 5) модель прошлого [Ермаков, Ким, Михайлова, Осетрова, Суховольский 2004: 290]; б) коммуникативное основание: «...умеет ли говорить, читает по бумажке или нет, готов вступить в диалог или нет, врет или говорит правду; агрессивный, властный или либеральный, мягкий» и др. [Там же: 293].

Наиболее интересны в речевых портретах политиков, на наш взгляд, их идиостилевые особенности и сочетание при выстраивании речи политических традиций и современной манеры общения. Социолингвист Максим Кронгауз, автор книги «Русский язык на грани нервного срыва», в интервью информационному portalу «Лента.ру» относит к сказанному:

а) возвращение негативно-оценочной лексики, ярлыков: «Существовали хорошие слова для описания нашей власти и слова плохие, подогревающие ненависть к противнику. Прием возвращается. Это ярко проявляется в беседах на тему украинского конфликта. Причем транслируется с телевизионных экранов» [Кронгауз 2014];

б) подмену понятий: «Порой от депутатов звучат абсурдные предложения: вместо ла-

геря для мигрантов говорить — места временного содержания. Подмена понятий — тоже пропаганда? — Разные приемы, но из одного набора... В свое время кто-то предлагал заменить слово „реформы“ на „действия, улучшающие что-то“. Логика: реформ боятся, а действий не будут» [Там же];

в) бюрократизмы, используемые сравнительно молодыми политиками: «Когда бюрократизмами образца 70-х — 80-х годов говорят опытные чиновники, еще можно сослаться на их ностальгию по старым временам. Но почему этот стиль востребован у юных политиков? — Ответ простой: молодым людям предъявляются некие образцы, которые они подхватывают» [Там же].

Штамп заменяет способность мыслить, экономит речевые усилия. Штапованность речи особенно проявляется в слоганах — предвыборных лозунгах, которые во многом строятся на так называемом «конструкторе качеств» — стандартном наборе слов, посредством которых создаются миниатюрные политические портреты-характеристики. Разновидностями политических мини-портретов можно считать:

– номинации политика и его личностные атрибуты:

Человек дела — спортивный дух и крепкое тело;

– номинации и профессиональные атрибуты:

Настоящий директор;

– номинации и идеологические ориентации:

Народный Губернатор;

– номинации и указания на территориальное свойство:

– *Парень из нашего двора* [Руженцева 2015].

Термин «конструктор» в политическом дискурсе пересекается с термином «конструкт». В связи с этим следует подчеркнуть роль имиджевых конструктов, используемых СМИ для создания образов политиков и образа власти в целом: «1. Российские масс-медиа периода постперестройки выработали новый для отечественной журналистики корпус вербальных средств (имиджевых конструктов), с помощью которых в континууме „власть“ создается образ власти. 2. В текстах данного периода обозначились два диаметрально противоположных образа власти. В значительной степени различие между ними обусловлено характером тех имиджевых конструктов, к которым обращаются журналисты» [Суздальцева 2012: 325]. Специфика имиджевого конструкта во многом определяет идиостилевую специфику речи политика (эта связь ясно видна при

анализе речи некоторых политиков, например, В. Жириновского), как определяют ее и мемы, подхватываемые Интернетом и печатными СМИ.

Мемы политиков могут приобретать форму афоризмов: *Хотели как лучше, а получилось как всегда* (В. Черномырдин); *Мы вам покажем кузькину мать* (Н. Хрущев); *Делиться надо* (Б. Лифшиц) и др.

Кроме того, на речь политиков влияют языковые табу, которые накладываются некоторыми законами и моральными стандартами, в частности законами об экстремизме и требованиями политкорректности. Отмечены случаи влияния речи первых лиц государства и даже копирования их ошибок (Хрущев: *социализМ, коммуниЗМ*; постоянное повторение слова «консенсус» за М. Горбачевым; отметим при этом, что стяжения в речи Б. Ельцина — *пониМАШЬ* вместо *пониМАЕШЬ* — другими политиками не воспроизводились).

По поводу влияния на политическую коммуникацию речевой манеры В. Путина М. Кронгауз говорит следующее: «Путин задал моду на речевую манеру. Он использовал лингвистический прием снижения речи, с помощью которого достигает некоей „свойскости“ с собеседником... В том и вся суть, что в целом он говорит правильно и гладко. И когда вдруг употребляет какое-то нелитературное (например, жаргонное. — *Н. Р.*) слово, тут же все обращают внимание. Появился даже термин для обозначения этих цитат — „путинки“. Журналисты уже ждут от него таких фраз. Интеллигенция раздражается, так как в обществе существует стереотип, что официальное лицо должно говорить гладко и правильно. Впрочем, до этого идеала не дотягивал ни один руководитель государства после революции» [Кронгауз 2014].

3. ПОРТРЕТЫ — МЕМУАРЫ (книги) и ЖУРНАЛИСТСКИЕ ПОРТРЕТЫ (тексты СМИ)

Примерами политических портретов-мемуаров от лица политика являются книги Б. Ельцина «Исповедь на заданную тему», В. Жириновского «Президентский марафон», а также книги А. Лебедева, Б. Немцова, П. Романова, И. Рыбкина, А. Собчака.

Однако бывают и политические мемуары, написанные от 3-го лица, например, от имени пресс-секретарей политиков В. Костикова («Роман с президентом») и А. Бархатова.

Проектирование мемуаров политика любого типа может быть представлено через содержательную и формальную стороны

сочинения. Содержательная сторона включает концепты, модель настоящего, модель прошлого, модель будущего, лозунги. Формальная сторона политических мемуаров включает состав участников коммуникации и их роли, речевую стратегию развертывания политического дискурса, фактуру и жанровый состав текстов, а также кодекс речевого поведения политика [Ермаков, Ким, Михайлова, Осетрова, Суховольский 2004: 315].

В свою очередь, политические портреты, соотносимые с **журналистскими** текстами, являются в настоящий момент малоизученными, хотя в их речевой и полисемiotической организации реализуется креативный потенциал современных СМИ. Прежде всего необходимо, на наш взгляд, исследовать все пополняющийся корпус жанровых разновидностей журналистских политических портретов. Назовем лишь их малую часть, выявленную нами на материале популярных печатных СМИ:

- политический портрет — интервью;
- портрет-прогноз;
- портрет-комментарий;
- портрет-отзыв;
- мини-портрет;
- портрет в стихах;
- портрет-опровержение;
- психологический портрет;
- сопоставительный портрет («раньше» и «сейчас»);
- портрет-расследование;
- треш-портрет (эпатажного характера);
- портрет-биография;
- постпортрет политика (по окончании срока его полномочий на высокой должности);
- кинестетический портрет (мимика, жесты, позы, движения политика) и др.

Заметим, что только лишь на материале массовых печатных СМИ нами выделено более 20 разновидностей политического портрета, которые нуждаются в системном описании.

4. ПОРТРЕТЫ ПОЛИТИКОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ

Несомненным лидером в корпусе портретов политиков **федерального** уровня является В. В. Путин. Его образ исследуется с помощью целого ряда методов и методик, в том числе посредством метода психосемантического шкалирования, «позволяющего наиболее полно — как на уровне сознания, так и на уровне подсознания — выявить категории, по которым строится и существует образ в сознании определенной социальной группы» [Матвеева, Замская 2012: 331]. Интересной является методика анализа аксио-

логического портрета В. В. Путина, созданная Э. В. Будаевым и А. В. Грошевой. Она включает:

- оценку рейтинга и шансов на победу;
- этическую оценку;
- интеллектуальную оценку;
- эстетическую оценку;
- утилитарную оценку;
- нормативную оценку;
- телеологическую оценку;
- оценку профессионализма;
- оценку политического статуса [Грошева, Будаев 2017].

Кроме этого, для портретирования федеральных политиков используются коммуникативно-прагматический метод, анализ креолизованных сообщений, количественный анализ текстов; анализ стратегий и тактик в речи политика, а также группа когнитивных и психолингвистических методов.

Портреты политиков **регионального уровня** получают в последнее время все большее распространение в СМИ. Кроме того, почти в каждом регионе России есть исследователи, занимающиеся портретами региональных политиков (бывшего екатеринбургского мэра Е. Ройзмана, красноярских губернаторов В. М. Зубова и А. Лебеда, председателя краевого законодательного собрания А. В. Усса и др.). Речевой портрет регионального политика чаще всего исследуется посредством анализа идиостилевой специфики его высказываний, а политический (журналистский портрет) — по целому ряду методик. Интересной является методика, предложенная О. В. Ильиной и Д. А. Комаровым, которые на материале более чем 100 текстов СМИ выявили целый ряд практических схем конструирования образа политика, а именно:

- практики отбора персонажа;
- практики номинации персонажа;
- практики описания персонажа;
- практики биографической идентификации;
- практики описания отношений между персонажами;
- практики описания внешности персонажей;
- практики конструирования институциональной роли [Ильина, Комаров 2015: 100—105].

Расширение репертуара форм политического портрета происходит сейчас за счет Интернета и массовых газет (популярных изданий): «Постепенный упадок телевидения, рост влияния Интернета, социальных сетей и печатных изданий — вот главная тенденция, зафиксированная социологами „Левада-центра“» [Самохин 2019]. Этот же центр зафиксировал рост популярности российской прессы у массового адресата: «Ана-

литический центр Юрия Левады выпустил отчет „Российский медиаландшафт“, который показывает, откуда граждане сегодня черпают информацию о происходящем в стране и мире. Говоря о печатных СМИ, авторы исследования отмечают: „Наиболее популярными изданиями на протяжении последних лет являются „Аргументы и факты“ (10 % граждан РФ), „Комсомольская правда“ (8 %), „Российская газета“ (5 %), „Известия“ и „Московский комсомолец“ (по 4 %). Деловые издания, такие как „Коммерсантъ“ и „Ведомости“, имеют аудиторию 1—12 %“» [Какая газета в России самая читаемая? <http://>].

Однако, чтобы добиться роста популярности, массовые издания вынуждены искать все новые формы взаимодействия с адресатом, это касается и жанра политического портрета. Приведем краткие политические портреты украинских политических лидеров, созданные в стихотворной форме с использованием ярлыков (ярлыки в цитируемом стихотворении Сергея Пономарева выделены полужирным курсивом):

Ненька, гідна и свидома,
Миру вибор свой покажь:
Во главу хотят дурдома

Шут, воровка и алкаш...

Это ж раньше были **клоны** —
Кучма, Янык, Ющ в прыщах,
А теперь пусть будет **клоун**,
Гривну в чарке полоща...

Но есть **зэчка и лишенка** —
Воспитал днепровский клан,
Это Юля Тимошенко,
А в девичестве Григян.

Присосавшись к газу ловко,
Завернув шиньон в косу,
Юля, **ушлая воровка**,

Пела всем: „Я вас спасу!“...
Может зря? Вопрос решен-то,
Выборы лишь сбросят пар?

В президентах Порошенко,
Шоколадный олигарх... И т. д.

[Пономарёв 2019]

Расширился репертуар и креолизованных политических портретов. Так, лишь в одном газетном номере (Экспресс-газета. 2019. № 32 (1277)) размещены 2 креолизованных политических портрета. Первый — это динамический портрет В. В. Путина с 1999 по 2019 г. Портрет имеет заголовок: *«20 ЛЕТ СПУСТЯ. Как страна изменилась за время правления Владимира Путина»*. Визуальный ряд представлен прецедентным образом В. В. Путина и подборкой фотографий, иллюстрирующих российскую жизнь до его вступления в должность президента и в настоящее время. Кроме того, составляющей визуального ряда является группа эмб-

лем, манифестирующих знаковые события, произошедшие в России с 1999 по 2019 годы (см. пример на рис.).

2010 Подписан закон
о создании инновационного центра
«Сколково»

Вербальный ряд в данном креолизованном портрете организован по аналогии с визуальным и дополняет его информацией сопоставительного характера (положение дел в России до Путина и сейчас) и комментариями к эмблемам.

Второй креолизованный портрет — это портрет Наполеона Бонапарта, в котором визуальный ряд представлен прецедентным образом Наполеона и изображениями предметов (например, шпаги императора, его бокала, сделанного из черепа графа Калиостро, и т. д.). Вербальный ряд в этом портрете раскрывает визуальный — небольшие фрагменты текста содержат малоизвестную информацию о жизни и предпочтениях Наполеона, например:

РУКИ

В молодые годы по бедности носил дырявые перчатки, поэтому привык прятать руку за пазуху. Позже возникла версия, что эта поза — тайное масонское послание. Верил, что имеет дар целительства. В Сирии посетил чумной госпиталь и прикасался к больным солдатам, „врачуя“ их.

Основными тенденциями развития жанра политического портрета мы считаем а) увеличение аспектов, в рамках которых раскрывается личность политика, интимизацию информации; б) увеличение числа жанровых вариантов; в) увеличение доли креолизованных портретов; г) постоянное использование форм комического — юмора, иронии, сарказма, пародирования, что особенно характерно для массовых СМИ. Что касается системы методов и методик анализа политических портретов, то с уверенностью можно утверждать, что последняя должна иметь научное обоснование и отражать образ политика не только в статике, но и в динамике, т. е. служить для исследования трансформаций образа политика в течение определенного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Изв. УрГПУ. Лингвистика. 2005. Вып. 15. С. 5—32.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008. 248 с.
3. Грошева А. В., Будаев Э. В. Аксиологический портрет В. В. Путина в немецкой прессе // Один пояс — один путь.

Лингвистика взаимодействия / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2017. С. 49—51.

4. Ермаков С. В., Ким И. Е., Михайлова Т. В., Осетрова Е. В., Суховольский С. В. Власть в русской языковой и этнической картине мира. — М.: Знак, 2004. 408 с.

5. Ильина О. В., Комаров Д. А. Конструирование образа политика в медиатексте (на примере кампании по выборам мэра Екатеринбурга 2013 г.) // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. С. 99—105.

6. Какая газета в России самая читаемая? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2019. № 32. URL: https://aif.ru/society/media/kto_lidinet_v_rossijskom_reytinge_pечатnyh_izdaniy.

7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

8. Китайгородская М. Н., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет : хрестоматия. — М.: Наука, 1995. 128 с.

9. Кронгауз М. «Слова ненависти заменяют аргументы» [Электронный ресурс] : интервью // Lenta.ru. 2014. 28 нояб. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/11/28/language>.

10. Матвеева Л. В., Замская М. Д. Роль журналистики в трансформации образа политика в современном мире // Язык СМИ и политика. — М.: МГУ, 2012. С. 320—255.

11. Пономарёв С. Выборы на Украине: шут, воровка и алкаш... [Электронный ресурс] // Экспресс-газета. 2019. № 13. URL: <https://www.eg.ru/politics/716348-vybory-na-ukraine-shut-vorovka-i-alkash/>.

12. Руженцева Н. Б. Речевой жанр: портрет в контексте дискурса (к вопросу о методике описания) // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 44—58.

13. Самохин М. Россияне поумнели и отказываются от ТВ в пользу газет [Электронный ресурс] // Экспресс-газета. 2019. № 31 (1276). URL: <https://www.eg.ru/society/762695-rossiyane-poumneli-i-otkazyvayutsya-ot-tv-v-polzu-gazet/>.

14. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. — М.: Лабиринт, 2004. 320 с.

15. Соломатов С. И. Ключевые слова в журналистском портрете политика и предпринимателя : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург 2005. 22 с.

16. Суздальцева В. Н. Образ власти в современных российских СМИ // Язык СМИ и политика. — М.: МГУ, 2012. С. 284—327.

17. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.

18. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта : Наука, 2012. 256 с.

19. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004. 326 с.

N. B. Ruzhentseva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: verbalis@mail.ru.

Portraits of Politicians: Typology and Verbal Organization

ABSTRACT. *The article deals with the genre corpus of modern political portraits which are studied from the point of view of their typologization and verbal organization. The corpus of political portraits can be differentiated on various principles. First, these are political portraits proper showing the figure and activity of the politician from a certain perspective, in a more or less complete way, and verbal portraits reflecting the specificity of verbal communication. Second, these are portraits-memoires and journalistic portraits (a narration about a politician, an interview with them). Third, these are portraits of federal and regional politicians. Fourth, these are detailed political portraits and mini-portraits (slogans-characteristics). Finally, it is possible to single out political portraits within the frames of a single semiotic row (verbal) and creolized portraits created with the help of two semiotic rows – verbal and visual. Political portraits proper are based primarily on the category of evaluation and polarization of a “good politician” and a “bad politician”. Analysis of the verbal portraits of politicians is often conducted from the position of their idiosyncrasy peculiarities which are, to a large extent, determined by the chosen image construct. Idiostyle is also formed by the memes of politicians and language taboos imposed by a number of laws and requirements of political correctness. Both analysis and preparation for publication of books (memoires) of a politician can be approached via form or content. In their turn, journalistic portraits translated through various media outlets need typologization and systematization in the first place. It is possible to single out more than 20 kinds of political portraits on the material of mass newspapers alone, each of which has an original genre, verbal and pragmatic organization. V. V. Putin takes the lead among all politicians of the federal level whose portraits are actively created by mass media. Nowadays, we see a growing interest in the study of the portraits of regional politicians and in the scientific detection of the practical schemes of their image construction. As far as creolized portraits are concerned, they are more often than not built around a precedent visualized image of a famous politician of the past or the present. The visual and verbal semiotic rows may intersect each other, complete each other, and their creative combinability allows the authors to make up an original memorable image of a statesman. In general, the author of the article highlights the following tendencies of development of the genre of political portrait: a) increase in the number of aspects within the frames of which the politician’s personality is described, intimization of information; b) increase in the number of genre variants; c) increase in the percentage of creolized portraits; d) use of the comic forms in the portraits – humor, irony, sarcasm, parody – which is especially typical of popular mass media.*

KEYWORDS: *linguopersonology; politicians; political rhetoric; political speeches; mass media; political portraits; journalism; creolized texts; media linguistics; media discourse; media texts.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Ruzhentseva Natal’ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Ruzhentseva, N. B. Portraits of Politicians: Typology and Verbal Organization / N. B. Ruzhentseva // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 57-63. — DOI 10.26170/pl19-05-05.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant № 19-012-00465/19 “Linguo-Political Personology: A Discursive Approach”.*

REFERENCES

1. Bazylev V. N. Political Discourse in Russia // Proceedings of USPU. Linguistics. 2005. Issue. 15. P. 5—32. [Politicheskiy diskurs v Rossii // Izv. UrGPU. Lingvistika. 2005. Vyp. 15. S. 5—32]. — (In Rus.)
2. Budaev E. V., Chudinov A. P. Foreign Political Linguistics / Ural. State Ped Univ. — Ekaterinburg, 2008. 248 p. [Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2008. 248 s.]. — (In Rus.)
3. Grosheva A. V., Budaev E. V. Axiological Portrait of V. V. Putin in the German Press // One Belt — One Way. Linguistics of Interaction / Ural. State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2017. P. 49—51. [Aksiologicheskii portret V. V. Putina v nemetskoj presse // Odin poyas — odin put'. Lingvistika vzaimodeystviya / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2017. S. 49—51]. — (In Rus.)
4. Ermakov S. V., Kim I. E., Mikhaylova T. V., Osetrova E. V., Sukhovol'skiy S. V. Power in the Russian Language and Ethnic Picture of the World. — Moscow : Sign, 2004. 408 p. [Vlast' v russkoy yazykovoy i etnicheskoy kartine mira. — M. : Znak, 2004. 408 s.]. — (In Rus.)
5. Il'ina O. V., Komarov D. A. Designing the Image of a Politician in a Media Text (for example, the campaign for the election of the mayor of Yekaterinburg in 2013) // Political Linguistics: problems, methodology, research aspects and prospects for the development of the scientific direction / Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2015. P. 99—105. [Konstruirovaniye obraza politika v mediatekste (na primere kampanii po vyboram mera Ekaterinburga 2013 g.) // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2015. S. 99—105]. — (In Rus.)
6. What is the Most Widely Read Newspaper in Russia? [Electronic resource] // Arguments and Facts. 2019. No. 32. [Kakaya gazeta v Rossii samaya chitaemaya? // Argumenty i fakty. 2019. № 32]. URL: https://aif.ru/society/media/kto_lidruet_v_rossiysko_m_reytinge_pechatnyh_izdaniy. — (In Rus.)
7. Karaulov Yu. N. Russian Language and Linguistic Personality. 7th ed. — Moscow : Publ. House of LCI, 2010. 264 p. [Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd. 7-e. — M. : Izd-vo LKI, 2010. 264 s.]. — (In Rus.)
8. Kitaygorodskaya M. N., Rozanova N. N. Russian Speech Portrait : anthology. — Moscow : Science, 1995. 128 p. [Russkiy rechevoy portret : khrestomatiya. — M. : Nauka, 1995. 128 s.]. — (In Rus.)
9. Krongauz M. "Hate Words Replace Arguments" [Electronic resource] : interview // Lenta.ru. 2014. 28 Nov. [«Slova nenavisti zamenyayut argumenty» [Elektronnyy resurs] : interv'yu // Lenta.ru. 2014. 28 noyab.]. URL: https://lenta.ru/articles/2014/11/28/lan_guage. — (In Rus.)
10. Matveeva L. V., Zamskaya M. D. The Role of Journalism in Transforming the Image of a Politician in the Modern World // Media Language and Politics. — Moscow : Moscow State Univ., 2012. P. 320—255. [Rol' zhurnalistiki v transformatsii obraza politika v sovremennom mire // Yazyk SMI i politika. — M. : MGU, 2012. S. 320—255]. — (In Rus.)
11. Ponomarev S. Elections in Ukraine: Jester, Thief and Drunk ... [Electronic resource] // Express Newspaper. 2019. No 13. [Vy-bory na Ukraine: shut, vorovka i alkash... // Ekspres-gazeta. 2019. № 13]. URL: <https://www.eg.ru/politics/716348-vybory-na-ukraine-shut-vorovka-i-alkash/>. — (In Rus.)
12. Ruzhentseva N. B. Speech Genre: a Portrait in the Context of Discourse (to the Problem of Methods of Description) [Rechevoy zhanr: portret v kontekste diskursa (k voprosu o metodike opisaniya) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 44—58]. — (In Rus.)
13. Samokhin M. Russians Wisen and Abandon TV in Favor of Newspapers [Electronic resource] // Express Newspaper. 2019. No 31 (1276). [Rossiyane poumneli i otkazyvayutsya ot TV v pol'zu gazet // Ekspres-gazeta. 2019. № 31 (1276)]. URL: <https://www.eg.ru/society/762695-rossiyane-poumneli-i-otkazyvayutsya-ot-tv-v-polzu-gazet/>. — (In Rus.)
14. Sedov K. F. Discourse and Personality: the Evolution of Communicative Competence. — Moscow : Labyrinth, 2004. 320 p. [Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii. — M. : Labirint, 2004. 320 s.]. — (In Rus.)
15. Solomatov S. I. Keywords in the Journalistic Portrait of a Politician and Entrepreneur : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Ekaterinburg, 2005. 22 p. [Klyucheve slova v zhurnalistskom portrete politika i predprinimatel'ya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg 2005. 22 s.]. — (In Rus.)
16. Suzdal'tseva V. N. The Image of Power in Modern Russian Media // Language of the media and politics. — Moscow : Moscow State Univ., 2012. P. 284—327. [Obraz vlasti v sovremennykh rossiyskikh SMI // Yazyk SMI i politika. — M. : MGU, 2012. S. 284—327]. — (In Rus.)
17. Chudinov A. P. Essays on Contemporary Political Metaphorology / Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2013. 176 p. [Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.]. — (In Rus.)
18. Chudinov A. P. Political Linguistics. — Moscow : Flinta : Science, 2012. 256 p. [Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2012. 256 s.]. — (In Rus.)
19. Sheigal E. I. Semiotics of Political Discourse. — Moscow : Gnosis, 2004. 326 p. [Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : Gnozis, 2004. 326 s.]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111'42
ББК Ш143.21-51
DOI 10.26170/pl19-05-06

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК10.02.19

Н. Ю. Видинеева

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
ORCID ID: 0000-0002-4412-7631

 E-mail: ya.natashavidineeva@yandex.ru.

Языковые средства выражения имплицитности в жанре блогов о проблеме Brexit

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена явлению имплицитности и языковым средствам ее выражения. Данная тема представляется актуальной, так как у лингвистов нет единого взгляда на природу имплицитности и на типы средств ее реализации. Исследование выполнено на материале текстов британских блогов. Жанр блогов приобретает все большую популярность как средство коммуникации и как платформа для обмена мнениями. Собранный материал — заметки и комментарии к ним — посвящен одной из самых насущных политических проблем современности — выходу Великобритании из Европейского союза. В ходе исследования собранного корпуса текстов языковые средства имплицитности были расклассифицированы на следующие группы: лексические средства (разговорная лексика, намеренно измененные имена собственные, идиомы, языковая игра), грамматические средства (особенности синтаксиса предложения, в частности эллиптические вопросительные предложения), средства образности (метафора, аллегория, сравнение, ирония, аллюзия, антономасия) и особенности построения текста (интертекстуальность). Анализ особенностей функционирования данных языковых средств позволяет сделать выводы о характере имплицитных смыслов, которые конструируются в блогах о проблеме брексита. Пользователи блогов дают негативную имплицитную оценку самой процедуре дезинтеграции, а также политическим фигурам, способствующим выходу страны из ЕС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: имплицитность; импликатура; имплицитный смысл; языковые средства; английский язык; интернет-дискурс; блоги.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Видинеева Наталья Юрьевна, аспирант, преподаватель кафедры «Английский язык», Пензенский государственный университет; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40; e-mail: ya.natashavidineeva@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Видинеева, Н. Ю. Языковые средства выражения имплицитности в жанре блогов о проблеме Brexit / Н. Ю. Видинеева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 64-75. — DOI 10.26170/pl19-05-06.

1. Введение

Неявно выраженные смыслы высказывания впервые были рассмотрены П. Грайсом. Он назвал такие смыслы импликатурами. Импликатура по П. Грайсу — это «то, что подразумевается» (перевод здесь и далее мой. — Н. В.) [Grice 1989: 24], то есть тот компонент высказывания, который не выражен через буквальное, конвенциональное значение элементов высказывания, но при определенных условиях может быть вычислен реципиентом. П. Грайс утверждал, что для определения скрытого смысла реципиент должен исходить из предположения, что собеседник не нарушает принцип кооперации: «На данном этапе диалога делай свой вклад в него таким, как того требует ситуация, в соответствии с целью и направлением разговора» [Grice 1989: 26]. Принцип кооперации состоит четырех максим речевого общения: максимы качества информации, максимы количества информации, максимы ясности и максимы релевантности. Согласно

взглядам П. Грайса, отклонение говорящего от данных максим или прямое их нарушение является сигналом наличия в высказывании импликатуры [Grice 1989: 26—27].

Феномен имплицитности, рассматриваемый нами в данной статье, мы считаем равным понятию импликатуры. **Имплицитность**, вслед за Е. В. Ермаковой, мы понимаем следующим образом: «Имплицитность — это имманентное свойство языковой единицы, связанное с вероятностью структуры неконечного множества признаков слова, реализуемое в контексте речевого сообщения <...> Имплицитность — это свойство речевого сообщения оживлять и делать ощутимыми для сознания такие связи единицы/единиц сообщения, которые в других ситуациях находятся в латентном состоянии, а также создавать такие связи, которых ранее единицы языка не имели» [Ермакова 2010: 59].

В наших предыдущих работах мы более подробно рассматривали феномен импликатуры с опорой на теорию П. Грайса и его по-

следователей, а также анализировали функционирование различных типов имплицатур в текстах британских медиа [Видинеева, Дубровская 2018]. Кроме того, мы изучили различные концепции теории имплицитности (психологическую, лингвистическую) и подходы к интерпретации имплицитных смыслов [Видинеева 2019].

Цель данной статьи заключается в анализе и классификации языковых средств реализации имплицитности в жанре блогов о проблеме брексита, а также в демонстрации некоторых особенностей функционирования данных языковых средств в текстах блогов. Кроме того, мы обозначим характер имплицитных смыслов, конструируемых пользователями британских блогов.

Имплицитность и языковые средства ее реализации анализируются исследователями на материалах текстов различных дискурсов. Нам представляется актуальным рассмотреть имплицитность и ее языковые средства на материале текстов интернет-дискурса, в частности жанра блогов. Коммуникация в сети Интернет приобретает всё большую значимость в современном мире. Блоги становятся важным источником информации и мнений о происходящих событиях, а также площадкой для проведения дискуссий. Интернет-пространство в целом и блоги в частности дают авторам большой простор для свободного выражения мыслей.

Актуальной политической темой уже несколько лет остается процесс выхода Великобритании из Европейского союза. Данная тема стимулирует активные дискуссии в блогах британских граждан. Выражая свою точку зрения, коммуниканты прибегают не только к эксплицитной форме выражения идей, но и к средствам имплицитности.

2. Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили 54 англоязычные публикации и комментарии к ним на различных сервисах блогинга: *livejournal.com*, *twitter.com*, *reddit.com*, *lauriepenny.com*, *order-order.com*, *scienceblogs.com*. Материал отбирался посредством поиска по ключевому слову «*brexit*».

Исследование отобранного материала осуществлялось с помощью качественных методов. Интерпретация высказываний потребовала привлечения методики дешифровки имплицитности П. Грайса. Данная методика заключается в выявлении несоответствия конвенционального значения языковой единицы и контекста, в котором она функционирует. Предполагается, что говорящий стремится к кооперации с реципиентом. Однако семантика языковых средств, которые

он привлекает для коммуникации, не соответствует ситуации общения. Подобное несоответствие сигнализирует об имплицитном смысле высказывания [Grice 1989; Arsenault 2014]. Для подтверждения такого рода выводов мы использовали методику дефиниционного анализа. Конвенциональное значение лексических единиц мы проверяли по данным онлайн-словарей *Macmillan Dictionary*, *Cambridge Dictionary* и *Urban Dictionary*.

Для корректной интерпретации имплицитного смысла ряд исследователей считает необходимым учет контекста и фоновых знаний [Cruse 2000: 349; Yule 1996: 42—44].

Анализ средств образности, в частности сравнений, потребовал привлечения методики четырехкомпонентного членения образа на предмет сравнения, носитель образа, основание сравнения и слова, выражающие отношения сравнения [Арнольд 1982: 89].

Анализ семантики языковых единиц и особенностей их функционирования позволил нам интерпретировать записи блогов и инферировать имплицитный смысл, содержащийся в них.

3. Языковые средства имплицитности в жанре блогов

В процессе анализа отобранного материала мы выделили четыре основные группы языковых средств с имплицитным компонентом значения: лексические средства, грамматические средства (а именно особенности синтаксиса предложения), средства образности и особенности построения текста.

Потенциал **лексических средств** для формирования имплицитных смыслов заложен в семантике лексических единиц. Об этом упоминает И. В. Арнольд: «В лексикологии и семасиологии имплицитность связана с окказиональными семантическими осложнениями слов и свободных и устойчивых словосочетаний» [Арнольд 1982: 90]. Исследователь также указывает на то, что «большие возможности семантического варьирования, а следовательно, и имплицитности, представляют слова широкой семантики» [Арнольд 1982: 90]. Эту идею подтверждает А. И. Барышева: «Возникновение имплицитной информации возможно вследствие актуализации потенциальных компонентов лексического значения» [Барышева 2014: 38]. В качестве лексического инструмента конструирования имплицитных смыслов Т. В. Алиева рассматривает разговорную лексику, включающую в себя фразовые глаголы, идиомы, сленгизмы [Алиева 2010: 89].

Функционирование **лексических средств разговорного стиля** в процессе создания имплицитных смыслов Т. В. Алиева описывает следующим образом: «Особенно часто к этому приему обращаются для формирования концепта „чужой — это враг“, в связи с тем, что употребление языковых средств, свойственных разговорному стилю, призвано не только заострить внимание читателя, но и добавить отрицательной оценочности» [Алиева 2010: 89].

Имплицитная отрицательная оценочность прослеживается и в текстах британских блогов, содержащих разговорную лексику:

The chief villains of this piece are David Cameron, who gambled the entire future of the nation on his own political career by promising a referendum to placate the right-wing of his party, and his Eton and Oxford chum Boris Johnson, the charismatic former London mayor who stalks British politics [Penny 2016b]. / Главными злодеями этого действия стали Джеймс Кэмерон, поставивший всё будущее на кон собственной политической карьеры, пообещав референдум для успокоения правого крыла своей партии, и его дружок по Итону и Оксфорду Борис Джонсон, бывший харизматичный мэр Лондона, преследующий британскую политику.

Лексема *chum* англоязычными толковыми словарями определяется как принадлежащая к неформальной лексике [MacMillan http; Cambridge Dictionary http]. В контексте обсуждения политических деятелей и их решений, не предполагающем обращения к разговорной или неформальной лексике, такое словоупотребление имплицитно ироничное, снисходительное отношение к одному из политиков, Борису Джонсону.

Отдельной группой разговорной лексики, участвующей в имплицитности смыслов, являются намеренно измененные формы имен собственных. Данная форма словотворчества реализует имплицитный потенциал за счет ненормированности подобной номинации. Намеренно измененные формы имен собственных политиков и общественных деятелей в британских блогах могут служить отсылкой к прецедентным событиям:

Don't weep for Hameron. He'll be fine [Penny 2016a]. / Не плачьте по Хэмерону. С ним всё будет в порядке.

Номинация *Hameron* вместо имени собственного *Cameron* служит отсылкой к кличке поросенка, участвовавшего в символическом забеге поросят для предсказания результатов референдума. В забеге участвовало две команды: поросята — «сторонники выхода из ЕС» и поросята — «противники

выхода из ЕС». В числе последних и был поросенок по кличке *Hameron*, что, по словам его хозяина, служит отсылкой к бывшему премьер-министру Великобритании и противнику брексита Дэвиду Кэмерону [“David Hameron” v “Boar-is Johnson”... // Sputnik].

Ненормированность номинации заключается также в семантике намеренно искаженных имен собственных. Номинация *Bojo* вместо *Boris Johnson* в контексте *Donald Trump will sign a deal with Bojo* [BanjoKazooie 1984 // Reddit] является комбинацией первых двух букв имени и фамилии Бориса Джонсона. Кроме того, лексема *bojo* используется для обозначения глупого человека и его поступков [Urban Dictionary http].

Номинация *Gofer* вместо *Gove* [Leavers in the Lead with Tory Members http] также обладает отрицательной коннотацией: *gofer* — это работник, чья основная обязанность заключается в выполнении поручений начальства. Подразумеваемые поручения обычно состоят в том, чтобы принести что-то начальнику и унести это назад [Urban Dictionary http].

Приведенные примеры функционирования намеренно измененных имен собственных демонстрируют снижение общественной значимости политических деятелей Британии, напрямую связанных с процедурой брексита.

В целом разговорная лексика в блогах о проблеме Brexit используется для имплицитности отрицательной оценки происходящих событий и людей, участвующих в них.

Идиомы представляют собой исторически укоренившиеся в языке словосочетания, значения которых не могут быть в полной мере выведены из значений их составных компонентов [Encyclopedia of Language and Linguistics 2006: 518]. Дж. Айто выделяет четыре группы идиом в зависимости от степени мотивированности их значений:

- в первую группу входят идиомы, значения которых полностью не соответствуют буквальному значению составляющих элементов;
- ко второй группе относятся идиомы, где лишь часть элементов используется в буквальном значении;
- в третью группу входят идиомы, все элементы которых используются в буквальном значении. Идиомой такое сочетание слов делает их особая комбинация;
- к четвертой группе принадлежат идиомы ясной семантики, например, клише. От обычных словосочетаний их отличает композиционная неизменяемость [Encyclopedia of Language and Linguistics 2006: 518].

Реализацию имплицитности посредством немотивированных идиоматических вы-

ражений рассматривала М. Арсено. Она предлагает интерпретировать имплицитный смысл идиомы исходя из теории П. Грайса. Говорящий употребил в своем высказывании идиоматическое выражение. Адресат предполагает, что его собеседник настроен на контакт и намеревается что-то сообщить. Но буквальный смысл совокупности элементов идиомы с немотивированным значением в данном контексте не представляется адекватным. Следовательно, реципиент в праве предположить, что говорящий имел в виду нечто иное, нечто более сопряженное с обсуждаемой темой. Если реципиент не знаком со смыслом идиомы, то он будет пытаться соотнести образ, создаваемый идиомой, с контекстом общения. Если же реципиент знаком с общепринятым смыслом идиомы, то он предположит, что именно такой смысл является адекватным вкладом собеседника в коммуникацию. Это и будет способствовать верной интерпретации высказывания [Arsenault 2014: 70].

Мы полагаем, что имплицитность актуализируется идиомами, значение которых не соответствует сумме значений составных элементов (по классификации Дж. Айто — первая и вторая группы). Мы опираемся на подход М. Арсено для инференции имплицитного смысла высказывания, содержащего идиому с немотивированным значением. Кроме того, для получения достоверных результатов мы считаем необходимым прибегать к дефиниционному анализу идиомы.

В текстах британских блогов о проблеме выхода страны из ЕС употребляются идиомы с отрицательной коннотацией, демонстрирующие нестабильность социально-политической обстановки:

The arguments are getting dumber and dumber every day because they are grasping straws [There isn't a pro-EU side... // Reddit]. / *Аргументы становятся всё глупее и глупее день ото дня, потому что они хватаются за соломинку.*

Буквальный смысл словосочетания *are grasping straws* не представляется адекватным смыслу всего высказывания, так как речь ведется об аргументации своей позиции, а не о соломинках. Следовательно, мы предполагаем, что автор намеревался сообщить нечто иное. Имплицитный смысл идиомы *are grasping straws* возможно установить, опираясь на словарное толкование: «быть готовым на всё, чтобы исправить трудную или неудовлетворительную ситуацию, даже если существует совсем немного шансов на успех» [Cambridge Dictionary http]. Таким образом, приведенное выше высказывание имплицитно подразумевает практически безвыходное положение, в котором уча-

стники пытаются найти любую возможность спасти ситуацию.

Неуверенность в будущем страны накануне референдума имплицитно выражена одним из британцев также при помощи идиоматического выражения. В высказывании идет речь о взглядах британского политического писателя Мэтью Пэриса:

He is keen on the idea of Europe in theory, but has no love for the institutions of the EU as currently constituted; not happy to be in the company of those who wish to leave (Timmy excluded, of course); and wonders what knock-on effects there might be on the world at large. Certainly, now seems a poor time to be rocking the boat [Stoat 2016]. / *Он чрезвычайно заинтересован теоретическими представлениями о Европе, но не приемлет институты Европейского союза в их нынешнем виде. Ему не нравится быть в компании сторонников выхода из ЕС (за исключением Тимми, конечно). Он задумывается над тем, какие цепные реакции могут возникнуть в мире в целом. Конечно, сейчас самое подходящее время для раскачивания лодки.*

Дословный смысл словосочетания *rocking the boat* не соответствует контексту, так как о лодке речь не идет. Таким образом, мы можем предположить, что автор хотел сообщить что-то другое. *Rock the boat* трактуется словарями как «создавать проблемы путем изменения ситуации, которая кажется удовлетворительной» [MacMillan http]. Следовательно, из семантики идиомы в данном контексте можно извлечь смысл, что положение страны до проведения референдума казалось гражданам удовлетворительным, а последующие изменения могут вызвать социально-экономическую нестабильность.

Языковая игра является лексико-стилистическим средством импликации смыслов. Языковая игра как прием импликации была описана А. И. Барышевой на материале публицистического дискурса. Языковую игру она понимает как игру говорящего языковыми формами [Барышева 2016б: 15]. Л. В. Слуднева частным видом языковой игры считает включение в текст или высказывание прецедентного текста [Слуднева 2014: 43—49]. Включение в высказывание прецедентного текста мы понимаем как интертекстуальность, на которой подробно остановимся ниже.

Языковая игра в жанре блогов способна не только привлечь внимание читателя к содержанию заметки, но и имплицитно выразить гражданскую позицию автора:

Game Of Thrown Under The Bus By Brexit? [Gragladden http] / *Игра в жертвоприношение под названием Brexit?*

Начальная часть данного заголовка при помощи языковой игры создает аллюзию на название одного из культовых сериалов современности — *Game of Thrones*. Аллюзия создается главным образом благодаря фонетическому и графическому сходству лексем *thrown* и *thrones*. Лексема *game*, с которой начинается заголовок, имеет значительную прагматическую ценность. Ее значение трактуется следующим образом:

- деятельность, в которой участвуют ради веселья; у нее есть правила; участвующий может выиграть или проиграть;
- вид спорта;
- определенное событие, где люди принимают участие в соревновании;
- деятельность или ситуация, которые трактуются не так серьезно, как следует;
- деятельность или вид работы, который напоминает игру, например, там имеются правила, которым нужно следовать [MacMillan http].

Приведенные значения имеют общие семантические компоненты: порой несерьезное отношение к происходящему, деятельность, которая не относится к повседневной жизнедеятельности и подчинена правилам.

В таком виде игра (*game*), которая, по мнению автора заметки, началась в Великобритании после референдума о членстве в ЕС, может быть понята двояко: деятельность, подчиненная определенным правилам, которым участники должны следовать, либо деятельность, которая воспринимается участниками менее серьезно, чем должна была.

Инферировать скрытый смысл, заложенный автором, нам представляется возможным с учетом второй части заголовка: «*thrown under the bus by Brexit?*». Действие, обозначаемое компонентами данного словосочетания, — «бросание под автобус» — является потенциально опасным для жизни и здоровья. Кроме того, форма страдательного причастия *thrown* предполагает, что объект против своей воли испытал на себе действие, выражаемое причастием. Субъект, выполнивший действие, вводится в высказывание при помощи предлога *by: by Brexit*.

Грамматические особенности высказывания и семантика его компонентов способствуют инференции смысла, который был задуман автором: «Брексит — это деятельность, имеющая определенные правила, но не воспринимаемая участниками всерьез, представляющая опасность для жизни и благополучия государства, навязанная гражданам против их воли».

По цели высказывания заголовок представляет собой вопросительное предложение, которое может отражать как неуверенность автора в своих словах, так и призыв к дискуссии.

Имплицативный потенциал **синтаксических особенностей** высказывания Т. В. Алиева рассматривает на примере разговорных синтаксических конструкций: «Цель употребления таких структур двойная: в некоторых случаях они направлены <...> на привлечение внимания и/или наполнение сообщения эмоциональностью, обычно усиливающей эмоциональную оценочность» [Алиева 2010: 89]. Такой тип синтаксических конструкций, по мнению Т. В. Алиевой, придает высказыванию неформальный тон, который свойственен общению людей, хорошо знающих друг друга и разделяющих общее мнение о проблеме. Разговорные синтаксические конструкции, таким образом, имплицитируют идею принадлежности автора и адресата к группе единомышленников, «своих» людей [Алиева 2010: 89].

Разговорные синтаксические конструкции в блогах представлены эллиптическими вопросительными предложениями, которые носят характер риторических вопросов. Употребление данных синтаксических конструкций в блогах обусловлено характером цифрового общения — оно не предусматривает излишней формализованности и необходимости придерживаться конкретного функционального стиля:

Anyone feel like they've got their country back yet? No? That, after all, was the rallying cry of the Leave campaign — the transatlantic echo of "Make America Great Again" [Penny 2016a]. / ***Кому-нибудь кажется, что он получил назад свою страну? Нет? В конце концов это был объединяющий вопль всей кампании за выход из ЕС — эдакое трансатлантическое эхо „Сделаем Америку снова великой“.***

Разговорность вопроса, которая выражается в намеренном опускании служебных слов, снижает тон повествования, создает атмосферу доверительного, неформального общения между автором и аудиторией. Эллиптическая форма *No?* представляется нам авторским ответом на предыдущий вопрос *Anyone feel like they've got their country back yet?* Так автор блога имплицитирует идею о том, что Великобритания после проведения референдума больше не будет той страной, которой она была многие годы до этого.

Тропы в силу яркости создаваемых ими художественных образов также являются инструментами импликации смыслов. И. В. Арнольд отмечает, что «содержащиеся в тек-

сте образы, аллюзии и контрасты, выраженные эксплицитно, позволяют догадаться об опущенном и подразумеваемом» [Арнольд 1982: 89]. Имплицидность, создаваемая средствами образности, конструируется на основе нетривиальной лексической сочетаемости, являющейся нарушением общепринятой языковой нормы. Нарушение нормы сигнализирует о наличии имплицитной информации в высказывании [Сермягина 2007: 28].

В текстах блогов средства образности представлены шире, чем другие инструменты создания имплицитных смыслов. В ходе анализа материала мы смогли выявить такие тропы, как метафора, аллегория, сравнение, ирония, аллюзия и антономасия.

В рассматриваемом материале **метафоры** строятся в основном на переносе образа с отрицательной оценочностью. Так, метафора *lizard-brain of Britain* [Penny 2016a] создает образ примитивного гражданского общества Великобритании, участвовавшего в референдуме по вопросу членства в ЕС.

Британское общество продолжает дискутировать о сильных и слабых сторонах выхода из ЕС. Метафоры в текстах британских блогов конструируют образ подобных диалогов:

*We shouldn't be letting ourselves get dragged in to **pantomime** that consists of the same two empty plays getting played back and forth like factless tennis* [WynterRayne // Reddit]. / Мы не должны позволить втянуть себя в **пантомиму**, состоящую из двух дешевых пьес, которые перебрасываются туда-сюда, как в безрезультатном теннисе.

Лексема *pantomime* определяется толковым словарем как театральная постановка, призванная рассмешить зрителя [MacMillan http]. Сама метафора сообщает читателю негативную имплицитную оценку автором дискуссий о проблеме брексита внутри гражданского общества. Данные обсуждения не представляются автору существенными. Эта идея также подкрепляется двумя эпитетами: *empty* и *factless*.

Образ государства после проведения референдума создается метафорой *this ghost-train as it hurtles off the tracks* [Penny 2016a]. *Ghost train*, согласно словарному определению, представляет собой аттракцион в парке развлечений, который отправляет посетителей в темное помещение с различными устрашающими объектами [MacMillan http]. Кроме того, образ указывает на то, что этот поезд очень быстро и неконтролируемо несется (*hurtles*) прочь с проложенных путей. Метафора создает образ государства, вышедшего из-под контроля и несущегося в совершенно неопределенное, темное будущее.

Аллегория определяется как расширенная метафора, в которой герои, события и обстановка являются символами, отсылающими реципиента к духовным, политическим или психологическим разногласиям реальной жизни [Routledge Dictionary of Literary Terms 2006: 4]. Дж. Каддон указывает на то, что история, рассказанная аллегорией, имеет двойное смысловое наполнение: поверхностное и скрытое за поверхностью. Следовательно, такая история может интерпретироваться одновременно на нескольких уровнях [Cuddon 1999: 20]. Мы полагаем, что имплицитность аллегории реализуется благодаря символизму повествования, отсылающего читателя к событиям реальности. Символы повествования могут интерпретироваться как нечто, имеющее связь с окружающими нас явлениями, событиями или людьми.

В британских блогах посредством аллегории имплицитно представляются о судьбе государства и последствиях выбора в пользу выхода из ЕС:

Once upon a time there was a group of musicians and dancers. They were immensely talented. Their routine was to get together, make music by enabling all group members to present their own notes, and then dancing on their own made music. One musician, seemingly unhappy, decided not to be the part of the group anymore. She simply turned her back and walked away. But...there was a problem. 50% of her music-related earning would come through the group. So, she asked the group to allow her to stay with the group as an outsider. The group agreed. Now she cannot participate in making any new music but is forced to dance on the tunes made by the rest of the group.

This, dear reader, is the future of our beloved land.

[Socialwriter9 // Livejournal]

Жила-была на свете группа музыкантов и танцоров. Все они были невероятно талантливы. Бывало, они собирались вместе, сочиняли мелодию, где каждый участник группы играл свою партию. Но казалось, что одна музыкантша не была счастлива. Она решила больше не быть частью группы. Она просто развернулась и ушла. Но... была одна проблема. Половина ее дохода от музыки поступала от группы. Поэтому музыкантша попросила группу позволить ей остаться с ними в качестве наблюдателя. Группа согласилась. Теперь музыкантша не может участвовать в сочинении новых мелодий, но вынуждена танцевать под звуки, созданные другими участниками группы. Это, дорогой читатель, будущее нашей горячо любимой страны.

В данном тексте присутствуют элементы, характерные для жанра сказки: вступление *once upon a time*, наличие вымышленных персонажей. Имплицитный смысл данного иносказания сложно дешифровать без финальной ремарки автора блога: *This, dear reader, is the future of our beloved land*. Ремарка позволяет по аналогии перенести свойства образа на реалии действительности: группа музыкантов и танцоров — Европейский союз и его участники, а музыкантша, решившая отделиться и пожалевшая о своем решении, — Великобритания. Отныне она вынуждена принимать решения группы (*is forced to dance on the tunes made by the rest of the group*), но не имеет возможности влиять на эти решения (*she cannot participate in making any new music*). Подобное иносказание имплицитно выражает сожаление автора о принятом гражданами страны решении покинуть ЕС.

Сравнения в текстах британских блогов реализуют потенциал к конструированию негативной оценки процедуры Brexit и политических деятелей, связанных с ней:

Boris Johnson, the charismatic former London mayor who stalks British politics, burbling and chuckling out lie after awful lie, like a nightmare clown in a pulp horror film [Penny 2016b]. / Борис Джонсон, харизматичный бывший мэр Лондона, который преследует британскую политику, бормоча и хихикая, выдает ложь за ложью, как безобразный клоун из дешевого фильма ужасов.

В рассматриваемом фрагменте клоун (*clown*) представляется автору текста как прецедентный персонаж массовой культуры, используемый в фильмах ужасов и в художественной литературе. Цель этого персонажа заключается не в развлечении, а в создании пугающей атмосферы. В данном случае лексема *clown* — носитель сравнения, предмет сравнения — политический деятель, а основанием сравнения служит прилагательное *nightmare*. Негативная коннотация прилагательного несколько снижается словом *pulp*. Так образ безобразного клоуна из дешевого фильма ужасов переносится на политика. Этот образ имплицитно выражает негативно-ироническое отношение автора текста к данному политическому деятелю.

Социально-экономическое будущее страны после выхода из ЕС также получает имплицитное выражение в сравнении:

We will go to a No Deal, the shelves at Tesco, Asda, etc will start to look like they were taken from the Soviet decline [BanjoKazooie 1984 // Reddit]. / Мы придем к выходу без сделки, полки в „Тэско“, „Асда“ и других сетевых магазинах будут выглядеть, как во времена заката Советского Союза.

В данном случае носителем сравнения выступают магазинные полки Советского Союза. Предметом сравнения являются магазинные полки в современных крупных британских сетевых магазинах. Основание сравнения выражено словосочетанием *Soviet decline*. Оно предназначено для обращения к фоновым знаниям читателя, а именно к состоянию экономики СССР на период его распада. При помощи созданного образа имплицитно выражается авторская обеспокоенность состоянием экономики Великобритании в случае радикального сценария выхода страны из ЕС. Также автору небезразлично, как такой выход отразится на повседневной жизни граждан.

Роль **иронии** в импликациях смыслов впервые была описана П. Грайсом. Ирония в высказывании является следствием нарушения максимы качества информации: «Не говори того, что является ложью». Как утверждает П. Грайс, если говорящий допускает нарушение данной максимы, то и ему, и слушателю становится очевидно: говорящий сам не верит тому, что говорит. П. Грайс исходит из предположения, что говорящий изначально пытается вложить в свое высказывание некий смысл, т. е. высказывание не является беспредметным. Если это так, то говорящий, должно быть, пытается сообщить некую иную пропозицию, отличную от той, которую он выражает эксплицитно. Это должна быть пропозиция, сопряженная с эксплицитным смыслом высказывания. По теории П. Грайса, наиболее очевидной сопряженной пропозицией является пропозиция, прямо противоположная той, которую говорящий выражает эксплицитно [Grice 1989: 34].

Противопоставление эксплицитно выраженной и подразумеваемой пропозиций наблюдается в тексте блогов:

#futureofbritain What is the best model for the UK economy post Brexit? Prayer [Nolan Benedict // Twitter]. / *#futureofbritain Какова наилучшая модель британской экономики после брексита? Молитва.*

Здесь наблюдается нетипичное столкновение смыслов, выражаемых словосочетанием *model for economy* и словом *prayer*. Молитва (*prayer*) — это слова обращения к Богу, и моделью экономики (*model for economy*) она являться не может. Тем не менее автор в высказывании устанавливает прямую связь между ними. Данным способом имплицитно выражается идея о настолько бедственном прогнозируемом состоянии экономики, что выходом из него послужит только обращение к Богу. Превосходная степень прилагательного *the best* усиливает иронический

оттенок высказывания, имплицитно идею, что другого, более благоприятного и оптимального выхода не будет.

Иронический эффект может создаваться на основе логического противопоставления двух частей высказывания:

– *That much is obvious to anyone with a brain cell.*

– *Indeed — obvious to anyone with a brain cell but we are talking about MP's here.*

[Leavers in the Lead with Tory Members [http](http://www.bbc.com/news/health-48888888)]

– *Это довольно очевидно каждому с серым веществом в мозге.*

– *Действительно, очевидно каждому с серым веществом в мозге, но мы же про членов парламента говорим здесь.*

Местоименное словосочетание *anyone with a brain cell* при помощи противительного союза *but* противопоставляется существительному *MP's (Members of Parliament)*. Местоимение *anyone* в данном случае применимо к обозначению всей общности людей, объединенных одним признаком — *with a brain cell*. Противительный союз *but* исключает из этой общности членов парламента, что имплицитно представляет о них как о недалеких, ограниченных людях.

Употребление в одном контексте лексики в ее прямом и переносном значении также обладает потенциалом к формированию иронии в высказывании:

I'm pretty sure the UK-EU negotiations went something like this:

May: We hold all the cards!

EU: Prime minister May, please put your pokemon cards down, we're trying to negotiate an unprecedented agreement for the withdrawal of a major member from an economic-political union here.

[Droidorat // Reddit]

Я практически уверен, что переговоры между Великобританией и ЕС проходили примерно так:

Мэй: У нас на руках все карты!

ЕС: Премьер-министр Мэй, отложите, пожалуйста, свои карточки с покемонами, мы здесь пытаемся заключить беспрецедентное соглашение о выходе крупного члена из экономико-политического союза.

Существительное *cards* в устойчивом словосочетании *hold all the cards* употреблено не в своем буквальном значении и толкуется как «преимущества» [MacMillan [http](http://www.macmillan.com/dictionary/uk/meaning-of-hold-all-the-cards)]. Далее в этом же контексте *cards* употреблено в прямом значении — «плотная жесткая бумага, предназначенная для игры» [MacMillan [http](http://www.macmillan.com/dictionary/uk/meaning-of-cards)]. Из обстоятельств диалога мы понимаем, что речь идет об одних и тех же картах. То, что для премьер-министра кажется преимуществом, для другой стороны

переговоров является просто набором карт для игры. Такое сочетание прямого и непрямого значения слова имплицитно ироничное отношение автора к премьер-министру как к человеку, некомпетентному в процессах переговоров. Кроме того, собирание игровых карточек является детским развлечением. Упоминание детской игры в контексте серьезных международных переговоров имплицитно несерьезное отношение представителей Европейского союза к Великобритании.

Роль аллюзии в импликациях смыслов рассматривала И. В. Арнольд: «Аллюзией называется стилистический прием употребления какого-нибудь имени или названия, намекающего на известный литературный или историко-культурный факт» [Арнольд 1982: 89]. Дж. Каддон говорит об аллюзии как об имплицитной отсылке к событию, человеку или произведению искусства [Cuddon 1999: 27]. Мы полагаем, что аллюзия конструирует имплицитные смыслы с опорой на фоновые знания, которые разделяют автор и адресат. Без обладания необходимыми фоновыми знаниями адресату может быть затруднительно интерпретировать имплицитный смысл, заключенный в аллюзии.

В данном высказывании имплицитность реализуется посредством аллюзии на прецедентное историческое событие:

All I see is a lot of racist crowing on the internet and campaigners being told to go back where they came from. I've already had people telling me it won't be long before a new Kristallnacht, and people like me had better go back — where? I was born in London [Penny 2016a]. / *Всё, что я вижу — это множество расистских выкриков в Интернете, а борцам за права говорят уезжать туда, откуда они приехали. Люди уже говорили мне, что новая Хрустальная ночь не заставит себя ждать, и таким, как я, лучше уехать. Куда? Я родилась в Лондоне.*

Имплицитный смысл, создаваемый аллюзией *Kristallnacht*, возможно понять, лишь обладая фоновыми знаниями об этом историческом событии. Понятие «Хрустальная ночь» относится к серии еврейских погромов в нацистской Германии 9—10 ноября 1938 г. Таким образом автором имплицитно передается смысл о нарастающей в британском обществе нетерпимости к людям иной национальности и вероисповедания, которая может привести к таким же трагическим событиям, как «Хрустальная ночь».

Также аллюзия *Kristallnacht* во взаимодействии с прагматическим контекстом имплицитно указывает на национальную принадлежность самого автора заметки и объясняет личную обеспокоенность автора проблемой ксенофобии.

Наличие фоновых знаний для инференции скрытого смысла необходимо и в случаях **антономасии** (метонимии от имен собственных):

Even if Brexit might not happen now, it will be just a matter of years, maybe months before another populist politician will use the strong anti-EU sentiments to further his or her ambitions to enter Downing Street [There isn't a pro-EU side... // Reddit]. / *Даже если Brexit не произойдет сейчас, в течение нескольких лет или даже месяцев появится новый популист, который будет использовать сильные антиевропейские настроения для своих амбиций стать премьер-министром.*

Downing Street является прецедентным именем собственным. Понимание скрытого смысла высказывания здесь основано на понимании культурно-исторического значения данного городского топонима как резиденции премьер-министров Великобритании. Таким образом, словосочетание *to enter Downing Street* имплицитно означает «стать премьер-министром Великобритании».

Значение персонифицированных антономасий можно раскрыть, обладая фоновыми знаниями о прецедентной ценности личности, вымышленной или реальной, обладающей этим именем:

Donald Trump will sign a deal with Bojo that "saves" the day while we all collectively bend over for Uncle Sam [BanjoKazooie1984 // Reddit]. / *Дональд Трамп подпишет соглашение с Борисом Джонсоном для спасения ситуации, пока мы в то же самое время кланяемся дядюшке Сэму.*

Uncle Sam является отсылкой к фольклорному персонажу американской культуры, который является персонифицированным носителем образа всего государства. Под «кланяться дядюшке Сэму» (*bend over for Uncle Sam*) имплицитно понимается принятие Великобританией для сохранения собственного лица условий, диктуемых США.

Интертекстуальность, по мнению Ю. Кристевой (ей и принадлежит сам термин), представляет собой комбинацию текстов [цит. по: Hodges 2015: 44]. А. Ходжес полагает, что текст, содержащий в себе элементы других текстов, является комплексным феноменом: «Текст соткан из возникших ранее элементов дискурса, которые просто сшиваются между собой в новое цельное лоскутное одеяло» [Hodges 2015: 44]. Интертекстуальность как средство организации текста и ее имплицитный потенциал рассматривалась А. И. Барышевой [Барышева 2016а]. Она утверждает, что основным механизмом интертекстуальности является прецедентный характер включенного текста.

Кроме того, «прецедентные феномены не только „играют на руку“ авторам, отсылая адресата к предшествующей художественной культуре, но и дают возможность скрыть свою позицию: автор всегда может заявить, что включил в статью прецедентный феномен лишь для украшения и не несет ответственности за те смыслы, которые интерпретировал читатель» [Барышева 2016а: 146—147]. Мы полагаем, что смысл включенного текста способен влиять на формирование имплицитных смыслов в силу своего прецедентного характера, узнаваемости широкой аудиторией:

Anyone feel like they've got their country back yet? No? That, after all, was the rallying cry of the Leave campaign — the transatlantic echo of "Make America Great Again" [Penny 2016a].

Изначально высказывание «*Make America Great Again*» принадлежит к избирательной кампании американского президента Дональда Трампа и благодаря положительной коннотации прилагательного *great* имеет общую положительную коннотацию. Однако позже данный лозунг вместе с политикой президента был подвергнут критике, что придало всему высказыванию негативную коннотацию.

В анализируемом высказывании негативная коннотация фразы «*Make America Great Again*» в сочетании с разговорным характером синтаксиса способствует инференции имплицитного смысла: обещания властей Великобритании вернуть народу его прежнюю благополучную страну после выхода из ЕС оказались такими же беспочвенными, как и аналогичное обещание американского президента сделать великими Соединенные Штаты.

4. Выводы

Проведенный анализ текстов британских блогов о проблеме брексита продемонстрировал, что имплицитность в них реализуется при помощи разнообразных средств языка. Среди них мы выделили лексические средства (разговорная лексика, намеренно измененные имена собственные, идиомы и языковая игра), грамматические, а именно особенности синтаксиса высказывания (например, эллиптические вопросительные предложения), средства образности (метафора, аллегория, сравнение, ирония, аллюзия, антономасия) и интертекстуальность.

Проведенный анализ также позволяет сделать выводы о смыслах, имплицитных в жанре блогов о проблеме Brexit. Пользователи блогов имплицитно выражают негативную оценку самой процедуры выхода Вели-

кобритании из ЕС, а также политических деятелей, которые способствуют дезинтеграции. Негативная имплицитная оценка дается и гражданам, поддерживающим отделение от ЕС.

Представленный анализ не может быть назван исчерпывающим. Нашей целью является дальнейшее развитие теории имплицитности, а также изучение языковых средств имплицитности и особенностей их функционирования в жанре блогов.

ИСТОЧНИКИ

1. BanjoKazooie1984. Mass civil disobedience over Brexit is surely inevitable? [Electronic resource] // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/unitedkingdom/comments/ca4ex7/mass_civil_disobedience_over_brexit_is_surely/ (date of access: 07.07.2019).
2. "David Hameron" v "Boar-is Johnson": UK Mini Pigs Race to Predict EU Vote [Electronic resource] // Sputnik. 2016. 15 June. URL: <https://sputniknews.com/europe/201606151041376243-brexit-uk-referendum-pigs/> (date of access: 15.07.2019).
3. Droidorat. We hold all the cards they sad... [Electronic resource]. Thread // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/brexit/comments/c6z215/we_hold_all_the_cards_they_sad/ (date of access: 30.06.2019).
4. Gregladen. Game Of Thrown Under The Bus By Brexit? [Electronic resource] // Science Blogs. 2016. 27 June. URL: <https://scienceblogs.com/gregladen/2016/06/27/game-of-thrown-under-the-bus-by-brexit/> (date of access: 30.05.2019).
5. Leavers in the Lead with Tory Members. Discussion [Electronic resource] // Guido Fawkes. URL: https://order-order.com/2019/05/29/leavers-lead-tory-members/#disqus_thread (date of access: 29.05.2019).
6. Nolan Benedict. #futureofbritain [Electronic resource] // Twitter. 2017. 8 Feb. URL: <https://twitter.com/Beno197/status/829413443014909952> (date of access: 12.01.2019).
7. Penny L. I want my country back [Electronic resource] // New Statesman. 2016a. 24 June. URL: <https://www.newstatesman.com/politics/uk/2016/06/i-want-my-country-back> (date of access: 28.05.2019).
8. Penny L. The British People Have Been Suckered [Electronic resource] // Time. 2016b. 28 June. URL: <https://time.com/4384746/brexit-youth-vote/> (date of access: 28.05.2019).
9. Socialwriter9. UK Future snapshot through a music story // Livejournal. 2016. 26 June. URL: <https://brexit.livejournal.com/365.html> (date of access: 12.01.2019).
10. Stoa. Say no to Brexit [Electronic resource] // Science Blogs. 2016. 23 May. URL: <https://scienceblogs.com/stoa/2016/05/23/say-no-to-brexit/> (date of access: 30.05.2019).
11. There isn't a pro-EU side, only an anti-anti-EU one [Electronic resource]. Thread // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/brexit/comments/c6y9s9/there_isnt_a_proeu_side_only_an_anti_anti_eu_one/ (date of access: 30.06.2019).
12. WynterRayne. Brexit: If you want to stop it, ask questions and counter the answers with observables [Electronic resource] // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/unitedkingdom/comments/c9r54o/brexit_if_you_want_to_stop_it_ask_questions_and/ (date of access: 07.07.2019).

ЛИТЕРАТУРА

13. Алиева Т. В. Имплицитные языковые средства, участвующие в формировании концептуальной оппозиции «свой — чужой» в политическом дискурсе англоязычной прессы // Вестн. Москов. гос. областного ун-та. Сер.: Лингвистика. 2010. № 1. С. 86—89.
14. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83—91.
15. Барышева А. А. Имплицитность как свойство публицистического текста (на материале языка газеты) : дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2016a. URL: http://www.bashedu.ru/sites/default/files/dissovets_files/disrab/dissertaciya_baryshevoy_a.i..pdf.
16. Барышева А. И. Имплицитность как свойство публицистического текста (на материале языка газеты) : автореф. ... дис. канд. филол. наук. — Уфа, 2016b. 23 с.
17. Барышева А. И. Имплицитность как свойство языковых единиц и категорий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). С. 38—40.
18. Видинеева Н. Ю., Дубровская Т. В. Импликатура как средство выражения скрытых смыслов (на материале британских СМИ) // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва — Пенза, 15—16 марта 2018 г.) / отв. ред. Д. Н. Жаткин, Т. С. Круглова. 2018. С. 26—35.
19. Видинеева Н. Ю. Принципы выделения речевой имплицитности (на материале британского медиадискурса) // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода : сб. науч. ст. по материалам 3-й Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / под общ. ред. Т. В. Дубровской. 2019. Т. 1. С. 35—39.
20. Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма) / под ред. М. Б. Борисовой. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2010. 200 с.
21. Сермягина С. С. Имплицитность и подтекст: общее и специфическое // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2007. № 300-1. С. 27—30.
22. Слуднева Л. В. Языковая игра как прием создания скрытых смыслов // Magister Dixit. 2014. № 3 (15). С. 43—49.
23. Arsenault M. An Implicature Account of Idioms // International Review of Pragmatics. 2014. № 6.1. P. 59—77.
24. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 10.07.2019).
25. Cruse A. Meaning in language. An introduction to semantics. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2000. 424 p.
26. Cuddon J. Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. 1999. 1026 p.
27. Encyclopedia of language and linguistics / Brown K. 2nd ed. — Elsevier Science, 2005. 9000 p.
28. Grice P. Studies in the way of words. — Harvard : Harvard Univ. Pr., 1991. 406 p.
29. Hodges A. Intertextuality in discourse / Tannen D., Hamilton H., Schiffrin D. The Handbook of discourse analysis. Second Edition. — Wiley Blackwell, 2015. Vol. 1. P. 42—60.
30. MacMillan Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (date of access: 04.06.2019).
31. Routledge Dictionary of Literary Terms / Childs P., Fowler R. — London ; New York : Routledge, 2006. 272 p.
32. Urban Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.urbandictionary.com> (date of access: 04.06.2019)
33. Yule G. Pragmatics. — Oxford : Oxford Univ. Pr. 138 p.

N. Yu. Vidineeva

Penza State University, Penza, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4412-7631

 E-mail: ya.natashavidineeva@yandex.ru.

Implicit Linguistic Means in the Genre of Blogs on Brexit

ABSTRACT. *The article deals with implicitness and the linguistic means of its expression. The theme is considered urgent since there is no consensus on the nature of implicitness and on the types of the means of its realization. The study has been carried out on the material of British online blogs. The genre of blogs is becoming more and more popular as a means of communication and as an opinion sharing platform. The collected data comprise blog entries and commentaries to them. They deal with one of the most pressing political issues of today — Brexit. The study has revealed a number of linguistic means which have been classified as follows: lexical means (colloquial words, deliberately altered proper nouns, idioms, language game), grammatical means (syntax of a sentence, and specifically elliptical questions), figures of speech (metaphor, allegory, simile, irony, allusion, antonomasia) and specific features of text composition (intertextuality). The analysis of functioning of the given means allows making a conclusion about the nature of the implicit meanings which are constructed in the blogs on the issue of Brexit. Many blog users make a negative implicit assessment of the disintegration procedure and of the politicians who promote the withdrawal of the country from the EU.*

KEYWORDS: *implicitness; implication; implicit meaning; linguistic means; English; Internet discourse; blogs.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Vidineeva Natal'ya Yur'evna, Post-graduate Student, Assistant Lecturer of Department of English Language, Penza State University, Penza, Russia.*

FOR CITATION: *Vidineeva, N. Yu. Implicit Linguistic Means in the Genre of Blogs on Brexit / N. Yu. Vidineeva // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 64-75. — DOI 10.26170/pl19-05-06.*

MATERIALS

1. BanjoKazooie1984. Mass civil disobedience over Brexit is surely inevitable? [Electronic resource] // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/unitedkingdom/comments/ca4ex7/mass_civil_disobedience_over_brexit_is_surely/ (date of access: 07.07.2019).
2. "David Hameron" v "Boar-is Johnson": UK Mini Pigs Race to Predict EU Vote [Electronic resource] // Sputnik. 2016. 15 June. URL: <https://sputniknews.com/europe/201606151041376243-brexit-uk-referendum-pigs/> (date of access: 15.07.2019).
3. Droidorat. We hold all the cards they sad... [Electronic resource]. Thread // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/brexit/comments/c6z215/we_hold_all_the_cards_they_sad/ (date of access: 30.06.2019).
4. Gregladen. Game Of Thrown Under The Bus By Brexit? [Electronic resource] // Science Blogs. 2016. 27 June. URL: <https://scienceblogs.com/gregladen/2016/06/27/game-of-thrown-under-the-bus-by-brexit/> (date of access: 30.05.2019).
5. Leavers in the Lead with Tory Members. Discussion [Electronic resource] // Guido Fawkes. URL: https://order-order.com/2019/05/29/leavers-lead-tory-members/#disqus_thread (date of access: 29.05.2019).
6. Nolan Benedict. #futureofbritain [Electronic resource] // Twitter. 2017. 8 Feb. URL: <https://twitter.com/Beno197/status/829413443014909952> (date of access: 12.01.2019).
7. Penny L. I want my country back [Electronic resource] // New Statesman. 2016a. 24 June. URL: <https://www.newstatesman.com/politics/uk/2016/06/i-want-my-country-back> (date of access: 28.05.2019).
8. Penny L. The British People Have Been Suckered [Electronic resource] // Time. 2016b. 28 June. URL: <https://time.com/4384746/brexit-youth-vote/> (date of access: 28.05.2019).
9. Socialwriter9. UK Future snapshot through a music story // Livejournal. 2016. 26 June. URL: <https://brexit.livejournal.com/365.html> (date of access: 12.01.2019).
10. Stoa. Say no to Brexit [Electronic resource] // Science Blogs. 2016. 23 May. URL: <https://scienceblogs.com/stoa/2016/05/23/say-no-to-brexit/> (date of access: 30.05.2019).
11. There isn't a pro-EU side, only an anti-anti-EU one [Electronic resource]. Thread // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/brexit/comments/c6yps9/there_isnt_a_proeu_side_only_an_antiantieu_one/ (date of access: 30.06.2019).
12. WynterRayne. Brexit: If you want to stop it, ask questions and counter the answers with observables [Electronic resource] // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/unitedkingdom/comments/c9r540/brexit_if_you_want_to_stop_it_ask_questions_and/ (date of access: 07.07.2019).

REFERENCES

13. Alieva T. V. Implicit Linguistic Means Participating in the Formation of the Conceptual Opposition "Friend or Foe" in the Political Discourse of the English-language Press // Proceedings of Moscow State Regional Univ. Ser.: Linguistics. 2010. No. 1. P. 86—89. [Implitsitnye yazykovye sredstva, uchastvuyushchie v formirovaniy kontseptual'noy oppozitsii «svoiy — chuzhoy» v politicheskom diskurse angloyazychnoy pressy // Vestn. Moskov. gos. oblastnogo un-ta. Ser.: Lingvistika. 2010. № 1. S. 86—89]. — (In Rus.)
14. Arnol'd I. V. Implication as a Method of Text Construction and a Subject of Philological Study // Questions of Linguistics. 1982. No. 4. P. 83—91. [Implikatsiya kak priem postroeniya teksta i predmet filologicheskogo izucheniya // Voprosy yazykoznaniya. 1982. № 4. S. 83—91]. — (In Rus.)
15. Barysheva A. A. Implicitness as a Property of a Journalistic Text (based on material from the language of a newspaper) : thesis ... of Cand. of Philol. sciences. — Ufa, 2016a. [Implitsitnost' kak svoystvo publitsisticheskogo teksta (na materiale yazyka gazety) : dis. ... kand. filol. nauk. — Ufa, 2016a]. URL: http://www.bashedu.ru/sites/default/files/dissovets_files/disrab/dissertaciya_baryshevoy_a.i..pdf. — (In Rus.)
16. Barysheva A. I. Implicitness as a Property of a Journalistic Text (based on the material of the newspaper's language) : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. sciences. — Ufa, 2016b. 23 p. [Implitsitnost' kak svoystvo publitsisticheskogo teksta (na materiale yazyka gazety) : avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. — Ufa, 2016b. 23 s.]. — (In Rus.)
17. Barysheva A. I. Implicitness as a Property of Linguistic Units and Categories // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2014. No. 4 (34). P. 38—40. [Implitsitnost' kak svoystvo yazykovykh edimits i kategoriy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 4 (34). S. 38—40]. — (In Rus.)
18. Vidineeva N. Yu., Dubrovskaya T. V. Implicature as a Means of Expressing of Hidden Meanings (based on British media) // Russia in the World: Problems and Prospects for the Development of International Cooperation in the Humanitarian and Social Sphere : Materials of the 4th Intern. scientific-practical conf. (Moscow — Penza, March 15—16, 2018) / resp. ed. D. N. Zhatkin, T. S. Kruglova. 2018. P. 26—35. [Implikatura kak sredstvo vyrazheniya skrytykh smyslov (na materiale britanskikh SMI) // Rossiya v mire: problemy i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnoy i sotsial'noy sfere : materialy 4-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva — Penza, 15—16 marta 2018 g.) / otv. red. D. N. Zhatkin, T. S. Kruglova. 2018. S. 26—35]. — (In Rus.)

19. Vidineeva N. Yu. Principles of Emphasizing Speech Implicitness (based on the material of the British media discourse) // *Modern Trends in Linguistics and Language Teaching: the Problem of the Method* : collection of articles for scientific the 3rd International scientific-practical conf. : in 2 volumes / under total. ed. T. V. Dubrovskaya. 2019. Vol. 1. P. 35—39. [Printsipy vydeleniya rechevoy implitsitnosti (na materiale britanskogo mediadiskursa) // *Sovremennye napravleniya v lingvistike i prepodavanii yazykov: problema metoda* : sb. nauch. st. po materialam 3-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. : v 2 t. / pod obshch. red. T. V. Dubrovskoy. 2019. T. 1. S. 35—39]. — (In Rus.)
20. Ermakova E. V. Implicitness in a Literary Text (based on the material of Russian-language and English-language prose of psychological and fantastic realism) / ed. M. B. Borisova. — Saratov : Publ. house of Saratov Univ., 2010. 200 p. [Implitsitnost' v khudozhestvennom tekste (na materiale russkoyazychnoy i anglo-yazychnoy prozy psikhologicheskogo i fantasticheskogo realizma) / pod red. M. B. Borisovoy. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2010. 200 s.]. — (In Rus.)
21. Semyagina S. S. Implicitness and Implication: General and Specific // *Proceedings of Tomsk State Univ.* 2007. No. 300-1. P. 27—30. [Implitsitnost' i podtekst: obshchee i spetsificheskoe // *Vestn. Tomsk. gos. un-ta.* 2007. № 300-1. S. 27—30]. — (In Rus.)
22. Sludneva L. V. Language Game as a Technique for Creating Hidden Meanings // *Magister Dixit.* 2014. No. 3 (15). P. 43—49. [Yazykovaya igra kak priem sozdaniya skrytykh smyslov // *Magister Dixit.* 2014. № 3 (15). S. 43—49]. — (In Rus.)
23. Arseneault M. An Implicature Account of Idioms // *International Review of Pragmatics.* 2014. № 6.1. P. 59—77.
24. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 10.07.2019).
25. Cruse A. Meaning in language. An introduction to semantics. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2000. 424 p.
26. Cuddon J. Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. 1999. 1026 p.
27. Encyclopedia of language and linguistics / Brown K. 2nd ed. — Elsevier Science, 2005. 9000 p.
28. Grice P. Studies in the way of words. — Harvard : Harvard Univ. Pr., 1991. 406 p.
29. Hodges A. Intertextuality in discourse / Tannen D., Hamilton H., Schiffrin D. *The Handbook of discourse analysis.* Second Edition. — Wiley Blackwell, 2015. Vol. 1. P. 42—60.
30. MacMillan Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (date of access: 04.06.2019).
31. Routledge Dictionary of Literary Terms / Childs P., Fowler R. — London ; New York : Routledge, 2006. 272 p.
32. Urban Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.urbandictionary.com> (date of access: 04.06.2019)
33. Yule G. Pragmatics. — Oxford : Oxford Univ. Pr. 138 p.

И. В. Кожухова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-6842-2184

Г. А. Вильданова

Казанский инновационный университет, Казань, Россия
ORCID ID: 0000-0002-4423-5341

E-mail: guzelec@gmail.com; vinantov@mail.ru.

Жанровые особенности допроса Р. Мюллера (Robert Mueller Testimony)

АННОТАЦИЯ. Материалом исследования послужила стенограмма допроса бывшего руководителя Федерального бюро расследований США (2001—2013) Роберта Мюллера в связи с расследованием предполагаемого влияния России на результаты президентских выборов в США. Рассматриваются жанровые характеристики допроса, особое внимание уделяется отступлениям от жанра допроса. С точки зрения коммуникативной цели основная задача допроса — познавательная, основная цель — объективное рассмотрение картины событий. Образ автора и адресата анализируемого допроса исключает равенство сторон в речевой деятельности. Ответственность за организацию коммуникации лежит на основном авторе допроса. В нарушение требований жанра значительная часть ответов была малоинформативной и краткой. Инициальным для речевого жанра допроса является образ прошлого, образ будущего реализуется за счет создания вторичного речевого жанра «протокол допроса». Речевой жанр допроса имеет достаточно жесткое формальное содержание. Составляющими частями диктума исследуемого речевого жанра являются 1) действия допроса, обеспечивающие юридическую силу показаний и 2) непосредственно событие преступления (отчет по расследованию «Рашидгейта»), данное в непосредственном восприятии (показание Р. Мюллера) и в виде, известном организатору (отчет). Отличительной чертой жанра является также конкретность и точность ответов. Конкретность достигается за счет конкретно-предметных номинаций с предпочтением гипонимов гиперонимам, активного использования собственных имен. Точность создается использованием терминов и словосочетаний терминологического характера. Р. Мюллер единожды нарушил это требование, употребив некорректное слово, описывающее результат его отчета, что вызвало заметный резонанс.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевые жанры; допросы; стенограммы; политический дискурс; политические деятели; языковая личность; коммуникативные цели.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кожухова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; 45400, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, ауд. 336; e-mail: vinantov@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Вильданова Гузель Агзамовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода, Казанский инновационный университет; 420111, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, 42, ауд. 401; e-mail: guzelec@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кожухова, И. В. Жанровые особенности допроса Р. Мюллера (Robert Mueller Testimony) / И. В. Кожухова, Г. А. Вильданова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 76-80. — DOI 10.26170/pl19-05-07.

Материалы будут представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лигвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (состоится 29—30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета)

Роберт Мюллер — одна из значимых фигур в истории Федерального бюро расследований США. Он руководил им с сентября 2001 по сентябрь 2013 г. Именно Р. Мюллер инициировал реформу бюро, вследствие чего ФБР начало активное сотрудничество с ЦРУ. В мае 2017 г. Р. Мюллер был назначен на должность специального прокурора. Его целью стало расследовать, было ли вмешательство со стороны России в выборы США 2016 г., а также были ли какие-нибудь связи между предвыборным штабом Д. Трампа и

Россией. Со стороны специального прокурора было выдвинуто несколько обвинений: одно в отношении Пола Манафорты, возглавлявшего предвыборный штаб Д. Трампа, другие в отношении российских граждан, которые могли быть причастны к распространению лживой информации о Х. Клинтон. Однако доказательств, что Д. Трамп был в сговоре с Россией, не было найдено. Приведем в виде облака лексемы, отражающие ключевые моменты доклада [Mueller report wordcloud http] (см. рис.).

представителей кроме непосредственно вопросов (ответы на которые были в рамках отчета) выступают с речью, характеризующую их позицию, критикующую отчет и деятельность действующего президента США.

Классификация Т. В. Шмелевой предполагает семь базовых элементов для описания речевого жанра (исходя из условий общения и участников общения): коммуникативная цель (как базовое разделение, противопоставление речевых жанров: информативные, императивные, этикетные и оценочные), образ автора и образ адресата (автор — инициатор, при этом не только образ, но и отношения между автором и адресатом являются важными элементами речевого жанра), образ прошлого (инициальность и реактивность жанра) и будущего (подразумевает появление зависимых или субжанров речи), диктумное содержание (внеречевая деятельность) и формальная организация речевого жанра.

В рамках коммуникативной цели допроса реализуется основная задача допроса — познавательная, основная цель — объективное рассмотрение картины событий. Положение сторон по отношению к информации асимметрично, при этом статус автора-информанта (Р. Мюллера) достаточно высок, как и тема допроса. Как отмечали выше, коммуникативная цель анализируемого допроса заключалась в прояснении ситуации с «русским влиянием» во время предвыборной кампании 2016 года: *“When Mr. Mueller produced his report and Attorney General Barr provided to every American, we read, “No American conspired with Russia to interfere in our elections,” but learned the depths of Russia’s malice toward America. We are here to ask serious questions about Mr. Mueller’s work and we will do that”* («Когда г-н Мюллер завершил свой отчет, генеральный прокурор Барр сообщил всем американцам, что „ни один американец, связанный с Россией, не вмешивался в выборы президента США“. Отчет также показал злые намерения России по отношению к Америке. Мы собрались здесь, чтобы задать г-ну Мюллеру серьезные вопросы о проделанной им работе» — здесь и далее перевод наш. И. К., Г. В.). Анализ определения речевого жанра допроса выше показывает, что еще до начала допроса информативность не была краеугольной целью.

Образ автора и адресата анализируемого допроса (основного автора/организатора и автора-информанта) исключает равенство сторон в речевой деятельности. Ответственность за организацию речевого жанра допроса лежит на основном авторе допроса, обычно объем вопроса превышает

объем ответа. В нашем случае авторами вопроса были представители демократов и республиканцев. Статус информанта несколько раз подчеркивался во вступительных словах основных авторов (напр., республиканец Кен Бах: *“I want to start by thanking you for your service. You joined the Marines and led a rifle platoon in Vietnam where you earned a Bronze Star, Purple Heart and other accommodations. You served as an assistant United States attorney, leading the homicide unit here in D.C., U.S. attorney for the district of Massachusetts and later Northern District of California, assistant attorney general for DOJ’s criminal division and the FBI director. So thank you. I appreciate that”* (Я хочу начать с благодарности. Вы были морским пехотинцем и руководили стрелковым взводом во время войны во Вьетнаме, были отмечены Бронзовой звездой, Пурпурным сердцем и другими наградами. Вы работали помощником федерального прокурора США, возглавляя отдел по расследованию убийств здесь, в Вашингтоне. Вы работали помощником прокурора в Министерстве юстиции и возглавляли ФБР. Спасибо. Я очень ценю ваши заслуги)). Реплика относительно объемов вопросов и ответа в анализируемом допросе также не всегда отвечала стандартным характеристикам допроса. Зачастую ответы информанта были предельно краткими либо предполагали отказ от ответа (напр.: *I’m not going to get into details / I’m not going to discuss that / I can’t answer that / I’m not certain I would adopt that characterization / That’s out of my purview* и реакция основного автора, республиканца Джима Джордана: *“A lot of things you can’t get into”*), что также не совсем соотносится с базовыми характеристиками жанра. В целом, выходя за рамки системы жанра, из почти двух тысяч реплик односложные ответы типа *yes, no, true, correct* использовались практически в каждом десятом ответе (176 раз).

В речевом жанре допроса образ прошлого является инициальным, основываясь на событиях прошлого, в данном случае этой базой послужил отчет Р. Мюллера по «российскому делу». Мы видим, что образ прошлого, совокупность особенностей уровня автора и адресата наложили свой отпечаток на жанровое своеобразие. Образ будущего реализуется за счет создания вторичного речевого жанра «протокол допроса» [Татарникова 2018].

Речевой жанр допроса имеет достаточно жесткое формальное содержание (диктумное воплощение): строгая структура жанра, общее тематическое единство. «...Наличие у основного автора и автора-информанта РЖ допроса общих фоновых знаний о собы-

тии преступления обуславливает неполноту их речи, противодействующую формированию точности. Поэтому применительно к РЖ допроса целесообразно говорить о формировании максимально возможной точности» [Татарникова 2018: 103—104]. В нашем случае определенной вторичностью характеризуется стенограмма допроса. Составляющими частями диктума исследуемого речевого жанра являются: 1) действия допроса, обеспечивающие юридическую силу показаний и 2) непосредственно событие преступления (в нашем случае — отчет по расследованию «Рашагейта»), данное в непосредственном восприятии (показания Р. Мюллера) и в виде, известном организатору (отчет).

Отличительной чертой жанра является также конкретность и точность ответов.

Первое качество в текстах обоих жанров формируется за счет конкретно-предметных номинаций с предпочтением гипонимов гиперонимам. В этом плане активны имена собственные. Среди признаков слов преобладают дескриптивные номинации (1) и наименования конкретных физических действий. Точность создается использованием терминов и словосочетаний терминологического характера, называющих специальные понятия денотативной сферы (1) автора-организатора и (2) автора-информанта. Эту же функцию выполняют единицы, обслуживающие официальные отношения в целом или имеющие специальное значение в денотативной сфере автора-организатора. В допросе Мюллера нашумевшей стала часть, в которой прокурор использует некорректное слово, описывающее результат его отчета (*сговор vs тайный сговор с преступными намерениями*): «*Well, we don't use the word collusion, and the word we usually use is not collusion but one of the other terms that fills in when collusion is not used. In any event, the — we decided not to use the work collusion in as much as it has no relevance to the criminal law arena*» и в дальнейшем, после замечания, Р. Мюллер исправляет себя: «*That's right. Conspiracy, exactly right*». Подобного рода фактологические ошибки неприемлемы для

высокопоставленного юриста и вызвали бурный резонанс как у допрашиваемых, так и у журналистов и публики.

Подводя итоги, отметим, что, обладая основными жанровыми признаками, стенограмма допроса Роберта Мюллера на каждом из этапов анализа показывает нюансы интерпретации и реализации речевого жанра допроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барнет В. Проблемы изучения жанров устной научной речи // Современная русская устная научная речь. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. Т. 1. С. 80—133.
2. Дементьев В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 9—26.
3. Кожина М. Н. Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь, 1999. С. 22—40.
4. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт // Жанры речи : сб. науч. ст. — Саратов : Изд-во гос. УНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 52—61.
5. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистика обработка»: к вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. — Саратов : Изд-во гос. УНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 51—56.
6. Рыжаков А. П. Допрос: основания и порядок производства. — М. : Дело и сервис, 2014. 288 с.
7. Степанов Н. В. Провокационный вопрос с точки зрения прагмалингвистики // Москов. лингвист. журн. 2003. Т. 6. № 2. С. 157—180.
8. Татарникова Н. М. Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле речи (на примере речевых жанров допроса и протокола допроса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 2004
9. Татарникова Н. М. Характеристика речевого жанра допроса как детерминанты его места в структуре официально-делового стиля // Русская речевая культура и текст : материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию кафедры русского языка / под общ. ред. Н. С. Болотновой. — 2018. С. 99—105.
10. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 105—120.
11. Шмелева Т. В. Речевой жанр: опыт общепилологического осмысления // Collegium. 1995. № 1—2. С. 57—65.
12. Full Transcript: Mueller Testimony Before House Judiciary, Intelligence Committees [Electronic Resource] // NBC News. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/congress/full-transcript-robert-mueller-house-committee-testimony-n1033216>.
13. Mueller deferred or declined to answer questions 206 times [Electronic Source] // CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2019/07/24/politics/mueller-deferred-declined-answer-questions/index.html>.
14. Mueller report word cloud: brief tutorial [Electronic Resource] // KD Nuggets. URL: <https://www.kdnuggets.com/2019/04/mueller-report-word-cloud-brief-tutorial-r.html>.
15. Testimony [Electronic Resource] // Cambridge Dictionary of the English Language. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/testimony>.

I. V. Kozhukhova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-6842-2184

G. A. Vil'danova

Kazan Innovative University, Kazan, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4423-5341

 E-mail: guzelec@gmail.com; vinantov@mail.ru.

Genre Peculiarities of Robert Mueller Testimony

ABSTRACT. The article analyzes the transcript of the testimony of the former FBI director Robert Mueller (2001-2013) in connection with the investigation of the alleged Russian influence on the results of presidential elections in the USA. The authors concentrate on the genre peculiarities of the testimony with special attention on the deviations from this genre.

From the point of view of communicative purpose, the main task of a testimony is cognitive; the main aim is to provide an objective picture of real events. The image of the author and addressee of the testimony under analysis excludes the equality of the parties in verbal activity. Organization of communication is the responsibility of the main author of the testimony. Contrary to the genre requirements, a considerable part of the answers were relatively uninformative and concise. The image of the past is initial for the speech genre of testimony; the image of the future is formed via creating a secondary speech genre of "testimony minutes". The speech genre of testimony has fairly rigid formal content. The dictum of the speech genre under study includes the following constituent parts: 1) testimony activities ensuring legal force of evidence, and 2) the fact of the crime proper (a report on Russiagate investigation) presented in the form of personal perception (Mueller testimony) and in the form known to the organizer (the report). The genre is also characterized by a concrete and exact nature of answers. Concreteness is achieved via concrete-objet nominations, giving preference to hyponyms over hyperonyms, and active use of proper names. Exactness is created through using terms and word combinations of terminological character. Only once did R. Mueller violate this requirement by using a rough word about the results of his report, which brought about marked resonance.

KEYWORDS: *speech genres; testimonies; transcripts; political discourse; politicians; linguistic personality; communicative purposes.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kozhukhova Irina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Theory and Practice of English, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Vil'danova Guzel' Agzamovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Translation, Kazan Innovative University, Kazan, Russia.*

FOR CITATION: *Kozhukhova, I. V. Genre Peculiarities of Robert Mueller Testimony / I. V. Kozhukhova, G. A. Vil'danova // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 76-80. — DOI 10.26170/p119-05-07.*

REFERENCES

1. Barnet V. Problems of Studying the Genres of Oral Scientific Speech // Modern Russian Oral Scientific Speech. — Krasnoyarsk : Publishing house of Krasnoyarsk Univ., 1985. Vol. 1. P. 80—133. [Problemy izucheniya zhanrov ustnoy nauchnoy rechi // Sovremennaya russkaya ustnaya nauchnaya rech'. — Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarsk. un-ta, 1985. T. 1. S. 80—133]. — (In Rus.)
2. Dement'ev V. V. Intertextual Aspect of Speech Genres // Speech Genres. 2015. No. 2 (12). P. 9—26. [Intertekstual'nyy aspekt rechevykh zhanrov // Zhanry rechi. 2015. № 2 (12). S. 9—26]. — (In Rus.)
3. Kozhina M. N. Some Aspects of the Study of Speech Genres in Non-fiction Texts // Stereotype and Creativity in the Text. — Perm, 1999. P. 22—40. [Nekotorye aspekty izucheniya rechevykh zhanrov v nekhudozhestvennykh tekstakh // Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste. — Perm', 1999. S. 22—40]. — (In Rus.)
4. Kozhina M. N. Speech Genre and Speech Act // Speech Genres : collection of scientific works. — Saratov : Publ. house of state. UNC "College", 1999. Iss. 2. P. 52—61. [Rechevoy zhanr i rechevoy akt // Zhanry rechi : sb. nauch. st. — Saratov : Izd-vo gos. UNTs «Koledzh», 1999. Vyp. 2. S. 52—61]. — (In Rus.)
5. Orlova N. V. Genres of Colloquial Speech and Their "Stylistic Processing": to the Problem of the Correlation of Style and Genre // Genres of Speech : collection of scientific articles. — Saratov : Publ. house of state UNC "College", 1997. Iss. 1. P. 51—56. [Zhanry razgovornoy rechi i ikh «stilisticheskaya obrabotka»: k voprosu o sootnoshenii stilya i zhanra // Zhanry rechi : sb. nauch. st. — Saratov : Izd-vo gos. UNTs «Koledzh», 1997. Vyp. 1. S. 51—56]. — (In Rus.)
6. Ryzhakov A. P. Interrogation: Grounds and Order of Production. — Moscow : Business and Service, 2014. 288 p. [Dopros: osnovaniya i poryadok proizvodstva. — M. : Delo i servis, 2014. 288 s.]. — (In Rus.)
7. Stepanov N. V. A Provocative Question from the Point of View of Pragmalinguistics // Moscow Linguist. Journ. 2003. Vol. 6. No. 2. P. 157—180. [Provokatsionnyy vopros s tochki zreniya pragmlingvistiki // Moskov. lingvist. zhurn. 2003. T. 6. № 2. S. 157—180]. — (In Rus.)
8. Tatarnikova N. M. Coordination of Primary and Secondary Speech Genres in the Official-business Style of Speech (for example, speech genres of interrogation and interrogation protocol) : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Kemerovo State Univ. — Kemerovo, 2004. [Koordinatsiya pervichnogo i vtorichnogo rechevykh zhanrov v ofitsial'no-delovom stile rechi (na primere rechevykh zhanrov doprosa i protokola doprosa) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Kemerov. gos. un-t. Kemerovo, 2004]. — (In Rus.)
9. Tatarnikova N. M. Characterization of the Speech Genre of Interrogation as the Determinants of Its Place in the Structure of the Official-business Style // Russian Speech Culture and Text : Materials of the X Intern. Scientific Conf. on the occasion of 25th anniversary of the department of the Russian language / under the total. ed. of N. S. Bolotnova. — 2018. P. 99—105. [Kharakteristika rechevogo zhanra doprosa kak determinanty ego mesta v strukture ofitsial'no-delovogo stilya // Russkaya rechevaya kul'tura i tekst : materialy X Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 25-letiyu kafedry russkogo yazyka / pod obshch. red. N. S. Bolotnovoy. — 2018. S. 99—105]. — (In Rus.)
10. Fedosyuk M. Yu. Unresolved Issues in the Theory of Speech Genres // Problems of Linguistics. 1997. No. 5. P. 105—120. [Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov // Voprosy yazykoznaneya. 1997. № 5. S. 105—120]. — (In Rus.)
11. Shmeleva T. V. Speech Genre: the Experience of General Philological Understanding // Collegium. 1995. No. 1—2. P. 57—65. [Rechevoy zhanr: opyt obshchafilologicheskogo osmysleniya // Collegium. 1995. № 1—2. S. 57—65]. — (In Rus.)
12. Full Transcript: Mueller Testimony Before House Judiciary, Intelligence Committees [Electronic Resource] // NBC News. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/congress/full-transcript-robert-mueller-house-committee-testimony-n1033216>.
13. Mueller deferred or declined to answer questions 206 times [Electronic Source] // CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2019/07/24/politics/mueller-deferred-declined-answer-questions/index.html>.
14. Mueller report word cloud: brief tutorial [Electronic Resource] // KD Nuggets. URL: <https://www.kdnuggets.com/2019/04/mueller-report-word-cloud-brief-tutorial-r.html>.
15. Testimony [Electronic Resource] // Cambridge Dictionary of the English Language. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/testimony>.

О. В. МихинаМагнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия
ORCID ID: — **А. Н. Михин**Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия
ORCID ID: — **E-mail:** olga-sinyaeva@yandex.ru; fraz2014@yandex.ru.**Дискурсивная личность бундесканцлера Германии**

АННОТАЦИЯ. Проблема, поставленная авторами статьи, — выявление особенностей языковой личности одного из самых авторитетных государственных и политических деятелей современности — канцлера Федеративной Республики Германия Ангелы Меркель. Материалом для исследования послужили предвыборные дебаты, выступления на международных форумах и в бундестаге, обращения к избирателям, интервью, данные лидером «локомотива Евросоюза» журналистам различных СМИ. Антропоцентрический подход, ставший ведущим принципом современного мирового языкознания, обогащенный приемами, разработанными в рамках лингвокультурологии, политической и социальной лингвистики; использование методик изучения языковой личности с учетом ее гендерной принадлежности, ценностных приоритетов, постулируемых в медиаполитическом дискурсе, позволили достичь определенных результатов. Лексико-фразеологические «индикаторы» речей Ангелы Меркель, формулировка ею основных положений внутренней и внешней политики, языковая реакция на кризисные события и на провокационные вопросы дают возможность смодулировать основные параметры ее языковой личности. Это сильный лидер, в котором собственные гендерные признаки «приглушены» и проявляются обычно в отборе языковых средств, всегда соответствующих литературным нормам. Получив физико-химическое образование, Меркель и в медиаполитическом дискурсе говорит логично, строго по-деловому. Войдя в элиту «властителей-мужчин», А. Меркель проявляет мужскую жесткость в формулировке своего мнения. Как лидер нации она позиционирует себя представительницей всего германского общества, которому предназначена высокая миссия — стоять на страже общеевропейских ценностей. Основные концепты, вербализуемые в ее речах и высказываниях, — «Мы (народ Германии)», «Мир», «Свобода», «Демократия», «Толерантность».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность; лингвоперсонология; политические деятели; политический дискурс; политическая риторика; немецкий язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Михина Ольга Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра романо-германской филологии и перевода, Институт гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова; 455000, Россия, Магнитогорск, пр-т Ленина, 38; e-mail: olga-sinyaeva@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Михин Артем Николаевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательская словарная лаборатория, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова; 455000, Россия, Магнитогорск, пр-т Ленина, 38; e-mail: fraz2014@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Михина, О. В. Дискурсивная личность бундесканцлера Германии / О. В. Михина, А. Н. Михин // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 81-87. — DOI 10.26170/pl19-05-08.

Введение. Канцлер Германии А. Меркель является признанным лидером Евросоюза и, наряду с президентами России, США и Франции, относится к мировой политической элите. В марте 2018 г. она была в четвертый раз избрана на пост федерального канцлера ФРГ. Становлению ее как политика, ее отношениям с Россией и лично с В. Путиным уделялось внимание в работах авторов статьи и их коллег [Михина 2015; Ossipova, Michina, Pozdnjakova, 2016; Дайте Миру шанс!, 2016; Shulezhkova, Mikhin, Tchernova, 2016; Zh. Yaling 2017; Михина, Михин 2018; Mikhina, Mikhin 2018, Михина 2019]. Однако специфические лингвопрагматические и риторические особенности языка Ангелы Меркель как нестандартной языковой личности, которой свойственны точ-

ность, емкость описаний и определений, ответственное отношение к подбору лексических средств, чувство стиля, пока еще не изучены. Ее знают, ее слушают миллионы людей, с ее мнением не могут не считаться мужчины — главы многих государств мира. Секрет ее успеха как политического и государственного лидера в значительной степени обеспечивается не только глубиной содержания ее публичных выступлений. Она способна чувствовать настроение аудитории, четко формулировать свои мысли, предлагать разумный выход из сложной ситуации, не отделяя себя от народа Германии, с которым она неразрывно связана и о процветании которого по-настоящему заботится.

Авторы статьи анализируют дискурс бундесканцлера Германии и рассматривают

языковую личность ведущей женщины-политика Евросоюза. Высказывания Ангелы Меркель отличаются лаконичностью и предельной простотой. Не случайно некоторые из ее выражений воспринимаются как лозунги, способные объединять нацию. Однако Ангела Меркель — не только первое государственное лицо объединившейся Германии. Она политик международного масштаба, и будучи в очередной раз избрана канцлером ФРГ, эта женщина вполне заслуженно удостоилась очень высокой оценки не только в качестве главы своей страны: «Решение по ключевым вопросам будет принимать лично Меркель, это феномен сильного канцлера, который не один срок занимает свой пост и уже сам понимает, как проводить международную политику. Феномен не новый: такую же роль в свое время брали на себя канцлеры Конрад Аденауер, Гельмут Коль и Вилли Брандт», — говорит Юлиус фон Фрайтаг-Лорингхофен» [Свиридов 2017 <http>]. Чтобы человек добился такого признания, он, несомненно, должен быть неординарной личностью.

Материалы и методы. Термин «языковая личность» стал широко использоваться и в российской, и в зарубежной лингвистике на новом витке ее развития, начавшемся в 70-е годы прошлого столетия, когда одним из ведущих принципов мирового языкознания был признан антропоцентризм. Человек стал центром координат, определяющих предмет, задачи, методы и ценностные ориентации современной лингвистики [Попова 2002: 69]. Отсюда внимание ученых к языку конкретного человека.

Термин «языковая личность» широко используется в социо- и психолингвистике, в лингводидактике и в лингвокультурологии. Феномену, стоящему за этим термином, посвящено немало работ. Правда, такой известный лингвист, как В. А. Чудинов, считает этот термин избыточным. Он полагает, что «безъязыковой личности» не существует, личностью становятся только в процессе социализации [Чудинов <http>]. Однако мы склонны принять точку зрения Ю. Н. Караулова, который писал, что языковая личность выражается в языке и через язык и несет в себе характеристики культуры, которую этот язык отражает [Караулов 1987]. Для перехода к анализу от лингвокогнитивного уровня языковой личности бундесканцлера к мотивационному привлекаются экстралингвистические сведения о социальном функционировании языковой личности, о ее социальной роли и референтных группах.

По мнению В. И. Карасика, термин «дискурсивная личность» точнее отражает суть

явления. Ученый настаивает на том, что можно выделить различные типы дискурсивных личностей: поэта или философа, политика, ученого, педагога, юриста, священнослужителя. Одним из проявлений многомерности личности является ее дискурсивная специфика, в оценке которой «следует принимать во внимание индивидуальные характеристики субъекта, а также его статусные признаки — гендер, возраст, образовательный статус, принадлежность определенной этнокультурной среде и эпохе» [Карасик 2015: 128].

Как языковая личность А. Меркель представляет несомненный интерес. Она является одной из немногих женщин-политиков самого высокого уровня и единственной представительницей прекрасного пола на посту федерального канцлера в истории Германии. Ангеле Меркель 65 лет, по образованию она физикохимик. Естественные науки способствовали формированию у этой талантливой женщины железной логики в рассуждениях и основательности в подборе доказательств своей правоты. Выросла она в ГДР, состояла в пионерской организации и Союзе свободной немецкой молодежи. Не исключено, что отсутствие детей способствовало тому, что Ангела сделала карьеру политика.

Рассуждая о языковой личности, В. И. Карасик упоминает о «коммуникативных индикаторах принадлежности говорящего к тому или иному социальному институту» [Карасик 2015: 128]. Сюда относятся лексика и фразеология, а также некоторые коммуникативные установки и паттерны. Речь Ангелы Меркель публицистична, насыщена множеством слов и выражений из социально-политической сферы: *военный конфликт, налаживание диалога, мирное урегулирование, нарушение территориальной целостности, аннексия, ракетные испытания, ядерная угроза* и т. д. Она оратор особого склада: умеет убеждать слушателей без эффектных жестов и экстравагантных приемов. Мускулистая гегемония власти заставляет ее, женщину-политика, быть жесткой, действовать решительно. Например, говоря о своих разногласиях с В. Путиным и его якобы обиде на критику в отношении прав человека со стороны Германии, А. Меркель подчеркивает невозможность проявлений женского характера в политике: «*Wenn ich immer gleich eingeschnappt wäre, könnte ich keine drei Tage Bundeskanzlerin sein*» / *Если бы я всегда обижалась, я бы и трех дней не смогла быть бундесканцлером* [Bangel: <http>]. Мускулиность проявляется не только в поступках Ангелы Меркель, в твердости ее

убеждений, но и в речи бундесканцлера. Часто она начинает свои выступления словами: *Ich bin überzeugt / я убеждена; aus meiner Sicht / с моей точки зрения; ich glaube / я полагаю*, тем самым показывая решительность своих намерений, ясность позиции и готовность принимать решения.

Целью политического дискурса является борьба за доминирующее положение, борьба за власть. Примерами такого рода дискурса могут служить парламентские дебаты, предвыборные выступления политиков, инаугурационные речи лидеров стран, лозунги.

Результаты исследования. В официальном заявлении во время своего первого избрания на пост федерального канцлера А. Меркель цитировала В. Брандта: «*Mehr Demokratie wagen*» / *Решиться на БОльшую демократию* и добавила от себя: «*Lassen Sie uns mehr Freiheit wagen!*» / *Отважимся на БОльшую свободу*. Критики тут же припомнили А. Меркель, что она выросла в восточной Германии, которая долгое время находилась под влиянием СССР и была известна отсутствием свобод. В 2005 г. прозвучало ставшее крылатым выражение: *Und ich bin überzeugt, Deutschland kann es schaffen / Я убеждена, Германия может с этим справиться* [Ulrich: http]. Эта фраза канцлера в 2015 г. стала призывом к собственному народу принять беженцев из стран Евросоюза, а также из государств, охваченных цветными революциями и гражданскими столкновениями: «*Wir schaffen das!*» / *Мы справимся* [Biermann 2013: 209—210; Дайте миру шанс! 2016: 278—279]. Этот девиз А. Меркель был принят не всеми. В ответ на критику она так объяснила причину сказанного: «*Ich kann das sagen, weil es zur Identität unseres Landes gehört, Größtes zu leisten*» / *Я могу это сказать, т.к. это относится к миссии нашей страны совершать великое* [Es gehört... http].

Дискурсивная личность политика, как отмечает В. И. Карасик, воплощает в своем коммуникативном поведении признаки, составляющие «функциональную основу соответствующего социального типажа» [Карасик 2015: 155]. Статус ведущего политика Евросоюза накладывает определенные обязательства на канцлера Германии. Она выступает в роли миротворца во многих международных и политических конфликтах, например, является посредником в урегулировании конфликта между Россией и Украиной: «*Wir müssen über die Grenzen der Europäischen Union hinausdenken, und diejenigen in unserer Nachbarschaft, die unsere Werte teilen, darin unterstützen, ihren staatlichen Weg in freier Selbstbestimmung gehen zu können*» /

Мы должны задумываться над границами Евросоюза и поддерживать наших соседей, которые разделяют наши ценности, в возможности свободного выбора своего государственного пути [Obama-Vize... http]. А вот так она видит свою миссию в урегулировании ядерного кризиса с Северной Кореей: «*Deutschland und ich ganz persönlich, wir bringen uns, wo es Konflikte gibt, ein. Wir wollen durch Diplomatie Probleme lösen, so wie wir es in der Ukraine tun und wir auch in Nordkorea bereit sind, es zu tun. Das ist unser Markenzeichen*» / *Германия и лично я, мы участвуем там, где есть конфликты. Мы хотим решать проблемы посредством дипломатии, так, как мы делаем на Украине и готовы делать в Северной Корее. Это наш фирменный знак* [Auch Merkel... http].

В своих речах А. Меркель приводит аргументы, обеспечивающие убедительную силу воздействия на своих сторонников и противников. Так, к любимым ее словам относятся наречие *gemeinsam / вместе* и местоимение *wir / мы*, которыми она часто начинает свою речь, показывая тем самым свою сопричастность к происходящему. Например: «*Wir haben die Kraft. Gemeinsam für unser Land!*» / *У нас есть такая сила. Вместе за нашу страну!* (предвыборная кампания 2009 г.). «*Gemeinsame Politik für ein geeintes Europa*» / *Общая политика для единой Европы* [EU-Reform gemeinsam... http]. Убедительно звучит призыв «*Wir schaffen das!*» / *Мы справимся!*, не являющийся по своей грамматической форме императивом, но воспринимаемый как таковой. Значительной по силе своего воздействия на слушателя стала и речь А. Меркель на пресс-конференции в Москве по случаю празднования 70-летия Победы над фашистской Германией: «*...wichtig, dass man diesen Teil der Geschichte würdigt und vor allen Dingen auch den Menschen in Russland sagt, dass wir uns dessen bewusst sind und dass wir wissen, wie viel Leiden wir über die Welt und gerade auch über die Sowjetunion gebracht haben*» / *Важно оценивать эту часть истории и, прежде всего, сказать людям в России, что мы осознаем, сколько страданий мы принесли миру и Советскому Союзу* [Pressekonferenz...: http]. Употребляя местоимение *мы*, А. Меркель разделяет вину фашистской Германии перед всем миром, что, несомненно, вызывает симпатию и ответный отклик в сердцах слушателей.

Одной из разновидностей политического дискурса является медиаполитический дискурс, выражающийся в агитации / пропаганде и комментариях политических аналитиков по поводу тех или иных событий. Цель этого

дискурса заключается в характеристике опеределенного политического курса. Реализуется этот дискурс в поддержке, критике и нейтральном анализе.

В ходе предвыборной кампании А. Меркель побывала на субботнем политическом ток-шоу первого канала Германии. На вопрос журналистки А. Вилль о мотивах баллотироваться на четвертый срок, она ответила: «*Die Frage ist, was kann ich dem Land geben*» / *Вопрос в том, что я могу дать стране*. Политические аналитики назвали этот ответ идеальным для идущего на выборы политика. Наиболее сильно Меркель критиковали за отношение к оппозиционной правительству партии «Альтернатива для Германии» и к движению «Пегида», которые выражают мнение весьма значительной части немецкого народа, не одобряющей исламизацию Запада. Меркель парировала: «*Ich bin genauso das Volk wie andere das Volk sind*» / *Я такой же народ, как и другие*. Интервьюер не обошла острую тему подходящего времени для окончания карьеры политика или канцлера. Ведущая припомнила интервью А. Меркель фотографу Х. Кёбля в 1998 г., где на похожий вопрос Ангела ответила: «*Ich will dann kein halbtotes Wrack sein*» / *Я не хочу быть потом полумертвой развалиной*. А. Вилль, провоцируя Меркель, спросила: «Когда появится развалина?». Меркель улыбаясь, ответила: «*Ich hab ja meine Worte nicht vergessen. Aber nun hab ich mich da mal angeguckt im Spiegel. Und ich finde, dass ich das noch nicht bin*» / *Я же не забыла свои слова. Но я посмотрела на себя в зеркало. И нахожу, что еще не являюсь таковой* [Dargent http]. Анализируя ответы А. Меркель, можно отметить ее уверенность в себе, готовность и желание служить своему народу, присутствие самоиронии. В интервью интернет-порталу «Kriesenfrei» она сказала, намекая на свое происхождение: «*Immerhin haben wir es geschafft, dass das Gesicht der Kanzlerin ostdeutsch ist. Das ist ja schon mal was*» / *Все же мы добились того, что лицо канцлера восточногерманское. Это уже кое-что*. Там, где это допустимо и уместно, не откажешь ей и в искренности. В том же интервью на вопрос, всегда ли она держит обещания, данные перед выборами, Меркель ответила: «*Man kann sich nicht darauf verlassen, daß das, was vor den Wahlen gesagt wird, auch wirklich nach den Wahlen gilt und wir müssen damit rechnen...*» / *Нельзя полагаться на то, что все предвыборные обещания будут выполнены, и мы должны считаться с этим* [GesichtderKanzlerin... http].

В. И. Карасик отмечал, что «медиадискурс носит гибридный характер и сближает-

ся с дискурсом развлекательным» [Карасик 2015: 333]. Новостной медиапортал *tageschau.de* так анализирует динамику изменений правительственных заявлений А. Меркель в годы ее переизбрания на пост федерального канцлера Германии: «*2005 ist sie mutig. 2009 klingt sie geschäftsmäßig. 2014 spricht sie im Sitzen. Und heute nun Merkels Antritts-Regierungserklärung Nummer vier. Alles schon gesagt?*» / *В 2005 она храбрая. В 2009 ее речь звучит по-деловому. В 2014 говорит сидя. Сегодня ее попытка № 4 сделать правительственное заявление. Все ли уже сказано?* [Ulrich http]. Нельзя не отметить ироничный тон обозревателя, ведь известно, что избрание А. Меркель на пост федерального канцлера в четвертый раз было непростым. Ни одна из партий не смогла набрать необходимого количества голосов, поэтому было принято решение о создании правящей коалиции из партий ХДС/ХСС и СДПГ. И, хотя парламентские выборы прошли еще осенью 2017 г., официально А. Меркель вступила в свою должность лишь весной 2018 г. [Суслова http].

В ноябре 2018 г. на встрече с украинскими студентами в Киеве госпожа канцлер заявила, что по окончании срока ее полномочий в 2021 г. покинет свой пост и более не будет претендовать на него. «...пусть уже другие возьмут на себя ответственность... Я сделала это заявление, чтобы дать возможность другим, молодым, выразить свои мысли и подготовить партию к следующим выборам во главе с другими лидерами» [Меркель об уходе... http]. Заявление о завершении политической карьеры в начале четырехлетнего срока полномочий — безусловно, смелый, решительный шаг, дающий политическим оппонентам некоторые преимущества. Этот поступок характеризует госпожу Меркель как сильного, уверенного в собственных силах политика.

Заключение. Анализ дискурсивной личности канцлера Германии позволяет нам заключить, что в речи политика присутствуют коммуникативные и прагматингвистические индикаторы, которые дают возможность реципиенту определить ее статус, принадлежность к этносу и отношение А. Меркель к тому или иному событию, явлению. Причем сама канцлер относится, скорее, к ритуальной коммуникативной личности. Она следует жестко установленным правилам, предъявляемым к политику такого уровня, пытается максимально нивелировать свою индивидуальность, выступая защитником всей нации и миротворцем Евросоюза. В ее речах четко прослеживается приверженность идеям толерантности, свободы, защиты интересов

Германии. Т. е. политический дискурс наложил отпечаток на языковую личность и сформировал образ лидера Германии А. Меркель как носителя общеевропейских современных ценностей, толерантных установок и поведенческих реакций, продиктованных западной цивилизацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дайте Миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / С. Г. Шулежкова, А. А. Осипова, О. Е. Чернова, Н. В. Позднякова, А. Н. Михин, Х. Вальтер, О. В. Михина. — Магнитогорск : Магнитогорск. дом печати ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. 300 с.
2. Карасик В. И. Языковое проявление личности. — М. : Гнозис, 2015. 382 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Наука, 1987. 261 с.
4. Меркель об уходе с поста канцлера: «Я сделала это заявление, чтобы дать возможность молодым лидерам взять на себя ответственность» [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Интерфакс — Украина». 2018. 1 нояб. URL: <https://interfax.com.ua/news/political/542203.html> (дата обращения: 23.08.2019).
5. Михина О. В. Анализ языковой личности А. Меркель // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования : тезисы докл. 77-й Междунар. науч.-тех. конф. (Магнитогорск, 22—26 апр. 2019 г.). — Магнитогорск, 2019. С. 260—261.
6. Михина О. В. Сопоставительный анализ публицистических арсеналов общественных движений России и Германии // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : моногр. / отв. ред. С. Г. Шулежкова. — Магнитогорск : Дом печати ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. С. 249—289.
7. Михина О. В., Михин А. Н. От культуры гостеприимства к культуре интеграции. Толерантность или потеря самоидентичности немцев? // Политическая лингвистика. 2018. № 3 (69). С. 122—127.
8. Попова Е. А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. 2002. № 3. С. 69—77.
9. Свиридов П. Меркель без альтернативы? [Электронный ресурс] // Советская Россия. 2017. 26 сент. URL: <http://www.sovross.ru/articles/1605/35515> (дата обращения: 20.08.2019).
10. Суслова Е., Грязев А. Снова канцлер: бундестаг переизбрал Меркель [Электронный ресурс] // Газета.ру. 2018. 14 марта. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/03/14_a_11681947.shtml (дата обращения: 21.03.2018).
11. Чудинов В. А. Проблема языкового субъекта [Электронный ресурс]. URL: <http://chudinov.ru/problema-yazyiko-vogo-subekta> (дата обращения: 21.03.2018).
12. Auch Merkel will mit Kim reden [Electronic resource] // Tagesschau.de. 18.09.2017. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/gabriel-nordkorea-105.html> (date of access: 22.03.2018).
13. Bangel C. Merkel und Putin streiten über Menschenrechte [Electronic resource] // Zeit online. 16.11.2012. URL: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2012-11/deutsch-russische-regierung-skonsultationen-merkel-putin> (date of access: 21.03.2018).

14. Biermann K., Haase M. SPRACH-LÜGEN. Unworte und Neusprech. Von „Atomruine“ bis „Zeitnah“. — Frankfurt a.M. : Fischer Taschenbuch Verl., 2013. 235 S.

15. Dargent R. Ich bin genauso das Volk wie andere das Volk sind [Electronic resource] // Welt. 21.11.2016. URL: <https://www.welt.de/vermischtes/article159634026/Ich-bin-genauso-das-Volk-wie-andere-das-Volk-sind.html> (date of access: 22.03.2018).

16. Es gehört zur Identität unseres Landes, Größtes zu leisten [Electronic resource] // Die Presse, Print-Ausgabe. 15.12.2015. URL: <https://diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/4887385/Es-gehoert-zur-Identitaet-unseres-Landes-Groesstes-zu-leisten> (date of access: 22.03.2018).

17. EU-Reform gemeinsam mit Frankreich [Electronic resource] // Tagesschau.de. 16.03.2018. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/merkel-macron-139.html> (date of access: 21.03.2018).

18. Gesicht der Kanzlerin ostdeutsch. Interview mit der Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel [Electronic resource] / Gegen den Strom. 23.12.2014. URL: <https://marbec14.wordpress.com/tag/gesicht-der-kanzlerin-ostdeutsch/> (date of access: 22.03.2017).

19. Mikhina O. V., Mikhin A. N., Shulezhkova S. G. “Wir schaffen das!” (Angela Merkel as a linguistic persona) [Electronic resource] // SHS Web of Conferences. 2018. Vol. 50. C. 01013. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/ref/2018/11/shsconf_cildiah2018_01013/shsconf_cildiah2018_01013.html (date of access: 20.08.2019).

20. Obama-Vize blamiert Merkel: USA haben EU zu Sanktionen gegen Russland gezwungen [Electronic resource] // Deutsche Wirtschafts Nachrichten. 05.10.2014. URL: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/2014/10/05/obama-vize-blamiert-merkel-usa-haben-eu-zu-sanktionen-gegen-russland-gezwungen/> (date of access: 22.08.2017).

21. Ossipova A. A., Michina O. V., Pozdnjakova N. V. Repräsentation der Konzepte RUSSLAND und DEUTSCHLAND in den publizistischen Texten // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3 (48). С. 34—41.

22. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Staatspräsident Putin am 10. Mai 2015 in Moskau [Electronic resource] // Die Bundeskanzlerin. 10.05.2015. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/05/2015-05-10-pk-merkel-putin.html> (date of access: 24.08.2017).

23. Shulezhkova S. G., Mikhin A. N., Tchernova O. E. Die Konzepte „Revolution“ und „Krieg“ in den russischen Massenmedien in Berichten über die Ukraine in den Jahren 2014 — 2015 // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 50—61.

24. Ulrich A. Best of Merkels Regierungserklärungen [Electronic resource] // Tagesschau.de. 21.03.2018. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/merkel-regierungserklaerung-135.html> (date of access: 21.03.2018).

25. Yaling Zh., Shulezhkova S. G., Walter H., Bochina T. G., Kostina P. M. Slogans appeared during the crimean spring in the political discourse of modern Russia // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 5. С. 358—361.

O. V. Mikhina

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia
ORCID ID: —

A. N. Mikhin

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia
ORCID ID: —

E-mail: olga-sinyeva@yandex.ru; fraz2014@yandex.ru.

Bardic personality of the Bundeskanzler of Germany

ABSTRACT. *The aim set by the authors of this paper is to reveal the peculiarities of linguistic personality of one of the most authoritative state and political actors of our time – Angela Merkel, Chancellor of the Federal Republic of Germany. Material for the research comes from various election debates, speeches at international forums and in Bundestag, addresses to voters, interviews of the leader of “the engine of the EU” with journalists of various media outlets. The anthropocentric approach that has become the main principle of modern linguistics, enriched with some procedures developed within cultur-*

al, political and social linguistics and application of methods used in the study of linguistic personality in the context of gender and value-based priorities postulated in the media-political discourse, allowed the authors to attain certain results. Lexical and idiomatic markers in Angela Merkel's speeches, her formulation of the basic principles of domestic and foreign policy, her linguistic response to crisis events and provocative questions give a possibility to model the main parameters of her linguistic personality. She is a strong leader with muffled gender attributes, which usually reveal themselves in the selection of linguistic means always conforming to the literary norm. Physical chemist by education, Merkel speaks logically and strictly to the point in the media-political discourse as well. Having being ushered into the elite of male rulers, A. Merkel demonstrates male rigidity when formulating her opinion. As a leader of the nation, she presents herself as a representative of the whole German society, a society destined for a high mission to guard common European values. The main concepts, verbalized in her speeches and utterances are 'We (the people of Germany)', 'Peace', 'Freedom', 'Democracy', 'Tolerance'.

KEYWORDS: linguistic personality; linguopersonology; politicians; political discourse; political rhetoric; German.

AUTHOR'S INFORMATION: *Mikhina Ol'ga Viktorovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Romano-Germanic Philology and Translation, Institute of Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Mikhin Artem Nikolaevich, Candidate of Philology, Senior Researcher, Lexicographic Research Laboratory, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia.*

FOR CITATION: *Mikhina, O. V. Discursive personality of the Bundeskanzler of Germany / O. V. Mikhina, A. N. Mikhin // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 81-87. — DOI 10.26170/pl19-05-08.*

REFERENCES

1. Give the World a Chance! Dictionary of modern political slogans of Russia and Germany / S. G. Shulezhkova, A. A. Osipova, O. E. Chemova, N. V. Pozdnyakova, A. N. Mikhin, H. Walter, O. V. Mikhina. — Magnitogorsk : Magnitogorsk print house ; Greifswald: Ernst-Moritz-Armdt-Universität, 2016. 300 p. [Daye Miru shans! Slovar' sovremennykh politicheskikh lozungov Rossii i Germanii / S. G. Shulezhkova, A. A. Osipova, O. E. Chemova, N. V. Pozdnyakova, A. N. Mikhin, Kh. Val'ter, O. V. Mikhina. — Magnitogorsk : Magnitogorsk. dom pechati ; Greifswald : Ernst-Moritz-Armdt-Universität, 2016. 300 s.]. — (In Rus.)
2. Karasik V. I. Linguistic Manifestation of Personality. — Moscow : Gnosis, 2015. 382 p. [Yazykovoe proyavlenie lichnosti. — M. : Gnozis, 2015. 382 s.]. — (In Rus.)
3. Karaulov Yu. N. Russian Language and Linguistic Personality. — Moscow : Science, 1987. 261 p. [Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. — M. : Nauka, 1987. 261 s.]. — (In Rus.)
4. Merkel on Resigning as Chancellor: "I made this Statement to Enable Young Leaders to Take Responsibility" [Electronic resource] // Interfax-Ukraine News Agency. 2018. 1 Nov. [Merkel' ob ukhode s posta kantslera: «Ya sdelala eto zayavlenie, chtoby dat' vozmozhnost' molodym lideram vzyat' na sebya otvetstvennost'»] // Informatsionnoe agentstvo «Interfaks — Ukraina». 2018. 1 noyab.]. URL: <https://interfax.com.ua/news/political/542203.html> (date of access: 23.08.2019).
5. Mikhina O. V. Analysis of the Linguistic Personality of A. Merkel // Actual Problems of Modern Science, Technology and Education : abstracts of lectures for 77th International Scientific and Technical Conf. (Magnitogorsk, April 22—26, 2019). — Magnitogorsk, 2019. P. 260—261. [Analiz yazykovoy lichnosti A. Merkel' // Aktual'nye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya : tezisy dokl. 77-y Mezhdunar. nauch.-tekh. konf. (Magnitogorsk, 22—26 apr. 2019 g.). — Magnitogorsk, 2019. S. 260—261]. — (In Rus.)
6. Mikhina O. V. Comparative Analysis of Journalistic Arsenals of Social Movements of Russia and Germany // Journalistic Arsenal of Social Movements of Russia and Germany : monograph. / resp. ed. S. G. Shulezhkova. — Magnitogorsk : Printing House ; Greifswald : Ernst-Moritz-Armdt-Universität, 2015. P. 249—289. [Sopostavitel'nyy analiz publitsisticheskikh arsenalov obshchestvennykh dvizheniy Rossii i Germanii // Publitsisticheskii arsenal obshchestvennykh dvizheniy Rossii i Germanii : monogr. / otv. red. S. G. Shulezhkova. — Magnitogorsk : Dom pechati ; Greifswald : Ernst-Moritz-Armdt-Universität, 2015. S. 249—289]. — (In Rus.)
7. Mikhina O. V., Mikhin A. N. From a Culture of Hospitality to a Culture of Integration. Tolerance or Loss of German Identity? // Political Linguistics. 2018. No. 3 (69). P. 122—127. [Ot kul'tury gostepriimstva k kul'ture integratsii. Tolerantnost' ili poterya samoidentichnosti nemtsev? // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 3 (69). S. 122—127]. — (In Rus.)
8. Popova E. A. Man as a Fundamental Value of Modern Linguistics // Philological Sciences. 2002. No. 3. P. 69—77. [Chelovek kak osnovopolagayushchaya velichina sovremennoy yazykoznavaniya // Filologicheskie nauki. 2002. № 3. S. 69—77]. — (In Rus.)
9. Sviridov P. Merkel without an Alternative? [Electronic resource] // Soviet Russia. 2017. 26 Sep. [Merkel' bez al'ternativy? // Sovetskaya Rossiya. 2017. 26 sent.]. URL: <http://www.sovross.ru/articles/1605/35515> (date of access: 20.08.2019).
10. Suslova E., Gryazev A. Again Chancellor: Bundestag re-elected Merkel [Electronic resource] // Newspaper.ru. 2018 March 14th. [Snova kantsler: bundestag pereizbral Merkel' // Gazeta.ru. 2018. 14 marta]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/03/14_a_11681947.shtml (date of access: 21.03.2018).
11. Chudinov V. A. The Problem of the Linguistic Subject [Electronic resource]. [Problema yazykovogo sub'ekta]. URL: <http://chudinov.ru/problema-yazykovogo-subekta> (date of access: 21.03.2018).
12. Auch Merkel will mit Kim reden [Electronic resource] // Tagesschau.de. 18.09.2017. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/gabriel-nordkorea-105.html> (date of access: 22.03.2018).
13. Bangel C. Merkel und Putin streiten über Menschenrechte [Electronic resource] // Zeit online. 16.11.2012. URL: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2012-11/deutsch-russische-regierung-skonsultationen-merkel-putin> (date of access: 21.03.2018).
14. Biermann K., Haase M. SPRACH-LÜGEN. Unworte und Neusprech. Von „Atomruine“ bis „Zeitnah. — Frankfurt a.M. : Fischer Taschenbuch Verl., 2013. 235 S.
15. Dargent R. Ich bin genauso das Volk wie andere das Volk sind [Electronic resource] // Welt. 21.11.2016. URL: <https://www.welt.de/vermischtes/article159634026/Ich-bin-genauso-das-Volk-wie-andere-das-Volk-sind.html> (date of access: 22.03.2018).
16. Es gehört zur Identität unseres Landes, Größtes zu leisten [Electronic resource] // Die Presse, Print-Ausgabe. 15.12.2015. URL: <https://diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/4887385/Es-gehört-zur-Identität-unsere-Landes-Groesstes-zu-leisten> (date of access: 22.03.2018).
17. EU-Reform gemeinsam mit Frankreich [Electronic resource] // Tagesschau.de. 16.03.2018. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/merkel-macron-139.html> (date of access: 21.03.2018).
18. Gesicht der Kanzlerin ostdeutsch. Interview mit der Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel [Electronic resource] // Gegen den Strom. 23.12.2014. URL: <https://marbec14.wordpress.com/tag/gesicht-der-kanzlerin-ostdeutsch/> (date of access: 22.03.2017).
19. Mikhina O. V., Mikhin A. N., Shulezhkova S. G. "Wir schaffen das!" (Angela Merkel as a linguistic persona) [Electronic resource] // SHS Web of Conferences. 2018. Vol. 50. P. 01013. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/ref/2018/11/shsconf_cildiah2018_01013/shsconf_cildiah2018_01013.html (date of access: 20.08.2019).
20. Obama-Vize blamiert Merkel: USA haben EU zu Sanktionen gegen Russland gezwungen [Electronic resource] // Deutsche Wirtschafts Nachrichten. 05.10.2014. URL: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/2014/10/05/obama-vize-blamiert-merkel-usa-haben-eu-zu-sanktionen-gegen-russland-gezwungen/> (date of access: 22.08.2017).

21. Ossipova A. A., Michina O. V., Pozdnjakova N. V. Repräsentation der Konzepte RUSSLAND und DEUTSCHLAND in den publizistischen Texten // *Issues of Cognitive Linguistics*. 2016. No 3 (48). P. 34—41. [*Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2016. № 3 (48). S. 34—41].

22. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Staatspräsident Putin am 10. Mai 2015 in Moskau [Electronic resource] // Die Bundeskanzlerin. 10.05.2015. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/05/2015-05-10-pk-merkel-putin.html> (date of access: 24.08.2017).

23. Shulezhkova S. G., Mikhin A. N., Tchernova O. E. Die Konzepte „Revolution“ und „Krieg“ in den russischen Massenmedien

in Berichten über die Ukraine in den Jahren 2014 — 2015 // *Issues of Cognitive Linguistics*. 2016. No 3. P. 50—61. [*Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2016. № 3. S. 50—61].

24. Ulrich A. Best of Merkels Regierungserklärungen [Electronic resource] // *Tagesschau.de*. 21.03.2018. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/merkel-regierungserklaerung-135.html> (date of access: 21.03.2018).

25. Yaling Zh., Shulezhkova S. G., Walter H., Bochina T. G., Kostina P. M. Slogans appeared during the crimean spring in the political discourse of modern Russia // *Issues of Cognitive Linguistics*. 2017. No 5. P. 358—361. [*Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2017. № 5. S. 358—361].

В. П. Новикова

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1004-8097

Е. В. Челпанова

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-4088-7836

 E-mail: veranovik@mail.ru; chelpanovaev@cspu.ru.

Медиаконцепт «гиг-экономика» на политической арене

АННОТАЦИЯ. *Интерес государственных деятелей и политиков к проблемам трансформаций социально-экономических систем под влиянием цифровых технологий настолько велик, что проблемы гиг-экономики становятся важнейшей повесткой дня не только в массмедийном, но и политическом дискурсе. Особое внимание при этом уделяется вопросам регулирования открытого рынка труда и созданию условий для развития новых видов частичной и нестандартной занятости как ключевого признака гиг-экономики. В статье анализируется материал, посвященный вопросам гиг (gig) — экономики в британских СМИ в период с января 2017 по август 2019 года. Цель данной статьи заключается в установлении актуальных модификаций, которым подвергается содержательный объем концепта «гиг (gig) — экономика» в медиадискурсе. По итогам анализа 270 статей выделяются два ведущих фрейма — «рост» и «институциональный порядок», в рамках которых происходит ассоциативно-смысловое развертывание медиаконцепта «гиг (gig) — экономика» в текстах британских СМИ. В рамках фрейма «экономический рост» благодаря использованию метафор, основанных на акциональных глаголах, эпитетов и фразеологизмов в СМИ создается образ динамичной, быстрорастущей экономики. В статье доказывается, что в рамках фрейма «институциональный порядок» медиаконцепт не только наращивает свой признаковый объем, но и актуализирует негативные ценностные установки, нарушая практически все принципы правильно устроенной экономической системы в том смысле, который вкладывал в это понятие американский экономист Д. Норт. В создании негативного образа гиг-экономики, подчеркивая ее нестабильный характер, принимают участие тропеические цветоименования, метафоры, сравнения. Регулятивность дискурса, формирующегося посредством медиаконцепта «гиг-экономика», заключается в создании определенного алгоритма действия в ситуации, требующей создания законодательных условий для более гибкой занятости.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *когнитивная лингвистика; метафорические модели; метафорическое моделирование; медиаконцепты; политический дискурс; политическая метафорология; фрейминг; социально-экономические модели; СМИ; средства массовой информации; медиалингвистика; медиатексты; медиадискурс.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Новикова Вера Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики обучения английскому языку, факультет иностранных языков, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: veranovik@mail.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Челпанова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и методики обучения английскому языку, факультет иностранных языков, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: chelpanovaev@cspu.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Новикова, В. П. Медиаконцепт «гиг-экономика» на политической арене / В. П. Новикова, Е. В. Челпанова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 88-96. — DOI 10.26170/pl19-05-09.*

БЛАГОДАРНОСТИ. *Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» в рамках научно-исследовательской работы «Социальные институты и процессы: когнитивно-дискурсивный аспект (на материале английского языка)».*

Материалы будут представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лигвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (состоится 29—30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета)

В основе экономической системы лежит организационная структура, принимающая решения и реализующая действия по поводу производства, распределения и потребления благ в пределах определенного географического региона [Gregory, Stuart 1995].

Уровень свободы предпринимательства, соотношение форм собственности, отношение между трудом и капиталом, степень экономической свободы экономических агентов, отношение к предпринимательству, источники инвестиций, степень развития челове-

ских ресурсов, социальная структура общества, роль и место инноваций в экономической системе, а также роль формальных и неформальных правил в экономике являются главными составляющими социально-экономической модели. Если говорить о рыночной экономике, то П. Холл и Д. Соскис выделяют две основные модели: либеральную (*liberal market economy*) и координируемую рыночную экономику (*coordinated market economy*) [Hall, Soskice 2001: 31]. Основными чертами либеральной модели, присущей англосаксонским государствам, являются относительно низкий уровень регулирования экономики со стороны государства и сравнительно небольшой размер государственного сектора. Краеугольным камнем в данной модели является свобода экономических агентов и их поведение. По мысли Дугласа Норта, американского экономиста, социального философа и историка, рынок — это сложное и неоднозначное явление. Он представляет собой структуру, охватывающую различные институты: законы, правила игры и, что наиболее важно, определенные кодексы поведения, типы отношений и связей [North 2005]. В условиях повсеместного проникновения цифровых технологий, развития новых видов частичной и нестандартной занятости, трансформации концепции труда как экономической категории происходит формирование новой социально-экономической модели, получившей название *гиг-экономика*. По мнению Л. В. Лапидус, *гигномика* (*hygonomics*), или *гигэкономика* (*gig economy*), — это всеобщее распространение новых видов частичной занятости и краткосрочных трудовых контрактов вместо долгосрочных трудовых отношений с работодателем на основе штатного трудоустройства [Лапидус 2018: 353]. Гиг-работы предлагают огромные возможности не только с точки зрения повышения качества обслуживания, но и с точки зрения предоставления людям гибкости и потенциального устранения посредников. Стратегия долгосрочного развития Евросоюза предусматривает, как известно, достижение не столько количественного, сколько качественного экономического роста, имеющего одновременно инновационный, инклюзивный и устойчивый характер [Sustainable development in the European Union 2017]. При переходе на такой тип экономического развития важна не только его динамика, но и ее направление, что требует кардинального переосмысления роли правительства и государственной политики в регулировании экономики. В настоящее время мировое сообщество уделяет особое внимание вопросам регулирования открытого рын-

ка труда и созданию условий для развития новых видов частичной и нестандартной занятости как ключевого признака *гиг-экономики*. В связи с этим интерес государственных деятелей и политиков к проблемам трансформаций социально-экономических систем под влиянием цифровых технологий настолько велик, что проблемы *гиг-экономики* становятся важнейшей повесткой дня не только в массмедийном, но и политическом дискурсе. Поскольку СМИ играют большую роль в реализации политического дискурса, мы вслед за другими исследователями говорим о тенденции к сращиванию политического дискурса с дискурсом массмедиа [Ровинская 2006: 90]. Массмедиа способны задавать повестку дня в отношении каждого конкретного события или явления. Фокусируя внимание на самых важных аспектах предмета сообщения и давая им эмоциональную оценку, они тем самым предопределяют, «программируют» отношение реципиентов к передаваемой информации. Теория повестки дня в чем-то схожа с теорией фрейминга, где фрейм — это стержневая идея коммуникационного текста, раскрывающая суть и содержание основного сюжета информационного сообщения. При этом центральная сюжетная линия обычно содержит в себе также артикуляцию проблемной ситуации, определенные моральные суждения и описание предпочтительных способов разрешения проблемы [Казаков 2014]. Особую роль в коммуникативно-когнитивной организации медиадискурса играют медиаконцепты, являющиеся результатом отраженной в текстах СМИ коллективной мировидческой рефлексии над современностью [Кушнерук 2019]. Актуальность исследования медиаконцепта «гиг-/гиг-экономика» определяется необходимостью рассмотрения данного концепта в динамике его коммуникативно-дискурсивного существования в медийном политическом дискурсе и в аспекте его миромоделирующего потенциала. Цель данной статьи заключается в установлении актуальных модификаций, которым подвергается содержательный объем концепта «гиг (gig) — экономика» в медиадискурсе в рамках фрейма «экономический рост» и «институциональный порядок».

Для достижения цели исследования мы применяли метод сплошной выборки, дискурсивно-стилистический анализ, приемы описания когнитивной метафоры, метод когнитивной интерпретации, метод статистической обработки данных, выделение фреймов индуктивным методом. Материалом исследования послужили статьи, посвященные проблемам *гиг-экономики* в интернет-анало-

гах британских СМИ за 2017—2019 гг. Несмотря на то, что главной номинацией лингвоконцепта в англоязычных СМИ является лексема *gig-economy*, концепт также может быть представлен такими словосочетаниями, как *service economy*, *platform economy (platforms)*, *on-demand economy*, *collaborative economy*, *task-based labour*, *new business model*, *agile labor market*.

В ходе исследования было установлено, что ассоциативно-смысловое развертывание медиаконцепта «гиг-экономика» в условиях дискурсивной актуализации происходит в рамках фрейма «экономический рост». С помощью многочисленных метафор подчеркивается быстрый и беспрецедентный рост новых экономических отношений. Метафора роста реализуется за счет использования глаголов, относящихся к лексико-семантической группе «действие»: *to rise*, *to mushroom*, *to grow*, *to boom*, *to rocket*. Данные глаголы используются как в форме перфекта, что свидетельствует о завершенности процесса и важности его результатов для настоящего момента, так и с грамматическим значением процессуальности, что свидетельствует о том, что рост данного типа экономики происходит по сей день:

– *The share of self-employed contractors in the labour force has risen. The “gig economy” exemplified by Uber drivers is mushrooming* (The Economist. 2017.09.18). / Доля самозанятых подрядчиков в структуре рабочей силы возросла. „Гиг-экономика“, примером которой являются водители Uber, растет.

– *The extent of low pay in the gig economy came amid growing concern at the government’s ability to tackle the negative consequences of a sector that has boomed following the advent of phone apps such as Uber and Deliveroo* (The Guardian. 2018.02.07). / Степень низкой заработной платы в рамках гиг-экономики возникла на фоне растущей обеспокоенности по поводу способности правительства справиться с негативными последствиями нового сектора экономики, который чрезвычайно увеличился после появления приложений для телефонов, таких как Uber и Deliveroo.

Образ растущей экономики реализуется также за счет использования эпитетов (*fast-growing*, *enormous*) и антропоморфных номинативных метафор:

– *A quarter of people working in Britain’s fast-growing gig economy are being paid below the national minimum wage, government research has revealed* (The Guardian. 2018.02.07). / Правительственные исследования показали, что четверть людей, работающих в быстрорастущей британской гиг-эко-

номике, получают зарплату ниже минимальной национальной заработной платы.

– *How governments should deal with the rise of the gig economy* (The Economist. 2018.10.06). / Как правительства должны справиться с ростом гиг-экономики.

Используя антропоморфную метафору в конструкциях с условным наклоном для выражения реальной и возможной ситуации в будущем, авторы подчеркивают, что эксперты связывают и будущий рост экономики с моделью частичной занятости:

– *Simply insisting that firms follow the rules would give workers greater protection while ensuring that the gig economy lives up to its enormous promise* (The Economist. 2018.10.06). / Упор на то, чтобы фирмы следовали определенным правилам, обеспечит работникам большую защиту и в то же время гарантирует, что гиг-экономика оправдает те большие ожидания, которые с ней связывают.

В результате анализа публикаций, содержащих оценку гиг-экономики и высказывания политиков о гиг-экономике, нами был выделен еще один фрейм, в рамках которого происходит ассоциативно-смысловое развертывание концепта — «институциональный порядок».

Согласно Дугласу Норту, экономическая система действительно является «порядком», если ей присущи следующие характеристики:

а) **имеется институциональная матрица, содержащая органы управления и задающая необходимый комплекс прав и привилегий** [North 2005: 105].

Несовершенство законодательной базы касательно регулирования отношений между работодателями и рабочими в гиг-экономике ведет к нарушению первого принципа — порядка и вызывает самый большой шквал критики и противоречивых суждений. Анализ контекстуального окружения позволяет выявить, что миромоделирующий потенциал концепта «гиг-экономика» реализуется в рамках оценочной зоны:

– *Platforms have a legitimate interest in maintaining their quality of service. But it cannot be right that some firms specify how workers must submit to the duties of acting like employees even as they reject the responsibilities of acting like employers.* / Платформы имеют законную заинтересованность в поддержании качества обслуживания. Но не может быть правильным то, что некоторые фирмы напрямую указывают, словно имеют дело с наемными работниками, на то, как должны выполняться обязанности. При этом сами компании не хотят выступать в качестве работодателей.

В СМИ постоянно муссируется тема, что фрилансеры — это наиболее уязвимые уча-

стники гиг-экономики: они берут на себя риски (*took extra risk*), испытывают страх (*experience fear*), борются за минимальную оплату своего труда и право быть признанными в качестве наемных работников (*are seeking to be recognised as employees*):

– *The gig-as-primary-income earners are more likely to experience fear or worry when it comes to potentially missing an auto payment or having an unexpected medical bill, and they are much more likely than other gig employees or employees in the traditional economy to find it difficult to handle an unexpected expense of \$1,000* (The Telegraph. 2018.12.18. / Те, кто получает в рамках гиг-экономики свой основной доход, с большей вероятностью почувствуют страх или беспокойство, когда речь пойдет о возможной просрочке при выплате кредита или непредвиденных медицинских расходах, и им гораздо сложнее, чем другим работникам в рамках новой модели занятости или работникам в традиционной экономике, решить проблему с неожиданными расходами в 1000 долларов.

В примере, приведенном ниже, использование глаголов с негативной коннотацией, аллитерации наряду с неутешительной статистикой создает атмосферу психологического напряжения:

– *Freelance workers took extra risk and, for many, their pay reflected that. Fast forward to 2018 when the gig economy is rocketing in size and scope, and there appears to be no such relationship between risk and reward. A government report into the gig economy has revealed that one in four of the workers it surveyed were earning less than £7.50 an hour* (The Independent. 2018.21.04). / *Внештатные работники пошли на дополнительный риск, что отразилось на зарплате многих из них. Наступил 2018 год. Гиг-экономика стремительно растет, всё увеличивая свой масштаб, не демонстрируя при этом корреляции между потенциальными рисками и вознаграждением фрилансеров. Правительственный отчет по гиг-экономике показал, что каждый четвертый из опрошенных работников зарабатывал менее 7,50 фунтов стерлингов в час.*

Кроме того, согласно Дугласу Нурту, экономическая система действительно является «порядком», если:

б) система взаимоотношений между сторонами на политическом и на экономическом рынке имеет стабильную структуру [North 2005: 105].

Второй принцип организации порядка в гиг-экономике также нарушается, поскольку система взаимоотношений как на экономическом, так и на политическом рынке имеет

нестабильную природу. В публикациях о гиг-экономике присутствуют эпитеты с негативной коннотацией (*temporary, fuzzy, not stable*), передающие образ чего-то недолговечного, имеющего нечеткие границы:

– *However, it is far from clear that this is by the young workers' choice. Labour-market restrictions in Europe have forced a growing share of workers into temporary "gigs". Over half of workers aged 15 to 24 in those four countries are on fixed-term contracts* (The Economist. 2017. 10.22). / *Однако далеко не ясно, что это выбор молодых работников. Ограничения на рынке труда в Европе вынуждают всё больше и больше людей трудоспособного возраста переходить в сектор гиг-экономики. Более половины занятых в возрасте от 15 до 24 лет в этих четырех странах работают по срочным контрактам.*

– *One proposal, being floated in America, is to create a third category of worker, sitting somewhere between self-employed and employed. Yet the boundaries between classifications will always be fuzzy. Britain already has such a third category. It is also the place where arguments about the legal status of gigworkers are most vigorous* (The Economist. 2018.10. 06). / *Одно из предложений, распространяемое в Америке, — создать третью категорию работников, находящихся где-то между самозанятыми и наемными работниками. И все же границы между классификациями всегда будут размыты. У Британии уже есть такая третья категория. Это также область, где споры о правовом статусе сотрудников гиг-экономики приняли самый ожесточенный характер.*

В создании негативного образа гиг-экономики, подчеркивая ее нестабильный характер, принимают участие и тропеические цветоименования, в содержание которых кроме денотата, соответствующего определенной цветовой субстанции, включается образно-символический компонент в виде коннотаций, конкретно-чувственных и символических ассоциаций, представлений-стереотипов, характерных для конкретной национальной общности [Крапивник 2013]. Характеризуя гиг-экономику как теньную, «серую» экономику, авторы тем самым подчеркивают тот факт, что некоторые элементы данного вида экономической деятельности скрываются от общества и государства и находятся вне государственного контроля и учета:

– *We think of the gig economy through the best-known apps: Uber, Airbnb, Deliveroo. But there are also listing sites such as Gumtree or Craigslist where people go to seek work. All of this is "an enormously grey area", says Huws, "and that makes it impossible to legislate for,*

until we have a definition of an online platform (The Guardian. 2017.10.17). / *Наше представление о гиг-экономике складывается благодаря существованию известных приложений: Uber, Airbnb, Deliveroo. Но есть также списки сайтов, таких как Gumtree или Craigslist, куда люди идут искать работу. Все это является „чрезвычайно серой зоной, — говорит Хьюз, — и это делает невозможным принятие законов, пока у нас нет определения онлайн-платформы“.*

Кроме того, согласно Норту, экономическая система действительно может называться «порядком», если:

в) в основу отношений положена структура, где государство обязательно попадает под действие политических сил и мер принуждения, защищающих институты и сложившуюся систему взаимоотношений [North 2005: 105].

Трудовое право призвано обеспечивать баланс интересов всех сторон социального партнерства: государства, работодателей и работников. Отсутствие нормативных правил касательно правового поля временной занятости в зоне взаимодействия «работодатель — фрилансер» делает издержки ее использования работодателями относительно высокими. Многие политики озвучивают свои намерения модернизации трудового законодательства, включая создание законодательных условий для более гибкой занятости:

– *Theresa May is pressing ahead with plans to boost the rights of workers in the gig economy on areas including flexibility and pay as part of a package of measures to overhaul employment laws, the Guardian has learned* (The Guardian. 2018.11.08). / *Тереза Мэй спешит реализовать планы по расширению прав работников в гиг-экономике в таких областях, как гибкость и оплата труда, являющихся частью пакета мер по пересмотру законов о занятости, узнал Guardian.*

Концептуальная организация дискурса осуществляется на основе типичных репрезентативных структур, которые несут стереотипный характер. Подобные модели на уровне языковой структуры репрезентируют состояние, процесс и результат [Шабес 1989]. В статьях, комментирующих действия политиков, концепт «гиг-экономика» часто появляется в рамках схемы «направленное действие» в семантической роли объекта:

– *Theresa May has promised to tackle the gig economy. In October 2016, she commissioned a six-month review led by Matthew Taylor, a former head of Tony Blair's policy unit. One key thing the Taylor review did not recommend implementing was a guaranteed statutory minimum wage for each hour worked* (The Guardian. 2017.

10.17). / *Тереза Мэй пообещала заняться проблемами гиг-экономики. В октябре 2016 года она поручила выполнить шестимесячное исследование данного сектора бывшему советнику Тони Блэра, Мэтью Тейлору. Доклад Тейлора не рекомендовал вводить гарантированную минимальную заработную плату за каждый отработанный час, которая является ключевым моментом.*

Несмотря на обещания премьер-министра, министр по делам бизнеса и предпринимательства лейбористского теневого кабинета Ребекка Лонг-Бейли в преддверии выступления Терезы Мэй с основным докладом о правах трудящихся выступила с резкой критикой компании *Uber*, заявив, что они эксплуатируют водителей. Целенаправленное понижение уровня доверия читателя к гиг-экономике достигается за счет использования синтаксического и лексического повтора, антропоморфных метафор, где экономик предстает в образе эксплуататора:

– *But Long-Bailey said some gig economy firms were already “exploiting their workers”, adding: “If it looks like a job and it smells like a job, then it is a job and the worker should be employed”* (The Guardian. 2017.07.10). / *Но Лонг-Бейли сказала, что некоторые фирмы, работающие в сфере экономики, уже „эксплуатируют своих работников“, добавив: „Если это похоже на работу и пахнет работой, то это работа, и рабочий должен быть нанят“.*

– *Are you being ripped off by the gig economy?* (The Independent. 2018.21.04) / *Неужели гиг-экономика обворовывает вас?*

Особое негодование у лейбористов вызвало предложение ввести новую категорию работников, называемую «зависимым подрядчиком», и «подлинную двустороннюю гибкость», позволяющую работодателям в период снижения спроса платить меньше установленной минимальной ставки. Данное предложение также содержалось в отчете для правительства, подготовленном под руководством Мэтью Тейлора¹:

– *Long-Bailey criticised the proposal, saying: “We don't really need a new status ... the court victories that we've had so far have proved that many of these so-called self-employed people that work for the likes of Uber, for example, are*

¹ Минимальная заработная плата (имеются градации для разных возрастных групп) устанавливается ежегодно. В период правления Мэй для работников старше 25 лет этот показатель вырос с 7,2 £ в час (примерно 8,1 €) в 2016 году до 8,2 £ (9,3 €) в 2019 году. ВВП на душу населения уменьшился ненамного: с 40 тыс. \$ в 2016 году до 39 тыс. \$ в 2017 году. Уровень безработицы снизился с 4,8 % (2016) до 4 % (2018).

workers and should be given adequate protections.” She added her concern that if implemented, the recommendations would “**undermine**” court rulings giving workers the right to the minimum wage, holiday and sickness pay (The Guardian. 2017.07.10). / Лонг-Бейли раскритиковала предложение, сказав: „Нам действительно не нужен новый статус... судебные победы, которые у нас были до сих пор, доказали, что многие из этих так называемых самозанятых людей, которые работают на таких, как Uber, например, являются работниками, и им следует предоставить адекватную защиту“. Она добавила, что обеспокоена тем, что в случае выполнения рекомендации „подорвут“ судебные решения, предоставляющие работникам право на минимальную заработную плату, отпуск и оплату по болезни.

Употребление неавторской (цитируемой) оценки является специфической жанровой чертой медиатекстов. Регулятивность дискурса, формирующегося посредством медиаконцепта «гиг-экономика», заключается в создании определенного алгоритма действия в ситуации, требующей законодательных условий для более гибкой занятости. В результате использования модальных глаголов *need*, *should*, *must* наряду с акциональными глаголами *to start*, *to enforce*, *to bar* создаются аксиологические установки в которых и заложен миромоделирующий потенциал концепта «гиг-экономика»:

– Jason Moyer-Lee, general secretary of the Independent Workers Union of Great Britain (IWGB), said: “The problem of employment rights in the so-called gig-economy is not confusion in the law but rather companies who think the law need not be obeyed. Pimlico Plumbers lost its argument over worker status four times in a row. We now **need the government to start actively enforcing the law rather than playing the role of useless bystander**” (The Guardian. 2018.07.13). / Джейсон Мойер-Ли, генеральный секретарь Независимого профсоюза трудящихся Великобритании (IWGB), сказал: „Проблема прав на трудоустройство в так называемой гиг-экономике заключается не в путанице в законе, а в компаниях, которые считают, что закону не нужно следовать. Лондонская сантехническая фирма Pimlico Plumbers четыре раза подряд проигрывали дело о статусе сотрудников. Теперь нам нужно, чтобы правительство начало активно применять закон, а не играть роль бесполезного свидетеля“.

– Taylor explained that dependent contractors **should be barred from making a claim against gig economy firms for failure to pay the**

minimum wage if the company could demonstrate the necessary rate was being paid on average, people could “genuinely choose whenever to work” and the firm was open with them about what they would earn at which times (The Guardian. 2017.07.11). / Тейлор объяснил, что зависимые подрядчики должны быть лишены права предъявлять претензии к фирмам гиг-экономики за невыплату минимальной заработной платы, если компания может продемонстрировать, что в среднем выплачивается необходимая ставка. Люди могут „действительно выбирать, когда им работать“, если фирма честна с ними в том, сколько они будут зарабатывать и в какое время.

Возвращаясь к характеристике экономической системы Д. Норта, следует помнить, что экономическая система действительно может называться «порядком», если:

г) **договоренности в такой системе возникают в результате сочетания интернационализации норм с мерами принуждения к их соблюдению.**

Рассматривая концепт «гиг-экономика» в динамике, мы, безусловно, наблюдаем некоторую постепенную интернационализацию норм этой модели наряду с постепенным введением мер принуждения к их соблюдению. Регулятивность дискурса, формирующегося посредством медиаконцепта «гиг-экономика», заключается в создании определенного алгоритма действия, направленного на то, чтобы решить проблемы гиг-экономики юридическим путем и через освещение в СМИ:

– The other mechanism is to help workers claim their existing rights. One option is to make it simpler for disgruntled gig workers to use the judicial system. Precedent-setting rulings on the status of gig workers may be piling up, but the barriers to going to court in the first place are often too high (The Economist. 2018.10.07). / Другой механизм — помочь работникам отстаивать свои существующие права. Один из вариантов — сделать так, чтобы недовольные участники гиг-экономики могли использовать судебную систему. Хотя постепенно могут накапливаться прецедентные постановления о статусе работников, но барьеры для обращения в суд изначально слишком высоки.

– Art educators seeking to be recognised as employees rather than freelancers are taking the National Gallery to court in a landmark case which shifts the gig economy spotlight to the public sector (The Independent. 2018.11.26). / Искусствоведы, которые хотят иметь статус сотрудников, а не фрилансеров, вызывают Национальную галерею в суд по

знаменательному делу, которое свидетельствует о том, что гиг-экономика коснулась и государственного сектора тоже.

Политики всё чаще заявляют об изменениях трудового законодательства, нацеленных на достижение баланса интересов сторон социального партнерства (*to overhaul employment laws, the push, pressing ahead with plans, to boost the rights*). Концепт «гиг-экономика» дискурсивно расширяется за счет ассоциаций с деятельностью, направленной на защиту прав работников:

– *At the time, Business Secretary Greg Clark had said the push came as the “world of work is changing, bringing new opportunities for innovative businesses and new business models to flourish, creating jobs across the country and boosting our economy”. Those laws, which were announced late last year and were described as **the biggest package of workplace reforms** for more than 20 years, saw the maximum fine for employers mistreating their workers quadrupled, to £20,000. The rules will come into force in April (The Telegraph. 2019.04.16).* / В то время бизнес-секретарь Грег Кларк сказал, что законодательная инициатива была весьма кстати, поскольку «мир труда меняется, открывая новые возможности для процветания инновационных предприятий и новых бизнес-моделей, создавая рабочие места по всей стране и стимулируя нашу экономику». В законах, которые были объявлены в конце прошлого года и были названы самым большим пакетом реформ в области трудового законодательства за более чем 20 лет, максимальный штраф для работодателей, которые плохо обращались со своими работниками, увеличился в четыре раза — до 20 000 фунтов стерлингов. Правила вступят в силу в апреле.

В приведенном ниже примере гиг-экономика представлена в рамках дихотомии «свет — тьма», где маленькие победы в области защиты прав работников гиг-экономики представлены метафорой «света», а сама экономика репрезентируется посредством метафоры «тьмы». Познание явлений, связанных с бытием человека, человеческими ценностями, через призму природных явлений является отличительной чертой романтического мировосприятия [Новикова 2002]. Автор еще больше романтизирует ситуацию, используя развернутую метафору (*as they can be seen from a long way off*), антитезу (*tiny victories — gig economy*), аллитерацию (*victimised — organize*):

– *But small points of light in the darkness still matter, as they can be seen from a long way off. Even tiny victories can help to convince gig economy workers that they don't have to sit*

back and take it, that the risk of being victimised if they organise should now at least be weighed up against the risk of being exploited if they don't, that they aren't as powerless as they think (The Telegraph. 2019.04.16). / Но маленькие огоньки света в темноте имеют значение, поскольку они могут быть видны издалека. Даже крошечные победы могут помочь убедить работников гиг-экономики в том, что им не нужно сидеть сложа руки и всё терпеть, что риск стать жертвами, если они объединят усилия, теперь, по крайней мере, должен быть сопоставлен с риском эксплуатации, если они этого не сделают.

Анализ материалов политического медиадискурса, посвященного проблемам гиг-экономики, позволил выделить фрейм «экономический рост», в рамках которого происходит ассоциативно-смысловое развертывание медиаконцепта «гиг-экономика» в условиях дискурсивной актуализации. Образ динамичной, быстрорастущей экономики реализуется благодаря использованию метафор, основанных на акциональных глаголах, эпитетах и фразеологизмах. В рамках фрейма «институциональный порядок» медиаконцепт не только наращивает свой признаковый объем, но и актуализирует негативные ценностные установки, нарушая практически все принципы правильно устроенной экономической системы. В создании негативного образа гиг-экономики, подчеркивая ее нестабильный характер, принимают участие тропеические цветоименования, метафоры, сравнения. Однако, когда речь заходит о сочетании интернационализации норм новой экономической модели с мерами принуждения к их соблюдению, концепт «гиг-экономика» дискурсивно расширяется за счет ассоциаций с деятельностью политиков, направленной на защиту прав работников, и приобретает положительные значения. Регулятивность дискурса, формирующегося посредством медиаконцепта «гиг-экономика», заключается в создании определенного алгоритма действий в ситуации, требующей создания законодательных условий для более гибкой занятости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габарта А. А. Социально-экономическая модель стран Центральной Европы // Современная Европа. 2017. № 7. С. 104—113.
2. Казаков А. А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок [Электронный ресурс] // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Социология. Политология. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freyming-media-tekstov-kak-instrument-vozdeystviya-na-auditoriyu-obzor-rasprostranennyh-traktovok> (дата обращения: 01.10.2019).
3. Крапивник Е. В. Аспекты систематизации прилагательных-цветонаименований русского языка [Электронный ре-

сурс] : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2013. URL: <https://www.disserscat.com/content/aspecty-sistemizatsii-prilagatelnykh-tsvetonaimenovaniy-russkogo-yazyka> (дата обращения: 07.09.2019).

4. Лapidус Л. В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией. — М.: ИНФРА-М, 2018.

5. Кушнерук С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование. Опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации. — М.: Флинта, 2019. 264 с.

6. Новикова В. П. Метафорические модели смыслообразования поэзии романтизма : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2002.

7. Ровинская Т. Л. Роль СМИ в деятельности «зеленых» партий (опыт США и ФРГ) // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 12, Политические науки. 2002. № 6.

8. Шабес В. Я. Событие и текст. — М., 1989. 176 с.

9. The Daily Telegraph (ежедневная британская газета) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/> (дата обращения: 07.09.2019).

10. Gregory P., Stuart R. Comparative Economic Systems. — Boston, 1995.

11. The Independent (британское интернет-издание) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/> (дата обращения: 07.09.2019).

12. The Economist (англоязычный еженедельный журнал) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/> (дата обращения: 07.09.2019).

13. The Guardian (ежедневная британская газета) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 5.09.2019).

14. Hall P. A., Soskice D. Varieties of Capitalism. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2001. 540 p.

15. North D. Understanding the Process of Economic Change. — Princeton : Princeton Univ. Pr., 2005.

16. Sustainable development in the European Union [Electronic resource]. 2017. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/4031688/8461538/KS-01-17-796-EN-N.pdf/f9c4e3f9-57eb-4f02-ab7a-42a7ebcf0748> (date of access: 07.08.2019).

V. P. Novikova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-1004-8097

E. V. Chelpanova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-4088-7836

 E-mail: veranovik@mail.ru; chelpanovaev@cspu.ru.

Media Concept «Gig economy» on the Political Arena

ABSTRACT. *The interest of the government and politicians in the issues of transformation of socio-economic systems under the influence of digital technologies is so great that the problems of gig economy are becoming the most important agenda not only in mass media but also in political discourse. Particular attention is being paid to the regulation of the open labor market and the creation of conditions for the development of new types of part time and non-standard employment as a key feature of gig economy. The article analyzes the material devoted to the issues of gig economy in the British media in the period from January 2017 to August 2019. The aim of this article is to establish the actual modifications which the content of the concept of gig economy undergoes in the media discourse. On the basis of the analysis of 270 articles, two leading frames have been distinguished – “growth” and “institutional order”, within the framework of which the associative-semantic development of the media concept “gig economy” takes place in the texts of the British media. Within the framework “economic growth”, an image of a dynamic, fast-growing economy is created in the media through the use of metaphors based on action verbs, epithets and phraseological units. The article argues that within the “institutional order” frame, the media concept “gig economy” does not only increase its characteristic volume but also actualizes negative value attitudes violating almost all principles of a well-organized economic system in the sense that the American economist Douglas North put into this concept. Tropeic color names, metaphors and similes contribute to the creation of a negative image of gig economy emphasizing its unstable nature. The regulatory function of the discourse formed with the help of the media concept “gig economy” aims to establish a certain algorithm of action in a situation requiring the creation of legislative conditions for more flexible employment.*

KEYWORDS: *cognitive linguistics; metaphorical models; metaphorical modeling; media concepts; political discourse; political metaphorology; framing; socio-economic models; mass media; media linguistics; media texts; media discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Novikova Vera Pavlovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and Methods of Teaching English, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Chelpanova Elena Vadimirovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of English and Methods of Teaching English, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.*

FOR CITATION: *Novikova, V. P. Media Concept «Gig economy» on the Political Arena / V. P. Novikova, E. V. Chelpanova // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 88-96. — DOI 10.26170/pl19-05-09.*

ACKNOWLEDGMENTS. *This work was financially supported by the Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseev within the framework of the research work “Social Institutions and Processes: a cognitive-discursive aspect (based on English)”.*

REFERENCES

1. Gabarta A. A. Socio-economic Model of the Countries of Central Europe // *Modern Europe*. 2017. No. 7. P. 104—113. [Sotsial'no-ekonomicheskaya model' stran Tsentral'noy Evropy // *Sovremennaya Evropa*. 2017. № 7. S. 104—113]. — (In Rus.)
2. Kazakov A. A. Framing of Media Texts as an Instrument of Influencing the Audience: a Review of Common Interpretations [Electronic resource] // *Proceedings of Saratov Univ. New ser. Ser. : Sociology. Political science*. 2014. No. 4. [Freyming media-tekstov kak instrument vozdeystviya na auditoriyu: obzor rasprostranennykh traktovok // *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya*. 2014. № 4]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freyming-media-tekstov-kak-instrument-vozdeystviya-na-auditoriyu-obzor-rasprostranennykh-traktovok> (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)
3. Krapivnik E. V. Aspects of the Systematization of Adjectives-color Names of the Russian Language [Electronic resource] : thesis. ... of Cand. of Philol. Sciences. — Moscow, 2013. [Aspekty sistematzatsii prilagatel'nykh-tsvetonaimenovaniy russkogo yazyka [Elektronnyy resurs] : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2013]. URL: <https://www.dissercat.com/content/aspecty-sistematzatsii-prilagatelnykh-tsvetonaimenovaniy-russkogo-yazyka> (date of access: 07.09.2019). — (In Rus.)
4. Lapidus L. V. Digital Economy: Management of Electronic Business and Electronic Commerce. — Moscow : INFRA-M, 2018. [Tsifrovaya ekonomika: upravlenie elektronnyim biznesom i elektronnoy kommertsiey. — M. : INFRA-M, 2018]. — (In Rus.)
5. Kushneruk S. L. Cognitive-discursive World-modeling. Experience in a Comparative Study of Advertising Communication. — Moscow : Flinta, 2019. 264 p. [Kognitivno-diskursivnoe miromodelirovanie. Opyt sopostavitel'nogo issledovaniya reklamnoy kommunikatsii. — M. : Flinta, 2019. 264 s.]. — (In Rus.)
6. Novikova V. P. Metaphorical Models of Semantic Formation of Romanticism Poetry : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Chelyabinsk, 2002. [Metaforicheskie modeli smyslo-obrazovaniya poezii romantizma : dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2002]. — (In Rus.)
7. Rovinskaya T. L. The Role of the Media in the Activities of “Green” Parties (Experience of the USA and Germany) // *Proceedings of Moscow Univ. Ser. 12, Political Sciences*. 2002. No. 6. [Rol' SMI v deyatel'nosti «zelenykh» partiy (opyt SSHA i FRG) // *Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 12, Politicheskie nauki*. 2002. № 6]. — (In Rus.)
8. Shabes V. Ya. Event and Text. — Moscow, 1989. 176 p. [Sobytie i tekst. — M., 1989. 176 s.]. — (In Rus.)
9. The Daily Telegraph (British daily newspaper) [Electronic resource]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/> (date of access: 07.09.2019).
10. Gregory P., Stuart R. Comparative Economic Systems. — Boston, 1995.
11. The Independent (British online publication) [Electronic resource]. URL: <https://www.independent.co.uk/> (date of access: 07.09.2019).
12. The Economist (English-language weekly magazine) [Electronic resource]. URL: <https://www.economist.com/> (date of access: 07.09.2019).
13. The Guardian (daily British newspaper) [Electronic resource]. URL: <http://www.theguardian.com/international> (date of access: 5.09.2019).
14. Hall P. A., Soskice D. Varieties of Capitalism. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2001. 540 p.
15. North D. Understanding the Process of Economic Change. — Princeton : Princeton Univ. Pr., 2005.
16. Sustainable development in the European Union [Electronic resource]. 2017. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/4031688/8461538/KS-01-17-796-EN-N.pdf/f9c4e3f9-57eb-4f02-ab7a-42a7ebcf0748> (date of access: 07.08.2019).

А. В. ПетроваУральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2784-0723 **М. В. Петров**средняя общеобразовательная школа «Творчество», Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-6513-8858 **E-mail:** 2188921@mail.ru; maxthestudent@yandex.ru.**Комплексная методика анализа метафоры в карикатурах как креолизованных текстах политической агитации**

АННОТАЦИЯ. В данной статье предпринята попытка комплексного анализа карикатуры как креолизованного текста политической агитации, что позволяет проанализировать структуру и содержание креолизованного текста, а также прагматический потенциал политической карикатуры. В начале статьи автор рассматривает такие понятия, как «креолизованный текст», «метафора», «когнитивный сценарий». Затем автор переходит собственно к описанию методики, согласно которой первоначально устанавливается тип креолизованного текста, после чего проводится дефиниционный анализ вербальной составляющей, выявляются типы стилистических языковых средств, участвующих в метафоризации, их интерпретации и функции, устанавливаются прецедентные связи, определяется функциональный потенциал синтеза языковых и невербальных составляющих политической карикатуры. Затем производится типологизация сцен когнитивных сценариев на основании совокупности элементов плана выражения и плана содержания (формальных и семантических единиц). В качестве примера анализа по вышеуказанной методике автор приводит сцену «Агрессия» когнитивных сценариев «ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 2016 г. В США» и «ДОСРОЧНЫЕ ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2017 г. В ВЕЛИКОБРИТАНИИ». В заключении статьи автор делает вывод об универсальности данной методики, так как ее область применения может включать многие другие виды креолизованных текстов, например рекламу, комиксы, мемы, демотиваторы. Данная методика позволяет с опорой на языковые и концептуальные особенности креолизованных текстов построить единую когнитивно-семантическую модель, отражающую отношения элементов креолизованного текста, выявить и проанализировать прагматический потенциал вербального и невербального компонента, определить наиболее частотные единицы языкового и иконического плана, которые несут на себе значительную функциональную нагрузку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: креолизованные тексты; политическая карикатура; когнитивная лингвистика; когнитивные метафоры; политический дискурс; политические деятели; избирательные кампании; английский язык; политическая метафорология; метафорические модели; метафорическое моделирование; дискурс-анализ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Петрова Анастасия Валерьевна, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет, 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45, к. 454; e-mail: 2188921@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Петров Максим Вадимович, учитель английского языка, частное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа „Творчество“»; 620041, Россия, г. Екатеринбург, ул. Пионеров, 3А; e-mail: maxthestudent@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Петрова, А. В. Комплексная методика анализа метафоры в карикатурах как креолизованных текстах политической агитации / А. В. Петрова, М. В. Петров // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 97-104. — DOI 10.26170/pl19-05-10.

В настоящее время в политической лингвистике всё больше внимания уделяется креолизованным текстам. Для нашей работы особый интерес представляет рассмотрение данных объектов как текстов, смысл которых создается совокупностью различных знаковых систем, например, с помощью слова и изображения и пр. [Тарасов 1990; Анисимова 2003]. Несмотря на существование многочисленных определений термина «креолизованный текст», мы считаем возможным выделить ключевые характеристики, объединяющие данные дефиниции: а) обязательное присутствие неоднородных/негомо-

генных частей — вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, отличным от естественного языка; б) возможность одновременности восприятия изобразительных и вербальных знаков (в отличие от видеовербальных текстов, где «печатно зафиксированный словесный компонент сопровождается статистическим видеорядом») [Пойманова 1997]. Рассматривая вопрос об анализе креолизованных текстов, необходимо отметить, что в настоящее время подходы к описанию семантики изображения недостаточно разработаны. Одна из трудностей,

возникающих при работе с креолизированным текстом, заключается в сложности адекватной интерпретации данного объекта изучения из-за одностороннего подхода к его анализу (учитываются исключительно вербальные или изобразительные элементы). В нашей работе мы придерживаемся подхода А. Н. Баранова, который утверждает, что при анализе креолизированного текста необходимо исходить из принципа цельности смысла, создаваемого вербальным и невербальным (иконическим) компонентами текста, находящимися в отношениях семантической взаимозависимости [Баранов 2011: 45]. «Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический тексты обеспечивают целостность и связность семиотического текста, его коммуникативный эффект, поскольку сочетание разнокодовых сообщений дополняют и поясняют друг друга» [Эко 1998].

Применение и ценность анализа креолизованных текстов огромна [O'Halloran 2010: 8], так как «мультимодальная коммуникация является центральным компонентом в жизни индивида» [Unsworth 2008], а сущность «природы мультимодальности» заключается в «соединении абстрактного и материального» [Lemke 1998: 283—301].

Также ключевым понятием для нашего исследования выступает метафора, которая ввиду своих функций (апеллятивная, индикативная, мнемоническая, текстообразующая, жанрообразующая, экспрессивная, информативная, интеграционная, эстетическая, эмоционально-оценочная и др. [Агеев 2002]) является неотъемлемой частью креолизированного текста политического дискурса [Елина 2009]. С учетом многокомпонентной структуры креолизированного текста и метафоры нами была разработана и апробирована методика анализа креолизированного текста через описание когнитивных сценариев. Данный термин был введен в обиход Н. Н. Болдыревым, который определяет «сценарий, или скрипты» как динамически представленный фрейм, разворачиваемый во времени, определенную последовательность этапов, эпизодов (например, отдельные эпизоды внутри фрейма «Театр»: посещение театра, покупка билетов и т. д.) [Болдырев 2001]. Особый интерес вызывает определение А. М. Плотниковой, которая трактует когнитивный сценарий как «абстрактную ментальную структуру, представляющую собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как типового (повторяющегося) динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и предполагающего набор участников с закрепленными социальными ролями» [Плотнико-

ва 2008: 74]. Благодаря анализу когнитивных сценариев представляется возможным декодировать смыслы, непосредственно относящиеся к активному участнику ситуации и его видению происходящего, а также воспроизвести некие элементы реальной действительности.

В ходе анализа нашего материала (американские и британские политические карикатуры предвыборного периода 2016—2017 гг.) нами была разработана пошаговая комплексная методика анализа метафоры в креолизированном тексте, которая позволяет комплексно проанализировать структуру и содержание креолизированного текста, а также прагматический потенциал политической карикатуры.

Шаг 1. Установление типа креолизированного текста (текст с полной креолизацией, текст с частичной креолизацией).

Шаг 2. Дефиниционный анализ вербальной составляющей. Данный вид анализа осуществляется на базе монолингвальных словарей американского и британского вариантов английского языка с целью выявления метафорических значений.

Шаг 3. Выявление типа стилистических языковых средств, участвующих в метафоризации, их интерпретации и функции.

Шаг 4. Установление прецедентных связей (наличие прецедентных феноменов, ситуаций), т. е. отнесение неязыковой составляющей к денотату реальности. На данном этапе необходимо проанализировать апелляции к выявленным прецедентным феноменам через обращение к различным реферативным источникам, СМИ, литературе и т. д. Вслед за Е. В. Шустровой при классификации прецедентных феноменов мы выделяем прецедентные имена, высказывания, тексты, ситуации [Шустрова 2014: 77].

Шаг 5. Определение функционального потенциала синтеза языковых и невербальных составляющих политической карикатуры. В ходе данного этапа мы опирались на работы отечественных и зарубежных лингвистов по изучению прагматического потенциала креолизированных текстов, в частности политических карикатур.

Шаг 6. Типологизация сцен когнитивных сценариев на основании совокупности элементов плана выражения и плана содержания (формальных и семантических единиц).

Шаг 7. Сравнительный анализ сцен, участниками которых выступали Х. Клинтон, Д. Трамп, Б. Сандерс (в рамках когнитивного сценария «ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 2016 г. В США») и Т. Мэй, Дж. Сандерс (в рамках когнитивного сценария «ДОСРОЧНЫЕ ПАРЛАМЕНТСКИЕ

ВЫБОРЫ 2017 г. В ВЕЛИКОБРИТАНИИ»). Параметрами для сопоставления выступали сходства и различия вербального и иконического компонентов, функций, семантической нагрузки.

Шаг 8. Статистическая обработка данных. Здесь выявляется частотность использования вербальных средств выражения, а также элементов неязыковой составляющей.

В зависимости от типа креолизованного текста (частичная или полная креолизация) порядок шагов вышеуказанной методики может варьироваться с учетом преобладающей роли компонента политической карикатуры.

В качестве примера анализа по вышеуказанной методике можно привести сцену «АГРЕССИЯ» когнитивных сценариев «ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 2016 г. В США» и «ДОСРОЧНЫЕ ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2017 г. В ВЕЛИКОБРИТАНИИ».

Частота и распространенность элементов деструктивного поведения в исследуемом материале обусловили выделение следующих карикатур в отдельную сцену.

Приведенный ниже пример (рис. 1, табл. 1) свидетельствует о наличии у центрального субъекта (Д. Трампа) экспрессивной агрессии, основными проявлениями которой являются такие невербальные средства, как положение частей тела (отклоненное назад туловище, широкая стойка ног, поднятая вверх голова), активная жестикуляция (угроза пальцем), мимика (сдвинутые вниз лобные мышцы, расширенные ноздри, незначительное покраснение лица) — из чего можно сделать заключение о присутствии озлобленности у субъекта-агрессора Д. Трампа. Также необходимо отметить наличие «клас-

сического» паттерна поведения — перехода экспрессивной агрессии в вербальную (словесную деструктивную реакцию). Так, в иконическом и вербальном компонентах демонстрируется использование следующих тропов и стилистических средств: а) образ публичного выступления (символ кафедры с эмблемой избирательной кампании 2016 г.); б) антитеза — противопоставление США (центральный субъект карикатуры — кандидат на пост президента Д. Трамп) Северной Корее (фото лидера страны Ким Чен Ына в статье на передовице); в) оппозиция личных местоимений *they* — *we* (они — мы) в совокупности с цветовым выделением как шрифтовым графическим средством; г) параллелизм в сочетании с повтором *bring a crazy-haired buffoon with H-bombs* (выдвинуть шута с сумасшедшей прической и водородными бомбами); д) множественная аллюзия — через использование лексем *crazy-haired* (с сумасшедшей прической) и *buffoon* (шут, фигляр) создается отсылка на Ким Чен Ына, который, сделав специфическую стрижку себе, потребовал, чтобы всё мужское население последовало его примеру. С помощью лексем *H-bomb* (водородная бомба) автор апеллирует к проводимым в Северной Корее испытаниям вышеуказанного ядерного оружия. Очевидно, что вышеупомянутая аллюзия работает и в обратную сторону (фирменная прическа и образ Д. Трампа как клоуна); е) эмфатическое использование наречия *even* в словосочетании *even more* (ещё/даже больше) для усиления эмоциональности сказанного; ж) использование трех восклицательных знаков в конце предложения прямой речи как типичный прием транспарантно-агитационного дискурса (обилие пунктуационных знаков).

Рис. 1

Табл. 1. Приемы вербального и иконического компонента

Вербальный компонент	Иконический компонент
<ul style="list-style-type: none"> ● антитеза: оппозиция личных местоимений <i>they — we</i> (они — мы) в совокупности с цветовым выделением как шрифтовым графическим средством; ● параллелизм в сочетании с повтором <i>bring a crazy-haired buffoon with H- bombs</i>; ● множественная аллюзия с помощью лексем <i>crazy-haired, buffoon</i> на Ким Чен Ына и Д. Трампа, лексемы <i>H-bomb</i> на Северную Корею; ● эмфатическое использование наречия <i>even</i> в словосочетании <i>even more</i>; ● использование трех восклицательных знаков в конце предложения прямой речи. 	<ul style="list-style-type: none"> ● образ публичного выступления (символ кафедры с эмблемой избирательной кампании 2016 г.); ● антитеза — противопоставление США (центральный субъект карикатуры — кандидат на пост Президента Д. Трамп) Северной Корее (фото лидера страны Ким Чен Ына на передовой статье); ● специфические невербальные средства, характерные для доминирующего, враждебного образа-агрессора: положение частей тела, активная жестикуляция, мимика.

Необходимо отметить, что одной из наиболее популярных областей, где находит свой выход агрессия, является спорт, прежде всего командные виды спорта.

В нижеприведенной карикатуре (рис. 2, табл. 2) посредством иконического компонента (защитное снаряжение представлено в виде специального каркаса, цветовая схема которого дублирует флаг США) воспроизведен образ американского футбола, где нападающим выступает кандидат-республиканец Д. Трамп. Данный вид спорта характеризуется интенсивной нагрузкой и высокой травматичностью, из чего можно сделать заключение о наличии у игроков американского футбола таких личностных особенностей, как доминантность и конфликтность, что прослеживается на иконическом уровне (положение частей тела — наклоненное вперед туловище, поднятая вверх голова; мимика — сдвинутые вниз лобные мышцы, расширенные ноздри, покраснение лица вследствие повышения артериального давления, суженные зрачки, общее мышечное напряжение, несимметричное строение нижней челюсти) [Lakoff 1987: 69—93].

Для адекватной интерпретации данной карикатуры особую важность приобретает вербальный компонент, в котором зафиксирована одна из цитат лозунга предвыборной кампании Д. Трампа *make America great*

again («Вернуть величие Америке / сделать Америку вновь великой») и ее видоизмененный вариант *making Americans hate again and again* («Заставляя американцев ненавидеть снова и снова»), где применяется корректурный способ (зачеркивание и дописывание) с целью демонстрации авторской языковой игры и истинных мотивов субъекта карикатуры.

Таким образом, используется синтаксический комплекс сложного дополнения *Americans hate* и многозначность лексемы *make*, которая, согласно словарю Мэрриам — Уэбстера, имеет одно из значений «заставлять кого-либо» (в данном случае американцев), «побуждать к какому-либо действию» (ненависти). Лексический повтор наречия *again* (снова, вновь) выполняет эмфатическую функцию, тем самым подчеркивая многократность негативных эмоциональных выплесков со стороны американцев. Замена инфинитива *make* на причастие настоящего времени *making* указывает на временную протяженность данного действия, а использование существительного *Americans* для обозначения граждан государства демонстрирует образ «Государство есть его народ». Ассонанс упомянутого лозунга (повторение дифтонга /eɪ/ на протяжении всей фразы) сохраняется и в его модифицированной форме, реализуя эмоционально-экспрессивную функцию.

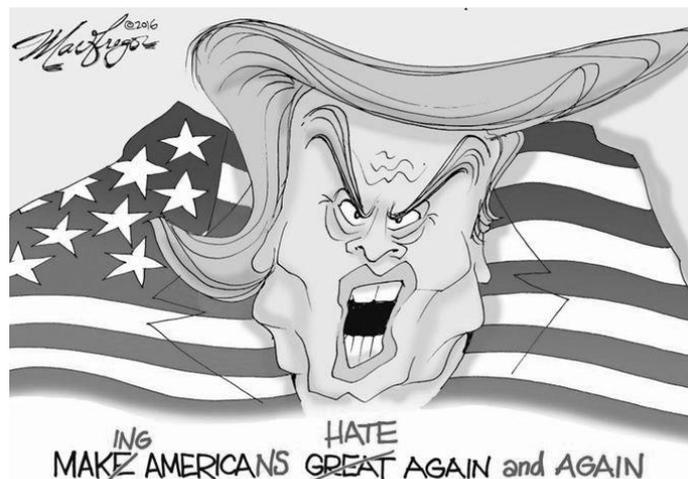

Рис. 2

Таблица 2. Приемы вербального и иконического компонента

Вербальный компонент	Иконический компонент
<ul style="list-style-type: none"> • прием цитирования: <i>make America great again</i>; • прием языковой игры через корректурный способ (зачеркивание и дописывание): <i>making Americans hate again and again</i>; • лексический повтор наречия <i>again</i>, выполняющий эмфатическую функцию; • замена инфинитива <i>make</i> на причастие настоящего времени <i>making</i>, указывающая на временную протяженность данного действия; • использование существительного <i>Americans</i> для обозначения всех граждан государства, демонстрирующее образ «Государство есть его народ»; • ассонанс (повторение дифтонга /ei/ на протяжении всей фразы) для реализации эмоционально-экспрессивной функции. 	<ul style="list-style-type: none"> • образ нападающего в американском футболе (защитное снаряжение, характерная цветовая схема); • невербальная агрессия субъекта карикатуры (положение частей тела, мимика, общее мышечное напряжение).

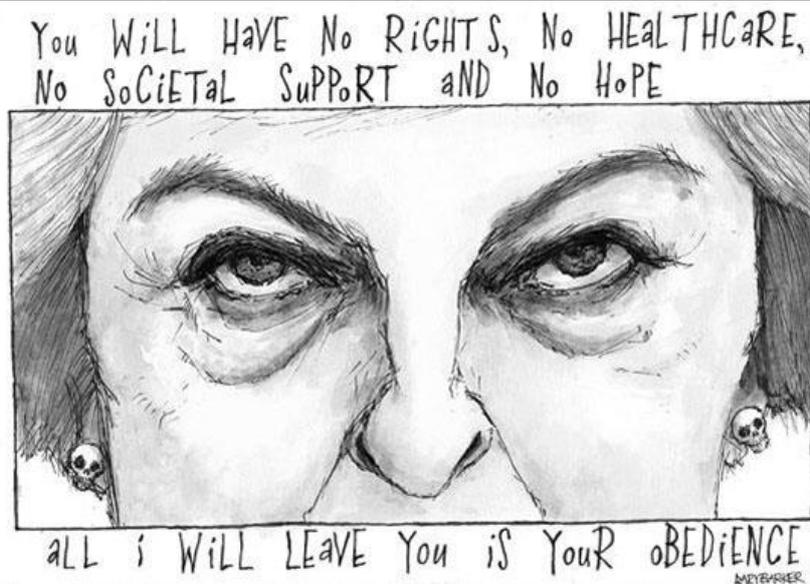

Рис. 3

Таблица 3. Приемы вербального и иконического компонента

Вербальный компонент	Иконический компонент
<ul style="list-style-type: none"> • акцентирование глагола <i>will</i>; • лексический повтор отрицательного местоимения <i>no</i>; • эмфатическая конструкция <i>all I leave you is your obedience</i>, где центром коммуникативного динамизма становится лексема <i>obedience</i>. 	<ul style="list-style-type: none"> • характерная мимика (сдвинутые вниз лобные мышцы, расширенные ноздри, незначительное покраснение лица), наличие специфических аксессуаров (серьги в виде черепа) с символикой смерти.

Рис. 4

Следующая карикатура (рис. 3, табл. 3) изображает наличие у центрального субъекта (Т. Мэй) «мимической экспрессии гнева», о чем свидетельствует характерное «опущение и сведение бровей», «динамические морщины» в области глаз; также дополнительную информативную нагрузку в иконическом компоненте вносят специфические аксессуары (ушные серьги в виде черепа) с символикой смерти, из чего можно сделать вывод о присутствии озлобленности у субъекта-агрессора Т. Мэй [Ильин 2008]. Также необходимо отметить наличие «классического» паттерна поведения — перехода экспрессивной агрессии в вербальную (словесную деструктивную реакцию). Так, в вербальном компоненте демонстрируется использование следующих тропов, стилистических фигур и средств выразительности: акцентирование глагола *will*, говорящее о его модальном значении обещания, лексический повтор отрицательного местоимения *no*, эмфатическая конструкция *all I leave you is your obedience*, где центром коммуникативного динамизма становится лексема *obedience*.

На примере следующей карикатуры (рис. 4, табл. 4) мы можем наблюдать синтез вербального и иконического компонентов. На вербальном уровне используется прием цитирования: приводится главный слоган предвыборной кампании Д. Трампа «*Make America great again*» («Вернуть величие Америке / сделать Америку вновь великой») и ее видоизмененный вариант *make Britain great again* («Сделать Великобританию

вновь великой») — указанная трансформация предназначена для демонстрации авторской языковой игры и проамериканской политической ориентированности самой Т. Мэй. Так, в предикативном комплексе с адъективным компонентом *Britain great* представляет особый интерес лексема *great*, которая является описательной частью топонима Великобритании и имеет значение «великий», «могущественный», что позволяет вновь активировать первоначальное значение лексемы *great*. Лексема *make* также заслуживает внимания, так как, согласно Оксфордскому словарю, имеет не только значение «создавать, делать» (вернуть величие Великобритании), но и «заставить, вынудить», что (в совокупности с повелительным наклонением) отсылает нас к агрессивному характеру проводимых Т. Мэй мер и враждебному настрою самой личности премьер-министра. Ассонанс упомянутого лозунга (повторение дифтонга /eɪ/ на протяжении всей фразы) сохраняется и в его модифицированной форме, реализуя эмоционально-экспрессивную функцию. Также автором используется прием маркирования (на заднем плане изображена глухая кирпичная стена, оборудованная табличкой с надписью *UK border*, что является отсылкой к прецедентной ситуации, связанной с антимиграционной политикой, проводимой Т. Мэй). На иконическом уровне также наблюдается внешнее сходство с президентом США Д. Трампом (определенный фенотип, стиль прически, цвет волос, цвет кожи, разрез глаз).

Таблица 4. Приемы вербального и иконического компонента

Вербальный компонент	Иконический компонент
<ul style="list-style-type: none"> ● прием цитирования главного слогана предвыборной кампании Д. Трампа «<i>Make America great again</i>» («Вернуть величие Америке / сделать Америку вновь великой») и ее видоизмененного варианта <i>make Britain great again</i> («Сделать Британию вновь великой/Великой»); ● языковая игра; ● предикативный комплекс с адъективным компонентом <i>Britain great</i>; ● лексема <i>great</i> как описательная часть топонима Великобритании; ● ассонанс упомянутого лозунга (повторение дифтонга /eɪ/ на протяжении всей фразы) сохраняется и в его модифицированной форме, реализует эмоционально-экспрессивную функцию; ● прием маркирования <i>UK border</i>; ● прецедентная ситуация, связанная с антимиграционной политикой, проводимой Т. Мэй. 	<ul style="list-style-type: none"> ● На иконическом уровне также наблюдается внешнее сходство с президентом США Д. Трампом (определенный фенотип, стиль причёски, цвет волос, цвет кожи, разрез глаз).

Данная методика, опирающаяся на языковые и концептуальные особенности креолизованных текстов, позволяет построить единую когнитивно-семантическую модель с ее инфраструктурой, выявить и проанализировать прагматический потенциал вербального и невербального компонента, определить наиболее частотные единицы языкового и иконического плана, которые несут на себе значительную функциональную нагрузку. К тому же следует отметить универсальный характер настоящей методики, так как ее область применения может охватывать такие виды креолизованных текстов, как реклама, комиксы, мемы, демотиваторы и многие другие.

ИСТОЧНИКИ

1. <https://www.cartoonmovement.com/cartoon> (дата обращения: 15.07.2019).
2. <http://www.politicalcartoonsdonaldtrump.com> (дата обращения: 23.07.2019).
3. <https://www.townhall.com/political-cartoons> (дата обращения: 22.07.2019).
4. <https://www.usnews.com/cartoons> (дата обращения: 14.07.2019).

ЛИТЕРАТУРА

5. Агеев С. В. Метафора как фактор прагматики речевого общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2002.

A. V. Petrova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-2784-0723

M. V. Petrov

Private Educational Establishment General Secondary School “Tvorchestvo”, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6513-8858

 E-mail: 2188921@mail.ru; maxthestudent@yandex.ru.

6. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. — М. : Academia, 2003. 128 с.

7. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. — М. : Флинта : Наука, 2011. 134 с.

8. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по англ. филологии. — Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 383—386.

9. Елина Е. А. Семиотика рекламы. — М. : Дашков и Ко, 2009. 136 с.

10. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. 2-изд. — СПб., 2008. 783 с.

11. Плотникова А. М. Когнитивные сценарии глаголов поведения. — Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 383—386.

12. Пойманова О. В. Семантическое пространство видеотекста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1997.

13. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. — М. : Наука, 1990. С. 180—186.

14. Шустрова Е. В. Методики анализа графических метафор // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 77.

15. Эко У. Отсутствующая структура. — СПб. : Петрополис, 1998. 210 с.

16. Lakoff G. The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought. — Cambridge, 1987. P. 69—93.

17. Lemke J. L. Travels in hypermodality. Visual Communication. 2002. 1 (3). P. 299—325.

18. O'Halloran K. L., Tan S., Smith B. A., Podlasov A. Challenges in designing digital interfaces for the study of multimodal phenomena // Information Design Journ. 2010. No 18 (1). P. 2—12.

19. Unsworth L. Multimodal semiotics: Functional analysis in contexts of education. — London ; New York : Continuum, 2008. 397 p.

A Complex Method of Analysis of Metaphors in Cartoon as a Creolized Text of Political Propaganda

ABSTRACT. *This article attempts to conduct a complex analysis of political cartoon as a type of creolized text of political propaganda, which allows revealing the structure and content of a creolized text and the pragmatic potential of political cartoon. In the introduction, the author considers such notions as “creolized text”, “metaphor”, and “cognitive scenario”. In the main part, the author describes the methodology, which specifies the type of a creolized text in the first place. After that the author conducts a definitional analysis of the verbal component, identifies the types of stylistic means used in metaphorization and interprets their functions and precedent connections; in addition, the author specifies the functional potential of the synthesis of verbal and non-verbal components in a political cartoon. Then the author presents a typology of cognitive scenario scenes based on the unity of the planes of content and expression (formal and semantic units). To illustrate the above-mentioned methodology the author examines the AGGRESSION scene of the cognitive scenarios THE 2016 PRESIDENTIAL ELECTION CAMPAIGN IN THE US and THE 2017 GENERAL ELECTION IN THE UK. In the final part of the article, the contributor draws a conclusion about the universal nature of the above-mentioned methodology due to the fact that the sphere of its application may include many other creolized texts such as advertisements, comics, memes, demotivators and many others. Based on verbal and conceptual features of creolized texts, this method enables one to build an integrated cognitive-semantic model reflecting the relationships between the elements of a creolized text, to reveal and analyze the pragmatic potential of verbal and non-verbal components and to distinguish the most frequently used linguistic and iconic units which carry a significant functional load.*

KEYWORDS: *creolized texts; political cartoon; cognitive linguistics; cognitive metaphors; political discourse; politicians; election campaign; English; political metaphorology; metaphorical models; metaphorical modeling; discourse analysis.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Petrova Anastasiya Valer'evna, Senior Lecturer of Department of Business Foreign Language, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Petrov Maksim Vadimovich, English Teacher of Private Educational Establishment General Secondary School “Tvorchestvo”, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Petrova, A. V. A Complex Method of Analysis of Metaphors in Cartoon as a Creolized Text of Political Propaganda / A. V. Petrova, M. V. Petrov // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 97-104. — DOI 10.26170/pl19-05-10.*

MATERIALS

1. <https://www.cartoonmovement.com/cartoon> (date of access: 15.07.2019).
2. <http://www.politicalcartoonsdonaldtrump.com> (date of access: 23.07.2019).
3. <https://www.townhall.com/political-cartoons> (date of access: 22.07.2019).
4. <https://www.usnews.com/cartoons> (date of access: 14.07.2019).

REFERENCES

5. Ageev S. V. Metaphor as a Factor in the Pragmatics of Verbal Communication : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — St. Petersburg, 2002. [Metafora kak faktor pragmatiki rechevogo obshcheniya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Spb., 2002]. — (In Rus.)
6. Anisimova E. E. Linguistics of the Text and Intercultural Communication (based on creolized texts) : teaching aid for students of departments of foreign lang. in universities. — Moscow : Academia, 2003. 128 p. [Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) : ucheb. posobie dlya stud. fak. inostr. yaz. vuzov. — M. : Academia, 2003. 128 s.]. — (In Rus.)
7. Baranov A. N. Linguistic Examination of the Text: Theory and Practice. — Moscow : Flinta : Science, 2011. 134 p. [Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika. — M. : Flinta : Nauka, 2011. 134 s.]. — (In Rus.)
8. Boldyrev N. N. Cognitive Semantics: a Course of Lectures in English Philology. — Tambov : TSU, 2001. 123 p. [Kognitivnaya semantika : kurs lektsiy po angl. filologii. — Tambov : TGU, 2001. 123 s.]. — (In Rus.)
9. Elina E. A. Semiotics of Advertising. — Moscow : Dashkov and Co., 2009. 136 p. [Semiotika reklamy. — M. : Dashkov i Ko, 2009. 136 s.]. — (In Rus.)
10. Il'in E. P. Emotions and Feelings. 2nd ed. — St. Petersburg, 2008. 783 p. [Emotsii i chuvstva. 2-izd. — SPb., 2008. 783 s.]. — (In Rus.)
11. Plotnikova A. M. Cognitive Scripts of Verbs of Behavior. — Tambov : TSU named after G. R. Derzhavin, 2005. P. 383—386. [Kognitivnye stsenarii glagolov povedeniya. — Tambov : TGU im. G. R. Derzhavina, 2005. S. 383—386]. — (In Rus.)
12. Poymanova O. V. Semantic Space of Video Verbal Text : synopsis of thesis ... of cand. of Philol. Sciences. — Moscow, 1997. [Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 1997]. — (In Rus.)
13. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Creolized Texts and Their Communicative Function // Optimization of Speech Exposure. — Moscow : Nauka, 1990. P. 180—186. [Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya. — M. : Nauka, 1990. S. 180—186]. — (In Rus.)
14. Shustrova E. V. Methods for the Analysis of Graphic Metaphors // Pedagogical Education in Russia. 2014. No. 6. P. 77. [Metodiki analiza graficheskikh metafor // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014. № 6. S. 77]. — (In Rus.)
15. Eko U. Missing Structure. — St. Petersburg : Petropolis, 1998. 210 p. [Otsutstvuyushchaya struktura. — SPb. : Petropolis, 1998. 210 s.]. — (In Rus.)
16. Lakoff G. The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought. — Cambridge, 1987. P. 69—93.
17. Lemke J. L. Travels in hypermodality. Visual Communication. 2002. 1 (3). P. 299—325.
18. O'Halloran K. L., Tan S., Smith B. A., Podlasov A. Challenges in designing digital interfaces for the study of multimodal phenomena // Information Design Journ. 2010. No 18 (1). P. 2—12.
19. Unsworth L. Multimodal semiotics: Functional analysis in contexts of education. — London ; New York : Continuum, 2008. 397 p.

М. В. ПлотниковаУральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9391-9539 **E-mail:** plotnikova_mary@mail.ru.

Мэр здорового человека: речевой портрет мэра г. Якутска Сарданы Авксентьевой в Сети

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные черты речевого портрета мэра г. Якутска Сарданы Авксентьевой на материале личного блога политика в социальной сети Instagram за период с момента вступления в должность (сентябрь 2018 г.) по настоящее время. Исследование выполнено в русле лингвополитической персонологии. Рассматриваются языковые и речевые особенности коммуникативного поведения С. Авксентьевой в Сети, аксиологические установки, транслируемые ею в личном блоге, анализируются причины широкой известности регионального политика в российском публичном пространстве. Было отмечено, что стилистическая окрашенность речи, а также использование современных, в том числе маркетинговых инструментов организации личного блога, способствуют привлечению внимания читателей и повышению привлекательности контента. Кроме того, подчеркнута приверженность традиционным ценностям, таким как благодарность, семья и дети, родной язык, историческая память, актуализирующим социальную, национальную и региональную идентичность мэра Якутска, и уверенная открытая демонстрация профессиональных качеств и достижений являются залогом успешности и популярности политического деятеля. Использование ресурсов социальных сетей, многократно возросшая роль которых находит выражение и в политическом поле, способствует повышению доверия к политическому деятелю, обеспечивает обратную связь с населением, позволяя эффективно решать профессиональные задачи. Благодаря умелой коммуникативной организации личного аккаунта в социальной сети С. Авксентьева сформировала собственный позитивный политический имидж как на региональном уровне, так и в общероссийских масштабах. В российском медиапространстве мэра Якутска называют преемственными именами «Мэр здорового человека» и «Дочь маминной подружки», подчеркивая исключительно положительный, совершенно нетипичный для современной российской действительности образ политического деятеля.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевой портрет; политический дискурс; политические деятели; региональные органы власти; мэры; политическая риторика; языковая личность; лингвоперсонология; политические речи; коммуникативное поведение; социальные сети; блоги.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Плотникова Мария Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, ауд. И-519; e-mail: plotnikova_mary@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Плотникова, М. В. Мэр здорового человека: речевой портрет мэра г. Якутска Сарданы Авксентьевой в Сети / М. В. Плотникова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 105-113. — DOI 10.26170/pl19-05-11.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-32179.

Материалы будут представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (состоится 29—30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета)

В последние несколько лет проблема речевого поведения политических деятелей находится в поле повышенного внимания не только средств массовой информации и органов власти, но и большинства рядовых граждан страны. Вопиющие коммуникативные неудачи политиков мгновенно становятся достоянием общественности посредством медиаресурсов: от традиционных видов массовой коммуникации, таких как телевидение и печатная пресса, до интернет-порталов и социальных сетей. Таким образом, максимальный информационный охват

способствует политизированности большей части населения страны.

При анализе примеров коммуникативных неудач политиков можно заметить, что большинство подобных прецедентов относится к сфере региональной политики. Вместе с тем региональная власть, как наиболее близкая к населению, играет значительную роль в формировании позитивного имиджа государства в целом.

В связи с этим примеры эффективного речевого поведения региональных политиков представляют особый интерес для ис-

следователей. На наш взгляд, одним из ярких примеров успешного коммуникативного поведения представителя региональной власти можно считать личный блог мэра г. Якутска Сарданы Авксентьевой в социальной сети «Instagram».

С. В. Авксентьева заняла пост главы города Якутска в сентябре 2018 г. в результате прямых выборов. Уже через несколько месяцев после выборов о новом мэре Якутска узнала практически вся страна. Помимо успешной профессиональной деятельности и гендерного фактора, подобный резонанс, на наш взгляд, во многом связан с высокой активностью политика в социальных сетях.

Социальные сети политических деятелей, помимо прямого назначения, зачастую выполняют функцию актуализации социального капитала для достижения определенных политических целей. Эффективность данной целевой установки зависит от качества контента, транслируемого политиком в социальных сетях.

Приложение *Instagram*, изначально созданное для размещения в публичном доступе фото- и видеофайлов, в настоящий момент выполняет функцию полноценной социальной сети с возможностями интерактивного общения (функция мессенджера). *Instagram* занимает третье место в мире по количеству пользователей и, по данным ВЦИОМ, третье место в России по критерию вовлеченности респондентов. Между тем показатели экранного времени смартфонов, поступающие разработчикам операционных систем, свидетельствуют о том, что наибольшее количество времени российские пользователи смартфонов проводят именно в социальной сети *Instagram*. Кроме того, данная социальная сеть является наиболее нейтральной с точки зрения гендерных и возрастных факторов.

Исходя из этого, выбор социальной сети *Instagram* в качестве личного блога политика представляется удачным для решения сопутствующих профессиональных задач.

Сардана Авксентьева начала использовать ресурсы социальной сети *Instagram* в качестве личного блога с начала избирательной кампании. В отличие от аккаунтов большинства политических деятелей, зачастую представляющих собой официальную сводку событий и фактов, сопровождаемую протокольными фотографиями, и в связи с этим не привлекающих внимание большого числа пользователей соцсетей, блог мэра Якутска пользуется невероятной для регионального политика популярностью среди подписчиков. В рамках данной статьи будут рассмотрены основные черты речевого

портрета С. Авксентьевой, транслируемые на личной странице в социальной сети *Instagram* (https://www.instagram.com/sardana_avksentieva/). Необходимо отметить, что мэр Якутска зарегистрирована и в других социальных сетях, однако содержание ее страницы в сети *Facebook* дублирует контент страницы *Instagram* посредством репостов. Кроме того, С. Авксентьева имеет аккаунт в сети *YouTube*, где отражаются видеозаписи и прямые эфиры официальных мероприятий с участием политика, например, еженедельные совещания городской администрации.

Речевое портретирование — одна из частных методик исследования активно развивающегося направления политической лингвистики — лингвополитической персонологии [Чудинов, Никифорова 2018]. В рамках данного научного направления изучаются способы репрезентации политических лидеров [Азиева 2014; Алышева 2013; Плотникова, Кипина 2016; Чудинов 2018], собирательного образа национального политика [Архипова 2016; Василькова 2018; Павлычева 2016], а также особенности жанра речевого портретирования [Руженцева 2019; Черных 2018]. Актуальными для данного исследования также являются работы, посвященные анализу речевого портрета регионального политика [Асташова 2011; Никифорова 2016].

Кроме того, в исследовании изучаются методы и приемы эффективной реализации коммуникативного намерения говорящего: стилистические приемы эффективного речевого общения [Сковородников 2014], способы управления вниманием читателя посредством аффективного синтаксиса [Богоявленская, Чудинов 2018; Ирисханова 2012].

ЯЗЫКОВЫЕ И РЕЧЕВЫЕ СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ БЛОГА

Сторителлинг

Сторителлинг является одним из основных и наиболее актуальных маркетинговых приемов использования потенциала сети. Учитывая высокую эффективность данного приема, его все чаще используют в качестве инструмента повышения привлекательности публичной речи. Кроме того, сторителлинг является приемом повышения доверия к говорящему, а также может выступать в качестве одной из тактик убеждения, что имеет особое значение для политической коммуникации. Рассказывая истории из своей жизни, говорящий психологически сокращает дистанцию между собой и коммуникантами. В блоге С. Авксентьевой наблюдается частое использование сторителлинга как формы речевого произведения:

– Сегодня, в День учителя, зашла в родную для меня 2-ую школу, чтобы поздравить замечательного педагога, моего учителя Нину Дмитриевну Гусевскую. Найти ее оказалось непросто: вместе с другими учениками искали Нину Дмитриевну по всей школе, и повстречали на выходе из школьного театра. Узнаю ее энергию и характер. Как преподаватель музыки она научила меня не только слушать, но и слышать. А сколько замечательных артистов она воспитала — Саина, Далаана, Яна Угарова, Александр Бурнашев и другие. Я всегда с нежностью и благодарностью вспоминаю своих педагогов, которые вложили в нас не только знания, но и частичку своей души. У каждого в жизни был Первый Учитель. Моей первой учительницей была Олимпиада Михайловна Александрова. С первого класса она окружила нас, вчерашних детсадовцев, такой теплотой и заботой, что мы с радостью бежали утром в школу и не хотели идти домой после занятий. В каждой девочке и мальчишке она видела личность.

– Вместе с тем, сегодня в России отмечается День студента или Татьянин день. Я всегда с теплотой вспоминаю свои студенческие годы. Время проведенное в стенах родного Якутского госуниверситета — одно из самых счастливых периодов моей жизни. Самые умные, самые продвинутые, самые-самые — мы такими себя считали! Благодаря нашим уважаемым преподавателям, среди которых были Анатолий Игнатьевич Гоголев, Анатолий Николаевич Алексеев, Агамали Куламович Мамедов, Андрей Васильевич Васильев, Розалия Иннокентьевна Бравина и другие, многие мои сокурсники добились успеха в жизни. На фотографии мы, студенты историко-юридического факультета.

– В 1986 году работала вожатой в пионерлагере им. Каландаришвили. У меня была модная, по тем временам, химическая завивка волос. Во время линейки резкий порыв ветра взъерошил мои волосы и маленькая пионерка, которая в этот момент сдавала мне рапорт, от неожиданности назвала меня „товарищ страшная пионервожатая“, перепутав слово „старшая“. И такое было, есть что вспомнить)))

В блоге С. Авксентьевой встречаются случаи обращения не только к событиям и фактам собственной жизни, но и к событиям, связанным с историей города и региона:

– Второй народный проект, который мы запускаем сегодня — сбор средств на завершение реконструкции старейшего каменного здания Якутска — церкви Рожде-

ства Пресвятой Богородицы, которую начали строить в 1752 году. Как известно многим горожанам, в этом храме находится древний чудотворный образ Пресвятой Богородицы, самая почитаемая святыня Якутии — икона Божией Матери „Умиление Градо якутская“. Эта икона считается Хранительницей Якутска. Икону в Якутск привезла ссыльная графиня Анна Бестужева-Рюмина, младшая дочь петровского государственного канцлера графа Головкина, участница заговора „Ботта-Попухиных“ 1743 года против Елизаветы Петровны. Перед отправкой в Якутск ей вырезали язык и побили кнутом. Для Анны Бестужевой-Рюминой эта икона была семейной реликвией.

Стилистические приемы

Стилистика речевых произведений Сарданы Авксентьевой отличается частотностью использования стилистических приемов, что придает ее индивидуальной манере общения в Сети эмоциональность, выразительность, образность и выгодно отличает ее личный блог от протокольных профилей большинства политических деятелей России.

Речь мэра Якутска изобилует эпитетами; примеры эпитетов можно найти практически в каждом посте С. Авксентьевой:

– Напомню, эскиз Парка Победы был разработан молодыми архитекторами, которые имеют замечательное представление о будущем парка.

– Заключительным аккордом стал **прекрасный** концерт самих участников слета.

– После **интенсивной** работы были спортивные соревнования, мастер-классы, лекции.

– Уверена, что руководство и весь новый состав, будучи **интеллектуальным, эмоциональным** ядром и **бьющимся** сердцем города Якутск, станет **надежным** помощником для решения вопросов развития столицы нашей республики.

Несмотря на относительную простоту эпитета как стилистического приема, использование эпитетов значительно повышает эмоциональную окрашенность речи и, соответственно, ее аттрактивность. В указанных примерах можно наблюдать, что С. Авксентьева чаще всего использует эпитеты для выражения позитивной эмоциональной оценки происходящих событий.

Сардана Авксентьева нередко прибегает к использованию фразеологических оборотов:

– Я **против провокаций и передергивания фактов**. Поэтому считаю, что нужно **расставить все точки над i**.

– **Закрывать глаза** на выявленный при дорожном строительстве брак мы не намерены.

– Хочу заявить всем, кто пытается „копать“ под меня, сочинять „компромат“ при поддержке своих покровителей или спонсоров — за любую попытку шантажа, неподтвержденной фактами порочащей информации буду обращаться в правоохранительные органы и разматывать всю цепочку до конкретного заказчика.

Фразеологические обороты, зачастую являясь выражением народной мудрости, помимо эмоциональной окрашенности, способствуют ментальному сближению говорящего с коммуникантами и повышению доступности основного смысла высказывания. С. Авксентьева использует фразеологизмы преимущественно в негативных контекстах, что свидетельствует об эмоциональной значимости той или иной ситуации общения и установке на быстрое и эффективное достижение цели высказывания.

Кроме того, С. Авксентьева прибегает к аффективному синтаксису, наиболее полно используя возможности письменной формы коммуникации. В текстах ее высказываний встречаются случаи употребления парцелляции (*Да, я знаю, вы все хотите, чтобы все школьники ездили бесплатно. Согласна. Но у нас с вами дефицитный бюджет, поэтому пока не получается. Но мы с вами поэтапно это решим. Обещаю*), синтаксических повторов (*Я очень счастливый человек, потому что в моей жизни есть люди, дружба с которыми проверена десятилетиями, интересными проектами, победами, сложными периодами, улыбками, слезами, песнями, походами. Такой яркий теплый креативный умный талантливый друг со школьной скамьи главный редактор @jurfix_yktЯна Угарова*), риторических вопросов (*И да, в рамках нашей общей политики открытости этот вопрос вынесен на публичные слушания, как и в отношении всех остальных заявителей. Зачем потребовалось это всё подавать в таком негативном свете?! Вы умеете думать и всё понимаете сами*).

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

Содержательная сторона речи Сарданы Авксентьевой, помимо освещения объективной фактологической информации с нулевой оценочностью, отражает ценностные установки политика. В рамках исследования мы выделили профессиональные и личностные аксиологические установки, транслируемые мэром Якутска в личном блоге.

1. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

Ценностные установки С. Авксентьевой в сфере профессиональной деятельности де-

монстрируют приоритет таких профессиональных качеств, как сотрудничество, ответственность, быстрота реакции, выраженная интенсивностью, оперативностью и активностью, а также открытость.

Сотрудничество

– Сегодня в День знаний мы, вместе с главой республики Айсеном Николаевым @nikolaev_aisen открыли здание новой школы №6 в Автодорожном округе, оттуда выехала на праздничные линейки в пригородные села Хатассы и Табагу, затем успела принять участие в церемонии установки первой сваи здания-пристроя к 31 школе в Октябрьском округе.

– Середина недели выдалась богатой на приятные и радостные события. Утром в среду вместе с главой республики Айсеном Николаевым торжественно открыли новую школу №25 на 350 ученических мест в Сайсарском округе Якутска.

– Добрососедство — это необходимое состояние общества, оно проявляется во многих сферах взаимоотношений между людьми, в их стремлении к благополучию города и проявлении своих лучших качеств для общественной пользы. Цели, которые мы ставим перед собой и горожанами, весьма понятны и реализуемы — взаимопомощь, открытость и позитивное отношение.

– Несколько дней назад один неравнодушный житель города, который представился Михаилом, сообщил мне о том, что рядом с его домом полночи простояла муниципальная дорожная техника, которая должна была убирать улицы. „Почему они так часами стоят, вхолостую жгут топливо, это же народные деньги! Еще, наверное, наряды просто так себе закрыли“, — негодовал Михаил. Я дала поручение разобраться в ситуации и факты подтвердились. Меры приняты. Хочу поблагодарить Михаила за неравнодушное отношение к своему городу. Радует, что все больше горожан приходят к пониманию, что город — это наш общий дом.

– 17 января прошел итоговый отчет в окружной администрации. За восемь дней мы провели их во всех округах и пригородах столицы. Напомню, мы начали работу 17 сентября прошлого года, поэтому это коллективный результат работы, в том числе, и предыдущего руководства города, который оценен нашими горожанами положительно.

– Спасибо вам всем за своевременные сигналы о безнадзорных лошадях, мусоре, нарушителях природоохранного законодательства, некачественных работах и многом другом. Молодцы, так держать!

– Красной нитью через все представленные проходит главная мысль — чтобы хорошо жить, нужно держаться вместе, нужно дружить, любить друг друга, несмотря на цвет кожи, на язык, на традиции разных народов.

Стоит отметить, что подчеркнутое сотрудничество с региональной властью в лице главы республики Айсена Николаева является ответом на многочисленные слухи о соперничестве между региональной и муниципальной властью. Контент-анализ личного блога Сарданы Авксентьевой показывает, что именно сотрудничество является залогом успешности любого вида деятельности.

Ответственность

– Как и обещала горожанам, команда окружной администрации будет внимательно следить за качеством и сроками выполнения работ.

– На страницах своего авторского интернет-издания www.yktimes.ru, он неоднократно поднимал темы мерзлотного надзора и сейсмоусиления в строительстве. Последнее, кстати сказать, один из пунктов моей предвыборной программы.

– Я глубоко убеждена, что информацию о деятельности городского хозяйства горожане должны получать любым доступным способом. Это, кстати сказать, одно из моих предвыборных обещаний.

На своей личной странице Сардана Авксентьева часто ссылается на данные ею предвыборные обещания и отчитывается об их выполнении, тем самым доказывая высокий уровень ответственности перед избирателями.

Оперативность, интенсивность, активность

Высокий темп профессиональной деятельности также выступает одним из ценностных ориентиров мэра Якутска:

– Думаю, что передача полномочий по лицензированию продажи алкоголя в муниципалитеты помогла бы исправить ситуацию. Мы работаем на земле и видим ситуацию, можем реагировать оперативно.

– Очень скоро приступим к активным дорожным работам на улицах города.

– Сделаем все возможное, чтобы оперативно осушить заниженные участки, особенно жилой фонд.

– Высокий темп ежедневных объездов, оперативных штабов, решения текущих неотложных вопросов.

– Наши экстренные службы сработали оперативно, внимательно проверили все объекты.

– После интенсивной работы были спортивные соревнования, мастер-классы, лекции.

– Думаю, такой механизм обратной связи будет надежней и оперативней.

Открытость

Подробное освещение профессиональной деятельности в социальных сетях Сардана Авксентьева проводит с целью достижения максимальной открытости и, как следствие, повышения доверия населения города к действиям мэра:

– Вместе с тем, я хочу открыто заявить, что это последнее такое решение, когда мы идем на компромисс с застройщиком.

– Цели, которые мы ставим перед собой и горожанами, весьма понятны и реализуемы — взаимопомощь, открытость и позитивное отношение.

– Каждый понедельник с 8 утра провожу планерное совещание с участием всех городских служб и предприятий. На планерке мы обсуждаем текущие вопросы, ставим задачи на предстоящую неделю и среднесрочную перспективу. С завтрашнего дня эти планерки будут транслироваться в режиме онлайн на канале Якутск-ТВ (134 кнопка ТТК и 30 кнопка Билайн), а также на YouTube-канале (активная ссылка в моем профиле).

– И да, в рамках нашей общей политики открытости этот вопрос вынесен на публичные слушания, как и в отношении всех остальных заявителей.

2. ЛИЧНОСТНЫЕ ЦЕННОСТИ

В личной сфере Сардана Авксентьева демонстрирует приверженность к традиционным аксиологическим установкам. В блоге политика были отмечены такие ценностные установки, как благодарность, семья и дети, традиционные гендерные роли, историческая память, родной язык. Данные установки актуализируют социальную, национальную и региональную идентичность мэра Якутска.

Благодарность

Проявления благодарности встречаются на личной странице Сарданы Авксентьевой чаще, чем апелляции к другим ментальным категориям. Это свидетельствует о приоритетной роли благодарности в системе ценностей политика.

– Официально вступила в должность. Еще раз спасибо всем за доверие!

– В пятницу Архиепископ Якутский и Ленский Владыка Роман освятил городскую купель и благословил тысячи горожан на крещенские купания. Хочу поблагодарить

всех причастных к её организации: МЧС, медиков, полицию, Якутский казачий полк, якутскую епархию, управу Центрального округа и городские службы.

– Спасибо горожанам, которые сами делают жизнь вокруг лучше!

– Поблагодарила режиссера фильма Константина Тимофеева за его творчество.

– Спасибо вам всем за своевременные сигналы о безнадзорных лошадях, мусоре, нарушителях природоохранного законодательства, некачественных работах и многом другом.

– Благодарю всех организаторов, которые постарались создать для наших горожан и гостей незабываемый праздник.

– Хочу сказать спасибо всем, кто разделил вместе с нами этот праздник! Благодарю каждого из вас за позитивный настрой и активное участие во всех мероприятиях!

– Уважаемые горожане, благодарю вас всех за добрые слова, советы и просто одобрительные взгляды при встрече. Спасибо за ваши полезные дела и поступки.

Семья и дети

Семья традиционно является одной из главных ценностей человечества. В своем блоге Сардана Авксентьева также открыто или опосредованно показывает ценность семьи и детей в собственной жизни:

– Яркий, современный семейный фильм (с субтитрами на русском). В основе сюжета этой семейной киноленты — красивая якутская сказка о старушке с коровами и ее небесной дочке. Сильный финал доброй сказки: будьте на стороне света, творите добро! Все, дети и взрослые, получили большое удовольствие от просмотра картины. Я словно вернулась в детство, когда гостила летом у бабушки в деревне, а ребята хоть немного отдохнули от своих гаджетов, что тоже очень хорошо.

– Дети — лучшее, что у нас есть!

– В городе также прошли спортивные соревнования команд отцов и сыновей, очень нужное и полезное начинание!

– Когда речь идет о судьбе 528 семей, а именно столько там дольщиков, мы не можем руководствоваться формальностями.

Традиционные гендерные роли

Несмотря на занимаемую должность, Сардана Авксентьева зачастую демонстрирует приверженность традиционным гендерным ролям:

– Батюшка Анатолий и Сергей Черных — пример настоящих мужчин и настоящих мужских поступков. Не на словах, а на деле занимаются воспитанием наших детей. На таких энтузиастах все и держится.

– Еще хочу отметить, что это хорошее начинание — делать добрые дела в свой праздник — перенимают представители других родов войск: моряки, танкисты, пограничники и другие. Как эстафетная палочка, она передается нашим защитникам, независимо, где бы они ни служили. Это настоящие мужские поступки.

– Дорогие мамы и бабушки, дочери и внучки, сестры и подруги! Поздравляю вас с прекрасным весенним праздником — 8 Марта! Мы приходим в этот мир, чтобы дарить жизнь, любить и нести добро.

– В завершение объезда заехала на рынок купить бруснику, сварить морс для мужа.

Историческая память

Актуализация исторической памяти встречается в блоге Сарданы Авксентьева в виде нескольких тематических групп: история России, история региона, история города, история своей семьи. В большинстве контекстов политик демонстрирует самоидентификацию как гражданина России, жителя Якутии и жителя Якутска, подчеркивая, что история ее семьи неразрывно связана с историей города и страны, а историческая память может и должна выступать фактором интеграции:

– Сегодня, 23 февраля, поклонились могилам наших дедов в Волгограде. Волгоград — особый город для нашей семьи, как и для многих других российских семей. В Сталинградской битве, ставшей переломным сражением Второй мировой войны, плечом к плечу с остальными защитниками встали и свыше 10 тысяч воинов из Якутии.

– Расскажу ещё об одном участнике войны из нашей семьи. Дед моего мужа — Николаев Кирилл Николаевич, родом из села Харбалах Верхневилуйского улуса, был призван на фронт в 1942 году в мотострелковые войска, и вскоре из обычных пехотинцев его перевели в разведку...

– С особым чувством посетила исторический дом 1880 года постройки, который в свое время спасла и реставрировала семья предпринимателей Андрея Анатольевича и Марины Евгеньевны Высоких. Теперь старинный дом не только радует глаз горожан, но является точкой успешного бизнеса. Это живой пример того, как можно и нужно относиться к истории нашего любимого города.

– Я выбрала этот день не случайно. 22 мая, в Николин день, у народа саха начинается лето. В этот день наши предки переезжали из основного жилища в летники, перегоняли туда домашний скот. На столах в этот день у всех якутян утиный суп и олады.

– *Ысыах* — это душа и сердце нашего народа. *Олонхо* — его память. При этом сегодня исконно якутский праздник летнего изобилия собирает на своих зеленых лужайках людей всех национальностей, народов и верований, проживающих в республике, гостей из других регионов России, зарубежных стран.

– Сегодня, в преддверии Дня города, мы все вместе посадили первые деревья будущего Парка Победы. Дерево — это символ жизни и связи поколений, поэтому возможность посадить дерево в память об участниках войны получил каждый. Я была рада видеть каждого, кто пришел почтить память наших героев.

– Историческая память, благодарность предкам и светлая надежда — вот что объединяет нас всех в эти дни!

Родной язык

В своем блоге Сардана Авксентьева часто прибегает к использованию родного языка. Помимо объединяющей функции, фрагменты текста на родном языке выступают средством управления вниманием читателей, а также повышают эмотивность текста, выполняя стилистическую функцию:

– *Поклонились всем, рассказали о нашей жизни, по нашей традиции угостили якутскими оладьями. Эһээлэрбитигэр уруй-айхал! Слава советским солдатам!*

– *Улуу Туймаада хочотугар үрүң тунах Ыһыах ыһар кэммит кэллэ! Бары бииргэ, сомоболоһон үтүө үгэспитин кэнэтиэбин!*

– *С праздником, уважаемые горожане! Мира, добра и процветания нашему Якутску, всем нам! Үрүң тунах Ыһыабынан, күндү доботтор! Или-эйэни, үтүөнү уонна үүнүүнү-сайдыыны!*

– *Желаю вам всего самого лучшего! Махтал!*

МЕДИАТИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ

Одним из факторов успешности Сарданы Авксентьевой на политической арене, на наш взгляд, является активное и эффективное использование ресурса социальных сетей. Медиатизация собственной профессиональной деятельности помогает мэру Якутска мгновенно делиться с пользователями Сети своими достижениями и успехами, оперативно решать возникающие проблемы, обеспечивать обратную связь с населением, что полностью соответствует выделенным ранее аксиологическим установкам политика. Сардана Авксентьева не скрывает, что социальные сети являются одним из инструментов ее работы, призывая подписчиков также активно пользоваться

преимуществами цифровизации публичного пространства:

– *Социальные сети — это самая прямая, честная, открытая и бесплатная коммуникационная площадка. Поэтому сегодня, в годовщину избрания, я расскажу о проделанной за год работе, отвечу на ваши вопросы в 19.00 на YouTube канале Якутск-ТВ. Активная ссылка в описании моего профиля.*

– *Вы уже заметили, что я использую этот аккаунт как личную страницу, делюсь с вами своими мыслями и использую как площадку для обратной связи. Обо всем, что делаю я как глава города, и про всю ежедневную работу Окружной администрации, тут не расскажешь. А делается немало.*

– *В Якутске несколько лет действует удобный сервис на городском портале «УанКлик» <https://oneclickyakutsk.ru/>. После несложной регистрации вы сможете оставить заявку, жалобу на ту или иную проблему. Сегодня здесь зарегистрировано более 45 тысяч горожан. Заявка, к примеру, по проблемам благоустройства автоматически перенаправляется в управу округа, в котором вы проживаете, и будет стоять на контроле главы управы, до тех пор, пока не будет решена, и вам не будет направлен ответ. Аналогичный порядок и по другим вопросам — работы транспорта, лже-кафе и прочим. Думаю, такой механизм обратной связи будет надежней и оперативней. Давайте попробуем?*

Кроме того, Сардана Авксентьева успешно применяет правила ведения соцсети: активно использует идеографические коды, хештеги. Один из хештегов, #всерешаетчеловек, из предвыборного лозунга превратился в политический девиз мэра Якутска, сопровождающий каждую ее публикацию в сети *Instagram*. Подобный маркетинговый способ индивидуализации, брендинга собственного политического профиля свидетельствует о знакомстве политика с технологиями управления имиджем в Сети.

Завершая анализ речевого портрета Сарданы Авксентьевой в социальной сети *Instagram*, хотелось бы привести еще один пример успешного сторителлинга, вызвавший широкий позитивный отклик в сети и, на наш взгляд, наглядно демонстрирующий основные положения, отраженные в данном исследовании:

– *Три месяца назад в одном из интервью я посетовала, что не умею готовить пирожки. И в одном из новостных пабликов получила приглашение на мастер-класс от бабушки Марфы Петровны. Сегодня после рабочего дня мы с ней познакомились)) 78-*

летняя Марфа Петровна Дьячковская @marfa7523 — активный пользователь интернета и социальных сетей, хлопочет по дому, успевает следить за общественно-политической жизнью республики, между делом выращивает прекрасную, крепкую рассаду овощей и цветов. Детство пришлось на годы войны, рано овдовела, одна поставила на ноги троих детей, много трудилась. Ничто не сломало жизненного оптимизма и стойкости духа. Сейчас проживает у дочери Ирины с её замечательной семьей. А завтра уже собирается за реку, навестить семью одного из сыновей, но прежде соберёт зятя и 13-летнего внука Никиту на охоту. До сих пор ежегодно со своими старшими (!) сёстрами ходит в лес собирать ягоду. Вот такая оказалась моя новая инстаграм-знакомая Марфа Петровна, которая как и большинство якутских бабушек, своей материнской заботой опекает уже повзрослевших детей, любимых внуков, хранит очаг и передаёт традиции, делится своей мудростью и опытом.

Таким образом, анализ речевого портрета Сарданы Авксентьевой на материале ее личной страницы в социальной сети Instagram показал, что использование ресурсов социальных сетей в качестве личного блога, умелая коммуникативная организация своего аккаунта, демонстрация принципов открытости и профессиональных достижений, приверженности к общечеловеческим ценностям, стилистическое и жанровое разнообразие публичных высказываний в Сети, уместное использование маркетинговых инструментов продвижения способствуют формированию позитивного имиджа политического деятеля в публичном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азиева Э. С. Речевой портрет Р. А. Кадырова // Изв. Дагестан. гос. пед. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 4 (29). С. 70—73.

M. V. Plotnikova

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-9391-9539

 E-mail: plotnikova_mary@mail.ru.

Healthy Man's Mayor: Online Speech Portrait of Sardana Avksentieva, Mayor of Yakutsk

ABSTRACT. The article discusses the main features of the speech portrait of the mayor of Yakutsk, Sardana Avksentieva, on the material of the politician's personal blog on the social network Instagram from the moment she took office (September 2018) to date. The study is carried out within the framework of linguistic political personology. The article dwells on the language and speech characteristics of S. Avksentieva's communicative behavior on the network and the axiological remarks broadcast in her personal blog. It also analyzes the reasons for the wide popularity of the regional politician in the Russian social space. It is noted that the stylistic coloring of speech, as well as the use of modern tools (including marketing ones) of personal blog organization helps to attract readers' attention and increase attractiveness of the content. In addition, the emphasized commitment to traditional values, such as gratitude, family and children, native language, and his-

2. Алышева Ю. С. Речевой портрет современного политического лидера : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгоград. гос. ун-т. — Волгоград, 2013.

3. Архипова Л. А. Речевой портрет американского политика (на материале предвыборной кампании 2016 года) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 2016. № 30. С. 17—23.

4. Асташова О. И. Речевой портрет Н. Ю. Бельх: динамический аспект // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 64—68.

5. Боговяленская Ю. В., Чудинов А. П. Взаимодействие парцелляции и метафоры как средств аттенционального фокусирования в художественном и публицистическом дискурсах // Язык и культура. 2018. № 41. С. 24—39.

6. Василькова М. В. Речевой портрет немецкого политика (на примере публичных выступлений федерального Министра иностранных дел Зигмара Габриэля) // Наука — образованию, производству, экономике : материалы XXIII (70) рег. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов : в 2 т. / Витебск. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2018. С. 126—127.

7. Ирисханова О. К. Синтаксические аспекты распределения внимания: от коммуникативного синтаксиса к когнитологии // Когнитивные исследования языка. 2012. № 12. С. 466—481.

8. Никифорова М. В. Динамика речевого портрета регионального политика (на материале устной диалогической речи мэра Екатеринбурга Е. В. Ройзмана) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2016.

9. Павлычева Е. Д. Типология речевых портретов политиков в американском лингвистическом дискурсе // Евразийский союз ученых. 2016. № 31-2. С. 84—87.

10. Плотникова М. В., Кипина М. А. Советский Джеймс Бонд: политический портрет В. В. Путина во французских медиатекстах в свете украинского кризиса // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 200—204.

11. Руженцева Н. Б., Сутина А. И., Ли Сычи. Жанр политического портрета в русскоязычных китайских СМИ: ценности и антиценности // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 107—112. — DOI 10.26170/pl19-02-12.

12. Сковородников А. П. Эффективное речевое общение (Базовые компетенции) // Словарь-справочник : электрон. изд. / Сибир. федер. ун-т; под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск, 2014. С. 349—350.

13. Черных Е. И. Коммуникативный портрет современного политика: лингвистический и прагматический аспект (на основе медиадискурса А. Диденко) // Русская речевая культура и текст : материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию кафедры русского языка / под общ. ред. Н. С. Болотновой. — 2018. С. 160—167.

14. Чудинов А. П., Нахимова Е. А., Никифорова М. В. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 14—31.

15. Чудинов А. П., Никифорова М. В. Лингвополитическая персонология как научное направление // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 1. С. 45—52.

torical memory, actualizing the social, national and regional identity of the mayor of Yakutsk, and a confident open demonstration of professional qualities and achievements are the key to the success and popularity of the politician. Usage of the social network resources, the enhanced role of which is also manifested in the political field, helps to increase confidence in the politician, provides feedback with the public, and allows solving professional problems effectively. Thanks to the skillful communicative organization of her personal account on the social network, S. Aksentieva formed her own positive political image, both on the regional level and on a national scale. In the Russian media space, the mayor of Yakutsk is called by the precedent names "Healthy Man's Mayor" and "Your Mom's Friend's Daughter", emphasizing the extremely positive, completely atypical image of a political leader for the modern Russian reality.

KEYWORDS: speech portrait; political discourse; politicians; regional organs of power; mayors; political rhetoric; linguistic personality; linguopersonology; political speeches; communicative behavior; social networks; blogs.

AUTHOR'S INFORMATION: Plotnikova Mariya Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Plotnikova, M. V. Healthy Man's Mayor: Online Speech Portrait of Sardana Avksentieva, Mayor of Yakutsk / M. V. Plotnikova // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 105-113. — DOI 10.26170/pl19-05-11.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Expert Institute for Social Research (EISR) grant № 19-011-32179.

REFERENCES

1. Azieva E. S. Speech Portrait of R. A. Kadyrov // Proceedings of Dagestan State Ped. Univ. Social and Human Sciences. 2014. No. 4 (29). P. 70—73. [Rechevoy portret R. A. Kadyrova // Izv. Dagestan. gos. ped. un-ta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. 2014. № 4 (29). S. 70—73]. — (In Rus.)
2. Alysheva Yu. S. Speech Portrait of a Modern Political Leader synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Volgograd. State Univ. — Volgograd, 2013. [Rechevoy portret sovremennogo politicheskogo lidera : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Volgograd. gos. un-t. — Volgograd, 2013]. — (In Rus.)
3. Arkhipova L. A. Speech Portrait of an American Politician (Based on the 2016 Election Campaign) // Theory and Practice of the Linguistic Description of Colloquial Speech. 2016. No. 30. P. 17—23. [Rechevoy portret amerikanskogo politika (na materiale predvornoy kampanii 2016 goda) // Teoriya i praktika lingvisticheskogo opisaniya razgovornoy rechi. 2016. № 30. S. 17—23]. — (In Rus.)
4. Astashova O. I. Speech Portrait of N. Yu. Belykh : Dynamic Aspect // Political Linguistics. 2011. No 3 (37). P. 64—68. [Rechevoy portret N. Yu. Belykh: dinamicheskiy aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 3 (37). S. 64—68]. — (In Rus.)
5. Bogoyavlenskaya Yu. V., Chudinov A. P. Interaction of Parcellation and Metaphor as a Means of Attentive Focusing in Artistic and Journalistic Discourses // Language and Culture. 2018. No. 41. P. 24—39. [Vzaimodeystvie partsellyatsii i metafory kak sredstv attentsial'nogo fokusirovaniya v khudozhestvennom i publitsisticheskome diskursakh // Yazyk i kul'tura. 2018. № 41. S. 24—39]. — (In Rus.)
6. Vasil'kova M. V. Speech Portrait of a German Politician (on the Example of Public Speeches by the Federal Minister of Foreign Affairs Sigmar Gabriel) // Science — to Education, Production, Economics : Materials of XXIII (70) Reg. Scientific-practical Conf. of Teachers, Researchers and Graduate Students : in 2 volumes / Vitebs. State Univ. n. a. P. M. Masherov, 2018. P. 126—127. [Rechevoy portret nemetskogo politika (na primere publicnykh vystupleniy federal'nogo Ministra inostrannykh del Zigmara Gabrielya) // Nauka — obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike : materialy KhKhIII (70) reg. nauch.-prakt. konf. prepodavateley, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov : v 2 t. / Vitebsk. gos. un-t im. P. M. Masherova, 2018. S. 126—127]. — (In Rus.)
7. Iriskhanova O. K. Syntactic Aspects of the Distribution of Attention: from Communicative Syntax to Cognitology // Cognitive Studies of Language. 2012. No. 12. P. 466—481. [Sintaksicheskie aspekty raspredeleniya vnimaniya: ot kommunikativnogo sintaksisa k kognitologii // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2012. № 12. S. 466—481]. — (In Rus.)
8. Nikiforova M. V. Dynamics of a Speech Portrait of a Regional Politician (Based on Oral Dialogical Speech by the Mayor of Yekaterinburg E. V. Roizman) synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Yekaterinburg, 2016. [Dinamika rechevogo portreta regional'nogo politika (na materiale ustnoy dialogicheskoy rechi mera Ekaterinburga E. V. Roizmana) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2016]. — (In Rus.)
9. Pavlycheva E. D. Typology of Speech Portraits of Politicians in the American Linguistic Discourse // Eurasian Union of Scientists. 2016. No. 31-2. P. 84—87. [Tipologiya rechevykh portretov politikov v amerikanskom lingvisticheskom diskurse // Evraziyskiy soyz uchenykh. 2016. № 31-2. S. 84—87]. — (In Rus.)
10. Plotnikova M. V., Kipina M. A. Soviet James Bond: a Political Portrait of V. V. Putin in French Media Texts in the Light of the Ukrainian Crisis // Political Linguistics. 2016. No. 4 (58). P. 200—204. [Sovetskiy Dzheym Bond: politicheskiy portret V. V. Putina vo frantsuzskikh mediatekstakh v svete ukrainskogo krizisa // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 200—204]. — (In Rus.)
11. Ruzhentseva N. B., Suetina A. I., Li Siqi. The Genre of Political Portrait in the Chinese Mass Media in Russian: Values and Anti-Values // Political Linguistics. 2019. No 2 (74). P. 107—112. [Zhanr politicheskogo portreta v russkoyazychnykh kitayskiykh SMI: tsnnosti i antitsnnosti // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 2 (74). S. 107—112]. — DOI 10.26170/pl19-02-12. — (In Rus.)
12. Skovorodnikov A. P. Effective Speech Communication (Basic Competencies) // Dictionary-Reference : Electron. ed. / Siberia Feder. Univ. ; under the editorship of A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk, 2014. P. 349—350. [Effektivnoe rechevoe obschenie (Bazovye kompetentsii) // Slovar'-spravochnik : elektron. izd. / Sibir. feder. un-t; pod red. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk, 2014. S. 349—350]. — (In Rus.)
13. Chernykh E. I. Communicative Portrait of a Modern Politician: Linguistic and Pragmatic Aspect (based on the media discourse of A. Didenko) // Russian Speech Culture and Text: Materials of the X Intern. Scientific Conf. on the Occasion of 25th Anniversary of the Department of the Russian Language / under the total. ed. of N. S. Bolotnova. — 2018. P. 160—167. [Kommunikativnyy portret sovremennogo politika: lingvisticheskiy i pragmaticheskiy aspekt (na osnove mediadiskursa A. Didenko) // Russkaya rechevaya kul'tura i tekst : materialy X Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 25-letiyu kafedry russkogo yazyka / pod obshch. red. N. S. Bolotnovoy. — 2018. S. 160—167]. — (In Rus.)
14. Chudinov A. P., Nakhimova E. A., Nikiforova M. V. Russian Linguopolitical Personology: a Study of the Discourse of Political Leaders // Proceedings of Rus. Univ. of Friendship of Peoples. Ser.: Theory of Language. Semiotics. Semantics. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 14—31. [Rossiyskaya lingvopoliticheskaya personologiya: issledovanie diskursa politicheskikh liderov // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2018. T. 9. № 1. S. 14—31]. — (In Rus.)
15. Chudinov A. P., Nikiforova M. V. Linguopolitical Personology as a Scientific Direction // Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education. 2018. No. 1. P. 45—52. [Lingvopoliticheskaya personologiya kak nauchnoe napravlenie // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly. 2018. № 1. S. 45—52]. — (In Rus.)

Н. А. Рябченко

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0001-6980-2894

В. В. Катермина

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9141-9867

А. А. Гнедаш

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3516-107X

Б. Г. Вульфович

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0002-7358-9819

 E-mail: rrrnatali@mail.ru; katermina_v@mail.ru; anna_gnedash@inbox.ru; justb8888@gmail.com.

Региональный политический дискурс: теоретическая модель, методология исследования и практики управления политическим контентом в online-пространстве субъектов РФ

АННОТАЦИЯ. Асинхронное мультимодальное дискурсивное поле, формируемое политическим контентом, является отражением деятельности сетевого сообщества от малого сообщества жителей любого населенного пункта до сетевых сообществ, функционирующих в рамках субъекта РФ и всей страны. Политический контент способен трансформировать социально-политическую действительность, продуцируя события — сообщение или совокупность сообщений, способных изменить расстановки сил или интересов в обществе. Региональный политический дискурс, политический контент и продуцируемые им асинхронные мультимодальные дискурсивные поля накапливают в online-пространстве потенциал социального действия, который может приводить как к конструктивным, так и деструктивным действиям в offline-пространстве. Для анализа регионального политического дискурса была применена модель управления политическим контентом и апробирована методология исследования. Эмпирической базой исследования стали сообщества «Типичный» в социальной сети «ВКонтакте», сформированные на базе административных центров 22 субъектов РФ (Абакан, Анадырь, Барнаул, Благовещенск, Владивосток, Владимир, Воронеж, Иваново, Кемерово, Красногорск, Красноярск, Магадан, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Орёл, Псков, Самара, Тюмень, Хабаровск, Якутск). Для анализа эмпирических данных был разработан и апробирован гибридный операциональный инструментарий (математический анализ социальных сетей и сообществ, фолксномический анализ, лингвистический анализ, реляционная социология) анализа политического контента и анализа формируемых указанными сообществами асинхронных мультимодальных дискурсивных полей в online-пространстве. По каждому из 22 сообществ «Типичный» были сформированы Data Set из сообщений, опубликованных участниками в период с 1 января 2018 года по 1 июня 2019 года (общее количество составило порядка 160 000 сообщений, содержащих аудио-, видео-, текстовый контент). В результате исследования удалось выявить характеристики региональных политических дискурсов в контексте состоявшихся выборов глав субъектов РФ в 2018 г. и выявить тенденции формирования и развития асинхронных мультимодальных дискурсивных полей в online-пространстве регионов РФ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический контент; региональный дискурс; политический дискурс; региональная политика; онлайн-пространство; Интернет; выборы губернаторов; губернаторы; местные органы власти; политические процессы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Рябченко Наталья Анатольевна, кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: rrrnatali@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: katermina_v@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гнедаш Анна Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: anna_gnedash@inbox.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Вульфович Борис Григорьевич, аспирант кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: justb8888@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рябченко, Н. А. Региональный политический дискурс: теоретическая модель, методология исследования и практики управления политическим контентом в online-пространстве субъектов РФ / Н. А. Рябченко, В. В. Катермина, А. А. Гнедаш, Б. Г. Вульфович // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 114-131. — DOI 10.26170/pl19-05-12.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды» (2018—2020 гг., рук. Н. А. Рябченко).

Постинформационное общество, или сетевое общество, перешло к новой стадии своего развития — наступила «эра постправды», в которой трансформация информационно-коммуникационных технологий, предоставляя практически безграничные возможности формирования политического контента, определяет основной вектор общественного роста ввиду возникновения механизмов сдерживания/направления публичного дискурса. Благодаря мобильной связи, Интернету, социальным сетям можно осуществить самоорганизацию граждан в любой точке планеты без привлечения властей буквально за один час. Это означает, что возникающие новые типы и каналы политической мобилизации могут трансформировать современные демократические структуры управления в сложных или чрезвычайных ситуациях и стать ключевым механизмом переструктурирования взаимодействия власти и гражданского общества в решении глобальных и локальных проблемных ситуаций. При этом в процессах самоорганизации мобилизующие сигналы в формате различного интернет-контента необязательно усиливаются и проходят через привычные хабы сетевой коммуникации (раскрученные медиа, топовые блогеры, лидеры мнений, медийные личности): основным двигателем информации становятся обычные пользователи [Урри 2012]. Такие новые типы и каналы политической мобилизации могут иметь как конструктивные, так и деструктивные последствия для развития социально-политических систем.

Современная действительность, обусловившая появление новых дискурсивных стратегий, моделей и приемов оперирования языком, в том числе для манипулирования информацией с целью достижения прогнозируемых результатов, позволила выйти огромному количеству дискурсов, в том числе и политическому, в онлайн-пространство. Очевидно, что с усовершенствованием технологий прагматический потенциал текста в онлайн-пространстве увеличивается в масштабах, которые сложно представить и измерить. Этот процесс, как и каждое (особенно крупномасштабное и действенное) явление, можно рассмотреть с точки зрения конструктивного и деструктивного влияния на социальную среду. По силе разрушений развитие лингводискурсивных онлайн-практик сопоставимо с атомной бомбой — невероятно крупномасштабное тотальное уничтожение и сохранение деструктивных последствий на многие века. Деструктивность определяется следующими характеристиками

дискурса, функционирующего онлайн [Волкова 2016: 161—178; Шейгал 2000; Ilie 2004; Weiss 2010; Гришанина 2018: 106—108]:

- отсутствием ответственности создателей за контент и последствия, к которым приводит его размещение и распространение;

- отсутствием у участников онлайн-взаимодействия осознания того, что вербальная интеракция в онлайн-пространстве, начиная от коммуникации в социальных сетях и заканчивая распространением информации в социальных сетях и сообществах, в сущности социальное действие, которое приводит к определенным последствиям различного потенциала и масштаба;

- отсутствием предсказательных моделей анализа направления развития онлайн-дискурса на основе лингвистического анализа существующих дискурсивных практик;

- отсутствием моделей описания, а также схем регулирования дискурса в рамках онлайн-пространства, что исключает возможность идентификации, мониторинга, а также управления дискурсивными практиками, имеющими деструктивный потенциал (разжигание межэтнических и национальных конфликтов, деструктивные действия в отношении нации, государства, других государств).

Политический контент мы определяем как часть социально-политической действительности, отраженной сознанием акторов и воспроизведенной в вербальной и невербальной форме [Рябченко 2018: 139—162]. Политический контент образует непрерывную среду — информационно-новостное поле, состоящее из дискретных сообщений, посредством которых взаимодействуют социально-политические акторы публичной сферы. Политический контент способен трансформировать социально-политическую действительность, продуцируя события — сообщение или совокупность сообщений, способных изменить расстановку сил или интересов в обществе. В онлайн-пространстве политический контент формируется институциональными (сайты органов власти, сайты политических партий, сайты политических и государственных лидеров, онлайн-СМИ) и неинституциональными (блогеры, лидеры мнений в социальных сетях, медийные персоны, сетевые сообщества, отдельные пользователи социальных сетей) акторами публичной политики [Катермина 2018: 87—96]. В отличие от политического контента, формируемого в офлайн-пространстве, неинституциональные акторы в онлайн-пространстве играют значительную роль и не просто потребляют политический контент,

но и воспроизводят его благодаря социальным сетям и горизонтальной архитектуре онлайн-пространства в целом. Онлайн-пространство как поле политических практик неоднородно с точки зрения распределения политического капитала и эффективности социальных практик [Рябченко 2012]. Эта неоднородность определяется не столько разным уровнем доступа населения к сети Интернет, сколько усложнением развития структурных элементов онлайн-пространства как с технологической точки зрения, так и с точки зрения социальных характеристик их использования пользователями (уровень публичности, временной характер хранения информации — Story, наличие институциональных барьеров). Основа онлайн-пространства — социальные сети, функционирующие на базе социальных платформ «Facebook», «ВКонтакте» и т. д.; любой актер публичной сферы так или иначе, непосредственно или опосредованно, отражает свою деятельность в социальных сетях; именно они являются основой социальных медиа с самой большой аудиторией потребления политического контента.

Непосредственное отражение деятельности акторов публичной сферы в онлайн-пространстве — это ведение официальных страниц на социальных платформах или наличие официального сайта. Это позволяет формировать основу контента и задавать векторы его развития при условии своевременного размещения информации о деятельности актора публичной сферы. Прямое ведение представительств позволяет напрямую формировать имидж актора публичной сферы [Реут 2013]. Опосредованное отражение деятельности акторов публичной сферы в онлайн-пространстве характеризуется тем, что актер публичной сферы не имеет официального представительства в онлайн-пространстве или новая информация о нем размещается несвоевременно. Несмотря на это, отражение деятельности происходит посредством фиксации интереса онлайн-пользователей к этому субъекту политики и производству различного контента, связанного с ним. В редких случаях акторы публичной сферы сознательно выбирают опосредованное отражение своей деятельности, например, как в случае с предвыборной кампанией президента РФ В. Путина: его предвыборная кампания в том числе реализовывалась посредством проекта «Putin Team».

Процесс формирования политического контента, его потребление и дальнейшая трансформация и влияние на социальную действительность как онлайн, так и офлайн

описываются объяснительной моделью управления политическим контентом. Эта модель основана на том, что политический контент образует непрерывную среду — асинхронное мультимодальное дискурсивное поле, состоящее из дискретных сообщений, посредством которых взаимодействуют социально-политические акторы публичной сферы, как институциональные, так и неинституциональные. Асинхронное мультимодальное дискурсивное поле включает в себя асинхронные мультимодальные дискурсы, задающие векторы развития всего поля и определяющие возможность формирования потенциала социального действия. Отличительная особенность асинхронных мультимодальных дискурсов, формирующихся в онлайн-пространстве, состоит в том, что вербальный контент подкрепляется иными формами, например, эмодзи или видеофайлами, тем самым он усиливается и на нем фокусируется внимание онлайн-аудитории, увеличивая вероятность накопления потенциала социального действия.

Политический контент и продуцируемые им асинхронные мультимодальные дискурсивные поля накапливают в онлайн-пространстве потенциал социального действия. Реализация потенциала социального действия пользователями онлайн-пространства приводит к различного рода событиям как онлайн, так и офлайн. Модель управления политическим контентом с точки зрения системного анализа и сетевого подхода представляет собой систему с обратной связью, реализуемой в виде связки «контент — событие — контент» и способной трансформировать социально-политические системы [Рябченко 2019: 92—106].

Управление политическим контентом как один из процессов по анализу и мониторингу социально-политической системы можно осуществить на разных уровнях от локальных сообществ до федерального уровня. Асинхронное мультимодальное дискурсивное поле, формируемое политическим контентом, является отражением деятельности сетевого сообщества от малого сообщества жителей любого населенного пункта до сетевых сообществ, функционирующих в рамках субъекта РФ и всей страны.

Важным этапом в системе управления политическим контентом является этап анализа способов производства и воспроизводства политического контента акторами социально-политического процесса. Анализ политического контента и формирование системы его управления особенно важны на региональном уровне в преддверии нового электорального цикла в РФ.

Для анализа регионального политического дискурса была применена модель управления политическим контентом и апробирована методология исследования. Эмпирической базой исследования стали сообщества «Типичный» в социальной сети «ВКонтакте»: сообщества с такой моделью названия одни из самых распространенных групп в онлайн-пространстве и связаны с обсуждением вопросов и проблем, а также взаимодействия граждан и власти именно на региональном уровне. Одним из ключевых событий 2018 г. в социально-политической жизни РФ были выборы глав субъектов РФ. Прямые выборы состоялись в 22 российских регионах, что и послужило критерием для их включения в исследование. Такими сообществами «Типичный» стали: Абакан, Анадырь, Барнаул, Благовещенск, Владивосток, Владимир, Воронеж, Иваново, Кемерово, Красноярск, Магадан, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Орёл, Псков, Самара, Тюмень, Хабаровск, Якутск. Для анализа эмпирических данных был разработан и апробирован гибридный операциональный инструментарий (математический анализ социальных сетей и сообществ, лингводискурсивный анализ, реляционная социология) анализа политического контента в онлайн-пространстве. По каждому из 22 субъектов был сформирован Data Set из сообщений, опубликованных участниками сообществ «Типичный» в период с 1 января

2018 г. по 1 июня 2019 г. (общее количество сообщений составило порядка 160 000, содержащих аудио-, видео-, текстуальный контент). Самым большим data set стал (см. рис. 1) «Типичный Омск» с коэффициентом активности (общее количество публикаций за исследуемый период, отнесенное к общему числу подписчиков) 0,041, самым маленьким — «Типичный Псков» с коэффициентом активности 0,030.

Data Set подверглись частотному анализу для выявления маркеров тех асинхронных мультимодальных дискурсов, которые составляют асинхронное мультимодальное дискурсивное поле субъектов РФ, определяющих векторы развития потенциала социального действия. Частотный анализ дополнился направленным контент-анализом и фолксономическим анализом. В результате было выделено 15 сфер активности сообществ в указанных регионах:

- 1) принадлежность к своему региону, его благоустройство, общественная жизнь и общественные отношения;
- 2) погода;
- 3) политика;
- 4) активное использование соц. сетей;
- 5) сфера услуг;
- 6) деньги;
- 7) ДТП и происшествия;
- 8) развлечения и культура, конкурсы;
- 9) новости;

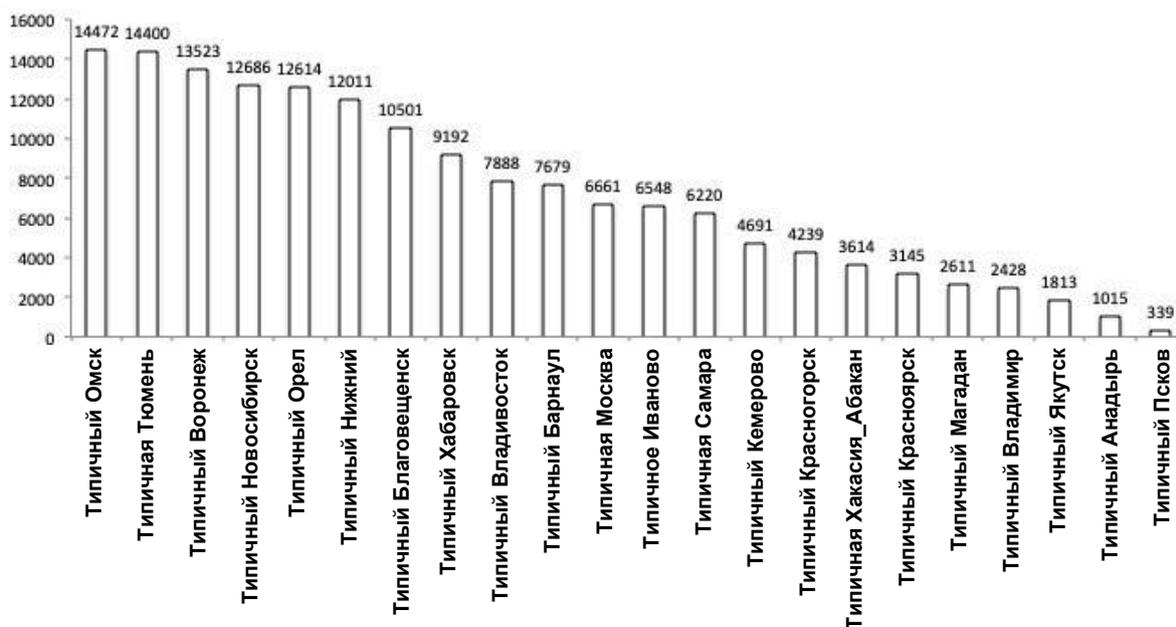

Рисунок 1. Объемы Data Set, составивших эмпирическую выборку исследования, количество сообщений

10) осознание себя социумом как единым целым;

11) профилактика правонарушений и безопасность;

12) интерес к местным населенным пунктам;

13) освещение общественных событий;

14) тенденция к анонимности;

15) «хочу» и «почему».

«Типичный Абакан». При проведении частотного анализа материалов данного города было выделено 6 ключевых групп словосочетаний, включающих в себя следующие слова: «Абакан», «местами», «Сибирь», «Тхакасия», «Хакасии», «Хакасия». На основе полученных данных было установлено, что наиболее волнующими темами для обсуждения в Абакане являются:

- собственно принадлежность к своему населенному пункту (большое количество словосочетаний, содержащих в своем составе слова «Абакан», «Хакасия», «абакане», «Сибирь» и другие, указывающие на непосредственное самоопределение). Следует отметить вариант «Тхакасия», который, очевидно, несмотря на то, что является опечаткой, имеет большое количество случаев употребления, что свидетельствует либо о частотной ошибке, либо о местном варианте написания Хакасии;

- погода — вообще одна из самых популярных обсуждаемых тем. Это обусловлено географией Абакана: погода в Сибири крайне неустойчивая. Об этом свидетельствуют следующие слова в составе словосочетаний: «местами», «днём», «ночью», «ветер», «усиление», цифры, показывающие температуру (12, 15, 14, 20 и т. д.), «грозы», «снег», «гололедица», «умеренный», «дожди», «ожидается» и т. д. Погодная тематика по частоте перекрывает все остальные темы для обсуждения;

- значительно уступающая по частотности политическая тематика: в словосочетаниях с названием Хакасии присутствует слово «глава», указывающее на интерес к выборам, однако данная тема почти не раскрыта.

Асинхронное мультимодальное поле в основном формируется темами «Погода» и «Регион», политические вопросы также обсуждаются, но гораздо реже. Остальные темы присутствуют, однако частотность уже слишком низкая для нашего исследования.

«Типичный Анадырь». Характерны 4 группы ключевых слов: «Анадырь», «Чукотка», «Чукотка», «Чукоткаонлайн». Участников сообщества также интересует принадлежность к месту своего проживания, характерна также частотная опечатка или хештег #Чукотк и явный хештег #Чукоткаонлайн. Отметим характерные темы для обсуждения в данном регионе.

- Непосредственно самоопределение как отражение региональной идентичности.

- Активность в социальных сетях: «чукоткаонлайн», «sborchukotka», «главная», «prochukotki», «онлайн», «лайк», «yandex» и др. Такое количество хештегов и интернет-терминов показывает большую активность сообщества. Также следует отметить тенденцию к некой гордости от того, что Анадырь (Чукотка), несмотря на свою отдаленность, идет в ногу со временем и не хуже других регионов «остается на связи».

- Ярко представленная сфера услуг. Обычно такое происходит, когда доступ к Сети появился не так давно и Интернет используют в первую очередь непосредственно как средство для рекламы и продвижения услуг, а не для общения. Набор словосочетаний с рекламами услуг велик: «услуги», «экспертиза», «дизайн», «жалюзи», «помощь», «монтаж», «обучение», «безопасность» и др.

- Тематика денег также входит в данный список, однако она не так заметно реализована, в отличие от первых двух групп: «рублей», «деньги» и др.

Непосредственно Интернет и открывающиеся в этой связи возможности являются наиболее частым предметом для обсуждения в формируемом сообществом асинхронном мультимодальном поле. Логически из этой позиции на первый план выходит сфера услуг. Денежные вопросы присутствуют, но не в полной мере. Остальные категории не так частотны.

«Типичный Барнаул». Нами было выделено 7 групп ключевых слов, что свидетельствует о широте обсуждаемых тем. Среди них присутствуют следующие: «Алтайского», «Барнаул», «Барнаула», «Барнауле», «Города», «Которые», «Края». Рассмотрим тематику обсуждений.

- В основном на обсуждение выдвигается бюджет края и его благоустроенность: «рублей», «работы», «жителей», «администрация», «парк» и др.

- В меньшей степени выражена озабоченность дорожно-транспортными происшествиями: «ДТП», «детьми».

- Самым малочисленным является однократное упоминание о погоде: «градусов».

Таким образом, основным предметом для обсуждения является непосредственно политика, благоустройство края, его состояние и развитие. Все остальные темы, хоть и присутствуют, но представлены в значительно меньшей степени.

«Типичный Благовещенск». Данное сообщество характеризуется сразу 10 группами ключевых слов и словосочетаний с ними:

«Amurinfo», «Blaga», «Blagogram», «Blagalive», «Амурская область», «Блага», «Благовещенск», «Благовещенске», «Блг», «Приамурье». Данное обстоятельство указывает на активную вовлеченность жителей в различные сферы жизни. Отметим самые частотные из них.

- Социальные сети. Огромное количество хештегов указывает на активность жителей в сети Интернет и на активное применение современных технологий: #obschestvo, #blagalive, #Russia, #rublej, #blg, #amurinfo и др. Сами же хештеги демонстрируют преимущественно обсуждение вопросов социального характера на финансовых, информационных и новостных ресурсах. Более того, встречаются хештеги и на русском языке: #блг, #28регион, #блг28.

- На русском языке также встречаются упоминания о вовлеченности в общественную жизнь: «рублей», «россиян», «области», «цен» и др.

- Отдельное внимание уделяется происшествиям и ДТП: «proishestviya», «ДТП», «водитель», «погиб».

- Также на обсуждение выносятся и культурная жизнь: «kultura».

- Сфера услуг и развлечений также отражена в обсуждениях: «goroskop», «reality».

Участники сообщества и жители региона являются активными пользователями социальных сетей и энергично реализуют их потенциал. Они ведут насыщенную социальную жизнь и участвуют в жизни города, а также имеют активную жизненную позицию.

«Типичный Владивосток». Отмечено 7 категорий ключевых слов и словосочетаний: «Владивостока», «Владивостоке», «Города», «Приморского», «Приморье», «Приморья», «Районе». Выявлены следующие особенности.

- Отмечается активная вовлеченность населения в политическую жизнь (чего не было выявлено у других регионов). Часто употребляются фамилии «Тарасенко» (Тарасенко Андрей Владимирович — врио губернатора Приморского края) и «Кожемяка» (Кожемяка Олег Николаевич — губернатор Приморского края).

- Денежная тема также присутствует: «рублей».

- Озабоченность происшествиями также выражена: «ДТП», «происшествия», «водитель».

- Об активном использовании социальных сетей свидетельствуют хештеги #vlad, #news.

- Также можно отметить заинтересованность в новостях как города, так и региона в целом: «news», «строительство», «человек», «году», «приморского» и др.

- Помимо политических деятелей также обсуждаются и вопросы политической жизни региона и города: «администрации», «врио», «губернатора» и др.

Владивосток является очень активным с позиции сетевой политической жизни населения регионом. Здесь впервые отмечается политическая активность: люди действительно проявляют интерес к политической жизни своего региона. Также они интересуются и другими сферами жизни, что в общем создает достаточно широкий и наглядный спектр интересов.

«Типичный Владимир». 2 широких тематических блока — «Владимир», «Города». Характеристики:

- Активное использование социальных сетей репрезентировано не только наличием хештегов #vk, #iphone, #vladimir, но и проведением различных розыгрышей среди подписчиков группы: «розыгрыш», «бесплатно», «конкурс», «репост», «условия» и др.

- Также уделяется внимание вопросам лечения и медицины: «лечение», «бесплатно».

- Общественные отношения и проблемы также упоминаются: «мэрия», «жители», «маршрут», «люди», «людей», «работы» и др.

В данном регионе отмечается активное использование социальных сетей для обсуждения бытовых вопросов и события региона.

«Типичный Воронеж». В данном асинхронном мультимодальном поле выделено 3 тематические группы («Воронеж», «Области», «типичный воронеж»), однако наблюдается вариативность сфер для обсуждения.

- Следует отметить, что словосочетание «типичный воронеж» (как хештег) встречается часто, что свидетельствует о самосознании себя народом как единого целого. Часто применяется и слово «воронежцы», что тоже способствует самоопределению себя как единого целого. Соответственно уровень взаимодействия на уровне социальных сетей высокий.

- Политическая вовлеченность социума также высока: «Гусев» (Гусев Александр Викторович — губернатор Воронежской области).

- Наряду с обсуждением происшествий, затрагиваются и вопросы их профилактики и безопасности: «МВД».

- Активно обсуждаются новости: «риа», «пресс», «вести».

- Активно представлена сфера услуг: «осаго», «диваны».

- Появляются упоминания о погоде, что указывает на озабоченность местных жителей климатическими условиями: «градусов», «днём».

- Неизменно присутствуют в наборе ключевых словосочетаний свидетельства интереса к денежным вопросам («рублей»).

«Типичное Иваново». Данное сообщество небольшое по численности и не имеет заметной интернет-активности, ключевые слова для обсуждения представлены 2 группами: «Иванове» и «Иваново». Темы, активно обсуждаемые в сети жителями региона, не являются слишком разнообразными и преимущественно относятся к событиям городского масштаба.

- Освещаются городские события: «центре», «дома», «программа», «площади», «пройдёт» и др.

- Культурная жизнь: «концерт», «культуры», «Пушкина» и т. д.

- Денежные вопросы («рублей») также становятся предметом обсуждений.

Для данного небольшого сообщества характерны внутренние обсуждения происходящего. Очевидно, что сообщество, как и сами жители города Иваново, сконцентрировано преимущественно на своих нуждах и интереса к внешнему миру не проявляет.

«Типичный Кемерово». Рассматриваемое сообщество имеет два тематических поля: «Кемерово» и «Рублей». Сферы интересов жителей не представлены ярко, однако примерный круг интересов можно очертить.

- Активность в социальных сетях здесь подтверждается проведением розыгрышей: «vk», «приз всем», «победителей», «смартфон» и др.

- Сфера услуг также представлена в данном регионе: «доставка», «суши», «акция», «покупки», «покупателей», «автобустур» и др.

- Финансовые вопросы тоже активно обсуждаются: «рублей», «кредита», «стоимость» и др.

В данном регионе наибольший интерес представляет сфера услуг, логически вытекающая из нее финансовая сфера и проявление данных сфер в исследуемом асинхронном мультимодальном дискурсивном поле.

«Типичный Красногорск» (Административный центр Московской области). Асинхронное мультимодальное поле, формируемое данным сообществом, достаточно обширно, несмотря на небольшие размеры сообщества.

- Прежде всего наблюдается тенденция к определению себя как единого целого, что можно видеть далеко не во всех регионах: «Типичныйкрасногорск».

- Представлена сфера услуг: «етех» (интернет-площадка для продажи запчастей для автомобилей), «корсана» (сеть магазинов запчастей для корейских автомобилей).

- Отмечается интерес к местным деревням: «Митино» (деревня неподалеку от Красногорска), «Нахабино» (рабочий поселок).

- Финансовая сфера: «рублей».

- Интерес к новостной сфере также присутствует: «новость», «пост», «новости».

- Также упоминаются розыгрыши: «розыгрыш».

Интерес к выборам и политическим событиям в данном сообществе по сравнению с другими достаточно высок.

«Типичный Красноярск». Ключевые слова и словосочетания представлены 4 группами: «Города», «Красноярск», «Красноярска», «Красноярске». Основные характеристики асинхронного мультимодального дискурсивного поля сообщества:

- Освещение общественных событий: «универсиада» (Зимняя универсиада 2019 г. — всемирные студенческо-молодежные спортивные соревнования, проходившие с 2 по 12 марта 2019 г. в Красноярске).

- Выносятся на обсуждение состояние города: «ремонтные работы», «ремонт», «метро», «мэрии», «районе».

Сообщество очень активно в обсуждении общественной жизни (в связи с универсиадой), озабочено экологическими вопросами и выборами губернатора.

«Типичный Магадан». Дискурсивное поле представлено такими блоками, как «Люди», «Магадан», «Магаданской», «Области». Тематика обсуждений весьма разнообразна. Очевидно, это можно связать с географическими особенностями (город-порт), в результате чего новостной обмен ведется достаточно интенсивно. Рассмотрим темы обсуждения в данном сообществе.

- Прежде всего отметим тенденцию к анонимности, которая ранее не встречалась нам в других регионах: «анон», «анонимно». Очевидно, в результате каких-либо событий люди стараются не выдавать своей личности.

- Частым предметом для обсуждения здесь становится погода: «солнца», «заход», «восточный», «давление», «ртутного».

- Также отметим интерес к обсуждению политики, однако, в отличие от других регионов, он реализуется не в виде упоминания конкретных персоналий: «губернатор», «думы».

- Активная сетевая жизнь подтверждается наличием хештегов #magadanmedia, #por.

- Вопросы безопасности и полиции также рассматриваются и обсуждаются: «УМВД», «срок», «опьянения», «статья». Любопытно отметить, что встречается слово «коп» — заимствованное из английского языка обозначение полицейского.

- Денежные отношения тоже не остаются без внимания: «деньги», «рублей».

Данное сообщество занимает достаточно активную позицию во многих сферах жизни. Этому способствует географическое по-

ложение: портовые связи провоцируют расширение рамок влияния.

«Типичная Москва». Как ни странно, несмотря на многочисленность участников сообщества, преобладающая тематика обсуждений в Москве вовсе не отличается разнообразием и представлена 4 группами слов и словосочетаний: «Которые», «Метро», «Москва», «Москвы».

• Прежде всего в Москве обсуждаются какие-либо места как культурного, так и чисто развлекательного назначения, иными словами, обсуждается то, куда можно пойти: «Музей», «парк», «парке», «место», «кафе», «памятник», «площадь», «здание» и др.

• Отдельное внимание уделяется обсуждению метро: «Метро», «станции».

• Как и во многих регионах, не исключается из круга интересов финансовая проблематика: «рублей».

Участников сообщества в большей степени интересуют вопросы, связанные с культурной жизнью и транспортной инфраструктурой, политические вопросы в асинхронном мультимодальном дискурсивном поле сообщества отражены мало.

«Типичный Нижний Новгород». Сетевая активность данного сообщества выстроена дискурсами «Город», «Нижем», «Нижний», «Новгород», «Новгороде».

• Использование хештегов #typical_nn, #vk, #nn говорит об активном пользовании социальными сетями.

• Использование хештегов #чм2018, #чм свидетельствует об активном обсуждении значимого события 2018 года — чемпионата мира по футболу, некоторые матчи которого проходили в данном городе.

• Новостям также уделяется внимание при обсуждении: «новости», «подписчика» и др.

• Присутствуют и упоминания финансовой сферы: «рублей», «руб».

Данное сообщество прежде всего находится «внутри себя», т. е. центрировано на своих собственных вопросах. Чемпионат мира по футболу, безусловно, внес разнообразие в его социальную сферу жизни. В отношении других категорий не было выявлено каких-либо отличий от других регионов.

«Типичный Новосибирск». Данное сообщество, как и сообщество «Типичная Москва», не отличается разнообразием тем. Очевидно, именно в больших городах наблюдается «сглаживание» тематик из-за большого количества обсуждений вопросов других, более распространенных сфер. Выделено 6 групп ключевых слов и словосочетаний: «Города», «Новосибирск», «Новосибирска», «Новосибирске», «Области», «Рублей». Рассмотрим наиболее значимые темы участников сообщества.

• Активно обсуждается жизнь города: «города», «фестиваль», «работы», «пройдёт», «площади», «области» и др.

• Присутствуют упоминания денег: «рублей», «бесплатно», «стоимость».

• Погода затрагивается, но обсуждается не слишком активно: «градусов», «день».

В сообществе прежде всего обсуждают общественную жизнь города, ее финансовую сторону и погоду. Остальные аспекты городской жизни освещены в меньшей степени.

«Типичный Омск». Выделено 5 групп ключевых слов и словосочетаний: «Люди», «Омск», «Омске», «Почему», «Хочу».

• Наблюдается тенденция к анонимности и «сетевой правдоподобности»: «анонимно», «анон», «фейк».

• Обсуждение членов общества: «людей», «девушкам», «мужчины», «женщины», «жить», «девушка», «ребёнка», «жена». Также встречаются многочисленные собственные имена: Анастасия, Александр, Сергей и др.

• Финансовые аспекты: «рублей», «деньги».

• События: «новости».

• Услуги: «суши», «tattoo».

• Действия правоохранительных органов: «ГИБДД».

• Активность в социальных сетях тоже проявляется: «репост», «подписчики».

• Освещается и культурная сторона жизни: «выставка».

• Уникальная черта данного сообщества — много «хочу» и много «почему».

Данное сообщество сформировало очень активное и тематически разнообразное асинхронное мультимодальное дискурсивное поле: обсуждается большое количество аспектов самой разной тематики, население составляют активные пользователи социальных сетей, принимающие живое участие в жизни региона, уникальная черта состоит в популярности вопроса «почему» и пожелания «хочу».

«Типичный Орел». Сообщество отличается низким уровнем активности. В частотном анализе была выделена только одна группа ключевых слов и словосочетаний: «Орле».

• Сфера услуг: «спарта» (спортивный зал), «sparta_orel», «фитнес», «бронирование», «предложение», «заявки», «звони», «зал» и др.

• Активность в социальных сетях: развита сфера услуг, рекламируемых посредством хештегов.

Дискурсивное поле, формируемое данным сообществом, завязано на социальном однообразии, социальные сети используются участниками сообщества преимущественно для рекламы услуг, а не каких-либо обсуждений.

«Типичный Псков». Выделено 7 частотных лексических групп: «Города», «День», «Псков», «Пскова», «Пскове», «Псковский», «Псковский». Основные дискурсивные поля:

- Общественная сторона жизни, проблема бездомных: «бездомных», «город», «детей», «исторический».

- Активность в социальных сетях реализована посредством активного применения хештегов #pskov, #news, #repertoire.

- Культурная жизнь: «музей», «концерт», «Арина Родионовна», «Пушкина» (отметим, что А. С. Пушкин много раз был в Пскове и черпал вдохновение в красотах местной природы, поэтому в Пскове находится известный памятник ему и его няне Арине Родионовне), «театр», «фестиваля», «драмы», «выставка», «спектакль» и др.

- Сфера услуг: «скидка», «бесплатное», «джаз», «билеты» и др.

- Местными жителями также обсуждаются новости: «новостей», «news».

Данное сообщество сформировало достаточно развитое асинхронное мультимодальное дискурсивное поле, участники сообщества предпринимают активные действия для его развития и стремятся высказывать мнение обо всех происходящих в регионе событиях, в том числе и политических.

«Типичная Самара». Контент, продуцируемый данным сообществом, не отличается каким-либо разнообразием тем; он в целом напоминает ряд уже рассмотренных нами региональных сообществ. Набор ключевых слов и словосочетаний состоит из 3 групп: «Области», «Самаре» и «Самарской». Рассмотрим их тематическую составляющую.

- Самарцы активно интересуются жизнью своего города и региональными новостями, что находит выражение в том числе и в хештегах #progorodsamara, #samarskoi, #oblasti, #samara, #news.

- Много внимания уделяется автотранспорту и контролю за безопасностью: «МВД», «ДТП», «водитель», «сотрудники», «шоссе».

- Финансовые вопросы также освещены: «рублей».

- Активность в социальных сетях подтверждена хештегами и разнообразием тем.

- Погода тоже является предметом для обсуждения, однако ее важность выражена уже в меньшей степени: «летний», «градусов».

Самарцы активно интересуются жизнью своего города, делятся разными событиями в социальных сетях, заботятся о своих дорогах и безопасности на них и, очевидно, имеют не самую устойчивую погоду, поскольку она также часто обсуждается.

«Типичная Тюмень». Данное сообщество (как и продуцируемый им контент и

асинхронное мультимодальное дискурсивное поле) относится к регионам с достаточно развитой сетевой жизнью. Ключевые слова и словосочетания состоят из 3 групп: «Тюмень», «Тюменской» и «Тюмень». Тематика обсуждений типична для таких сообществ.

- Активная жизнь в социальных сетях, а также заинтересованность в происходящих событиях видна из хештегов #news, #megatyuman, #tumeni, #happening, #oblasti.

- Дорожной обстановке также уделяется внимание: «ДТП», «водитель», «сотрудник».

- В среде социальных сетей также отводится место розыгрышам: «репост», «розыгрыш», «репост» и др.

- Финансовая сторона присутствует в обсуждениях: «рублей», «руб».

«Типичный Хабаровск». 5 групп ключевых слов и словосочетаний («Наш», «Хабаровск», «Хабаровска», «Хабаровске», «Хабаровского»), отчетливо проявляется политическая заинтересованность участников сообщества.

- Интерес к политике: «мэр», «губернатор», «КПРФ», «Фургал» (Фургал Сергей Иванович, губернатор Хабаровского края).

- Низкая активность в прочих сферах.

- Активность в социальных сетях: «телеграм», «канал», «t_khabarovsk», «vk».

- Финансовая сторона: «рублей».

Участники данного сообщества выстроили асинхронное мультимодальное дискурсивное поле с четко выраженной политической направленностью, что связано с выборами главы региона; этот фактор характерен далеко не для всех рассматриваемых нами регионов.

«Типичный Якутск». Несмотря на свою отдаленность, население данного региона занимает достаточно активную позицию во многих сферах, особенно в политической. В результате частотного анализа были выделены 6 групп: «Города», «Республики», «Якутии», «Якутск», «Якутска», «Якутске».

- В первую очередь огромное внимание уделяется политике. Пожалуй, данный регион является лидером в количестве и разнообразии политических обращений: «Авксентьева» (Авксентьева Сардана Владимировна — глава городского округа г. Якутск), «Фёдоров» (Фёдоров Владимир Юрьевич — первый зам. главы городского округа г. Якутск), «Николаев» (Николаев Михаил Ефимович — первый президент Республики Саха, сейчас государственный советник). Такое количество политических персоналий в обсуждении отмечается нами впервые.

- Сфера услуг: «papaico» (пиццерия), «пицца», «пицц», «филадельфия» (ролл), «роллов».

- Финансовая сфера: «рублей», «скидка».
- Новости: «news».

Данное сообщество является самым вовлеченным в политическую жизнь регионом. На фоне присутствия остальных сфер, самой упоминаемой является политическая.

Лингводискурсивный анализ по итогам частотного, направленного контент-анализа и фолксономического анализа позволил прийти к следующим выводам.

1. В online-пространство проникает модель газетного дискурса, охватывающего все газетные рубрики: передовая статья, статьи на политические, экономические и социальные темы, культурная и спортивная информация, прогноз погоды, гороскоп и др. Сохраняя внешние черты газетного стиля, посты, опубликованные в социальных сетях, имеют также свои особенности.

Особенно ярко данная тенденция проявляется в самой популярной для всех исследуемых сообществ и региональных дискурсов теме — погода. Так, например, в постах о прогнозе погоды можно выявить следующие тенденции.

Посты, кратко дающие прогноз погоды на ближайшее время с указанием температуры (*воздух днем прогреется до +24...+28 градусов; местами на воздухе на поверхности почвы ожидаются заморозки -3°С*). Также возможно употребление разговорной лексики (*избежит дождей, по-настоящему тепло, невысокая оправдываемость*). Личностный характер сообщений подчеркивается дискурсивными маркерами (*однако*) и личными комментариями (*имеют невысокую оправдываемость 50—60 %*).

В то же время встречаются посты, в которых увеличивается объем информации и сообщаются сопутствующие сведения: *Установился 4 класс пожарной опасности (выше 5, вокруг загорается малейшей искры), поэтому выезжать на шашлыки нужно с огнетушителем в обнимку, окурки по дороге складывать исключительно в пепельницу и тщательно прятать спички от детей (даже обещают положить место). будьте бдительны, берегите себя!* В данном посте характерно употребление побудительных предложений (*Будьте бдительны, берегите себя!*) («Типичный Абакан» и «Типичный Барнаул»).

Также следует отметить пост в сообществе «Типичный Воронеж», в котором прогноз погоды связывается с напоминанием работодателям о режиме работы и отдыха в жару (цитата из «Российской газеты» со ссылкой на Федеральную службу): *...работодатели должны обеспечить соответствующий температурный режим на рабо-*

чем месте в жару за счет кондиционирования, давать сотрудникам перерывы на работе, оборудовать места отдыха. При превышении температуры воздуха в помещении +28,5° необходимо сокращать продолжительность рабочего дня на час, +29° — 2 часа. Если работа связана с физическими нагрузками, рабочий день сокращается при температуре +26,5°...+27,5°. Также в ведомстве напомнили о важности позволять сотрудникам делать перерывы, нужно обустроить места отдыха. В рабочем помещении должны быть чистая питьевая вода, аптечка. По прогнозам Росгидромета, в пятницу, 31 мая, столбики термометров в Воронежской области могут подняться до +31°. В последующие дни немного похолодает. Источник: моё! online #типичныйворонеж.

2. Повсеместно распространенной и вытесняющей политическую в исследуемых дискурсах становится экологическая тематика. Проблемы экологии, отраженные в сообщениях, также можно рассматривать с разных ракурсов. В некоторых регионах события данной сферы освещаются с точки зрения чиновников, с преобладанием цифр, названий места, цели и результата («Типичный Барнаул» и «Типичный Якутск»).

Мнение чиновников Алтайского края заключается в следующем: *порядка становится больше, наши надзорные структуры Минприроды Алтайского края ведут пропаганду бережного отношения к природе, также пресекают нарушения природоохранного законодательства, это дисциплинирует жителей нашего региона, переменны к лучшему налицо, значит, идем в верном направлении, для проведения экологических акций приходится искать новые площадки, и, может, настанут времена, такие мероприятия будет негде проводить — мусора в природе не останется.*

Подобный пост появился в Якутске, где официальным сухим языком сообщается об открытии заповедника. Данное заявление было сделано пресс-службой министерства экологии республики: *Министр экологии, природопользования лесного хозяйства республики Сахамин Афанасьев выступил с информацией о проведенных мероприятиях по созданию геологического парка Юнеско „Кембрий: Алдано-Ленский регион“ природного парка „Кыталык“. Также министр рассказал о проведенной научно-исследовательской экспедиционной работе по изучению геологических разрезов в Алданском, Олекминском районах в Хангаласском улусе учеными палеонтологического института РАН с участием специалистов минэкологии*

Якутии. В посте перечисляются редкие виды животных и сообщается об общественном обсуждении данного проекта.

По сообщениям Комсомольской-на-Амуре межрайонной природоохранной прокуратуры выяснили причину массового мора рыбы. Данная информация появилась ранее в социальных сетях. Итоги расследования показали, что причиной гибели рыбы в реке стало вмешательство человека («Типичный Хабаровск»). В данном посте также сохраняется сухой официальный язык при информировании об экологических происшествиях.

Во Владивостоке прошла акция жителей Русского острова против пыли («Типичный Владивосток»). Данный пост, в отличие предыдущего, более эмоционален и отражает мнение не чиновников, а участников события. В нем также указана дата, количество митингующих, подробное описание действий и цель, но освещены события по-другому.

Цель акции обозначена на плакатах — *напомнить властям, что заасфальтировать здешнюю грунтовку обещано к 2012 году*.

Также средством сообщения был избран мессенджер whatsapp — *островитяне договорились о дорожном флешмобев популярном мессенджере whatsapp — с самого утра в воскресенье рассредоточились по разным участкам грунтовой дороги*.

Митингующие приготовили «выразительные элементы» — *кроме плакатов и масок можно заметить коляску с куклой, символизирующую детей, которым приходится дышать пылью так же, как и взрослым*.

Таким образом, использование символов помогает более ярко и экспрессивно выразить протест.

Во Владимире также прослеживается тенденция борьбы за экологию.

В посте об уборке озера «Глухое» близ Владимира кратко отмечается, что собранные 60 мешков одного стекла и пластика пойдут на переработку. Далее следует призыв: *«Берегите природу!» («Типичный Владимир»)*.

Борьба за экологию неразрывно связана с защитой животных. Подобная информация зафиксирована в постах в следующих регионах:

— «Типичный Владимир». *Во Владимире в парке „Дружба“ собака породы джек-расселтерьер одной посетительницы парка напала на взрослую белку. Женщина быстро ушла*. Далее в посте подробно освещаются события и последствия. В конце автор поста призывает владельцев собак следовать правилам выгула собак и не позволять нападать на животных, птиц и людей. В посте

также содержится просьба ответственно относиться к своим обязанностям хозяина, не причинять вред окружающему миру. В еще одном сообщении о потерянной собаке дается адрес, по которому она находится;

— «Типичный Воронеж». В одном из сообщений из города Воронежа содержится просьба вернуть потерянное животное. Перечисляются внешние данные. В посте содержатся вежливые формулы (*опубликуйте, пожалуйста; верните*), а также слова с оценочной коннотацией (*очень грустно, пропал друг семьи, нам его очень не хватает*). По мнению многих лингвистов, оценка выступает «дискурсивной доминантой, составной частью лингвистики убеждения» [Клушина 2008: 100]. В этой связи лингвистами отмечается двойственность коммуникативной установки информационно-аналитических материалов — стремления, с одной стороны, предоставить достоверную, объективную информацию, а с другой — транслировать социальные ценности, базирующиеся на определенной картине мира, которая, как и любая картина мира, субъективна;

— «Типичный Кемерово». Информация из приюта животных: *кому весёлого одноглазого „Якута“? Якуту 8 месяцев, живёт в приюте, нашли на улице Кирова — бегал изможденный в ошейнике, с гниющим глазом. Животное вылечили, готов к встрече с новыми хозяевами. Звони, забирай*. В данном посте также дается информация о внешнем виде животного и перечисляются действия, которые были совершены нашедшими (нашли, вылечили). В конце содержится призыв;

— «Типичный Якутск». В Якутске на улице села появился медведь, в связи с чем просят быть внимательными и осторожными. Пост предназначается «защитникам животных»: *защитникам животных смотреть!!! ☐☐♂ Якутия детка село „Хоро“ говорят вчера бродил возле дома местного библиотекаря 3,5 летний медведь;*

— «Типичный Хабаровск». В одном из постов Хабаровска сообщается о потерянной собаке: *в районе ТЦ „Подсолнух“ найдена очень добрая, ласковая весёлая собака, ухоженная. Хочется найти её хозяев, новую заботливую семью. whatsapp номер*. В сообщении указывается место находки, характеристики животного и контактные данные для ее хозяев. Пресс-секретарь зоосада «Приамурский» Алёна Федосеева успокоила хабаровчан, встревоженных странной опухолью на голове оленя. Данное событие активно обсуждается участниками сообщества. Это свидетельствует о заботе граждан и их внимании к окружающей среде, что вы-

ражено в посте наличием таких лексем, как «похожий на опухоль нарост», «серьезно большое животное».

Работа волонтеров также освещается во многих постах практически во всех регионах.

Также встречаются посты с предупреждениями о диких животных. Некоторые подобные сообщения публикуются анонимно: *Анонимно. На юго-западном районе улиц Краснойзвездной, Щендрикова, Любы-Шевцовой бегают дикие своры собак, пока нападают на мелких животных, передушено несколько кошек. Владельцам животных на самовыгуле не держать мелких собак без поводка. Будьте осторожнее, такая свора на человека может напасть* («Типичный Воронеж»).

Экологическая проблематика проникает и в рекламный дискурс. Примером рекламных сообщений, целью которых является показ экологичности того или иного места, может служить следующий пост: *Эко дом Лео приглашает желающих комфортно, по-домашнему, уютно провести свой отдых □ Гостевой дом построен из экологически чистых материалов, вся мебель из натурального дерева. ждут: ✓14 светлых просторных номеров кондиционером, телевизором, wi-fi отдельной террасой, ✓бассейны территории, ✓детская площадка, ✓летний бар, ✓охраняемая автостоянка, ✓кухня самостоятельного приготовления пищи ✓магазины, аптеки, кафе, дельфинарий аквапарк шаговой доступности, ✓трансфер аэропорта вокзала. □ дети 3-х лет бесплатно.* В данном посте повторение лексемы «экология» и ее дериватов (эко, экологический), а также синонимов (чистый, натуральный) усиливает необходимый для рекламодателя эффект.

3. Происходит формирование региональной идентичности через историю, традиции и визуальные средства (историческая информация, фотографии и открытки).

Во многих исследуемых сообществах «Типичный» достаточно большое место в социальных сетях занимают посты об истории места, а также выкладываются фотографии и открытки («Типичный Кемерово», «Типичная Тюмень», «Типичная Москва», «Типичный Абакан»).

4. В публикациях на темы политического и экономического характера, а также по вопросам, касающимся социальных проблем, в большинстве регионов прослеживается нейтральный, сухой, официальный стиль.

Так, например, в одном из постов в сообществе «Типичная Самара» сообщается, что в Тольятти уволили начальника полиции Центрального района. Бывшего на-

чальника Владимира Мясникова уволили из органов ОВД после служебной проверки. Владимир Мясников заинтересовал силовиков в связи с делом о взятках в полиции Тольятти, обмен на крышевание интим-салонов. Статус в деле пока не известен. Для данного поста характерно употребление терминологии (увольнение, начальник полиции, Центральный район, органы ОВД, служебная проверка, взятка, полиция, статус). Также указывается источник данной информации.

При информировании о благоустройстве города Барнаула для описания действий характерно употребление глаголов с положительной коннотацией в будущем времени (обустраивают, проведут, нанесут (дорожную разметку), установят (стойки), будут учтены, планируется реализовать); глаголы в прошедшем времени указывают на завершенность действий (ряд мероприятий завершен, часть работ завершена).

Также называются конкретные исполнители, место и время (координатор проекта «дорожная инспекция онф/карта убитых дорог» в Алтайском крае Евгения Гущина, март 2019 года, в Барнауле создана рабочая группа, сотрудники ГИБДД, члены городского комитета по дорожному хозяйству, благоустройству, транспорту связи).

Тем не менее в отдельных регионах информация на одинаковую тему получает разную тональность:

– «Типичный Барнаул». В посте о падении рейтинга Путина приводятся слова главы ВЦИОМ: *Валерий Фёдоров в эфире передачи Hard Day's Night на телеканале „Дождь“ объяснил причину падения рейтинга. „Я думаю, главная причина — непонимание, нам станет жить лучше. Значит жить лучше? значит: начнут расти наши доходы? По данным статистиков, им, правда, сегодня немногие верят за последние пять лет наши доходы растут“.* Напомним, 24 мая ВЦИОМ опубликовал данные опроса доверия власти. Показатель Владимира Путина составил 31,7 %, что стало минимумом в январе 2006 года. Тон поста достаточно нейтральный, при помощи логических конструкций, цифр и дат дается объяснение информации;

– «Типичный Владимир». Пост, связанный с политикой, обладает другой модальностью: *Ребята, слышал Жириновский в выходные приедет в область. Интересно, будет дешевый пиар в виде раздачи денег? Мне, униженно — вместо реализации проектов держите 500 рублей, радуйтесь. Сипягин обещает, делает, руководитель партии такими акциями показывает, что область нормально жить точно не начнет.*

Прежде всего необходимо обратить внимание на обращение личного характера, что с самого начала настраивает на более личный подход. Также характерно наличие лексики с отрицательной коннотацией (*дешевый пиар, раздача денег, унижительно*). В контексте поста чувствуется недовольство по отношению к руководителю края (такими акциями показывает, что область нормально жить точно не начнет);

– «Типичный Владивосток». В Дальневосточном регионе проходили выборы мэра в Дальнегорске. В посте наряду с официальной лексикой (*мэр, кандидат в депутаты думы, решение избрать мэром, конкурсная комиссия, заседание думы*) присутствует и лексика, выражающая субъективное отношение к данному событию («*в городе зреет некое подобие политического раскола*», «*решение депутатов не по нраву всем представителям местных элит и всем жителям, вполне можно ожидать новых скандальных новостей северного городка*», «*„пресловутые местные элиты“ пребывают в состоянии некоего шока — ясна подоплека решения региональных властей*», «*участие в скандальных выборах главы города в 2006 году*», «*на одной из центральных улиц расстрелян из автомата политический оппонент во втором туре предстоящих выборов*», «*разыгрывание на выборах „спортивной карты“ также продемонстрировало довольно странные результаты*», «*фактически безальтернативные выборы*»). Выше мы также отметили, что участники сообщества «Типичный Владивосток» формируют асинхронное мультимодальное дискурсивное поле, почти полностью спродуцированное политической тематикой.

5. В отдельных регионах то или иное событие в городе получает резонанс, в связи с чем увеличивается количество постов и репостов, таким образом жители выражают обеспокоенность и демонстрируют сплоченность.

В частности, жители отреагировали на серию взрывов на заводе «Кристалл» в Дзержинске («Типичный Нижний Новгород»). В многочисленных постах данное событие было освещено с разных сторон:

#86 02.06.2019 в 11:02 — сообщение о компенсации, получении страховки, обнаружено число пострадавших, а также приведены слова главы Дзержинска Ивана Носкова: «В результате взрывов повреждены 70 детских садов, 31 школа. Ущерб, нанесенный социальным объектам и жилому фонду, оценивается в миллионы рублей. Точная сумма, необходимая для устранения последствий ЧП, будет известна в течение двух дней» (#область@typical_nn).

#88 02.06.2019 в 09:02 — организация массового субботника жителями Дзержинска. Приводится пост Любови Ащевой — [id104902273]любовь ащева] пишет: *2 июня, приглашаются все желающие оказать помощь пострадавшим домам, а также образовательных других учреждениях, последствий взрывной волны. Сбор 9:00 около администрации города Дзержинска (пл. Дзержинского, 1) дальше целый день. Приходите, нужна любая помощь в любое время!* (#общество@typical_nn).

#92 01.06.2019 в 21:57 — из поста социальной сети «ВКонтакте» об организации субботника и помощи в устранении последствий взрыва: *жители Дзержинска вышли на улицы устранять последствия взрыва. Убирают выбитые стекла, ремонтируют рамы, помогают жителям убирать улицы. Молодцы! подробный пост взрыв vk.com/wall-31980961_880871.*

#95 01.06.2019 в 20:02 — об устранении гендиректора завода «Кристалл» (информация из поста vk.com/wall-31980961_880871).

#123 01.06.2019 в 12:44 — публикация фото с моментом взрыва; подробный пост обновляется: vk.com/wall-31980961_880871 (#происшествия@typical_nn).

В Красногорске подобный резонанс получило событие об убийстве Никиты Белянкина («Типичный Красногорск»). В многочисленных постах очень экспрессивно и выразительно показывается отношение жителей.

#6 04.06.2019 в 22:00 — *Подлое убийство русского богатыря Никиты Белянкина. Подлецы должны понести строжайшее наказание. Хотим, чтобы справедливость восторжествовала. Кроме того, нужно ужесточить контроль полиции за местами, подобными бару, возле которого убит Никита. Не первый раз драки, крики, разборки. Местные жители стонали от злачного заведения. Это не помешало бандитам устроить затяжную поножовщину в самое опасное время — ночью в выходной день и спокойно, пешком уйти с места убийста* (#типичныйкрасногорск #красногорск).

Данный пост наполнен лексикой с отрицательной коннотацией, призывами к действию.

#13 04.06.2019 в 13:17 — информация о задержании двоих подозреваемых в убийстве Никиты Белянкина: задержаны двое подозреваемых в убийстве ветерана боевых действий Сирии Никиты Белянкина, сообщила официальный представитель СКР Светлана Петренко. *В ходе расследования главным следственным управлением СК России уголовного дела об убийстве бывшего военнослужащего в Красногорске (часть 1 статьи 105 УК РФ) по подозрению в совер-*

шении указанного преступления задержаны двое мужчин 1977 1982 годов рождения. Роль каждого устанавливается следствием», цитирует РИА Новости. Петренко также отметила, что остальные участники массовой драки установлены (#типичныйкрасногорск #красногорск).

Данный пост является более официальным сообщением и содержит фактуальную информацию.

#22 03.06.2019 в 21:01 — мысли и сомнения жителей о возможном наказании убийцы Никиты Белянкина: убийца спецназовца Никиты Белянкина, вероятнее всего, скрылся из России — улетел в Армению. Следователи задержали двоих участников драки, — они рассказали любопытные важные детали о том, что произошло в подмосковном посёлке Путилково. По словам очевидцев, скандал вспыхнул в баре на почве национальностей, после того, как двое местных жителей зашли в «Бир хаус», чтобы выпить пива. Однако в тот момент там отдыхали несколько приезжих — они стали выталкивать «непрошенных гостей», парни сопротивлялись, они успели заказать выпивку. Правда бармен, кстати, участвовал в процессе — активно выгонял своих клиентов. Началась драка. Никита Белянкин увидел потасовку, вступился за парней, которых избивали толпой, они окружили самого — ударили ножом в грудь. При допросе мужчины рассказали, что той ночью купили убийце билет на самолёт в Армению, Он, скорее всего, успел скрыться за границей (#типичныйкрасногорск #красногорск).

#25 03.06.2019 в 15:32 — подробности смерти Никиты Бенлянкина: Никита Белянкин умер на руках женщины. Светлана пыталась оказать первую помощь, пока полиция и скорая ехали на вызов. «Он бежал, упал к нам спиной, мы с супругом подбежали, пытались оказать первую помощь, но, к сожалению, было невозможно» (#типичныйкрасногорск #красногорск названия).

#27 03.06.2019 в 13:51— подробности с места преступления: на месте убийства Никиты Белянкина нашли пистолет Стример-2014. Спецназовец отстреливался от нападавших. Разрешение на ношение оружия было. Нашли 4 стреляные гильзы и части тех пуль, которые успел выпустить в нападавших, 7 патронов, которые он расстрелять не успел (#типичныйкрасногорск #красногорск).

Таким образом, в данных постах встречается как фактуальная информация, переданная нейтральной лексикой с использованием сухого официального стиля, так и эмо-

циональная лексика, свидетельствующая о неравнодушии жителей к происшедшему событию.

6. Следует также отметить такую особенность: в том или ином региональном сообществе та или иная тематика получает отражение в большом количестве постов, в связи с чем можно говорить о типичности и важности этой проблемы.

Так, например, в постах сообщества «Типичный Благовещенск» большое внимание уделяется ДТП:

#3 01.06.2019 в 10:00

По факту крупного ДТП в Свободненском районе возбуждено уголовное дело <http://amur.net/news/proicshestviya/region/po-faktu-kрупного-dtp-v-svobodnenskom-rayone-vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo> человек погиб десять травмированы #blagalive #blagagram #28rus #blaga #amurinfo

#58 30.05.2019 в 04:15

В Благовещенске жестко столкнулись две иномарки (фото) <http://amur.net/news/proicshestviya/region/v-blagoveschenske-zhestko-stolknulis-dve-inomarki-foto> машины двугались друг другу навстречу #blagalive #blagagram #28rus #blaga #amurinfo

Как уже было сказано выше, особенностью постов сообщества «Типичный Благовещенск» является наличие ссылок и гиперссылок, поэтому информация дается кратко и сжато.

В сообществе «Типичный Воронеж» достаточно часто освещаются транспортные проблемы:

#41 31.05.2019 в 15:07

Институт генплана Москвы, разрабатывающий генеральный план Воронежа на 2021-2041 годы, предложил отказаться от метро в пользу трамвая.

В посте перечисляются аргументы «за» и «против» данного предложения.

#74 30.05.2019 в 15:44

Также поднимается вопрос о законности действий с платной парковкой.

RDS Юг 14.05.2019 в 15:15

Просят предупредить анонимно о преступлениях, совершаемых водителями такси. Описываются действия преступных водителей.

В посте содержатся побудительные предложения-призывы:

Будьте бдительны! Не ездите в одиночку! Сообщайте номера машины, в которую садитесь, друзьям. Пользуйтесь проверенными сервисами такси!

#88 30.05.2019 в 08:35

Информация о перенесении пешеходного перехода: уважаемые водители и пешеходы, максимум внимания, на остановке

Морозова (ул. Тимирязева), перенесли пешеходный переход ближе к ул. Ломоносова!

Для сообщества «Типичный Кемерово» характерны посты о строительстве и опросах.

Одни посты сообщают официальную информацию о строительстве того или иного объекта:

#63 30.05.2019 в 13:30

Строят сквер на месте «Зимней вишни» фото: a42.ru

#75 29.05.2019 в 17:00

Строительство нового спортивного комплекса «Кузбасс-арена» в Кемерове обойдётся 7,5 миллиардов рублей файл post-8744-wiping-tears-with-money-gif-hd-lkhv.gif

#141 23.05.2019 в 09:00

Кемерово. Строится музыкальный театр Кузбасса.

#160

Другие посты содержат дополнительную, субъективную информацию.

#103 27.05.2019 в 14:00

В администрации Кемеровской области дали комментарий о том, достроен ли Кемеровский аквапарк: — разрешение на строительство объекта «Спортивно-оздоровительный комплекс» выдано застройщику ООО «Кузбасский водный центр». Иной информации о консервации объекта и сроках завершения строительства нет.

#106 27.05.2019 в 11:00

Возобновилось строительство заброшенного ТЦ в Кемерове. Чувствуете? — Город расцветает :)

В публикациях опросов доминируют лексемы «анонимный» и «важный»:

#84 29.05.2019 в 08:00

Важный опрос кемеровчан.

#96 28.05.2019 в 10:12

Анонимный опрос кемеровчан.

#105 27.05.2019 в 12:00

«Мы сегодня строим в среднем храма в сутки 24 часа. 30 000 храмов за десять лет» — сообщает патриарх Кирилл. Анонимный опрос!"

#143 23.05.2019 в 07:00

Анонимный опрос :).

В сообществе «Типичный Барнаул» много постов, связанных с политикой. Для них характерны следующие особенности.

Большинство информации дается с использованием нейтральной лексики. В постах даются ссылки на авторитетные источники, цитаты, цифры и даты.

#41 30.05.2019 в 09:10

Глава ВЦИОМ рассказал, почему рейтинг Путина падает. Валерий Фёдоров в эфире передачи Hard Day's Night на телека-

нале «Дождь» объяснил причину падения рейтинга. «Я думаю, главная причина — непонимание, нам станет жить лучше. Значит жить лучше? значит: начнут расти наши доходы? По данным статистиков, им, правда, сегодня немногие верят, за последние пять лет наши доходы растут». Напомним, 24 мая ВЦИОМ опубликовал данные опроса доверия власти. Показатель Владимира Путина составил 31,7%, что стало минимумом в январе 2006 года.

#138 24.05.2019 в 16:05

Новости о петиции об отставке Зеленского — приводятся даты и цифры.

Работа Госдумы также получает освещение:

#120 25.05.2019 в 16:05

Информация о принятии в первом чтении законопроекта о штрафах тех, кто отказывается обслуживать пожилых людей.

#122 25.05.2019 в 14:05

В Госдуме также предложили удалять профили мертвых людей в соцсетях.

В результате мы выявили несколько особенностей формирования и развития регионального политического дискурса в онлайн-пространстве современных субъектов Российской Федерации.

Во-первых, исследуемый политический дискурс, формируемый сетевыми сообществами в асинхронных мультимодальных дискурсивных полях, характеризуется активным использованием хештегов. Хештеги не только группируют сообщения схожего содержания в микроблогах и обеспечивают возможность быстрого поиска нужной информации, но и приобретают творческий характер [Кан 2017: 91—98]. Хештег служит для более емкого выражения значений без использования средств синтаксиса естественного языка и, более того, нередко приобретает в предложении особый коммуникативный статус.

Во-вторых, исследуемый дискурс отличается «личностными» и идентитарными постами, в которых сквозит любовь к своему краю или региону, что достигается использованием лексики с положительной оценкой. Также следует отметить графический способ — использование восклицательных знаков, смайликов, а также фотографий, демонстрирующих красоты местности. Топонимы «Хакасия», «Абакан», «Кемерово», «Хабаровск», «Москва» и другие служат собирательным образом людей, проживающих на этих территориях. Это значение усиливает эффект и демонстрирует единство людей. Этот же эффект достигается и использованием обращения «друзья», являющегося этикетной формулой в коммуникации. Типичные обороты речевого этикета — это своеобразный

языковой фонд, регулирующий общественные и личные взаимоотношения между носителями данного языка. Формулы обращения обслуживают одну из важнейших сторон речевой деятельности: организацию и регуляцию коммуникативных отношений. Обращение — это функция служебной лингвистической единицы, заключающаяся в подчеркивании направленности текста в целом и отдельных его частей адресату, а также в установлении соответствий между представлениями адресанта и адресата о характере социально типизированных отношений между ними в процессе создания и восприятия текста.

В-третьих, наряду с вербальными формами обращения используются и невербальные. Коммуникация характеризуется новыми формами сокращения слов, включением графических элементов, сопровождением реплик смайлами эмодзи, созданными в 1998 Сигэтаком Куритом и вошедшими в ежедневное общение каждого пользователя медийного пространства. Данные средства передают дискурсивно-прагматическую информацию, которая направлена на организацию дискурса и речевого контакта, на самовыражение автора и взаимодействие его с адресатом.

В-четвертых, фактически каждое сообщение/пост сопровождается ссылками и гиперссылками. В постах практически во всех регионах наблюдается большое количество ссылок и гиперссылок на то или иное событие, информацию или фотографию, что не является случайным, так как это — одна из характерных особенностей формируемых сообществами асинхронных мультимодальных дискурсивных полей.

В-пятых, тематика выборов и политических вопросов уступает по популярности в исследуемом дискурсе социальной и экологической проблематике. В некоторых сообществах социальное и бытовое полностью вытесняет политическую проблематику.

Персоналии кандидатов на различные политические региональные и муниципальные посты вызывают интерес у участников сообществ либо в случае отрицательных информационных вбросов, либо в том случае, если кандидат вел активную избирательную кампанию именно в интернет-пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Я. А., Панченко Н. Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестн. РУДН. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 161—178.
2. Гришанина М. Ю. Культурная медиасреда: неограниченный потенциал и ограниченные возможности людей [Электронный ресурс] // СМИ в современном мире. Молодые исследователи. — СПб., 2018. С. 106—108. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1521129959_2247.pdf (дата обращения: 13.04.2019).
3. Кан Е. В. Хэштеги как новое лингвистическое явление // Филологический аспект. 2017. № 1 (21). 91—98.
4. Катермина В. В., Гнедаш А. А. Формирование политического контента в онлайн-пространстве: структурно-сетевой и лингводискурсивный анализ современных социальных движений (на материале Women's March) // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70). С. 87—96.
5. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. — М.: МедиаМир, 2008.
6. Реут О. Ч. Digital electoral history и модернизация политических коммуникаций // PolitBook. 2013. № 2.
7. Рябченко Н. А. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России : дис. ... канд. полит. наук. — Краснодар, 2012.
8. Рябченко Н. А., Катермина В. В., Гнедаш А. А., Малышева О. П. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южно-российский журнал социальных наук. — Краснодар, 2018. № 3. С. 139—162.
9. Рябченко Н. А., Малышева О. П., Гнедаш А. А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 92—106.
10. Урри Дж. Мобильности. — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012.
11. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. — Волгоград : Перемена, 2000. 368 с.
12. Iie C. Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments: A rhetorical approach // Cross-cultural Perspectives on Parliamentary Discourse / P. Bayley (ed.). — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Pub. Comp., 2004.
13. Weiss G., Wodak R. Introduction: Theory, Interdisciplinarity and Critical Discourse Analysis // Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity / G. Weiss and R. Wodak (eds). — Palgrave Macmillan Ltd., 2010.

N. A. Ryabchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia
ORCID ID: 0000-0001-6980-2894

V. V. Katermina

Kuban State University, Krasnodar, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9141-9867

A. A. Gnedash

Kuban State University, Krasnodar, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3516-107X

B. G. Vulfovich

Kuban State University, Krasnodar, Russia
ORCID ID: 0000-0002-7358-9819

E-mail: rrrnatali@mail.ru; katermina_v@mail.ru; anna_gnedash@inbox.ru; justb8888@gmail.com.

Regional Political Discourse: Theoretical Model, Methodology of Research and Practice of Managing Political Content in the Online Space of the Russian Federation Subjects

ABSTRACT. *An asynchronous multimodal discursive field formed by political content is a reflection of the activities of a network community from a small community of residents of any locality to network communities operating within the subjects of the Russian Federation and in the whole country. Political content is able to transform socio-political reality by producing events — a message or a series of messages that can change the balance of power or interests in society. Regional political discourse, political content and the asynchronous multimodal discursive fields produced by it accumulate the potential of social action in the online space which can lead to both constructive and destructive actions in the offline space. To analyze the regional political discourse, a political content management model was applied and a research methodology was tested. The community “Typical” on the VKontakte social network, formed on the basis of the administrative centers of 22 subjects of the Russian Federation (Abakan, Anadyr, Barnaul, Blagoveshchensk, Vladivostok, Vladimir, Voronezh, Ivanovo, Kemerovo, Krasnogorsk, Krasnoyarsk, Magadan, Moscow, Nizhny Novgorod, Novosibirsk, Omsk, Orel, Pskov, Samara, Tyumen, Khabarovsk, Yakutsk) became the empirical base of the study. To analyze empirical data, a hybrid operational toolkit (comprising mathematical analysis of social networks and communities, folksonomic analysis, linguodiscursive analysis, and relational sociology) was developed and tested. It was used for political content analysis and analysis of asynchronous multimodal discursive fields formed in these communities in the online space. A Data Set was generated for each of the 22 “Typical” communities from the messages published by participants from January 1, 2018 to June 1, 2019 (the total number of messages with audio, video and textual content was about 160,000). As a result of the study, it became possible to identify the characteristics of regional political discourses in the context of the elections of the heads of the subjects of the Russian Federation in 2018 and to reveal the trends in the formation and development of asynchronous multimodal discursive fields in the online space of the Russian regions.*

KEYWORDS: *political content; regional discourse; political discourse; regional policy; online space; Internet; governor elections; governor; local organs of power; political processes.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ryabchenko Natal'ya Anatol'evna, Candidate of Political Science, Associate Professor of Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Katermina Veronika Viktorovna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gnedash Anna Aleksandrovna, Candidate of Political Science, Associate Professor of Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Vulfovich Boris Grigor'evich, Post-graduate Student of Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

FOR CITATION: *Ryabchenko, N. A. Regional Political Discourse: Theoretical Model, Methodology of Research and Practice of Managing Political Content in the Online Space of the Russian Federation Subjects / N. A. Ryabchenko, V. V. Katermina, A. A. Gnedash, B. G. Vulfovich // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 114-131. — DOI 10.26170/pl19-05-12.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) project № 18-011-00910 “Models and Practices of Political Content Management in the Online Space of Modern States in the Post-Truth Era” (2018-2020).*

REFERENCES

1. Volkova Ya. A., Panchenko N. N. Destructiveness in Political Discourse // Proceedings of RUDN. Ser.: Linguistics. 2016. Vol. 20. No. 4. P. 161—178. [Destrktivnost' v politicheskom diskurse // Vestn. RUDN. Ser.: Lingvistika. 2016. T. 20. № 4. S. 161—178]. — (In Rus.)

2. Grishanina M. Yu. Cultural Media Environment: Unlimited Potential and Limited Opportunities of People [Electronic resource] // Media in the Modern World. Young Researchers. — St. Petersburg, 2018. P. 106—108. [Kul'turnaya mediasreda: neogranichennyy potentsial i ogranichennyye vozmozhnosti lyudey // SMI v sovremennom mire. Molodye issledovateli. — SPb., 2018.

S. 106—108]. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1521129959_2247.pdf (date of access: 13.04.2019). — (In Rus.)

3. Kan E. V. Hashtags as a New Linguistic Phenomenon // *Philological Aspect*. 2017. No. 1 (21). 91—98. [Kheshtegi kak novoe lingvisticheskoe yavlenie // *Filologicheskiy aspekt*. 2017. № 1 (21). 91—98]. — (In Rus.)

4. Katermina V. V., Gnedash A. A. Formation of Political Content in the Online Space: Structural-network and Linguistic-discursive Analysis of Modern Social Movements (based on Women's March) // *Political Linguistics*. 2018. No. 4 (70). P. 87—96. [Formirovanie politicheskogo kontenta v onlayn-prostranstve: strukturno-setevoy i lingvodiskursivnyy analizy sovremennykh sotsial'nykh dvizheniy (na materiale Women's March) // *Politicheskaya lingvistika*. 2018. № 4 (70). S. 87—96]. — (In Rus.)

5. Klushina N. I. Stylistics of a Journalistic Text. — Moscow : MediaWorld, 2008. [Stilistika publitsisticheskogo teksta. — M. : MediaMir, 2008]. — (In Rus.)

6. Reut O. Ch. Digital Electoral History and the Modernization of Political Communications // *PolitBook*. 2013. No. 2. [Digital electoral history i modernizatsiya politicheskikh kommunikatsiy // *PolitBook*. 2013. № 2]. — (In Rus.)

7. Ryabchenko N. A. Institutionalization of Public Policy in the Online Space of Modern Russia : thesis ... of Cand. of Political Sciences. — Krasnodar, 2012. [Institutsionalizatsiya publichnoy politiki v online-prostranstve sovremennoy Rossii : dis. ... kand. polit. nauk. — Krasnodar, 2012]. — (In Rus.)

8. Ryabchenko N. A., Katermina V. V., Gnedash A. A., Malysheva O. P. Political Content of Social Movements in the On-

line Space of Modern States: Analysis Methodology and Research Practice // *South Russian Journ. of Social Sciences*. — Krasnodar, 2018. No. 3. P. 139—162. [Politicheskiy kontent sotsial'nykh dvizheniy v online-prostranstve sovremennykh gosudarstv: metodologiya analiza i issledovatel'skaya praktika // *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*. — Krasnodar, 2018. № 3. S. 139—162]. — (In Rus.)

9. Ryabchenko N. A., Malysheva O. P., Gnedash A. A. Political Content Management in Social Networks during the Election Campaign in the Post-truth Era // *Polis. Political Research*. 2019. No 2. P. 92—106. [Upravlenie politicheskim kontentom v sotsial'nykh setyakh v period predvybornoy kampanii v epokhu postpravdy // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2019. № 2. S. 92—106]. — (In Rus.)

10. Urri Dzh. Mobility. — Moscow : Praxis Publishing and Consulting Group, 2012. [Mobil'nosti. — M. : Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa «Praxis», 2012]. — (In Rus.)

11. Sheygal E. I. Semiotics of Political Discourse : Monograph. — Volgograd : Change, 2000. 368 s. [Semiotika politicheskogo diskursa : monogr. — Volgograd : Peremena, 2000. 368 s.]. — (In Rus.)

12. Ilie C. Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments: A rhetorical approach // *Cross-cultural Perspectives on Parliamentary Discourse* / P. Bayley (ed.). — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Pub. Comp., 2004.

13. Weiss G., Wodak R. Introduction: Theory, Interdisciplinarity and Critical Discourse Analysis // *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity* / G. Weiss and R. Wodak (eds). — Palgrave Macmillan Ltd., 2010.

РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'42:81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621
DOI 10.26170/pl19-05-13

ГСНТИ 16.21.07; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

О. В. Врублевская

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

ORCID ID: 0000-0003-3269-2622

 E-mail: Gesse-wolf2009@yandex.ru.

Прецедентные антропони́мы политического дискурса как средство социальной оценки

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию имен собственных, которые в постсоветский период изменили или приобрели оценочные значения. Объектом исследования являются прецедентные антропони́мы политического дискурса (имена советских, российских и зарубежных политиков разных периодов, а также имена личностей, связанных с политическими скандалами). Цель проводимого исследования заключается в выявлении оценочных значений, которые сформировались у данных имен под влиянием политических, экономических и социальных факторов в российском обществе в постсоветское время (начиная с 1990-х гг. по настоящее время). Для выявления оценочных значений исследуемых имен был проведен анализ их контекстуального употребления. Материалом исследования послужили контексты из средств массовой информации и Национального корпуса русского языка (художественный и публицистический подкорпусы). Результаты анализа показали, что исследуемые имена при употреблении в переносном значении (1798 контекстов) реализуют свой оценочный потенциал, выступая в качестве члена сравнения или метафоры. Исследование также выявило три типа социальной оценки, реализуемой посредством прецедентного антропони́ма из сферы политики: оценка качества политического деятеля, его внешних признаков (особенности внешности, элементы одежды / манера одеваться) или оценка единичных резонансных событий, ситуаций, связанных с конкретной личностью. Некоторые прецедентные антропони́мы становятся многозначными, за сравнительно короткий период приобретают несколько устойчивых переносных значений.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *прецедентные имена; политический дискурс; социальная оценка; язык СМИ; ономастика; прецедентные антропони́мы; политические деятели; СМИ; средства массовой информации; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Врублевская Оксана Валентиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; 400066, Россия, Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, д. 27; e-mail: Gesse-wolf2009@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Врублевская, О. В. Прецедентные антропони́мы политического дискурса как средство социальной оценки / О. В. Врублевская // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 132-139. — DOI 10.26170/pl19-05-13.*

БЛАГОДАРНОСТИ. *Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00578 «Коннотативные имена собственные как инструмент социальной оценки: динамический аспект (на материале русскоязычных текстов постсоветского периода)».*

В обществе постоянно происходит оценка фактов и явлений окружающей нас действительности. В оценках отражается взаимодействие окружающего мира и человека.

Субъектом оценки может выступать лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка. Объектом оценки — лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым оценка относится [Вольф 1985].

В. Н. Телия определяет оценку как семантическую категорию, которая выражает «отношение, связь, устанавливаемую между ценностной ориентацией говорящего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию в соответствии со стандартом бытия вещей или положению дел в некото-

рой картине мира, лежащей в основании оценки» [Телия 1986: 23].

Несмотря на то, что некоторые ученые разводят понятия *оценка* и *оценочность* (оценка — семантическая категория, оценочность — стилистическая [см., напр.: Воронцова 2006, Хабекирова 2009]), большинство исследователей употребляют эти термины как синонимы.

Оценочное высказывание понимается как «высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность некоторого объекта» [Ивин 2012: 203].

Таким образом, оценка неразрывно связана с понятием *ценности* и служит проявлением ценностей, актуальных в определенный период. Как отмечает В. В. Суْتُжко,

«социальная оценка — это производное от социальных ценностей, проявляющихся в общественных отношениях. <...> Социальную оценку формируют: социальная направленность, социальные установки, обыденное массовое сознание, идеология и др. <...> Социальная оценка также понимается как мера соответствия какого-либо социального события (явления, факта) определенным социальным критериям, которые выдвигает общество и сам человек, исходя из своего социального опыта» [Сутужко 2004: 18—19].

В последние несколько десятилетий социальная оценочность сделалась одним из основных признаков языка СМИ и политики [Солганик 2012]. Н. И. Клушина подчеркивает, что социальная оценочность становится «ведущим конструктивным принципом публицистического дискурса, поскольку автор-журналист является выразителем не только и не столько индивидуального личностного мировоззрения, но прежде всего — мировоззрения определенных социальных групп, которое он разделяет» [Клушина 2008: 39, 40].

Однако здесь следует заметить, что социальная оценка может подвергнуться переоценке и трансформироваться в новую оценку или приобрести иную форму. Подобные процессы характерны для последних нескольких десятилетий в связи со сменой политической (идеологической), экономической, социально-культурной ситуации в нашей стране. Как отмечают исследователи, «слова, втянутые в круговорот общественных и политических событий, в наибольшей степени подвержены изменению оценки» [Ретунская 1989: 28].

Таким образом, в современных условиях особую актуальность приобретает исследование социальной оценочности языковых единиц.

Социальная оценочность реализуется посредством разноуровневых единиц, которые выражают отношение автора к предмету речи. Исследованию данных единиц посвящены работы об оценочных значениях [Арутюнова 1988] и способах их выражения [Вольф 1985], о социально маркированной лексике [Ретунская 1989], об оценочной информации в инвективных текстах [Чернышова 2009], о взаимосвязи коннотации слова с категорией меры обозначаемого явления [Матвеева 2012] и др. В последние десятилетия спектр оценочных единиц расширяется. Так, происходит активное вовлечение всё большего количества имен собственных в число языковых единиц, используемых для социальной оценки различных фактов, событий, известных личностей и другого, что отмечается рядом исследователей [Нахимова 2008; Крюкова 2011; Клушина 2008 и др.].

Имена собственные, в частности антропонимы, как пишет Н. И. Клушина, «претерпевают авторскую стилистико-идеологическую трансформацию, что способствует утверждению в массовом сознании определенного оценочного восприятия не только о нем, но и стоящего за ним конкретного человека. Как и любая метафора, метафора ономастическая является основой публицистической номинации, поскольку является мощным языковым механизмом убеждения с помощью удачно выбранного слова» [Клушина 2008: 45—46].

Кроме того, Н. И. Клушина подчеркивает, что ономастическая метафора является яркой чертой новейшего публицистического дискурса, не использовавшейся в советской массовой коммуникации [Клушина 2008: 45].

В соответствии с представлениями такого научного направления, как теория прецедентности, случаи использования ономастической метафоры определяются как случаи употребления прецедентных имен (подробнее см.: [Нахимова 2008]), т. е. «широко известных имен собственных, которые могут быть использованы в качестве особых культурных знаков, своего рода символов определенных качеств» [Гудков, Захаренко, Красных, Багаева 1997].

Число прецедентных имен в средствах массовой информации постоянно растет. Одни из них задерживаются в языке и культуре надолго, другие в настоящее время выходят из употребления, но они также представляют интерес для исследования, так как отличаются повышенной частотностью в определенный период и характеризуют речь носителей русского языка на этом этапе.

Е. А. Нахимова выделяет четыре смысловые сферы, которые являются источниками, пополняющими арсенал прецедентных имен. К первой сфере относятся три группы имен: имена «олигархов»; имена широко известных политических лидеров некоммунистической России; имена людей, которые «прославились» своими преступлениями, вызвавшими значительный общественный резонанс. Границы между данными группами размыты. Вторая сфера — это СМИ, здесь выделяется группа прецедентных имен широко известных тележурналистов. Третья сфера — это искусство и соответственно имена, относящиеся к ней. И четвертая сфера — литература, куда включаются имена героев художественных произведений [Нахимова 2011].

В данной статье объектом рассмотрения являются антропонимы политического дискурса. Это имена советских политических лидеров, переосмысленные в настоящее время (*Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев*);

имена политиков перестроечного и постперестроечного периода (*Горбачев, Ельцин, Чубайс, Лужков*); имена современных российских и зарубежных политиков (*Путин, Жириновский, Порошенко, Зеленский, Обама, Трамп* и др.); имена, связанные с политическими скандалами (*Моника Левински, Сноуден*). Всего было рассмотрено 20 имен. Данные имена отбирались с учетом проведенного ранее ассоциативного эксперимента [Врублевская 2019], цель которого состояла в выявлении ассоциативного потенциала разновременных имен политического дискурса, закрепившихся в языковом сознании носителей русского языка в постсоветский период. Результаты эксперимента выявили несколько ассоциативных рядов: 1) денотативные родовидовые реакции; 2) эмоционально-оценочные реакции; 3) ассоциативные реакции, относящиеся к внешнему облику политика; 4) ассоциативные реакции, апеллирующие к определенным событиям, которые связаны с данным именем. Рассматриваемые в данной статье имена получили наибольшее количество ассоциативных оценочных реакций, что позволило предположить наличие и/или развитие у них переносных оценочных значений. Для подтверждения данного предположения был проведен анализ контекстного употребления исследуемых имен. Всего было проанализировано 5258 контекстов из средств массовой информации и Национального корпуса русского языка (художественный и публицистический подкорпусы) за период 1995—2019 гг.

Все анализируемые в данной работе имена можно отнести к прецедентным антропонимам, так как им присущи критерии прецедентного имени, выделяемые современными исследователями. К этим критериям относятся широкая известность [Гудков 1999; Слышкин 2000; Красных 2002], регулярная воспроизводимость [Кушнерук 2004], неденотативное использование [Нахимова 2004, 2005] (цит. по [Нахимова 2007: 56—57]). Е. А. Нахимова (2007) выделяет в качестве признака прецедентного имени еще атрибутивный критерий, т. е. «использование определений, подчеркивающих нетрадиционность смысла определяемого имени», «в качестве определений могут использоваться такие прилагательные и местоимения, как *новый, современный, русский, наш, свой* и др.» [Нахимова 2007: 66—67]. К данным критериям Е. А. Нахимова добавляет следующие формальные признаки: графический (использование в начале не прописной, а строчной буквы), пунктуационный (использование кавычек), морфологический (употребление в форме множественного числа) [Нахимова 2007: 60—65].

Анализ контекстов показал, что исследуемые имена при употреблении в переносном значении (1798 контекстов) реализуют свой оценочный потенциал, выступая членом сравнения: *Ей это было по душе: держать в страхе и повиновении. Как Сталин всю страну, но в более мелком масштабе* (В. Токарева, «Своя правда») — или основой для метафоры: *Дубликат российской истории проигрывается в Сенегале, где местный „путин“, 85-летний Абдулай Вад, решил осчастливить своих подданных еще 14 годами своего правления* (Толкователь, 29.01.2012); *Вы хотите, чтобы у нас на площадях бегали десятки таких Саакашвили? ...Вы хотите, чтобы такие Саакашвили дестабилизировали ситуацию в стране?* (Пресс-конференция В. В. Путина, 14.12.2017); *Появятся ли свои „Зеленские“ в других странах бывшего СССР* (Деловая газета «Взгляд», 22.04.2019). При этом, как видно из приведенных примеров, у рассматриваемых имен наблюдаются все признаки прецедентного имени: широкая известность имени, неденотативное употребление, использование кавычек, строчной буквы в начале имени, употребление во множественном числе.

Исследование показало, что в основе социальной оценки, реализуемой посредством прецедентного антропонима из сферы политики, может лежать оценка качеств политического деятеля, его внешних признаков (особенности внешности, элементы одежды / манера одеваться), или оценка единичных резонансных событий, ситуаций, связанных с конкретной личностью.

Остановимся подробнее на конкретных примерах, иллюстрирующих каждый из видов оценки.

Оценка качеств определенной личности и ее деятельности посредством прецедентного имени позволяет лаконично выразить мнение автора речи и усиливает суггестивное воздействие высказывания.

Наша Маргарет Тэтчер. <...> Спустя годы Галина Николаевна такая же активная и неутомимая женщина. Сейчас она работает над докторской диссертацией и при этом очень чутко следит за образованием своих подопечных. Это очень требовательный, целеустремленный и ответственный руководитель, почти такой, как Маргарет Тэтчер (Живая Йошкар-Ола, 13.02.2013).

В данном контексте *Маргарет Тэтчер* выступает символом успешного руководителя, оставившего след в истории своего государства и мировой истории. Упоминание имени известного политика помогает охарактеризовать личность местного чиновника, министра образования и науки Марий Эл (2001—2017)

Г. Л. Швецов. В данном примере имя известного политика используется для положительной характеристики действующего чиновника, в отличие от следующего примера.

В Лужкове разочаровалась окончательно. Он стал вести себя как когда-то Хрущев: самонадеян, ни к кому не прислушивается (Кириенко можно?, «Коммерсантъ-Власть», 1999).

Н. С. Хрущев «прославился» своим крутым нравом, его называют упрямым, самонадеянным, непредсказуемым (что подтверждается результатами проведенного нами ассоциативного эксперимента). Сравнение с ним усиливает степень оценочности лексики *самонадеян*.

Если в предыдущих примерах имена одних политиков использованы для характеристики других политиков, то в следующем контексте имя политика характеризует человека, который не связан с миром политики.

Почти как Порошенко, но добрый: в Киеве задержан „шоколадный“ грабитель банков, ... один из самых опасных преступников для киевской власти, потому что составлял им неплохую конкуренцию. Однако на их фоне он все равно так и не смог выделиться, видимо, с профессионалами своего дела сравниться не так просто... (Новостное агентство Харьков, 04.07.2017).

Кроме закрепившейся за президентом Украины славы человека, грабящего свою страну, автор для характеристики преступника одновременно затрагивает и другую сторону П. Порошенко — деятельность предпринимателя. Но апеллируя к последнему, автор противопоставляет преступника кондитерскому магнату и называет «шоколадного» грабителя *добрым*, потому что на месте преступления тот оставлял шоколадки для кассиров, чтобы те сильно не расстраивались.

Следует отметить, что, являясь членом сравнения и выступая репрезентантом определенных характеристик и оценок, имя собственное сохраняет связь с денотатом, конкретной личностью, получившей известность благодаря данным качествам и/или достижениям.

Подобная связь ослабевает при метафорическом употреблении имени собственного. Например: *Мне кажется, что М. Зурбова искусственно провозгласили национальным аллергеном, чуть ли не вторым Чубайсом, чтобы использовать как гром-отвод* (Евг. Ясин, «Московские новости», 26.09.2007).

Значение ‘человек, который во всем виноват’ за именем *Чубайс* закрепилось еще в 1990-е гг., после его отставки президентом Б. Ельциным с поста первого вице-преьера

как не справившегося со своими обязанностями (неудачная реформа с приватизацией и др.). После выпуска программы «Куклы» 27 января 1996 г. (серия «Заложники») стала популярной фраза «Во всем виноват Чубайс!». В настоящее время *Чубайсом* называют ‘любого человека, которого обвиняют / делают в чем-то виноватым’. Это одно из устойчивых значений прецедентного имени *Чубайс* наряду со значением ‘рыжий’ (см. далее в данной статье).

Приведем еще пример: *Америка накануне перестройки: там появился местный Горбачев. США решили развалить изнутри. Знакомьтесь: местный Горбачев — Александрия Окасио-Кортес...* (BRreporter, 04.03.2019).

Значение ‘человек, который развалил страну’ прочно закрепилось за именем *Горбачев*.

А в следующем примере имя *Янукович* употреблено в значении ‘любой бывший беглый руководитель’: *Конец кризиса в Гамбии: местный „Янукович“ улетел в изгнание. Экс-президент Гамбии Яхья Джамме, который не хотел признавать поражение на прошлогодних выборах, в конце концов покинул страну* (Obozrevatel, 22.01.2017).

Отдельные имена могут развить схожие оценочные значения, хотя факторы, способствующие формированию этих значений, будут различны. Например, значение «клоун; человек, который смешит других; политический клоун» у имен В. Жириновского и М. Саакашвили: *Неужели не вянут у него уши и не встают дыбом волосы, когда в соловьевских дуэлях несут вздор и позорят страну Жириновские, Митрофановы и прочие шоу-политики?* (Труд-7, 2006.03.09); *Кишиневу не нужен второй Саакашвили, своих клоунов хватает* (Livejournal, 22.01.2018). В. Жириновского называют клоуном из-за его эксцентричного поведения, а М. Саакашвили — политик, получивший ампулу клоуна после инцидента с поеданием галстука в прямом эфире 16 августа 2008 г.

Последний пример показывает, что социальная оценка может сформироваться у имени после единичного резонансного события, связанного с конкретной личностью. Так, широкую известность получил прецедент, когда Н. С. Хрущев во время заседания Ассамблеи ООН 12 октября 1960 г. стучал ботинком по трибуне, пытаясь сорвать обсуждение вопроса по событиям в Венгрии. В дальнейшем за фразой *стучать ботинком как Хрущев* закрепилось значение ‘выражать несогласие с чем-либо, требовать что-либо’: *...Я колотила, я стучала по спине модным, толстым каблуком, как*

Хрущев ботинком в ООН (В. Лиснянская, «Величина и функция»).

В качестве оценки может быть использована и апелляция к «комичной» ситуации, связанной с конкретной личностью: *Почти как Ельцин: Тереза Мэй РАССМЕШИЛА мир своими странными танцами в Африке* (Канал «Россия 24», 28.08.2018). Танец, прославивший Б. Ельцина и вызвавший бурю эмоций у россиян, наблюдали жители Ростова-на-Дону 10 июня 1996 г. во время его предвыборной поездки по региону.

Характеристикой может послужить и имя, являющееся символом какого-либо политического скандала, например, имя *Моники Левински* в значении 'любовница первого лица, крупного руководителя': *У польского президента есть своя Моника Левински?... стараясь походить на старшего „друга“ во всем, президент Польши Александер Квасьневский решил, что и у него должна быть своя Моника* (Комсомольская правда, 04.03.2003).

Или имя *Сноуден* в значении 'любой человек, который выдает тайные сведения, безотносительно к его принадлежности/непринадлежности к спецслужбам': *В интернете продолжает свою деятельность нашумевший проект Formuladohoda.com, разоблачающий коррупционные схемы в российском спорте и еженедельно выставляющий информацию об очередном „договорняке“. Поклонники портала уже успели окрестить его создателей „футбольными Сноуденами“* (Onedivision.ru, 25.07.13).

Но не только личные качества политика, его достижения, резонансные прецеденты могут послужить факторами, способствующими неденотативному употреблению имени. Цвет волос, какая-то запоминающаяся особенность внешнего облика, манера одеваться делает образ политика запоминающимся, а его имя становится меткой характеристикой и получает новые переносные значения. Например, *Обамой* стали называть «любого чернокожего политика»: *На выборах в Тверской области победил местный „Обама“* (NewsProm.Ru, 15.09. 2015). Всех рыжих сравнивают с *Чубайсом*: *Кстати, Ищенко мне сразу не понравился — рыжий такой, на Чубайса похож*) — *Что есть, то есть, на его фоне Тарасенко — красавчик* (eva.ru, 19.09.2018); *Парень-то оказался не зря рыжий: такой въедливый, на Чубайса похож* (Вид с больничной койки. Google Книги).

А некоторые примечательные особенности внешности отдельных политиков помогают характеризовать, например, новые тенденции в мире моды: *Вы уже изучили модные тенденции одежды, обуви, аксессуаров на весну 2010? Пора вспомнить и о причес-*

ке. Что модно? Что популярно? Чем удивить и привлечь внимание? Прическа-коса „веночек молочницы“ а-ля Тимошенко (ж. WomenMag.ru, 25.02.2010); *Наколи мне брови как у Брежнева. Губы „уточкой“ — вчерашний день, главный аксессуар женских лиц — две широкие полосы, чтоб не хуже, чем у Леонида Ильича* (Комсомольская правда, 16.07.2016). Употребление имен *Тимошенко* и *Брежнев* в данных контекстах способствует компрессии текста, но при этом обеспечивает ясность/доходчивость информации.

Элемент одежды политика, ставший неотъемлемой частью его образа, также служит основой для сравнения при характеристике других людей. Например: *Начните с одежды. Одевайтесь скромно, ...лучше что-то полувоенное, вроде как ...Иосиф Сталин* (Р. Райхлин, «Как захватить власть»). Использование имени *Сталин* позволяет лаконично описать, каким должен быть облик революционера.

Переносное значение имя может приобрести в связи заметным аксессуаром одежды какого-либо политика: *Местный Лужков. В Сергеевом Посаде есть свой Лужков. А всё дело — в кепке. Стоит местному пенсионеру Льву Марковичу одеть кепку — все признают в нем столичного градоначальника* (АльянсМедиа, 25.05.2007).

Некоторые антропонимы политического дискурса приобретают несколько устойчивых переносных значений. Такие имена можно назвать многозначными. Это свойство онимов также отмечает Е. А. Нахимова при рассмотрении метафорических и метонимических значений топонимов в современных СМИ. Например, *Швейцария*: 1. горная страна с прекрасными возможностями для отдыха; 2. финансовый центр, отличающийся надежностью и давними традициями; 3. нейтральное государство, которое не вступает ни в какие союзы; 4. страна с высоким уровнем жизни населения [Нахимова 2010: 83].

Особенности многозначности имен политиков заключаются в том, что, во-первых, имя достаточно стремительно развивает несколько значений. Например: *Трампа* — а) богатый человек / миллиардер, бизнесмен: *Парламентские выборы в Чехии может выиграть „местный Трамп“*. В Чехии 20—21 октября проходят выборы в нижнюю палату парламента страны, победу на них прогнозируют „чешскому Трампу“ миллиардеру Андрею Бабишу (СЗАО пресса, 20.10.2017); *Как стать таким же богатым, как Трамп. 9 секретов от миллионера* (журн. «Т-Ж», 08.10.2018); б) непредсказуемый, эксцентричный политик: *На президентских вы-*

борах в Мексике за пост главы государства борются 4 кандидата. ...64-летний Андрес Мануэль Лопес Обрадор — кандидат от коалиции „Вместе сотворим историю“, и его победа наиболее вероятна. ...Судя по популистской риторике, ему больше подходит звание „мексиканского Трампа“ — к тому же он настолько же непредсказуем для личного окружения, как и американский лидер, и тоже любит наводить шум в Twitter (Геополитика.ru, 29.10.2014).

Во-вторых, различается сфера использования имен с переносным значением. Одни значения проявляются только в контекстах, где характеризуются политики, примером чему могут служить значения имени *Жириновский*: а) любой политик-популист: *Обычно перед выборами всякие Жириновские ходят посмотреть, как живет народ. Всё остальное время их это не волнует* (N. Mineyl, twitter.com, 27.01.2018); б) человек, который резко высказывается; эмоциональный, грубый: *Вячеслав Мальцев — второй Жириновский? оба зачастую бывают крепки в своих выражениях и весьма несдержанны на предвыборных дебатах* (Политпазл, 30.08.2016); в) политический клоун (см. пример выше в данной статье); г) несменяемый политик: *Все эти Зюгановы, Явлинские, Жириновские... Вот эта несменяемость — она надолго?* (З. Прилепин, Новый регион 2, 06.11.2007).

Другие имена в переносном употреблении могут характеризовать любого человека независимо от профессии, примером чему служат значения имени *Сталин*: а) человек с большими возможностями: *...он не Сталин и даже не Берия, он рядом с ними плюгавка, он не мог себе позволить все, что угодно...* (Татьяна Окуневская, «Татьянин день»); б) тот, кто держит всех в страхе (см. пример выше в данной статье); в) человек, одетый в военную форму (см. пример выше в данной статье).

В-третьих, по значениям антропонима можно проследить динамику восприятия данного имени: например, сначала *Лениным* называли предводителей протестных движений, оппозиционеров, имя долгое время имело устойчивое переносное значение ‘вождь, революционер’: *Сначала у азербайджанцев, как и у других советских социалистических наций, был свой, местный Ленин* (Р. Арифджанов, «Москва азербайджанская», 1997). Практически параллельно у имени *Ленин* отмечаются менее частотные значения: ‘человек, который знает ответ на вопрос *что делать?*’, ‘автор известной работы *«Что делать?»*’: *Надо что-то делать. Но что? Может, ты знаешь — что делать? — Я не Ленин...* (М. Панин «Камикад-

зе», 2002) или ‘человек, который картавит’: *Товарищи! — совсем уж громко закричал Володя и стал вдруг картавить, как Ленин* (А. Моторов, «Преступление доктора Паровозова», 2013). В настоящее время в языковом сознании представителей русского языка и культуры возрастом до тридцати лет последние значения утрачивают свою актуальность, доминирует значение *Ленин* — это тот, кто ‘вечно живой’: *Ты хочешь сказать, что Дракула до сих пор жив? — Он до сих пор the undead. Примерно как ваш Ленин* (В. Пелевин, «Бэтман Аполло», 2013). Такое восприятие данного имени подтверждается результатами проведенного эксперимента: носители русского языка в возрасте от 18 до 27 лет ассоциативно связывают имя *Ленин* с мавзолеем, при этом социальная оценка становится менее очевидной [Врублевская 2019].

Подводя итог, отметим неоднозначность социальной оценки, которая может быть, с одной стороны, связана с ролью политика в истории государства, его заслугами и достижениями, с другой — с его личными качествами, манерами, поведением, а порой также с формальными несущественными признаками: цветом волос, особенностями внешнего облика, манерой одеваться и даже аксессуарами.

Таким образом, прецедентные онимы политического дискурса, которые в постсоветское время (начиная с 90-х гг. XX в. и по настоящее время) приобрели или изменили социально-оценочные значения, в концентрированном виде передают обобщенные оценочные представления о чертах и особенностях, которые характеризуют разные стороны жизни современного общества и его представителей. Это открывает перспективы лексикографического описания рассматриваемых имен в рамках «Словаря коннотативных имен собственных постсоветского периода», работа над которым ведется нашей проблемной группой в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985. 228 с.
3. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство: моногр. — Ижевск: Удмурт. ун-т, 2006. 252 с.
4. Врублевская О. В. Типы ассоциативных реакций при восприятии коннотативных имен политического дискурса // Теория речевой деятельности: вызовы современности. — М.: Канцлер, 2019. С. 132—133.
5. Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 9, Филология. 1997. № 4. С. 106—117.
6. Деметьева М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 82—92.
7. Ивин А. А. Оценки в процессах коммуникации // Философия науки. 2012. Т. 17. № 1. С. 203—213.

8. Матвеева Т. В. Параметрическая семантика и экспрессивность слова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. № 9. С. 92—98.

9. Крюкова И. В. Прагматика онима: направления исследований и методика анализа // Изв. ВГПУ. 2011. № 8. С. 139—142.

10. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000—2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008.

11. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2007. 207 с.

12. Нахимова Е. А. Интертексты, прецедентные имена или метафоры? // Вестн. Пятигорск. гос. лингв. ун-та. 2008. № 2. С. 133—138.

13. Нахимова Е. А. Метафорические и метонимические значения топонимов в современных СМИ // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер.: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 71. № 1. С. 78—85.

14. Нахимова Е. А. Тенденции развития прецедентных онимов в постсоветскую эпоху // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2011. № 9. С. 116—124.

15. Нахимова Е. А. Историческая динамика прецедентных онимов: окказионализмы, неологизмы, архаизмы и историзмы // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 144—146.

16. Ретунская М. С. Тематические группы социально-маркированной лексики в английском языке // Язык и общество. Роль экстралингвистических факторов в развитии лексических подсистем. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. С. 22—32.

17. Солганик Г. Я. Введение // Язык СМИ и политика. — М.: Изд-во Москов. ун-та: Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 8—26.

18. Сутужко В. В. Социальная оценка как объект социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 2004.

19. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М.: Наука, 1986. 143 с.

20. Хабекирова З. С. Оценка и оценочность в языке демократической оппозиции (на материале газетного политического дискурса) // Вестн. Вятск. гос. гуманит. ун-та. 2009. № 3—2. С. 20—23.

21. Чернышова Т. В. Организация оценочной информации в инвективных текстах публичной коммуникации // Русский язык в современном медиапространстве. — Белгород: Политекра, 2009.

O. V. Vrublevskaia

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

ORCID ID: 0000-0003-3269-2622

 E-mail: Gesse-wolf2009@yandex.ru.

Precedent Anthroponyms of Political Discourse as a Means of Social Evaluation

ABSTRACT. *This paper investigates proper names which have changed or acquired evaluative meanings during the post-Soviet period. The subject of scrutiny includes precedent anthroponyms of political discourse (names of Soviet, Russian and foreign politicians of different periods and names of individuals involved in political scandals). The aim of the given study is to determine the evaluative meanings which have formed within these names under the influence of political, economic and social factors in the Russian society during the post-Soviet epoch (from the 1990s to date). To establish the evaluative meanings of the names in question, an analysis of their contextual usage has been conducted on the material of contexts collected from public media and the National Corpus of the Russian language (fiction and journalistic sub-corpus). The results of the analysis have shown that the names examined, if used in the figurative sense (1798 cases), realize their evaluative potential and make up a part of a simile or metaphor. The study has also highlighted three types of social evaluation realized with the help of a precedent anthroponym from political sphere: evaluation of a politician's personal traits, his/her outer features (appearance, favorite clothes / way of dressing) or evaluation of separate notorious events and situations connected with this particular person. Some precedent anthroponyms become polysemantic and acquire several stable figurative meanings over a short period of timeings.*

KEYWORDS: *precedent names; political discourse; social evaluation; language of mass media; onomastics; precedent anthroponyms; politicians; mass media; media linguistics; media discourse; media texts.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Vrublevskaia Oksana Valentinovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia, Volgograd.*

FOR CITATION: *Vrublevskaia, O. V. Precedent Anthroponyms of Political Discourse as a Means of Social Evaluation / O. V. Vrublevskaia // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 132-139. — DOI 10.26170/pl19-05-13.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant № 19-012-00578 “Connotative Proper Names as a Tool of Social Assessment: Dynamic Aspect (on the material of Russian texts of the post-Soviet period)”.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Types of Linguistic Meanings. Rating. Event. Fact. — Moscow: Science, 1988. 341 p. [Tipyazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt. — M.: Nauka, 1988. 341 s.]. — (In Rus.)

2. Volf E. M. Functional Evaluation Semantics. — Moscow: Science, 1985. 228 p. [Funktional'naya semantika otsenki. — M.: Nauka, 1985. 228 s.]. — (In Rus.)

3. Vorontsova T. A. Speech Aggression: Invasion of the Communicative Space: monograph. — Izhevsk: Udmurtia Univ., 2006. 252 p. [Recheyaya agressiya: vtorozhenie v kommunikativnoe prostranstvo: monogr. — Izhevsk: Udmurt. un-t, 2006. 252 s.]. — (In Rus.)

4. Vrublevskaia O. V. Types of Associative Reactions in the Perception of Connotative Names of Political Discourse // Theory of Speech Activity: Challenges of the Present. — Moscow: Chancellor, 2019. P. 132—133. [Tipy assotsiativnykh reaktsiy pri vospriyatii konnotativnykh imen politicheskogo diskursa // Teoriya rechevoy deyatelnosti: vyzovy sovremennosti. — M.: Kantsler, 2019. S. 132—133]. — (In Rus.)

5. Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Bagaeva D. V. Some Features of the Functioning of Case Statements // Proceedings of Moscow Univ. Ser. 9, Philology. 1997. No. 4. P. 106—117. [Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnykh vyskazyvaniy // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 9, Filologiya. 1997. № 4. S. 106—117]. — (In Rus.)

6. Dement'eva M. K. Linguistic Means of Expressing Assessment in Modern Russian Official Political Discourse // *Political Linguistics*. 2009. No. 4 (30). P. 82—92. [Yazykovye sredstva vyrazheniya otsenki v sovremennom rossiyskom ofitsial'nom politicheskom diskurse // *Politicheskaya lingvistika*. 2009. № 4 (30). S. 82—92]. — (In Rus.)
7. Ivin A. A. Estimates in Communication Processes // *Philosophy of Science*. 2012. V. 17. No. 1. P. 203—213. [Otsenki v protsessakh kommunikatsii // *Filosofiya nauki*. 2012. T. 17. № 1. S. 203—213]. — (In Rus.)
8. Matveeva T. V. Parametric Semantics and Expressiveness of a Word // *Proceedings of Novosibirsk State Univ. Ser.: History, Philology*. 2012. Vol. 11. No. 9. P. 92—98. [Parametricheskaya semantika i ekspressivnost' slova // *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya*. 2012. T. 11. № 9. S. 92—98]. — (In Rus.)
9. Kryukova I. V. Pragmatics of Onyme: Lines of Research and Analysis Technique // *Proceedings of VGPU*. 2011. No. 8. P. 139—142. [Pragmatika onima: napravleniya issledovaniy i metodika analiza // *Izv. VGPU*. 2011. № 8. S. 139—142]. — (In Rus.)
10. Klushina N. I. Intentional Categories of a Journalistic Text (based on material from periodicals 2000—2008) : synopsis of thesis ... of Dr. of Philol. sciences. — Moscow, 2008. [Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000—2008 gg.) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2008]. — (In Rus.)
11. Nakhimova E. A. Precedent Names in Mass Communication : monograph / Ural. State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2007. 207 p. [Precedentnye imena v massovoy kommunikatsii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2007. 207 s.]. — (In Rus.)
12. Nakhimova E. A. Intertexts, precedent names or metaphors? // *Proceedings of Pyatigorsk State Linguistics Univ*. 2008. No. 2. P. 133—138. [Intertekstemy, precedentnye imena ili metafory? // *Vestn. Pyatigorsk. gos. lingv. un-ta*. 2008. № 2. S. 133—138]. — (In Rus.)
13. Nakhimova E. A. Metaphorical and Metonymic Meanings of Toponyms in Modern Media // *Proceedings of Ural State Univ. Ser.: Problems of education, science and culture*. 2010. Vol. 71. No. 1. P. 78—85. [Metaforicheskie i metonimicheskie znacheniya toponimov v sovremennykh SMI // *Izv. Ural. gos. un-ta. Ser.: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2010. T. 71. № 1. S. 78—85]. — (In Rus.)
14. Nakhimova E. A. Trends in the Development of Precedent Onyms in the Post-Soviet Era // *Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity*. 2011. No. 9. P. 116—124. [Tendentsii razvitiya pretsedentnykh onimov v postsovetскую epokhu // *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*. 2011. № 9. S. 116—124]. — (In Rus.)
15. Nakhimova E. A. Historical Dynamics of Precedent Onyms: Occasionalisms, Neologisms, Archaisms and Historicisms // *Political Linguistics*. 2012. No. 1 (39). P. 144—146. [Istoricheskaya dinamika pretsedentnykh onimov: okkazyonalizmy, neologizmy, arkhazmy i istorizmy // *Politicheskaya lingvistika*. 2012. № 1 (39). S. 144—146]. — (In Rus.)
16. Retunskaya M. S. Thematic Groups of Socially-marked Vocabulary in English // *Language and Society. The Role of Extralinguistic Factors in the Development of Lexical Subsystems*. — Saratov : Publ. house of Saratov Univ., 1989. P. 22—32. [Tematicheskie gruppy sotsial'no-markirovannoy leksiki v angliyskom yazyke // *Yazyk i obshchestvo. Rol' ekstralingvisticheskikh faktorov v razvitiy leksicheskikh podsystem*. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1989. S. 22—32]. — (In Rus.)
17. Solganik G. Ya. Introduction // *Media Language and Politics*. — Moscow : Publishing house of Moscow Univ. : Faculty of Journalism of Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov, 2012. P. 8—26. [Vvedenie // *Yazyk SMI i politika*. — M. : Izd-vo Moskov. un-ta : Fak. zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2012. S. 8—26]. — (In Rus.)
18. Sutuzhko V. V. Social Assessment as an Object of Sociophilosophical Analysis : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. sciences. — Moscow, 2004. [Sotsial'naya otsenka kak ob'ekt sotsial'no-filosofskogo analiza : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2004]. — (In Rus.)
19. Teliya V. N. The Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units. — Moscow : Science, 1986. 143 p. [Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits. — M. : Nauka, 1986. 143 s.]. — (In Rus.)
20. Khabekirova Z. S. Evaluation and Appraisal in the Language of the Democratic Opposition (based on newspaper political discourse) // *Proceedings of Vyatka State Humanity Univ*. 2009. No. 3—2. P. 20—23. [Otsenka i otsenochnost' v yazyke demokraticheskoy oppozitsii (na materiale gazetnogo politicheskogo diskursa) // *Vestn. Vyatsk. gos. gumanit. un-ta*. 2009. № 3—2. S. 20—23]. — (In Rus.)
21. Chernyshova T. V. Organization of Valuation Information in Invective Texts of Public Communication // *Russian Language in the Modern Media Space*. — Belgorod : Polyterra, 2009. [Organizatsiya otsenochnoy informatsii v invektivnykh tekstakh publichnoy kommunikatsii // *Russkiy yazyk v sovremennom mediaprostranstve*. — Belgorod : Politerra, 2009]. — (In Rus.)

А. В. Дымова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2931-5199

А. И. Золотайко

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9513-7987

E-mail: dym.alyona@yandex.ru; liani@list.ru.

Метафоризация синего цвета в британском интернет- и рок-дискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности функционирования лексемы *blue* на вербальном уровне британского интернет- и рок-дискурса. Осуществляется анализ контекстов сфер указанной лингвокультуры и направления развертывания метафор синего цвета в период с 2014 года по настоящее время. Авторы выделяют понятийные и ценностные составляющие в отношении синего цвета (эмоциональное состояние, личностные качества, социальный строй/институт, божественность, норма/стандарт, морбиальность) и посредством ряда примеров иллюстрируют разнообразие трактовки исследуемого цвета. В результате проведенного анализа были выявлены границы пересечения исследуемых дискурсов, а также смежность отличительных характеристик (воздействие на разных уровнях восприятия, эффект «вовлеченности» реципиента, побудительные черты, стремление к выражению протеста и проч.). Установленные концептуальные связи рассматриваются посредством широкого подхода к выбору материала исследования, что позволяет охватить значительный и разнообразный объем информации. Особое внимание уделяется пересечению дискурсов в репрезентации синего цвета, например, при формировании образа полиции в контексте эскалации противостояния между гражданами и правоохранительными органами, анализируются метафорические средства выражения данного конфликта как на просторах виртуального интернет-пространства, так и в рок-воплощении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафоризация; метафорическое моделирование; метафорические модели; цвета; синий цвет; концептуальные метафоры; Интернет; рок-культура; интернет-дискурс; рок-дискурс; английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Дымова Алена Вячеславовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: dym.alyona@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Золотайко Анастасия Игоревна, преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России; 620017, Россия, Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: liani@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дымова, А. В. Метафоризация синего цвета в британском интернет- и рок-дискурсе / А. В. Дымова, А. И. Золотайко // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 140-146. — DOI 10.26170/pl19-05-14.

Введение

Настоящая статья представляет сопоставительный анализ функционирования лексемы *blue* в британском варианте английского языка, выполненный на материале вербального уровня интернет- и рок-дискурса. Как отметил А. П. Чудинов, «метафорические модели и словоупотребления должны рассматриваться в дискурсе, в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик, на широком социально-политическом фоне. Система метафорических моделей — это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией» [Чудинов 2013: 176]. Таким образом, цель настоящей статьи за-

ключается в исследовании значимости синего цвета для британской лингвокультуры и вычлениении тех аспектов восприятия синего цвета, которые реализуются в рамках интернет- и рок-дискурса. В связи с этим особый интерес для нас в данной статье представляют именно сходства и различия в метафорической репрезентации синего цвета на основе контекстов двух рассматриваемых дискурсов (в период с 2014 г. по настоящее время). В рамках данной работы репрезентация синего цвета рассматривается с позиции концептуальной метафоры, т. е. «единого тропа, который включает в себя традиционные метафору, метонимию... и другие виды семантических и логических изменений» [Шустрова 2007: 191].

Необходимо отметить наличие в британской лингвокультуре развитой понятийно-ценностной системы трактовок синего цвета,

о чем свидетельствуют данные психофизического, лингвострановедческого и лексикографического анализа [Oxford Dictionary Online: [http](http://); Cambridge Dictionary Online: [http](http://); Collins Dictionary Online: [http](http://) и проч.], а также иных исследований метафоризации и значений синего цвета [см., напр.: Мужикова 2015; Сербиновская, Маслова 2009; Chovanec 2019; Krimer-Gaborović 2014].

Так, можно выделить следующие понятийные и ценностные составляющие в восприятии синего цвета:

- эмоциональное состояние: *спокойствие, страх, грусть, депрессия* и проч.;
- личные/личностные качества: *верность, преданность, доверие, нравственная сдержанность* и проч.;
- социальный строй / институт: *аристократия, слуга, консерватизм, демократизм, полиция* и проч.;
- божественность: *небесная благодать, благочестие* и проч.;
- норма/стандарт: *ненормальность, избыток, ошибочность, мистичность* и проч.;
- морбиальность: *болезненность, смерть*;
- другие.

Рассмотрим подробнее, какие из этих составляющих преимущественно реализовывались в интернет- и рок-дискурсе в период с 2014 г. по настоящее время.

Британский рок-дискурс

В целом рок-дискурсу присущи следующие характеристики:

- протестность — с самого своего появления рок тесно связан с выражением категорического несогласия. Так, исторически рок-н-ролл сопровождал послевоенные акции по искоренению расовых предрассудков в США, т. е. символизировал уход от многолетних убеждений, касающихся расового неравенства. Также на определенных этапах своего развития рок мог выражать протест и способствовать самоидентификации отдельных субкультур (например, хиппи, панки, неофашисты и т. д.);
- направленность на социальную проблематику — рок-музыка нередко противопоставляется более «мягким» и массовым жанрам, например, поп-музыке, стремящейся преимущественно развлекать, и, в свою очередь, обращается к вопросам социальной и/или политической проблематики;
- побудительность — исходя из предыдущего положения, очевидно, что одна из направленностей рок-дискурса предполагает способность рок-текста убедить человека пересмотреть собственное отношение к миру, социально-политической ситуации, событию.

Проанализировав контексты вербально-го уровня **британского** рок-дискурса, содержащие лексему *blue*, удалось установить, что четыре нижеследующие составляющие находятся в основе метафорической репрезентации синего цвета в рамках данного дискурса в период с 2014 г. по настоящее время.

1. Грусть/Депрессия

Описание ощущения грусти и/или депрессивности в британской рок-лирике, выражаемое через метафоризацию синего цвета, в принципе типично для британской рок-лирики не только в исследуемый период, но и в более ранние временные отрезки, например, в 1960-е г., 1970-е г., 2000-е г. Однако в контекстах, относящихся к изучаемому временному отрезку, рок-герой, как правило, испытывает одиночество из-за утраченной любви:

*I'm **blue** and lonesome/ As a man can be/.../ I don't have no headache about myself/ My love has gone away from me* ("Blue and Lonesome", The Rolling Stones, 2016).

Герой в представленном контексте сам раскрывает причину этого чувства. Она заключается не в волнении за себя самого, а в том, что любовь покинула его (см. *My love has gone away from me*). Примечательно, что герой, используя прием сравнения, также описывает степень своей грусти/депрессии — максимальная, насколько это возможно (*as a man can be*).

2. Спокойствие

В целом синий цвет по психофизическому воздействию способен производить успокаивающий, умиротворяющий эффект, так как может понижать давление [Sevinc, Kelechi: [http](http://)]. Схожий эффект производят безмятежное чистое море или, как в данном контексте, безоблачное ясное небо:

*And every skyline was like a kiss upon the lips/ And I was making you a wish/ In every skyline/ How big, how **blue**, how beautiful/ How big, how **blue**, how beautiful* ('How Big, How Blue, How Beautiful' Florence and the Machine, 2015).

Примечательно, что в рамках композиции объект (синее небо) не называется исполнителем напрямую. Исполнитель предлагает слушателю, распевно и плавно перечисляя атрибуты синего неба, самостоятельно понять, какой объект находится в центре повествования. Также в контексте можно вычленить идею торжественности и внутреннего спокойствия при виде неба, заложенную в музыкальном компоненте — отсутствие ударных, мелодичность, тихий голос без явных модуляций.

Необходимо также обратить внимание на наличие анафоры и аллитерации в использовании эпитетов — *big, blue, beautiful*, вычлennых в качестве ключевых характеристик неба, имеющего воздействие на героя.

3. Смерть

Интересно отметить, что в нижеследующем контексте синий выступает атрибутом именно смерти, а не процесса перехода существа из живого состояния в неживое, тогда как в реальности синий цвет, как правило, свидетельствует именно о переходе, пограничном состоянии между жизнью и смертью (см. подробнее: *to turn blue, blue skin, until you're blue in the face* и т. д.):

Wind decay broke our bones/ Left in here nowhere to belong/ Years go by wrapped in a coated blue/ Snow fell down on the avenue/ When the hangmen reached the gallows/ Then the trumpet softly blew ('*Wrapped in Blue*' The Coral, 2014).

Несмотря на то, что здесь смерть не упоминается напрямую, автор повествует о годах, «облаченных в синий». Упоминание этих лет сопровождается лексемами *decay, broke, nowhere, hangmen*, отражающими понятие морбиальности, смерти.

4. Противоправность

Вероятно, собственно синий цвет в данном контексте апеллирует к ранее упомянутой категории *грусть/депрессия*. Однако важно то, что свое мироощущение рок-герой описывает не только при помощи лексемы *blue*, добавляя в конструкцию еще один эпитет — *busted*:

Where do they come from?/ The wires that connect to us/ Weightless and fall on your body/ 'Till we're invisible/ I'm with you throughout it, choose/ Busted and blue ("*Busted and Blue*", Gorillaz, 2017).

Необходимо отметить некую взаимосвязь, равнозначность атрибутов *blue* и *busted* в рассматриваемом контексте. Так, они не только соединены союзом *and*, но также находятся в одной синтагме, лишенной иных лексем, которая также вынесена в заглавие композиции. Более того, примечателен и их порядок, отражающийся на логической связи. Так, вначале представлена лексема *busted* — *illegal activity, arrested, be caught, something wrong*, которая, очевидно, и объясняет наличие последующего эпитета *blue*. Иными словами, героем контекста было совершено некое противозаконное действие, за что он был, вероятно, арестован, что, в свою очередь, повлекло ощущение грусти/депрессии.

В результате мы можем отметить, что актуализируемые категории синего цвета,

релевантные для изучаемого периода, на вербальном уровне британского рок-дискурса — это эмоциональное состояние (*слюкойствие, грусть / депрессия*), морбиальность (*смерть*), норма/стандарт (*противоправность*).

Британский интернет-дискурс

В современном интернет-пространстве интеракция занимает ведущую роль, поскольку позволяет достичь эффекта «вовлеченности» в виртуальную среду, при этом воздействие на реципиента осуществляется на разных уровнях (вербальном, невербальном, а также на основе взаимодействия данных каналов). Возможность реагировать на преломленные через призму сетевой матрицы события повседневности в виде комментариев к статьям, блогам, заметкам на форумах, а также видеосюжетам создает особый феномен с ярко выраженным оценочным потенциалом. Так, выражение личностной позиции целой группы пользователей касательно того или иного явления представляет собой определенный научный интерес, ведь исследование вектора общественного мнения способно пролить свет на более глубинные социальные движения и изменения общественных настроений, влияющих на внутривластную обстановку в государстве. Следует отметить, что наибольшей экспрессией и эмотивной нагрузкой обладают такие события и происшествия, которые касаются непосредственно граждан, а потому вызывают широкий общественный резонанс. Интернет — не имеющая аналогов площадка для неограниченного информационного обмена и взаимодействия, что притягивает и объединяет миллионы пользователей и аккумулирует высказывания любого характера, вне зависимости от цензурных ограничений или необходимости соблюдать субординацию, т. е. фактически предоставляет исключительную свободу без опасности быть привлеченным к административной ответственности (впрочем, в связи с угрозами и вызовами современности данный аспект интернет-коммуникации подлежит тщательному анализу и регулировке со стороны правительства).

В контексте взаимоотношений граждан и полиции интернет-дискурс как сфера лингвистического анализа служит способом определения благосостояния общества страны: чем выше уровень доверия, проявляемый по отношению к правоохранительным органам, тем стабильней внутривластная ситуация. Неуважаемая полиция, вызывающая страх и антипатию, подрывает авторитет власти, а потому не способна обес-

печивать и поддерживать правопорядок, т. е. выполнять те задачи, для которых она предназначена. Синий цвет в интернет-дискурсе неразрывно связан с правоохранительными органами, поскольку является цветом их униформы ввиду ряда причин: прагматических и психологических. В первом случае синий цвет униформы практичен как в уходе (менее маркий и более устойчивый к износу), так и в работе (благодаря выбору данного цвета полицейским проще оставаться незамеченными в темное время суток). Примечательно, что изначально полиция Великобритании получила синюю униформу для того, чтобы контрастировать с ярко-красной формой военных и, соответственно, чтобы гражданам было проще отличать сотрудников разных ведомств. С течением времени ассоциативная связь между правоохранительной деятельностью и данным цветом укрепилась в сознании как граждан, так и самих офицеров настолько, что синий цвет стал непосредственным воплощением полиции как социального института. С точки зрения психологических аспектов восприятия данного цвета, общепринято полагать, что синий — цвет, благоприятно влияющий на человека и оказывающий успокаивающее воздействие. Сами сотрудники полагают, что подобное восприятие имеет немаловажное значение и для них самих:

The officers feel safer with the dark shirts on at night. It's the perception, and the perception is as important as reality [Johnson: http]. — *Офицеры чувствуют себя в большей безопасности ночью в темной форме. Это вопрос восприятия, а оно важно в той же мере, что и реальность.*

Анализ контекстов вербального уровня британского интернет-дискурса с лексемой *blue* показал следующие способы репрезентации образа полиции.

1. Принадлежность к правоохранительным органам

В данной группе метафорические словоупотребления подчеркивают общность людей, объединенных не только профессиональными задачами, но и схожей гражданской позицией, а также моральными установками:

It infuriates me to see this happen to the men and women in blue [Best of 2018 - UK Police: http].

Badass! Protecting us. Thank you all. Brothers in blue [Hayden: http].

Cheers to the boys in blue that keep the darkness at bay. Thanks guys [Perp Walks: When Police Roll Out the Blue Carpet: http].

Во всех высказываниях наблюдается употребление схожей конструкции, в которой

лексема *blue* сопровождается предлогом *in*, что имплицитно обозначает образ униформы, т. е. того, что можно надеть/снять и при этом вступить в некое братство или покинуть его.

2. Отличие от других

The thin blue line of British policing has "snapped", a leading campaigner warned last night [Knowles: http].

The thin blue line is what separates law and order from anarchy [God Bless Our Police! http].

Идиоматическое выражение «Тонкая голубая нить» в данном контексте выступает в качестве обозначения силы, противопоставленной анархии и беззаконию. В высказывании прослеживается аллюзия к историческим событиям: «Тонкая красная нить» — *Thin Red Line* (сражения при Балаклаве), благодаря чему полицейские метафорически отождествляются с воинами, выстраивающимися в шеренгу, чтобы противостоять неравным силам неприятеля. Оба высказывания несут прагматические смыслы стойкости, самопожертвования, героизма. Лексема *thin* подчеркивает малочисленность и особый статус людей, способных нести груз ответственности и долга перед народом и государством.

A better title for the book would be: "When You See Blue, Run If You Are Black" [Best of 2018 - UK Police: http].

Адресант высказывания апеллирует к противостоянию полиции и граждан на почве расовых предубеждений, согласно чему темнокожие граждане находятся под угрозой необъективного восприятия в качестве априори опасных преступников и склонных к совершению противоправных действий граждан. Цвет в данном контексте играет ключевую роль, выполняя функцию идентификации — «свой»/«чужой».

Not so many come from blue blood families, but I'm proud to say that I do [Crossfire "Respect the Blue" Police Tribute: http].

Выражение *blue blood* трактуется как «человек благородного или королевского происхождения» [Cambridge Dictionary Online: http], однако в рассматриваемом контексте лексема *blue* подразумевает склонность членов семьи работать в области правоохраны, что в восприятии адресанта высказывания также является незаурядным фактом, заслуживающим определенного признания и уважения.

3. Поведение

Данная группа словоупотреблений актуализирует характерные для сотрудников полиции Великобритании поведенческие нормы, а также сопутствующие осуществлению профессиональных задач явления:

They came in with blues and twos going crazy [Crossfire "Respect the Blue" Police Tribute: [http](#)].

Метафорическая репрезентация лексемы *blue* в данном контексте апеллирует к визуальным образам: *синий* означает проблесковый маячок полицейских машин, а *twos* подразумевает двухтональный звуковой сигнал полицейской сирены, оповещающий о приближении сотрудников к месту происшествия [Oxford Dictionary Online: [http](#)].

You see a dead body — be sure the Blue-bottles will come [Crossfire "Respect the Blue" Police Tribute: [http](#)].

Bluebottles — прозвище британских полицейских, примечательное тем, что в основе метафорического переноса лежат зооморфные поведенческие признаки: дословным переводом данного слова является «трупная муха» или «падальная муха» — насекомое, появляющееся в процессе разложения останков биологического происхождения. Обязанность сотрудников полиции расследовать дела о кончине граждан вызвала ассоциативную связь с мухами, суетящимися вокруг мертвого тела.

Officer is firing, blue on blue! [God Bless Our Police! [http](#)].

Среди офицеров полиции выражение *blue on blue* означает команду, при которой сотрудник открывает огонь на поражение и уведомляет коллег о том, что они могут оказаться в опасности.

When the police roll the blue carpet [Perp Walks: When Police Roll Out the Blue Carpet: [http](#)].

Высказывание содержит аллюзию к словоупотреблению *the red carpet* — «красная дорожка», обладающему прагматическими смыслами оказания почестей, выражения уважения важным персонам, проведения торжеств в честь кого-то или пышных приемов. В рассматриваемом контексте лексема *blue* меняет значение выражения и придает ему ироничный оттенок: подобно звездам Голливуда на красной дорожке, преступники имеют не менее почетную возможность «блистать» перед экранами камер при проведении ареста.

4. Поддержка

Данная группа словоупотреблений носит эмотивно-побудительный характер, при этом многие выражения используются в качестве слоганов при проведении демонстраций в поддержку полиции или при нанесении надписей на одежду. Краткость формулировки облегчает процесс распознавания метафорического значения, что подкрепляется связью с чувственным восприятием цвета:

Back the blue! [God Bless Our Police! [http](#)].

Support the blue line! [Crossfire "Respect the Blue" Police Tribute: [http](#)].

We bleed blue! [God Bless Our Police! [http](#)].

Метафорическое словоупотребление *bleed blue* пришло из области спорта и благодаря активному использованию цветовых ассоциаций (как правило, каждая команда в подавляющем большинстве видов спорта принимает какой-то определенный символический цвет) легко перешло в сферу правоохранительной деятельности.

5. Установки

Среди офицеров полиции принято корректно и благожелательно относиться к коллегам, а лояльность и социальная солидарность ценятся превыше всего. Подобные установки способствуют формированию специфичной корпоративной культуры. Это касается не только ситуаций, требующих совместной работы при возникновении какой-либо угрозы, но и тех случаев, когда сотрудник преступил закон, превысил полномочия или совершил какое-либо правонарушение. Метафорически подобные проявления солидарности получили название «Голубая стена молчания» или «Синий занавес».

As long as "The blue wall of silence" continues, police will be mistrusted and feared [Hayden: [http](#)].

The blue curtain protects them, it needs to fall [Hayden: [http](#)].

Метафорический образ стены транслирует прагматические смыслы отчужденности, обособленности и разделения, что способствует росту недоверия граждан к полиции.

Выводы

Рассмотрев актуализируемые компоненты значений синего цвета на вербальном уровне британского **рок-дискурса** с 2014 г. по настоящее время, мы смогли вычленил следующие четыре релевантные для исследуемого периода составляющие: *спокойствие, грусть/депрессия, смерть, противоправность*.

В свою очередь, анализ особенностей функционирования лексемы *blue* на вербальном уровне британского **интернет-дискурса** в исследуемый временной период позволил определить следующие пять доминантных компонентов: *принадлежность к правоохранительным органам, отличие от других, поведение, поддержка, установки*.

Сопоставление интернет- и рок-дискурса показало не только сходство их характеристик (например, воздействие на разных уровнях восприятия, эффект «вовлеченности» реципиента, функция побуждения, стремление к выражению протеста и проч.),

но также и то, что в сравниваемых дискурсах наблюдается пересечение определенных контекстуальных сфер.

Например, одной из общих актуализируемых сфер функционирования синего цвета в исследуемых дискурсах является соотнесенность синего цвета с обозначением *правоохранительных органов и/или правопорядка*. Примечательно, однако, то, что в интернет-дискурсе эта взаимосвязь применяется в отношении именно поддержания правопорядка (см. *brothers in blue*), а в рок-дискурсе в отношении нарушения правопорядка (см. *busted and blue*).

Также в качестве еще одной смежной области метафоризации синего цвета для двух изучаемых дискурсов в период с 2014 по настоящее время можно выделить *смерть*. Тем не менее, как и в предыдущем случае, несмотря на совпадение сферы реализации, наблюдаются различия в путях метафоризации. Так, в контекстах интернет-дискурса синий связан с каким-либо одушевленным существом, сопутствующим смерти (см. *bluebottles*), а в контекстах рок-дискурса является атрибутом собственно смерти.

В целом, несмотря на пересечение некоторых типичных контекстов и сфер метафорического употребления синего цвета в британском интернет- и рок-дискурсе, мы отмечаем, что в основном данные сферы являются индивидуальными для каждого из исследуемых дискурсов.

ИСТОЧНИКИ

1. Florence and the Machine [Electronic resource]. URL: <https://florenceandthemachine.net> (date of access: 03.08.2019).
2. Gorillaz [Electronic resource]. URL: <https://www.gorillaz.com> (date of access: 07.08.2019).
3. Songfacts [Electronic resource]. URL: <https://www.songfacts.com> (date of access: 07.08.2019).
4. The Rolling Stones [Electronic resource]. URL: <https://www.rollingstones.com> (date of access: 03.08.2019).
5. Crossfire "Respect the Blue" Police Tribute [Electronic resource] // YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tiROuPj4uOE&t=3s> (date of access: 09.08.2019).

A. V. Dymova

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-2931-5199

A. I. Zolotaiko

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-9513-7987

 E-mail: dym.alyona@yandex.ru; liani@list.ru.

Metaphorical Representation of the Blue Color in British Internet and Rock Discourses

ABSTRACT. *The article analyzes the specific features of functioning of the lexeme "blue" on the verbal level of the British and American Internet and rock discourses. The analysis involves contexts of the spheres of each of the above mentioned linguo-cultures and the areas of creation of the blue color metaphors over the period from 2014 to date. The authors highlight the conceptual and value-based components in relation to the blue color (emotional state, personal traits, social*

6. BEST OF 2018 - UK POLICE [Electronic resource] // YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hnpnc72pQQQ> (date of access: 09.08.2019).

7. GOD BLESS OUR POLICE! [Electronic resource] // YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ivdHnPaUeV4> (date of access: 09.08.2019).

8. Perp Walks: When Police Roll Out the Blue Carpet | Retro Report YouTube.com [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UQSPBQjaWhI> (date of access: 09.08.2019).

ЛИТЕРАТУРА

9. Мужикова О. Н. Наименования цвета в англоязычном сленге на примере лексемы *blue* // Вестн. Орлов. гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2015. С. 343—346.

10. Сербиновская А. М., Маслова Ю. В. Красный, синий, зеленый: специфика фразеологических единиц с компонентом цвета в английском языке // Язык. Текст. Дискурс. 2009. С. 395—401.

11. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2013. 176 с.

12. Шустрова Е. В. Афроамериканский английский. В 2 т. Т. 1. Лексика и текст. — М. : Флинта : Наука, 2007. 640 с.

13. Brumfield B. Michael Brown Shooting: Who's who in Ferguson [Electronic resource] // CNN.com. URL: <http://edition.cnn.com/2014/08/20/us/ferguson-power-players/index.html> (date of access: 10.08.2019).

14. Cambridge Dictionary Online [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 08.08.2019).

15. Chovanec J. Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space: The case of *blue-on-blue* // Lingua. 2019. P. 50—62.

16. Collins Dictionary Online [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (date of access: 08.08.2019).

17. Hayden P. Why an Ex-FBI Agent Decided to Break through the Blue Wall of Silence [Electronic resource] // Usatoday.com. URL: <https://www.usatoday.com/story/opinion/policing/2019/01/31/blue-wall-of-silence-policing-the-usa-cops-community/2604929002/> (date of access: 10.08.2019).

18. Johnson R. The Psychological Influence of the Police Uniform [Electronic resource] // PoliceOne.com. URL: <https://www.policeone.com/police-products/apparel/uniforms/articles/99417-The-psychological-influence-of-the-police-uniform/> (date of access: 09.08.2019).

19. Knowles M. Thin Blue Line is Snapped... the Bobby on Beat is Thing of Past [Electronic resource] // Express.co.uk. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/997727/uk-police-news-knife-crime-wave-crisis-street-patrols> (date of access: 09.08.2019).

20. Krimer-Gaborović S. The Semantics of the Blue Colour Category in English and Serbian // Engleski Jezik i Anglofona Književnosti u Teoriji i Praksi / под ред. Draginji P. — Novi Sad : Filozofski Fakultet, 2014. P. 239—256.

21. Oxford Dictionary Online [Electronic resource]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (date of access: 08.08.2019).

22. Sevink K., Kelechi K. O. The Effects of Color on the Moods of College Students [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1177/2158244014525423> (date of access: 09.08.2019).

structure / institution, religion, norm / standard, illness) and, through a series of examples, illustrate the differences of interpretation of the color under study in the United States and Great Britain. The analysis has revealed the boundaries between the discourses under investigation, as well as the proximity of the distinctive characteristics (influence on different levels of perception, recipient's "involvement" effect, imperativeness, desire to express protest, etc.). The established conceptual relationships are considered using a broad approach to the selection of research material, which enables to cover a significant and diverse amount of information. Particular attention is paid to the areas where the discourses overlap each other in the representation of the blue color, for example, while forming the image of the police in the context of escalation of the conflict between the citizens and the law enforcement agencies. The authors analyze the metaphorical means of expressing this conflict both in the vast virtual Internet space and its representation in rock music.

KEYWORDS: *metaphorization; metaphorical modeling; metaphorical models; colors; blue color; conceptual metaphors; Internet; rock culture; Internet discourse; rock discourse; English.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Dymova Alyona Vyacheslavovna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University named after the first President B.N. Yeltsin; Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zolotaiko Anastasiya Igorevna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Dymova, A. V. Metaphorical Representation of the Blue Color in British Internet and Rock Discourses / A. V. Dymova, A. I. Zolotaiko // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 140-146. — DOI 10.26170/pl19-05-14.*

MATERIALS

1. Florence and the Machine [Electronic resource]. URL: <https://florenceandthemachine.net> (date of access: 03.08.2019).
2. Gorillaz [Electronic resource]. URL: <https://www.gorillaz.com> (date of access: 07.08.2019).
3. Songfacts [Electronic resource]. URL: <https://www.songfacts.com> (date of access: 07.08.2019).
4. The Rolling Stones [Electronic resource]. URL: <https://www.rollingstones.com> (date of access: 03.08.2019).
5. Crossfire "Respect the Blue" Police Tribute [Electronic resource] // YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tiROuPj4uOE&t=3s> (date of access: 09.08.2019).
6. BEST OF 2018 - UK POLICE [Electronic resource] // YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hnpnc72pQOQ> (date of access: 09.08.2019).
7. GOD BLESS OUR POLICE! [Electronic resource] // YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ivdHnPaUeV4> (date of access: 09.08.2019).
8. Perp Walks: When Police Roll Out the Blue Carpet | Retro Report YouTube.com [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UQSPBQjaWhI> (date of access: 09.08.2019).

REFERENCES

9. Muzhikova O. N. Metaphor and Metonymy in the English Slang with the Lexeme of Blue Colour // Proceedings of Orlovsk State University. Ser.: New Humanitarian Research. 2015. P. 343—346. [Naimenovaniya cveta v anglojazychnom slenge na primere leksemy blue // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Novye gumanitarnye issledovanija. 2015. S. 343—346]. — (In Rus.)
10. Serbinovskaja A. M., Maslova Ju. V. Red, Blue, Green: Specifics of Phraseological Units with a Colour Component in English // Language. Text. Discourse. 2009. P. 395—401. [Krasnyj, sinij, zelenyj: specifika frazeologicheskikh edinic s komponentom cveta v anglijskom jazyke // Jazyk. Tekst. Diskurs. 2009. S. 395—401]. — (In Rus.)

11. Chudinov A. P. Essays on Contemporary Political Metaphorology : monograph. — Ekaterinburg : Ural State Ped. Univ. 176 p. [Očerki po sovremennoj politicheskoj metaforologii : Monografiya. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t., 2013. — 176 s.]. — (In Rus.)
12. Shustrova E. V. African-American English: 2 Volumes. V. 1. Lexis and Text. — Moscow : Flinta : Nauka, 2007. 640 p. [Afroamerikanskij anglijskij: V 2 t. — T. 1. Leksika i tekst. — M.: Flinta : Nauka, 2007. — 640 s.]. — (In Rus.)
13. Brumfield B. Michael Brown Shooting: Who's who in Ferguson [Electronic resource] // CNN.com. URL: <http://edition.cnn.com/2014/08/20/us/ferguson-power-players/index.html> (date of access: 10.08.2019).
14. Cambridge Dictionary Online [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 08.08.2019).
15. Chovanec J. Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space: The case of blue-on-blue // Lingua. 2019. P. 50—62.
16. Collins Dictionary Online [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (date of access: 08.08.2019).
17. Hayden P. Why an Ex-FBI Agent Decided to Break through the Blue Wall of Silence [Electronic resource] // Usatoday.com. URL: <https://www.usatoday.com/story/opinion/policing/2019/01/31/blue-wall-of-silence-policing-the-usa-cops-community/2604929002/> (date of access: 10.08.2019).
18. Johnson R. The Psychological Influence of the Police Uniform [Electronic resource] // PoliceOne.com. URL: <https://www.policeone.com/police-products/apparel/uniforms/articles/99417-The-psychological-influence-of-the-police-uniform/> (date of access: 09.08.2019).
19. Knowles M. Thin Blue Line is Snapped... the Bobby on Beat is Thing of Past [Electronic resource] // Express.co.uk. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/997727/uk-police-news-knife-crime-wave-crisis-street-patrols> (date of access: 09.08.2019).
20. Krimer-Gaborović S. The Semantics of the Blue Colour Category in English and Serbian // Engleski Jezik i Anglofone Književnosti u Teoriji i Praksi / under the editorship of Draginji P. — Novi Sad : Filozofski Fakultet, 2014. P. 239—256.
21. Oxford Dictionary Online [Electronic resource]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (date of access: 08.08.2019).
22. Sevinc K., Kelechi K. O. The Effects of Color on the Moods of College Students [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1177/2158244014525423> (date of access: 09.08.2019).

Н. Н. КошкарловаЮжно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8861-0353 **Е. М. Яковлева**Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
ORCID ID: — **E-mail:** nkoshka@rambler.ru; yakovlevakatherine@mail.ru.

Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу коммуникативных практик цифровой реальности, функционирующих в рамках дискурса новой эмоциональности. Дается определение дискурса новой эмоциональности как объекта лингвистического изучения. Обосновывается необходимость рассмотрения жанрово-стилистических и лингвопрагматических особенностей дискурса новой эмоциональности в функциональном аспекте. Одной из функций дискурса эмоциональности является открытое выражение чувств и эмоций в языке. На сегодняшнем этапе развития русского языка в ядерную зону языкового сознания носителей языка вышли термины, которые в большей степени, нежели прежде, описывают наши эмоции: «токсичные отношения», «обесценивание», «травма», «фрустрация», «выгорание», «прокрастинация», «депрессия», «сплин». Субъектом дискурса новой эмоциональности выступает жертва: человек страдает от истощающих его отношений с семьей или коллегами, недооценивает собственную деятельность, переживает из-за проблем на работе или дома и т. д. Основными коммуникативными практиками дискурса новой эмоциональности являются отфренживание и рассоединение, обида и уязвимость. Обиженный и уязвимый человек ищет «эмоциональное убежище», которым в работе признаются жанры виртуальной реальности. При этом цифровая мода формирует жанрово-стилистические и лингвопрагматические особенности виртуальной интеракции. Делается вывод о том, что выражение собственных эмоций и чувств достойно уважения, но главным при этом является не позволить эмоциям властвовать над разумом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс эмоциональности; коммуникативные практики; цифровая реальность; речевые жанры; эмоциональные состояния; обиды; уязвимость.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454000, Россия, г. Челябинск, главпочтамт, до востребования; e-mail : nkoshka@rambler.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Яковлева Екатерина Михайловна, студент, бакалавриат, направление «Международные отношения», кафедра «Международные отношения, политология и регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 169; e-mail: yakovlevakatherine@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кошкарлова, Н. Н. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности / Н. Н. Кошкарлова, Е. М. Яковлева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 147-152. — DOI 10.26170/pl19-05-15.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап общественного развития можно охарактеризовать как эпоху агрессии и эмоциональности: человек стал более открыто выражать свои эмоции и чувства не только в бытовом, но и институциональном общении. В некоторых случаях эти эмоции, чувства и языковые средства их репрезентации имеют своей целью дискредитировать носителя другой системы ценностей и убеждений. В таком случае лингвисты оперируют термином *язык вражды*. М. Н. Черкасова отмечает, что базовыми аксиологическими компонентами медиатекста «являются понятия хорошо / плохо, свой / чужой, друг / враг» [Черкасова 2010: 252]. Как следствие, проис-

ходит формирование новой аксиосферы, где доминируют ценности, смещающие границы личного и публичного в медиапространстве; в дело вступают новые аксиомы речевого поведения; формируется новый тип дискурса, который получил название *дискурс новой чувствительности*.

Однако мы полагаем, что термин *чувствительность* скорее принадлежит к предметной области психологии и философии, в лингвистическом же плане корректнее оперировать понятием *эмоциональности*. Так, в психологии чувствительность трактуется как «способность к элементарной форме психического отражения — ощущению; ...способность живого организма „воспринимать“ аде-

кватные и неадекватные раздражения» [Большой психологический словарь [http](http://)]. В философском плане чувствительность определяется как «склонность к трогательным ощущениям и представлениям, склонность сопровождать каждое переживание избытком чувств» [Философский энциклопедический словарь [http](http://)].

В языке репрезентируются эмоции, семантико-прагматической категорией экспликации которых выступает модальность. На уровне оценочных высказываний, суждений и лексических единиц, которые являются материалом настоящего исследования, реализуется аксиологическая модальность. Т. В. Романова отмечает, что эмоциональная и аксиологическая интерпретация действительности, «являясь самостоятельными величинами, не только неразрывно связаны, но и взаимно детерминируют друг друга, причем доминантная роль эмоции и оценки в реальной коммуникации меняется» [Романова 2008: 110].

НОВАЯ ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

В современном мире человек ищет новые способы и пути выражения своих чувств и эмоций. В настоящее время мы являемся свидетелями формирования новой эмоциональной культуры. В этой связи, на наш взгляд, правомерно говорить о дискурсе новой эмоциональности, который мы определяем как модусный компонент высказывания, когда задается такая эмоциональная модель общения, при которой главным становится выражение чувств и эмоций индивида, а целью коммуникативных практик является формирование агрессивной и чувствительной информационной среды.

Жанрово-стилистические и лингвопрагматические особенности дискурса новой эмоциональности необходимо рассматривать в функциональном аспекте, когда выделяемые традиционно функции языка трансформируются и модифицируются в связи с экстралингвистическими условиями и обстоятельствами. А. К. Киклевич рассматривает функции языка в двух аспектах: экспликативном и процедурном [Киклевич 2009]. По мнению автора, экспликативный аспект подразумевает отражение и моделирование в языковых знаках и формах речевой деятельности элементов внешнего мира, психической и социальной жизни людей. Процедурный аспект «касается его употребления как средства реализации действий, организации человеческой деятельности» [Киклевич 2009: 6].

В результате А. К. Киклевич выделяет двенадцать функций языка: номинативную, магическую, индексальную (презентатив-

ную), экспрессивную, социативную (символическую), прагматическую, стилистическую, этологическую (эвристическую), когнитивную, креативную, статусную и интерлингвистическую (инициативную). Как видно, данная классификация значительно расширяет и дополняет традиционное лингвистическое понимание функций языка. В предложенной классификации основной акцент сделан на бытовании языка в определенной социальной общности, когда учитывается «функционирование языковых знаков как средств реализации действий, например магических или политических» [Киклевич 2009: 13].

По нашему глубокому убеждению, к числу таких действий можно отнести выражение эмоций и чувств в языке, которое в последнее время стало все более открытым и публичным. Эмоции и чувства на современном этапе развития языка и общества стали предметом не только психотерапевтического, но и лингвистического анализа и описания. Так, в ядерную зону языкового сознания носителей русского языка вышли термины, которые в большей степени, нежели прежде, описывают наши эмоции, переживания и чувства: *токсичные отношения, обесценивание, травма, фрустрация, выгорание, прокрастинация, депрессия, сплин*. Приведем примеры использования указанных номинаций.

Сегодня токсичными отношениями называют любое взаимодействие между людьми (супругами, друзьями, знакомыми, коллегами по работе), приносящее эмоциональную боль и полное истощение ресурсов одной из сторон [Депрессия и усталость... [http](http://)].

„Поэтому легкая безответственность, когда человек понимает, что основной объем сделан и можно что-то отложить на завтра и откладывает — это гарантия здоровья“. К выгоранию в равной степени ведет обесценивание собственной деятельности. Например, многие сотрудники НКО выгорают, потому что не успевают помочь тем, кто обратился к ним за помощью [Дарья Рощеня. Горел, горел работой и... сгорел! 2017].

Недавнее открытие швейцарских ученых о том, что психологическая травма может передаваться генетически, вызвало новую волну дискуссий на эту тему [Психологическая травма... [http](http://)].

К фрустрации могут приводить как внешние, так и внутрилличностные противоречия, то есть фрустрировать можно как из-за невозможности получить заветную главную роль в театральной постановке, так и из-за того, что не удастся быть чутким и открытым с собственными

детьми [Что такое фрустрация... http].

Персонала мало. У всех выгорание, у всех депривация, все в ужасе. А ведь многие вещи можно было бы решить гораздо рациональнее, если подходить к этому с точки зрения экономики. Детей с инвалидностью, которые живут в интернате, в 18 лет переводят в дом престарелых — на дожитие [А. А. Данилова, Валерия Потапова. Александра Бабкина: «Я вижу, как фонды разбивают голову о государство». 2016].

В общем, бытовом значении этого слова под „прокрастинацией“ понимают постоянное стремление человека откладывать все на потом: дела (как рабочие, так и бытовые), принятие решений и т. д. [Прокрастинация... http].

Многие используют слово „депрессия“ для того, чтобы описать плохое настроение, печаль или просто, чтобы сказать, что они не в духе [Депрессия ... http].

И если с хронической депрессией можно успешно бороться только с помощью врачей, то временный сплин, грусть, усталость — вполне решаемые проблемы [Депрессия или сплин? http].

Как видно из приведенных контекстов, в большинстве случаев субъектом дискурса новой эмоциональности является жертва: человек страдает от истощающих его отношений с семьей или коллегами, недооценивает собственную деятельность, переживает из-за проблем на работе или дома и т. д. В результате люди, испытывающие схожие эмоции, объединяются в социальные или политические группы. Средства массовой информации при этом очень чутко реагируют на настроения подобных объединений и умело пользуются механизмами языка для привлечения и удержания внимания. Главная роль в процессе объединения людей в рамках дискурса новой эмоциональности с лингвистической точки зрения принадлежит интригующим заголовкам новости, когда они нацелены на то, чтобы привлечь внимание и заинтересовать читателя своей эмоциональностью и даже агрессивностью. Например: *Соловьев обвинил Гребенщикова в деградации. <...> Российские звезды, которые ненавидят друг друга. <...> Лобода раскрыла детали скандала с дочерью Алсу.*

Эмоциональным, оценочным и агрессивным становится общение в социальных сетях как средствах не только частного, но и социально-политического публичного взаимодействия [Плисецкая 2014: 91]. А. Д. Плисецкая выделяет две тенденции развития текстов популярной сети «Facebook»: с одной стороны, навешивание ярлыков, речевую агрессию, навязываемую presupпози-

цию, с другой — иронию, метафоры, языковую игру и большое количество неологизмов. В настоящее время роль социальных сетей изменилась: Интернет становится катализатором социальных и общественно-политических конфликтов. Интернет сделал пространство СМИ, откуда люди получали информацию, и пространство коммуникации, где люди общались, интегрированными. В итоге конфликт становится частью социального взаимодействия, резонансные политические события на просторах Интернета обсуждают все — от профессионалов и экспертов до обывателя и того, кто находится перед компьютером на диване у себя дома.

Г. Асмолов указывает на следующие последствия проникновения конфликта в социальные сети:

- все наше общение так или иначе оккупировано конфликтом;
- люди превращаются в механизм распространения информации о конфликте, а не только потребляют ее;
- происходит персонализация конфликта через наших знакомых, которые пишут о нем;
- разрушаются социальные связи между людьми, которые были друзьями (в «Фейсбуке» этот феномен называют френдоцидом);
- Интернет конструируется в сознании людей как поле конфликта;
- нахождение в Сети превращается в постоянную стрессовую ситуацию (у пользователей Интернета развивается перманентное травматическое стрессовое расстройство — по аналогии с посттравматическим синдромом);
- часть людей попросту удаляется из «Фейсбука», пытаясь изолировать себя от конфликта (*digital escape* — термин, обозначающий такое поведение) [Асмолов http].

Таким образом, одной из активно развивающихся коммуникативных практик цифровой реальности последнего времени стало отфренживание — то есть важным социальным процессом является не завязывание связей, а их рассоединение. Э. Дюркгейм называл такое положение, «когда в известных пунктах общества нет коллективных сил, т. е. организованных групп, которые бы направляли общественную жизнь», аномией [Дюркгейм 1994: 202]. Сегодня такое положение становится нормой и приемлемой коммуникативной практикой.

Отфренживание и рассоединение социальных связей как коммуникативная практика дискурса новой эмоциональности делают обиду повсеместной, выставляют личные переживания напоказ, дают повод для права быть оскорбленным. А. Зорин отмечает, что «правовой охране подлежат именно переживания, причем не той или иной отдельной

личности, а именно группы, определяемой общей идентичностью» [Мы настойчиво ищем случая быть оскорбленным [http](http://)]. Получается, что пользователь социальных сетей обижается не потому, что оскорбили или обидели именно его, а таким правом его как бы наделяет группа, к которой он принадлежит реально или виртуально. Групповая или социальная идентичность модифицирует сущностные характеристики обиды и превращает ее в коммуникативную практику, функционирующую в рамках дискурса новой эмоциональности. Обида становится ритуалом, если трактовать его как «закрепление, наделение символическими культурообразующими смыслами и повторение определенной коммуникативной ситуации в максимально идентичных исходных условиях и параметрах» [Афанасьева 2015: 182].

Обида как коммуникативная практика дискурса новой эмоциональности актуализирует еще одно чувство — уязвимость, которая раньше была связана с состраданием, а теперь с чувством несправедливо нанесенного оскорбления лично тебе или (чаще всего) какой-то социальной группе. Уязвимыми становятся отношения мужчины и женщины — порой сложно отличить флирт от харасмента. Если чувства индивида не вписываются в установленные и принятые социумом эмоциональные каноны, то он начинает искать «эмоциональное убежище», где индивиды «могут дать выход официально не санкционированным чувствам» [Зорин 2016: 11]. Таким эмоциональным убежищем становятся новые жанры цифровой реальности.

О. В. Лутовинова описывает следующие жанры виртуального дискурса: флейм, виртуальный роман, сетевой флирт, флуд, спам, послание и креатифф [Лутовинова 2012]. Безусловно, какие-то из указанных жанров до сих пор остаются актуальными, какие-то заменяются новыми жанровыми образованиями, но единым жанрообразующим признаком для интернет-жанров является интенция к самопрезентации, выражению своих чувств, идентификации круга «своих» и «чужих». В этом случае мы становимся свидетелями ситуации, когда цифровая мода формирует жанрово-стилистические и лингвопрагматические особенности виртуальной интеракции.

ВЫВОДЫ

Таким образом, описание дискурса новой эмоциональности необходимо проводить в функциональном аспекте, когда главным становится выражение чувств и эмоций индивида. Наиболее ярко эта функция проявляется на лексическом уровне, когда

ядерную зону языкового сознания носителей русского языка составляют термины, которые описывают эмоции, переживания и чувства. Основными коммуникативными практиками дискурса новой эмоциональности являются отфренживание и рассоединение, обида и уязвимость. Выражение собственных чувств и эмоций достойно уважения, но главное — не позволять при этом эмоциям властвовать над разумом. Ведь иногда то, что представлялось важным и эмоционально значимым сегодня, завтра уже не является фактом, заслуживающим внимания и переживания.

ИСТОЧНИКИ

1. Депрессия или сплин? Как бороться с осенней хандрой [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20161017/1479246640.html> (дата обращения: 01.10.2019).
2. Депрессия и усталость: что такое токсичные отношения? [Электронный ресурс] URL: <https://monocler.ru/chto-takoe-toksichnyie-otnosheniya/> (дата обращения: 01.10.2019).
3. Депрессия на протяжении жизни [Электронный ресурс]. URL: https://www.health.gov.il/Russian/Subjects/mental_health/LifeSituations/Pages/default.aspx (дата обращения: 01.10.2019).
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 01.10.2019).
5. Прокрастинация: что это и как от нее избавиться [Электронный ресурс]. URL: <https://experimental-psychic.ru/prokrastinaciya/> (дата обращения: 01.10.2019).
6. Психологическая травма: как она передается из поколения в поколение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychologies.ru/self-knowledge/individuality/psihologicheskaya-travma-kak-ona-peredaetsya-iz-pokoleniya-v-pokolenie/> (дата обращения: 01.10.2019).
7. Что такое фрустрация, или Почему в условиях тирании революция маловероятна [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/15210-chto-takoe-frustratsiya-ili-pochemu-v-usloviyakh-tiranii-revoljutsiya-maloveroyatna> (дата обращения: 01.10.2019).

ЛИТЕРАТУРА

8. Асмолов Григорий: В эпоху интернета теряется понятие границ поля боя [Электронный ресурс]. URL: https://ms.detector.media/mediaprosvita/master_clas/grigoriy_asmolov_v_epokhu_interneta_teryaetsya_ponyatie_granits_polya_boya/ (дата обращения: 02.10.2019).
9. Афанасьева О. Н. Среда и ее конструирование в ритуализованных коммуникативных практиках // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 177—186.
10. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. — М.: Мысль, 1994. 399 с.
11. Зорин А. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVII — начала XIX века. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
12. Киклевич А. К. Двенадцать функций языка // Мир русского слова. 2009. № 3. С. 5—13.
13. Лутовинова О. В. Жанровая речевая деятельность языковой личности в виртуальном дискурсе // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 170—173.
14. Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/23.php (дата обращения: 06.10.2019).
15. Мы настойчиво ищем случая быть оскорбленным [Электронный ресурс]. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/21234-my-nastoychivo-ishem-sluchaya-byt-oskorblennymi> (дата обращения: 23.09.2019).
16. Плисецкая А. Д. О языковых и риторических стратегиях выражения оценки у пользователей социальной сети Фейсбук // Современный русский язык в интернете. — М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 83—92.
17. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность:

моногр. — Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. 309 с.

18. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rubicon.com/qe.asp?qttype=3&ii=390&id=390&rq=0&sletter=%u0427&onlyname=checked&newwind=&psize=10&pn=3&slid=1> (дата обращения:

06.10.2019).

19. Черкасова М. Н. Медиасобытие и медиаобраз с точки зрения медиалингвистики и медиакритики (на примере языка вражды) // Научные ведомости. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 18 (89). Вып. 7. С. 250—257.

N. N. Koshkarova

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8861-0353

E. M. Yakovleva

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: nkoshka@rambler.ru; yakovlevakatherine@mail.ru.

Discourse of new emotionality: Communicative practices of digital reality

ABSTRACT. *The article explores the communicative practices functioning in the framework of discourse of new emotionality. The definition of this type of interaction is given from the linguistic point of view. The article justifies the necessity to study the genre, stylistic, linguistic and pragmatic peculiarities of discourse of new emotionality from the functional point of view. Open expression of feelings and emotions in the language is one of the functions of discourse of new emotionality. At the modern stage of the Russian language development, the core of linguistic consciousness of language speakers is formed by the words which describe emotions and feelings: toxic relations, devaluation, trauma, frustration, burn-out, procrastination, depression, spleen. The subject of discourse of new emotionality is usually a victim: the person suffers from exhausting relations with family or friends, underestimates their own activity, and worries about problems at home and at work. The main communicative practices of discourse of new emotionality are: unfriending and unfollowing, offence and vulnerability. The offended and vulnerable person looks for an “emotional refuge”, which, according to the authors, may be found in the genres of virtual reality. And the digital fashion forms the genre, stylistic, and linguo-pragmatic peculiarities of virtual interaction. The authors make a conclusion that the expression of one’s feelings deserves respect but the person should not let the emotions control the mind.*

KEYWORDS: *discourse of emotionality; emotionality; communicative practices; digital reality; speech genres; emotional states; offence; vulnerability.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Koshkarova Natal’ya Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of International Relations, Political Sciences and Regional Studies, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, South-Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Yakovleva Ekaterina Mikhaylovna, Student (bachelor) of the Program “International Relations”, Department of International Relations, Political Sciences and Regional Studies, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.*

FOR CITATION: *Koshkarova, N. N. Discourse of new emotionality: Communicative practices of digital reality / N. N. Koshkarova, E. M. Yakovleva // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 147-152. — DOI 10.26170/pl19-05-15.*

MATERIALS

1. Depression or Spleen? How to Deal with Autumn Blues [Electronic resource]. [Depressiya ili splin? Kak borot'sya s osenney khandroy]. URL: <https://ria.ru/20161017/1479246640.html> (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)

2. Depression and Fatigue: What is a Toxic Relationship? [Electronic resource] [Depressiya i ustalost': chto takoe toksichnyye otnosheniya?] URL: <https://monocler.ru/chto-takoe-toksichnyie-otnosheniya/> (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)

3. Depression Throughout Life [Electronic resource]. [Depressiya na protyazhenii zhizni]. URL: https://www.health.gov.il/Russian/Subjects/mental_health/LifeSituations/Pages/default.aspx (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)

4. National Corps of the Russian Language [Electronic resource]. [Natsional'nyy korpus russkogo yazyka]. URL: <http://ruscorpora.ru/new/> (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)

5. Procrastination: What is it and How to Get Rid of It [Electronic resource]. [Prokrastinatsiya: chto eto i kak ot nee izbavit'sya]. URL: <https://experimental-psyche.ru/prokrastinatsiya/> (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)

6. Psychological Trauma: How it is Transmitted from Generation to Generation [Electronic resource]. [Psikhologicheskaya travma: kak ona peredaetsya iz pokoleniya v pokolenie]. URL: <http://www.psychologies.ru/self-knowledge/individuality/psihologicheskaya-travma-kak-ona-peredaetsya-iz-pokoleniya-v-pokolenie/> (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)

7. What is Frustration, or Why in a Tyranny a Revolution is Unlikely [Electronic resource]. [Chto takoe frustratsiya, ili Pochemu v usloviyakh tiranii revolyutsiya maloveroyatna]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/15210-chto-takoe-frustratsiya-ili-pochemu-v-usloviyakh-tiranii-revolutsiya-maloveroyatna> (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)

REFERENCES

8. Asmolov Gregory: In the Era of the Internet, the Concept of the Borders of the Battlefield is Lost [Electronic resource]. [Asmolov Grigoriy: V epokhu interneta teryaetsya ponyatie granits polya boya]. URL: https://ms.detector.media/mediaprosvita/master_clas/grigoriy_asmolov_v_epokhu_interneta_teryaetsya_ponyatie_granits_polya_boya/ (date of access: 02.10.2019). — (In Rus.)

9. Afanas'eva O. N. Environment and its Construction in Ritualized Communicative Practices // Ecology of Language and Communicative Practice. 2015. No. 2. P. 177—186. [Sreda i ee konstruirovaniye v ritualizovannykh kommunikativnykh praktikakh // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2015. № 2. S. 177—186]. — (In Rus.)

10. Dyrkgeym E. Suicide: A Sociological Study. — Moscow: Thought, 1994. 399 p. [Samoubiystvo: sotsiologicheskii etyud. — M.: Mysl', 1994. 399 s.]. — (In Rus.)

11. Zorin A. The Appearance of the Hero: from the History of Russian Emotional Culture of the Late XVII — early XIX Centu-

ries. — Moscow : New Literary Review, 2016. 556 p. [Poyavlenie geroya: iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVII — nachala XIX veka. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 568 s.]. — (In Rus.)

12. Kiklevich A. K. Twelve Functions of the Language // World of the Russian Word. 2009. No. 3. P. 5—13. [Dvenadsat' funktsiy yazyka // Mir russkogo slova. 2009. № 3. S. 5—13]. — (In Rus.)

13. Lutovinova O. V. Genre Speech Activity of a Linguistic Personality in Virtual Discourse // 21st Century Initiatives. 2012. No. 3. P. 170—173. [Zhanrovaya rechevaya deyatel'nost' yazykovoy lichnosti v virtual'nom diskurse // Initsiativy XXI veka. 2012. № 3. S. 170—173]. — (In Rus.)

14. Meshcheryakov B., Zinchenko V. The Big Psychological Dictionary [Electronic resource]. [Bol'shoy psikhologicheskii slovar']. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/23.php (date of access: 06.10.2019). — (In Rus.)

15. We are Persistently Looking for an Opportunity to be Offended [Electronic resource]. [My nastoychivo ishchem sluchaya byt' oskorblennym]. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/21234-my-nastoychivo-ishchem-sluchaya-byt-oskorblennymi> (date of access: 23.09.2019).

16. Plisetskaya A. D. On Linguistic and Rhetorical Strategies for Expressing Assessment among Users of the Facebook Social Network // Modern Russian Language on the Internet. — Mos-

cow : Languages of Slavic Culture, 2014. P. 83—92. [O yazykovykh i ritoricheskikh strategiyakh vyrazheniya otsenki u pol'zovateley sotsial'noy seti Feysbuk // Sovremennyy russkiy yazyk v internete. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. S. 83—92]. — (In Rus.)

17. Romanova T. V. Modality. Rating. Emotionality : monograph. — N. Novgorod : NGLU named after N.A. Dobrolyubov, 2008. 309 p. [Modal'nost'. Otsenka. Emotsional'nost' : monogr. — N. Novgorod : NGLU im. N. A. Dobrolyubova, 2008. 309 s.]. — (In Rus.)

18. Philosophical Encyclopedic Dictionary [Electronic resource]. [Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar']. URL: <http://www.rubricon.com/qe.asp?qttype=3&ii=390&id=390&rq=0&sletter=%u0427&onlyname=checked&newwind=&psize=10&pn=3&slid=1> (date of access: 06.10.2019).

19. Cherkasova M. N. Media Events and Media Image from the Point of View of Media Linguistics and Media Criticism (by the Example of Hostile Language) // Scientific Bulletin. Ser.: Humanities. 2010. No. 18 (89). Vol. 7. P. 250—257. [Mediasobytie i mediaobraz s tochki zreniya medialingvistiki i mediakritiki (na primere yazyka vrazhdy) // Nauchnye vedomosti. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2010. № 18 (89). Vyp. 7. S. 250—257]. — (In Rus.)

М. Н. Лату

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

ORCID ID: 0000-0002-6313-5637 **E-mail:** Latumn@pgu.ru.

Некоторые проблемные вопросы определения специфики системности терминов при моделировании научного знания (на примере политической терминологии)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена некоторым трудностям, которые могут возникать при моделировании подязыков областей научного знания, в частности терминологии политологии, и касается вопросов соотносительности понятий и характера такой взаимосвязи. Работа продолжает прежние исследования автора, в которых было выявлено, что между смежными понятиями существует более 40 типов частотных универсальных системных отношений, которые репрезентируются как в дефинициях терминов, так и в текстах научных публикаций посредством конкретного набора вербализаторов, преимущественно представляющих собой единицы общеупотребительной лексики и их сочетания. Рассматривается зависимость совместной встречаемости терминов и вербализаторов системных отношений от продуктивности последних для разных категорий понятий. Например, для категорий «Естественный объект», «Механизм» высокопродуктивными являются системные отношения АКО и ISA, для категории «Характеристика» — системное отношение At, InstObj, ISA. В то же время для таких категорий, как «Естественный объект», «Инструмент (Искусственный объект)», «Материал», «Характеристика», «Локус» и др. не характерно системное отношение Sub, поскольку референты этих категорий не находятся в иерархическом подчинении друг у друга. Представленность терминов определенных категорий и соответствующих им вербализаторов также зависит от конкретной научной сферы (для естественных наук более частотными являются термины категорий «Естественный объект», «Локус», «Вещество», для технических — «Механизм», «Инструмент (Искусственный объект)», «Конструкция», для гуманитарных, в частности политологии — «Процесс», «Деятель», «Идеальный феномен», «Характеристика»). Анализируются вопросы совпадения элементов в составе вербализаторов разных связей, а также проблемы экстралингвистического характера и типовые ошибки при обработке текстовой информации и выявлении сопряженности терминов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: системные отношения; политическая лингвистика; политическая терминология; политические термины; политический язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лату Максим Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, профессор, Пятигорский государственный университет; г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9, к. 604; 357500, Россия, г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9, к. 604; e-mail: Latumn@pgu.ru, Laatu@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лату, М. Н. Некоторые проблемные вопросы определения специфики системности терминов при моделировании научного знания (на примере политической терминологии) / М. Н. Лату // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 153-158. — DOI 10.26170/pl19-05-16.

БЛАГОДАРНОСТИ. Публикация выполнена в рамках реализации проекта «Комплексное когнитивное исследование языковой репрезентации системных отношений между терминами в прикладных моделях организации научного знания» по гранту Президента Российской Федерации (№075-02-2018-713).

Материалы будут представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лигвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (состоится 29—30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета)

Исследование системности терминологической лексики и особенностей организации научного знания остается одной из актуальных проблем когнитивного терминоведения, решение которой необходимо для выполнения различных прикладных задач. Как отмечает Е. А. Шерстянникова, «среди лингвистов до сих пор нет единого мнения в вопросе о системных отношениях в сфере терминологии» [Шерстянникова 2018], при этом, согласно Д. И. Аюшину, их изучению

«по-прежнему уделяется недостаточно внимания, особенно в сопоставительном аспекте» [Аюшин 2015], в связи с чем он остается дискуссионным в целом ряде аспектов. Одним из них является проблема характера корреляции понятий, выделения и разграничения системных отношений. И. Л. Смагина в этой связи вполне справедливо указывает, что зачастую исследователи могут рассматривать такую корреляцию слишком широко, акцентируя внимание на одних и «не выде-

ля другие типы семантических отношений» [Смагина 2019]. Поэтому можно вполне согласиться с мнением Д. И. Аюшина, что «типология лексико-семантических отношений всегда представляла проблему для исследователей в силу их многогранности и многоаспектности» [Аюшин 2015]. Особую значимость разграничение специфики таких взаимосвязей приобретает для сферы научного знания [Гайдамакин 2012; Федина 2017], поскольку они являются весьма разнообразными и находят различное выражение на языковом уровне. Как отмечает Е. Ю. Горбунов, особые трудности онтологического характера в вопросе системного представления знания может вызвать моделирование подъязыков именно гуманитарных наук [Горбунов 2017], к которым, в частности, относится и политология со своей терминологией.

Как мы указывали в более ранних исследованиях, между смежными понятиями существует более 40 типов частотных универсальных системных отношений, которые репрезентируются как в дефинициях терминов, так и в текстах научных публикаций посредством конкретного набора вербализаторов, преимущественно представляющих собой единицы общеупотребительной лексики и их сочетания [Лату 2019; Лату 2017] (более подробно о специфике данных типов системных отношений см.: [Лату 2018]).

В ходе настоящего исследования было установлено, что существует определенная корреляция между репрезентацией системных отношений и категорий понятий в тексте. Так, функционирование вербализаторов системных отношений совместно с терминологической лексикой напрямую зависит от степени продуктивности конкретных типов связи для определенной категории. Поскольку в каждом случае набор продуктивных системных отношений индивидуален, данный факт оказывает непосредственное влияние на частотность совместного использования вербализаторов определенного типа системных отношений и терминов, принадлежащих к определенной категории. Как показал анализ, у каждой категории можно выделить свой набор высокопродуктивных, продуктивных, малопродуктивных и непродуктивных или нетипичных, отсутствующих типов системных отношений.

К высокопродуктивным относятся типы системных отношений, которые имеют наибольший процент репрезентативности от общего числа типов связей, выявленных для конкретной категории понятий и соответственно характерных для нее. Так, например, для категорий «Естественный объект», «Ме-

ханизм» высокопродуктивными являются системные отношения АКО и ISA. Для категории «Характеристика» таковым выступает системное отношение At, InstObj, ISA, например: *демократию обычно увязывают с республиканской формой государства ... для демократии характерны многопартийность, открытость общества...* [Кулаков 2006] (где термины **многопартийность, открытость общества** связаны системным отношением At с термином **демократия**); для категории «Деятель» высокопродуктивным является системное отношение S и его разновидности, которое также высокопродуктивно для категории «Процесс», например: *импичмент — обвинение, отрешение от должности, придание суду главы государства, осуществляемое парламентом, в случаях нарушения им конституции страны* [Кулаков 2006] (термин **парламент**, относящийся к категории «Деятель», связан системным отношением S с термином **импичмент** категории «Процесс») и т. д. Вербализаторы данных типов связей наиболее часто встречаются в текстах совместно с терминами этих категорий. К продуктивным системным отношениям категории «Процесс» также относятся R, Inst, Obj, АКО, вербализаторы которых часто сочетаются в тексте с терминами данной категории, для категории «Локус» таковыми являются ISA, LocIn, LocOn, PO.

При этом некоторые системные отношения являются нетипичными и не соотносятся с определенной категорией понятий. Так, например, для категории «Характеристика» не характерны такие системные отношения, как Loc, поскольку ее референты, представляющие собой свойства (например, *аполитичность, эффективность, плюралистичность* и др.), не могут находиться на чем-либо или же выступать местом расположения других референтов. В этой связи нехарактерна соотнесенность терминов данной категории с такими вербализаторами, как «находится в», «расположена в», «существует в», «заполняет» и др. Аналогичным образом для данной категории системно характерно системное отношение S, поскольку характеристика не может инициировать и осуществлять какой-либо процесс, и т. д. Для таких категорий, как «Естественный объект», «Инструмент» («Искусственный объект»), «Материал», «Характеристика», «Локус» и др. не характерно системное отношение Sub, поскольку референты этих категорий не находятся в иерархическом подчинении друг у друга.

При этом вербализаторы некоторых связей могут достаточно часто встречаться с терминами большинства категорий. К тако-

вым относятся языковые маркеры системных отношений АКО, РО, ISA, несколько реже их сочетаемость была выявлена с терминами таких категорий, как «Локус» и «Характеристика», которые не образуют разветвленных классификаций, и весьма редко сочетаемость большинства вербализаторов системного отношения АКО была отмечена с терминами категории «Деятель», где соотнесенность референтов в иерархической классификации зачастую передается посредством вербализаторов системного отношения Sub, например «подчиняется», «которому подчиняется», «выполняет поручения» и др.

При этом следует отметить, что представленность терминов определенных категорий и вербализаторов характерных для них системных отношений в дискурсе определенной области научного знания также обусловлена тем, какие категории ей свойственны в большей или меньшей степени. Так, например, для естественных наук более частотными являются термины категорий «Естественный объект», «Локус», «Вещество», в то время как для технических наук в большей степени репрезентативны категории «Механизм», «Инструмент (Искусственный объект)», «Конструкция», а вышеуказанные могут быть непродуктивными или не представлены специализированными единицами данной области знания. Для гуманитарных наук и политологии в частности большую репрезентативность имеют категории «Процесс», «Деятель», «Идеальный феномен», «Характеристика».

В ходе анализа также были установлены случаи совпадения определенных языковых средств в составе конкретных вербализаторов разных типов системных отношений. Такие языковые единицы можно рассматривать как продуктивные элементы в их структуре. При этом, с одной стороны, они могут являться частотными составляющими вербализаторов одного типа системных отношений, например, лексема «это» в составе сложных вербализаторов системного отношения АКО «это вид», «это тип», «это класс» и др., лексема «на» для вербализаторов системного отношения LocOn «расположен на», «существует на», «находится на» и др., лексема «результат» для вербализаторов системного отношения R «образуется в результате», «как результат возникает», «является результатом» и др.

С другой стороны, некоторые языковые единицы могут встречаться в составе вербализаторов разных типов системных отношений. К таковым, например, относится лексема «происходит», которая входит в состав

вербализаторов «происходит в» (системное отношение LocIn), «происходит между» (системное отношение Intr), «происходит рядом» (системное отношение Next to), которые раскрывают различный характер локализации референта. Аналогичным образом предлог «в», являющийся вербализатором системного отношения LocIn, может выступать в качестве элемента сложных языковых маркеров других типов системных отношений, например, «формируется в процессе» (системное отношение R), «входит в структуру» (системное отношение РО), «в противоположность» (системное отношение Cntr), «превращается в» (системное отношение Trsf) и др.; лексема «является», которая репрезентирует системное отношение АКО, также входит в состав вербализаторов «является частью» (системное отношение РО), «является причиной» (системное отношение CR), «целью которого является получение» (системное отношение R) и др. Как видно из данных примеров, языковыми единицами, совпадающими в структуре вербализаторов разных системных отношений, могут выступать лексеммы различных частей речи, к которым в первую очередь относятся предлоги, а также некоторые существительные и глаголы. Значимым в этой связи представляется контекстуальное окружение и сочетаемость лексем, выступающих в роли элементов вербализаторов разных типов системных отношений. Совпадение элементов в структуре вербализаторов, указывающих на различный характер корреляции сопряженных понятий, представляет собой одну из проблем при обработке текстовой информации и определении типа системного отношения.

В этой связи для выявления трудностей, возникающих при определении характера связи между сопряженными понятиями, был проведен психолингвистический эксперимент, в ходе которого испытуемым предлагалось изучить фрагменты текстов научных статей, установить взаимосвязанные понятия и определить тип системного отношения между ними. В роли испытуемых выступали студенты третьего и четвертого курсов бакалавриата, магистранты и аспиранты первого и второго годов обучения, возрастом от 19 до 25 лет, общее число испытуемых составило 50 человек.

Как показал анализ, наиболее частотными и в целом ожидаемыми ошибками являлись, с одной стороны, пропуск и неспособность выявить в пространстве текста языковые единицы, выступающие вербализаторами системных отношений между сопряженными терминами. При этом термины не распознавались испытуемыми гораздо реже.

С другой стороны, ошибки также возникали в определении характера связи между сопряженными терминами.

Еще одной выявленной трудностью оказалось то, что не все термины в одном предложении, и тем более в рамках одного фрагмента текста научной статьи, могут быть связаны между собой. Как показали полученные результаты, данный факт приводит к ошибкам в определении того, какие термины являются сопряженными, а какие нет, какие из них связывает тот или иной конкретный вербализатор (иными словами, с какими терминами он соотносится). Например, *«анархизм — политическое течение, провозглашающее своей целью уничтожение государства и замену любых форм принудительной власти свободной и добровольной ассоциацией граждан. По мнению идеологов анархизма, государство является источником насилия, орудием угнетения масс... Они отметили такие негативные черты государства, как бюрократизация аппарата, централизация и концентрация власти в его руках, проявление корысти и беззакония»* [Кулаков 2006]. В данной дефиниции термины **бюрократизация аппарата, централизация власти** связаны не с термином **анархизм**, а с термином **государство**, поскольку свойственны именно последнему.

Как видно из данного примера, объективной трудностью является также наличие разных мнений и взглядов на содержание определенных понятий и сущность соотносимых с ними референтов, что выражается в наличии различных формулировок, отражающих разные классификации и характер соотносительности понятий в системе научного знания, которые могут отражать субъективную точку зрения автора текста, не всегда являющуюся объективной и общепринятой. Определенную роль при этом играет и фактор времени появления текстовых фрагментов. В силу изменчивости теорий, парадигм, появления нового знания о конкретном изучаемом феномене, расширения системы научного знания в целом и встраивания в нее новых понятий соотносительности понятий, отраженная в текстах, относящихся к разным временным периодам, может различаться.

Одной из частных проблем является установление ближайшего рода понятия, за которой также стоит экстралингвистическая причина. Нередко в текстах в качестве гиперонима указывается понятие, которое является не ближайшим родом определяемого понятия, а понятие, расположенное на несколько уровней выше в иерархической классификации, что предполагает уже не

связь между классом и его непосредственным подклассом, разновидностью (системное отношение АКО), а соотнесение данного референта с определенным множеством, в состав которого он может быть включен (системное отношение ISA). При этом указываемый в дефиниции гипероним может представлять собой понятие высокой степени абстракции, которое находится за рамками области знания, к которой относится определяемый термин, и вообще представлять собой элемент знания, репрезентируемый общеупотребительной лексикой. Например: *«Политический режим — система средств и методов осуществления политической власти, характеристика прав и свобод личности»* [Сирота 2012]; *«политический режим — это средства, способы, формы и методы реализации политической власти, характер взаимодействия власти, общества и личности. Выделяют режимы тоталитарные, авторитарные, демократические»* [Кулаков 2006]. В данных примерах род представляет собой элемент знания высокой степени абстракции, выражен единицами нетерминологической лексики, с которыми устанавливается отношение ISA, в то время как между терминами «политический режим» и «тоталитарный режим», «авторитарный режим», «демократический режим» существует отношение АКО, поскольку последние являются разновидностями первого. Тот факт, что понятие может определяться не через прямой род и соотноситься с понятиями как элемент обозначаемого ими множеств, расположенными на разных ветках и уровнях иерархической классификации, может приводить к трудностям в установлении ближайшего рода и определении характера связи.

Одним из возможных путей преодоления некоторых рассмотренных неязыковых проблем, связанных с выявлением характера связи, является учет категорий, к которым относятся сопряженные понятия. Последнее представляется значимым, поскольку каждый тип системных отношений обладает различной степенью продуктивности для определенной категории, а для некоторых из них может быть просто не характерен. В этой связи проблема автоматизации обработки информации представляется гораздо более глубокой, ввиду существования не только неязыковых, но и не всегда очевидных, на первый взгляд, лингвистических трудностей, что во многом проистекает из высокой степени гетерогенности языковых единиц, которые выступают вербализаторами связей, как в целом, так и в рамках одного системного отношения, а также неоднозначных особен-

ностей их функционирования в тексте совместно с терминологической и общепотребительной лексикой, что существенно осложняет выявление закономерностей.

При установлении ближайшего родового понятия для термина ожидаемым решением могло бы быть обращение к дефиниции, но, как показал анализ, даже в дефинициях термин нередко определяется через понятие гораздо большей степени абстракции, чем прямое родовое. В определенных случаях решением может стать обращение к структуре определяемого термина, когда он состоит из нескольких терминологических элементов, где в качестве основообразующего терминологического элемента выступает термин, обозначающий родовое понятие (например, правовое государство — государство). Одним из потенциально возможных решений проблемы существования разных классификаций и точек зрения, на наш взгляд, является анализ большего количества текстовых фрагментов для установления объективной информации, что указывает на необходимость автоматизации обработки текста.

Таким образом, не все типы системных отношений являются продуктивными для каждой категории понятий, что напрямую оказывает влияние на совместную встречаемость репрезентирующих их вербализаторов и терминов. Как показали результаты проведенного анализа текстов и психолингвистического эксперимента, существует еще ряд объективных трудностей экстралингвистического характера, связанных с моделированием области научного знания, к которым, в частности, относятся проблема установления ближайшего рода, существование разных точек зрения на типологию и со-

отнесенность понятий, отсутствие комплексного инструмента для разграничения связанных и несвязанных терминов в рамках одного фрагмента текста и субъективные ошибки, связанные с определением характера сопряженности понятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аюшин Д. И. Межъязыковые семантические отношения в архитектурной терминологии русского и английского языков // Язык науки и техники в современном мире : сборник материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 25—29.
2. Гайдамакин А. А. Семантические отношения как основа формального языка права // Научный вестн. Омск. акад. МВД России. 2012. № 2 (45). С. 80—85.
3. Горбунов Е. Ю. Семантические отношения терминополь word «слово» предметной области «английская лексикология» // Язык и культура : сб. материалов XXVII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. — 2017. С. 48—58.
4. Краткий словарь-справочник по политологии / сост. А. П. Кулаков. Изд. 2-е, испр., доп. — Новосибирск, 2006. 43 с.
5. Лату М. Н. Информационные блоки и характер системных связей в определениях политических терминов // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 216—220.
6. Лату М. Н. Типы системных отношений между терминами в сетевых моделях организации научного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 134—142.
7. Лату М. Н. Языковая репрезентация системной организации политических понятий в дефинициях // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 107—114.
8. Сирота Н. М. Политология. Классики науки. Термины. Тесты. — СПб., 2012. 32 с.
9. Смагина И. Л. Сравнительный анализ семантических отношений антонимии, дополнительности и конверсивности (на материале художественных произведений английских и американских авторов) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 2 (36). С. 43—48.
10. Федина Е. А. Семантические отношения в медицинской терминологии как аспект преподавания иностранного языка в медицинском вузе // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2017. № 1 (14). С. 63—65.
11. Шерстянникова Е. А. К вопросу о системных отношениях в сфере терминологии // Теория и практика современной науки. 2018. № 5 (35). С. 928—932.

M. N. Latu

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-6313-5637

 E-mail: Latumn@pgu.ru.

Academic Knowledge Modeling: Some Problems of Terms Systematicity Determination (on the example of political terminology)

ABSTRACT. *The article deals with some problems that may arise while modeling sublanguages of areas of scientific knowledge, and specifically politological terminology, and touches upon issues of correlation between notions and the nature of such relationship. The article continues the earlier works of the author which have revealed that there are more than 40 types of frequent universal systemic relations between adjacent notions which are represented both in the definitions of the terms and in the texts of scientific publications via a certain set of verbalizers represented in most cases by common vocabulary units and their combinations. The author investigates the dependence of co-occurrence of terms and verbalizers of systemic relations on the productivity of the latter for different categories of notions. For example, the categories of “Natural object” and “Mechanism” are characterized by high productivity of the systemic relations AKO and ISA, the category “Characteristic” – the systemic relations At, InstObj and ISA. At the same time, for such categories as “Natural object”, “Instrument (Artificial object)”, “Material”, “Characteristic”, “Locus” and others the systemic relation Sub is not typical, because the referents of these categories are not in hierarchical subordination to each other. The frequency of the terms of certain categories and the corresponding verbalizers also depends on a concrete scientific sphere (for natural sciences, more frequent are the terms of the categories “Natural object”, “Locus”, “Substance”, for technical sciences – “Mechanism”,*

“Instrument (Artificial object)”, “Construction”, for the humanities, and specifically politology – “Process”, “Actor”, “Ideal phenomenon”, “Characteristic”). The article analyzes the question of coincidence of elements within verbalizers of different relations, as well as issues of extralinguistic character and typical errors in text information procession and terminology co-occurrence detection.

KEYWORDS: systemic relations; political linguistics; political terminology; political terms; political language.

AUTHOR'S INFORMATION: *Latu Maksim Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor. Leading Researcher, Professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.*

FOR CITATION: *Latu, M. N. Academic Knowledge Modeling: Some Problems of Terms Systematicity Determination (on the example of political terminology) / M. N. Latu // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 153-158. — DOI 10.26170/pl19-05-16.*

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished within the scientific project “Complex Cognitive Study of Linguistic Representation of Systemic Relations between Terms in Applied Models of Organization of Scientific Knowledge” on the grant of the President of the Russian Federation (№075-02-2018-713).

REFERENCES

1. Ayushin D. I. Interlanguage Semantic Relations in the Architectural Terminology of the Russian and English Languages // The Language of Science and Technology in the Modern World: a Collection of Materials of the IV Intern. Scientific-practical Conf. 2015. P. 25—29. [Mezh"yazykovye semanticheskie otnosheniya v arkhitekturnoy terminologii russkogo i angliyskogo yazykov // Yazyk nauki i tekhniki v sovremennom mire : sbornik materialov IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2015. S. 25—29]. — (In Rus.)
2. Gaydamakin A. A. Semantic Relations as the Basis of the Formal Language of Law // Scientific Proceedings of Omsk Acad. of Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 2 (45). P. 80—85. [Semanticheskie otnosheniya kak osnova formal'nogo yazyka prava // Nauchnyy vestn. Omsk. akad. MVD Rossii. 2012. № 2 (45). S. 80—85]. — (In Rus.)
3. Gorbunov E. Yu. Semantic Relations of the Term Field Word “Word” of the Subject Area “English Lexicology” // Language and Culture : Collection of Materials of XXVII International Scientific-practical Conf. / under total. ed. of S. S. Chernova. — 2017. P. 48—58. [Semanticheskie otnosheniya terminopolya word «slovo» predmetnoy oblasti «angliyskaya leksikologiya» // Yazyk i kul'tura : sb. materialov XXVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod obshch. red. S. S. Chernova. — 2017. S. 48—58]. — (In Rus.)
4. A Brief Dictionary of Political Science / comp. by A. P. Kulakov. Ed. 2nd, rev., add. — Novosibirsk, 2006. 43 p. [Kratkiy slovar'-spravochnik po politologii / sost. A. P. Kulakov. Izd. 2-e, ispr., dop. — Novosibirsk, 2006. 43 s.]. — (In Rus.)
5. Latu M. N. Information Blocks and Systemic Relations in Definitions of Political Terms // Political Linguistics. 2017. No 5 (65). P. 216—220. [Informatsionnye bloki i kharakter sistemnykh svyazey v opredeleniyakh politicheskikh terminov // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 216—220]. — (In Rus.)
6. Latu M. N. Types of System Relations Between Terms in Network Models of the Organization of Scientific Knowledge // Issues of Cognitive Linguistics. 2018. No. 4. P. 134—142. [Tipy sistemnykh otnosheniy mezhdu terminami v setevykh modelyakh organizatsii nauchnogo znaniya // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2018. № 4. S. 134—142]. — (In Rus.)
7. Latu M. N. Verbal Representation of Systemic Organization of Political Concepts in Definitions // Political Linguistics. 2019. No 1 (73). P. 107—113. [Yazykovaya reprezentatsiya sistemnoy organizatsii politicheskikh ponyatiy v definytsiyakh // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 1 (73). S. 107—114]. — (In Rus.)
8. Sirota N. M. Political Science. The Classics of Science. Terms. Tests. — St. Petersburg, 2012. 32 p. [Politologiya. Klassiki nauki. Terminy. Testy. — SPb., 2012. 32 s.]. — (In Rus.)
9. Smagina I. L. Comparative Analysis of the Semantic Relations of Antonymy, Complementarity and Convertibility (based on the works of art by English and American authors) // Human Science: Humanitarian Studies. 2019. No 2 (36). P. 43—48. [Sravnitel'nyy analiz semanticheskikh otnosheniy antonimii, dopolnitel'nosti i konversivnosti (na materiale khudozhestvennykh proizvedeniy angliyskikh i amerikanskikh avtorov) // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. 2019. № 2 (36). S. 43—48]. — (In Rus.)
10. Fedina E. A. Semantic Relations in Medical Terminology as an Aspect of Teaching a Foreign Language at a Medical University // Journal of Omsk State Ped. Univ. Humanitarian Research. 2017. No. 1 (14). P. 63—65. [Semanticheskie otnosheniya v meditsinskoj terminologii kak aspekt prepodavaniya inostrannogo yazyka v meditsinskom vuze // Vestn. Omsk. gos. ped. un-ta. Gumanitarnye issledovaniya. 2017. № 1 (14). S. 63—65]. — (In Rus.)
11. Sherstyannikova E. A. On the Question of Systemic Relations in the Field of Terminology // Theory and Practice of Modern Science. 2018. No. 5 (35). P. 928—932. [K voprosu o sistemnykh otnosheniyakh v sfere terminologii // Teoriya i praktika sovremennoy nauki. 2018. № 5 (35). S. 928—932]. — (In Rus.)

И. А. МартыненкоМосковский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9798-3378 **E-mail:** irineta@rambler.ru.

Топонимика Марианских островов: отражение колониального прошлого и современные тенденции развития

АННОТАЦИЯ. *Топонимика Марианских островов на сегодняшний день не может считаться тщательно изученной: на данный момент авторы научных статей и монографий, осуществляющие исторический экскурс в колониальное прошлое региона, лишь фрагментарно касаются описания географических названий островов, все еще не существует ни одного топонимического словаря, посвященного архипелагу, веб-страницы городов содержат крайне скудную информацию об этимологии названий или же не содержат их вовсе. Настоящая статья посвящена особенностям формирования, развития и современного функционирования топонимии Марианских островов с акцентом на испаноязычный топонимический пласт. Цель статьи — выделить характерные черты формирования топонимического корпуса региона, изучить влияние исторических событий на изменение географической номенклатуры и осуществить лингвопрагматический анализ выявленных топонимических единиц. В рамках статьи впервые приводится количественное соотношение англоязычных и испаноязычных топонимов по отношению к автохтонным именам. Автор приводит многочисленные примеры и выдвигает гипотезы относительно происхождения некоторых топонимов региона. Топонимы рассматриваются в свете периодизации, обусловленной историей освоения островов. На карте Марианских островов выделяется большое количество автохтонных географических названий, выявление и классификация которых осложняются слабой изученностью языка чаморро, а также филиппинского языка. Благодаря испанским католикам и иезуитам в макро- и микротопонимии региона присутствуют религиозные аллюзии в наименованиях испанского происхождения. При этом испаноязычная топонимия сохранилась в основном в редуцированной, трансформированной и гибридной форме. Также выявляются названия, обозначившие хозяйственное значение районов и призванные увековечить чью-либо память. Помимо испанского, источниками заимствований для топонимии служили японский и английский языки.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: топонимы; топонимика; этимология; географические названия.**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Мартыненко Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА); 125993, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9; e-mail: irineta@rambler.ru.**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Мартыненко, И. А. Топонимика Марианских островов: отражение колониального прошлого и современные тенденции развития / И. А. Мартыненко // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 159-170. — DOI 10.26170/pl19-05-17.

ВВЕДЕНИЕ

Аккумулируя в себе исторические, географические и лингвистические данные, топонимика характеризует регион и отвечает на вопросы о языке, культуре и обычаях народов, проживавших и проживающих в нем. Топонимическая многослойность — довольно распространенное явление в государствах, на территории которых господствовали в разное время разные державы.

Мультилингвальную топонимическую ситуацию можно наблюдать и на Марианских островах: отчетливо прослеживается пласт чаморро, испаноязычный, англоязычный, японский, китайский пласты и некоторые другие.

Топонимия островов на сегодняшний день не может считаться полностью изученной: не существует ни одного топонимического словаря региона, сведения об этимологии местных географических названий крайне фрагментарны.

Цель статьи — провести комплексный

лингвистический анализ топонимии Марианских островов с фокусом на испаноязычных топонимических названиях и проанализировать современное функционирование географических названий на островных территориях.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы проанализировали топонимический корпус Марианских островов в целом (более 400 единиц) и методом сплошной выборки выявили испаноязычные топонимические названия для более тщательного рассмотрения. По нашим оценкам, испаноязычный топонимический пласт занимает почетное третье место после чаморро и англоязычного.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Марианские острова расположены в Тихом океане, примерно в 2500 км к востоку от Филиппин и на таком же расстоянии к северу от Папуа — Новой Гвинеи. Эта группа состоит из острова Гуам и 14 островов, с 1976 г.

образующих Содружество (Commonwealth of the Northern Mariana Islands (CNMI) — Содружество Северных Марианских Островов).

Гетерогенность топонимического корпуса региона обусловлена господством разных стран в разные периоды (табл. 1).

ОТКРЫТИЕ МАРИАНСКИХ ОСТРОВОВ

Марианские острова были открыты в 1521 г. Фернаном Магелланом. Они находятся на севере экваториального пассата, который пересекает Америку и Восточную Азию. Именно расположение островов привело к контакту между испанцами и коренным народом чаморро в 1521 г. [Quimby 2017: 146].

За их первоначальным контактом последовало более чем столетнее периодическое торговое и культурное взаимодействие, кульминацией которого стала вдохновленная иезуитами колонизация в конце XVII в. Благодаря геостратегическому расположению своей родины, чаморро стали первыми жителями тихоокеанских островов, которые получили опыт устойчивых контактов с Западом, особенно в виде обращения в христианство и европейской колонизации. Взаимодействие испанцев и чаморро во время этого периода представляет собой уникальный пример раннего современного колониализма в Азиатско-Тихоокеанском регионе, поскольку отражает межкультурную встречу имперских амбиций и мирной жизни коренного населения, повлиявшую на этногенез и создание нового общества, культуры и идентичности чаморро.

Островитяне-чаморро пересекали местные воды в огромных каноэ, отличавшихся треугольными парусами, — сакманах. Это отразилось в топонимии региона: Фернан Магеллан первоначально дал островам имя *Las Islas de las Velas Latinas / Лас-Ислас-де-лас-Велас-Латинас* (исп. «острова латинских парусов») из-за сходства этих лодок с небольшими судами, которые он наблюдал в

Средиземном море около своего дома в Европе. Но Марианские острова носили по крайней мере два других имени, прежде чем за ними закрепилось текущее название. После своего первого неприятного столкновения с чаморро Фернан Магеллан назвал их во второй раз *Las Islas de los Ladrones/ Лас-Ислас-де-лос-Ладронес* (исп. «острова воров») [Поспелов 2002: 260; Tucker 2009: 321]. Первый контакт, о котором идет речь, произошел в гуамском заливе Уматак. Это была не только первая встреча европейцев и чаморро, но и первая встреча между Западом и коренными народами Океании. Уставшие и изможденные после трехмесячного морского плавания, экипажи кораблей Магеллана надеялись собрать провизию на островах. Однако, прежде чем они достигли земли, взволнованные чаморро встретили их в бухте. Оказалось, что воины были заинтересованы не в том, чтобы познакомиться с гостями, а в том, чтобы забрать себе имущество, которое те привезли с собой. Чаморро высадились на испанские корабли и начали забирать все, что могли унести. Ослабленные испанские моряки смогли отразить нападение только после нескольких предупредительных выстрелов, которые заставили туземцев отступить на землю. Так испанское понятие частной собственности вступило в конфликт с системой общих ценностей чаморро. В конечном итоге Магеллан смог получить в обмен на некоторые предметы фрукты и овощи. Чуть позже он отправился в эти места снова, и место, которое он отметил на своей карте, в 1565 г. было официально объявлено владением Испанской короны.

Среди 15 названий островов 4 демонстрируют испанское языковое происхождение: *Rota, Asuncion, Farallon de Pajaros, Farallon de Medinilla*.

Rota /Рота — от муниципалитета Рота, Испания.

Таблица 1. Политическая принадлежность Марианских островов

Страна	Гуам	Северные Марианские острова
Испания	1565—1898	1668—1899
Германия		1899—1914
Япония	1941—1944	1914—1947
США	1898—1941, 1944 — наст. вр.	1947 — наст. вр.

Ныне необитаемый остров *Asuncion* / *Асунсьон* был открыт в 1669 г. испанским миссионером Диего Луисом де Сан-Виторесом, который дал ему название (исп. *asunción* — «успение»), имея в виду Успение Девы Марии. В 1985 г. в соответствии с Конституцией Содружества Северных Марианских Островов остров был определен как район дикой природы для защиты и сохранения природных ресурсов. С 2009 г. остров является частью морского национального памятника *Marianas Trench* / *Марианас-Тренч*, название которого представляет собой красивое испано-английское гибридное топонимическое образование.

Farallon de Pajaros / *Фаральон-де-Пахарос* (исп. «птичий утес») также необитаем. Фаральон-де-Пахарос является самым активным вулканом Марианских островов. Его относительно частые извержения, относящиеся к середине XIX столетия, заставили называть этот андезитовый вулкан «Маяком западной части Тихого океана». В исторические времена через фланговые щели вулкана стекала лава, которая впоследствии сформировала платформу вдоль побережья острова.

Farallon de Medinilla / *Фаральон-де-Мединилья* — мемориальный топоним. Впервые карта острова была составлена европейцами в конце октября 1543 г. испанским исследователем Бернардо де ла Торре при попытке вернуться из Филиппин в Новую Испанию. Однако название остров получил лишь после высадки французского мореплавателя Луи де Фрейсине в 1819 г.; он дал ему имя в честь дон-Хосе де Мединилья и Пифьеда (*Don José de Medinilla y Pifeda*), испанского губернатора Марианских островов с 1812 по 1822 г.

АВТОХТОННЫЕ ТОПОНИМЫ

На карте Марианских островов выделяется большое количество автохтонных географических имен. Задача исследователя по их выявлению и классификации осложняется малоизученностью и сложностью языка чаморро, а также филиппинского языка. Однако невозможно не заметить, что макротопонимические номинации в массе своей принадлежат к языкам коренных жителей. Главным образом свои исконные названия сохранило большинство островов: *Guam* / *Гуам*, *Saipan* / *Сайпан*, *Tinian* / *Тиниан*, *Aguigan* / *Агуиган*, *Agrihan* / *Агрихан*, *Pagan* / *Паган*, *Alamagan* / *Аламаган*, *Guguan* / *Гугуан*, *Paraungan* / *Папаунган*, *Sarigan* / *Сариган*, *Atanahan* / *Атанахан*.

Ойконимия, гидронимия и оронимия региона также по сей день хранят предпочтения коренных жителей: среди многочислен-

ных примеров можно назвать деревни *Chugai*, *Sinapalo*, *Shinapaaru* (о. Рота), *Achugao*, *Dandan*, *Gualo Rai* (о. Сайпан), реки *Agaga River*, *Bubulao River*, *Gaan River* (о. Сайпан), горы *Mount Sasalaguan*, *Mount Chchao*, *Mount Taene* (о. Гуам).

ИСПАНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

В 1565 г. был установлен стандартный маршрут, и в течение следующих 250 лет острова служили стратегическим пунктом снабжения торговых судов, участвующих в ежегодных рейсах между аванпостами Испании в Маниле (Филиппины) и в Акапулько (Мексика) [Moses 1929: 75; Cushner 1971; Skowronek 1998: 47].

Близость Марианских островов к Филиппинам, естественная традиция народа чаморро торговать с остановившимися галеонами и нехватка минеральных ресурсов не являлись мотивацией для завоевания островов. Чтобы подготовиться к пути до побережья Филиппин, испанским морякам требовалась лишь короткая остановка на берегах Гуама, Роты, Тиниана или Сайпана, чтобы обеспечить себя пресной водой и фруктами и оставить больных и умирающих, которые могли не выдержать оставшиеся две или три недели путешествия.

Поэтому серьезная колонизация островов началась лишь столетие спустя, в 1668 г., когда на острова прибыл контингент иезуитских миссионеров во главе с падре Диего Луисом де Сан-Виторесом (1627—1672) [De la Rosa A.C. 2014]. Именно ему мы обязаны современным общепринятым наименованием островов: Сан-Виторес дал название архипелагу в честь Марианны Австрийской, вдовы испанского короля Филиппа IV.

Отправной формант региона *Mariana* в наши дни активно обыгрывается на микротопонимическом уровне на всех населенных островах. Вкупе с другими топоформантами этот элемент образует разнообразные англо-испанские гибриды:

- *Mobil Oil Marianas* — нефтеперерабатывающий завод
- *Mariana ocean* — магазин косметики
- *Marianas Trekking Saipan* — фирма по организации активного отдыха на Сайпане
- *Marianas Meat Harvesting Company* — мясной магазин
- *Tribe Marianas* — магазин одежды
- *Marianas Country Club* — гольф-клуб
- *Mariana Lounge* — комната отдыха
- *Marianas Repair* — автосервис
- *Marianas High School* — школа
- *Star Marianas Air, Inc.* — авиакомпания со своим аэродромом, организующая перелеты между островами.

Впервые падре Сан-Виторес посетил острова в 1662 г. В своем письме испанскому королю Филиппу IV он затем просил помощи в организации миссии на одном из островов архипелага — Гуаме. Одновременно отец Сан-Виторес написал и жене короля Филиппа — Марианне Австрийской, прося ее поддержки в намеченном им предприятии. Апостольская миссия на Марианских островах не считалась прибыльной. Диего Луис де Сан-Виторес, тем не менее, был красноречивым, упрямым и хорошо обученным человеком. Он неутомимо давил на все рычаги, используя свои контакты во властных кругах, пока его просьба не достигла ушей самого короля. Сан-Виторес подчеркнул настоятельную необходимость евангелизации, основанную на существовании «множества душ на этих островах». Кроме того, священник представил миссию на острова как предприятие с большой духовной и геостратегической выгодой и небольшой стоимостью. Всего за несколько лет настойчивость позволила ему достичь своей цели.

После смерти Филиппа IV Марианна стала королевой-регентшей и в июне 1665 г. одобрила проект колонизации. В документе, датированном 1668 г., говорится: «Отец Сан-Виторес в знак глубокого восхищения благородством и великодушием Ее Величества дал этим островам ее имя и объявил, что острова будут известны повсюду как Марианские» [Происхождение названия «Марианские острова» http].

Кепуха, вождь чаморро на Гуаме, первоначально приветствовал Сан-Витореса и даже позволил себя окрестить. Сан-Виторес построил первую церковь на острове в 1669 г. по благословению главных и высокопоставленных женщин острова, которые были единственными, кто мог наследовать и отдавать землю.

Но мир и согласие между местным населением и первыми европейскими колонизаторами островов были недолгими. Испанцы приступили к вестернизации чаморро, обучая их выращивать кукурузу, ухаживать за скотом и заставляя переходить на западную одежду. Многие чаморро были раздражены вторжением в привычную жизнь. Их недовольство завершилось убийством Сан-Витореса вождем чаморро, возмущенного тем, что священник окрестил маленькую дочь Кепухи без его согласия. В честь падре Сан-Витореса сегодня названа широкая и длинная улица вдоль западного побережья Гуама *Pale San Vitores Road*. Отметим, что «pale» — адаптация испанского «padre» в языке чаморро [Diaz 1994: 156].

Благодаря испанским католикам и иезуитам, прибывшим на острова вслед за Сан-Виторесом, религиозные аллюзии присутствуют в макро- и микротопонимии региона. На острове Сайпан и в наши дни выделяются на карте ойконимы *San Antonio*, *San Jose*, *San Roque*, *San Vicente*. Также деревню *San Jose* мы видим на острове Тиниан.

Santa Rita / Санта-Рита — поселение на острове Гуам, основанное уже после Второй мировой войны. Деревню назвали в честь Риты Кашийской, монахини-августинки, христианской святой эпохи Средневековья. Святая Рита Кашийская почитается Римско-католической церковью и считается заступницей в безнадежных ситуациях.

Река *San Nicolas River* и гора *Mount Santa Rosa* на Гуаме также относятся к религиозным топонимам.

Многие годонимы и урбанонимы, как правило, сохранившиеся в виде гибридов, также прославляют имена святых.

На Сайпане: *Dela Cruz Pastry* — пекарня, улицы *Santa Remedio Drive*, *San Vicente Loop*, *San Roque Market* — магазин, *Chalan Santa Lourdes* — улица, *Santa Lourdes Shrine* — храм, *Santa Soledad* — церковь, *San Vicente Post Office* — почтовое отделение, *San Vicente Elementary School (SVES)* — начальная школа, *San Antonio Middle School* — муниципальная школа, *Iglesia ni Cristo* — церковь.

На Тиниане: *Iglesia Ni Cristo* — церковь, *San Jose Catholic Church* — католическая церковь.

На Гуаме: *Santiago Drive* — улица, *Espinosa Avenue* — улица, *Fort Nuestra Senora de la Soledad* — форт, *San Dionisio Church* — католическая церковь, *Fort Santo Angelo* — исторический памятник, *San Vicente Avenue* — улица, *San Vicente School* — школа, *San Isidro Street* — улица, *Santa Rita Store* — торговый центр, *Flores Santa Rita* — ферма, *Santa Rosa Avenue* — улица, *San Luis Beach* — пляж, *Dulce Nombre de Maria*, *San Francisco de Asis Church*, *Santa Teresita Catholic Church* — католические церкви.

В 1740 г. испанцы начали консолидировать население, чтобы облегчить обращение в христианскую религию и контроль. Солдаты заставили многих чаморро перебраться с Северных Марианских островов на Гуам. Многие туземцы, особенно на острове Рота, успешно спрятались там на холмах. По сей день жители Рота остаются наименее этнически смешанным населением чаморро на Марианских островах.

В целом испаноязычная топонимия региона сохранилась в основном в редуцированной, трансформированной и гибридной форме. Можно найти лишь немно-

го единиц, не подвергшихся деформации за несколько столетий. К ним относятся ойконим *Puerto Rico* (Сайпан), годоним *Pacifico* (Гуам), оронимы *Sabana* (Рота) и *Carolinas* (Тиниан), устоявшие в оригинальном испанском варианте. Кондоминиум *Delmar Condos* и улицы *Calle Paquito*, *Calle Damian* также носят целиком испаноязычные современные названия.

Как уже отмечалось, топонимический корпус Марианских островов в целом стремится к сращению формантов, разнородных по языковому составу. В этой связи любопытны гибридные образования с топоформантом чаморро *As*: *As Perdido* (поселение на Сайпане), *As Niebes* (производное от исп. *nieve* — «снег», гора на о. Рота), улица *E As Diaz Street* в одном из городов на Гуаме.

Chalán по-испански обозначает перекупщика лошадей, а также паром в Мехико, обычно для узких переправ, где нет моста. Но на Марианских островах данная лексема в переводе с языка чаморро имеет значение «дорога». Таким образом, наименования с формантом *chalan* носят гибридный, а не оригинальный испаноязычный характер. В подтверждение тезиса наблюдаем на Гуаме в разных городах улицы: *Chalan Ramirez*, *Chalan Corazon*, *Chalan Castro*, *Chalan Guerrillos*, *Chalan Estudia*, *Chalan Escuela*, *Chalan Islas Marianas*, *Chalan Silencio*, *Chalan Felix Remedio*, *Chalan Tun Jose*, *Chalan Coco*, *Chalan Josefa Felix Gallo*, *Chalan Villagomez*, *Chalan Rodeo*, *Chalan RS Sanchez* и др.

Также выделяется ойконимо-метонимический ряд, найденный нами на Сайпане: *Chalan Galaidi*, *Chalan Kiya*, *Chalan Piao*. Однако получается, что к испанскому языку он не имеет отношения.

Некоторые имена претерпели изменения на письме, но их испанское происхождение все же угадывается:

Kalabera — поселение на Сайпане. *Kalabera Cave* — пещера там же. Эти номинации происходят от исп. *calavera* — «черепа».

Ойконим *Matansa* — производное от исп. *matanza* — «убийство».

Название поселения *Dededo* может происходить из практики измерения с помощью пальцев (от исп. *de dedo* — «от пальца»).

Гидроним *Astaban River*, как нам видится, от исп. мужского имени *Esteban*.

Asalonso River, скорее всего, восходит к мужскому испанскому имени *Alonso*. Подозреваем здесь сращение *As* + *Alonso*.

Интересны и другие случаи сращения формантов: *Almagosa River* (Гуам), *Mount Almagosa* (Гуам) — как нам думается, от исп. «обладать душой» (*alma* — «душа», *gozar* —

«обладать»). *Pasamano River* (Гуам) — от исп. «подай руку» (*pasa* — «подай», *mano* — «рука»). Мы не квалифицируем данные примеры как топонимическую контаминацию, так как не наблюдаем редукции в формантах.

Puntan Carolinas — самая южная точка Тиниана, откуда открывается панорамный вид. При приближении к гавани Тиниан операторы небольших лодок используют этот мыс в качестве навигационного ориентира. Но мыс, точка по-испански — *punta*. Мы предполагаем, что мыс *Puntan Carolinas*, гора *Carolinas* и деревня *Carolinas Heights*, расположенные на Тиниане, — это этнотопонимы, названные в честь жителей соседних Каролинских островов как дань их присутствию на Марианах в 1800-х гг., когда, после тайфунов и засух на Каролинах, им, по указу правительства Испании, было разрешено поселиться на Гуаме [Owen 2011: 172; McKinnon 2015: 2].

Никаких данных о происхождении названия *Laguas River* нами не найдено. Можно предположить, что *Laguas* — это трансформация *el agua* (исп. «вода»).

Из рассмотрения некоторых других единиц становится понятно, что марианские испаноязычные географические имена часто служили своеобразным путеводителем для путешественников. Так, *Aguada River* — точное указание на место пополнения испанцами запасов воды. Ведь один из вариантов перевода слова *aguada* с исп. — «место, где судно запасается пресной водой». *Salinas River*, судя по названию, указание на соляные копи. *Pajon Point* — гора, у подножья которой, как говорит ее название, можно запастись сеном. *Pajón* — дикая трава, очень богатая клетчаткой, которая в случае нехватки других пастбищ служит пищей для скота.

На карте Марианских островов присутствуют также и мемориальные топонимы. Имя первооткрывателя островов увековечено в названии его памятника *Magellan Monument* и улицы *Magellan Avenue* (Гуам). Можно наблюдать также и другие антропотопонимы. Например, начальная школа *Gregorio T. Camacho Elementary School* носит имя Томаса Грегорио Камачо Бетанкора (1868—1940), уругвайского католического священника, первого епископа епархии Сальто. Его же именем названа улица *Gregorio Street*.

Огромное уважение снискал родившийся на Гуаме старший сержант Луис де Торрес (*Luís de Torres*). Торрес стал уважаемым покровителем всех островитян благодаря своей доброжелательности и миротворческой деятельности. Он помогал формированию у европейцев более точных представлений о западной части Тихого океана. В частности,

предложил свою землю на полуострове Ороте русским ученым Федору Петровичу фон Лютке и Василию Михайловичу Головинину, которые таким образом в 1828 г. смогли создать на Гуаме обсерваторию [Rogers 1995: 95]. Поэтому сегодня в одном из городов современного Гуама находим улицу *Torres Street*.

В когорту испаноязычных антропотопонимов можно также включить названия школ *Simon Sanchez High School* и *D.I. Perez Elementary School*, объект Национальной гвардии Гуама *Fort Juan Muna*.

В регионе не обошлось и без испанских топонимов-мигрантов. Этот вид лексики характерен для микротопонимии Мариан. Среди годонимов Гуама можно обнаружить следующие:

- *Madrid Circle*;
- *Valencia Street*;
- *Palmas Street*.

Мы склонны полагать, что определенные именованья указывают на то, что на острова прибывали колонизаторы из разных регионов Испании: река *Sagua River* (*sagua* на языке басков эускера — «мышь»), улицы *Chalan Kanoa* (*kanoa* на эускера — «челнок»), *Chalan Fago* (*fago* на галисийском — «я делаю»).

ГЕРМАНСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Испанская эра закончилась в 1899 г., когда Испания продала Северные Марианские острова Германии за сумму, эквивалентную сегодняшним 4,5 миллиона долларов. Для немцев наиболее важной мотивацией при покупке была близость островов к основным морским путям, связывающим Западное и Восточное полушария.

Вскоре после того, как Япония ополчилась против Германии в Первой мировой войне, немецкие чиновники на Сайпане оставили свои посты, и японская оккупация Северных Мариан была официально санкционирована Лигой Наций.

Период немецкой оккупации был недолгим. В начале Первой мировой войны Япония вынудила немецких поселенцев покинуть острова. За 15 лет немецкие колонизаторы не успели или не захотели оставить свой след в топонимии региона: гора *Mount Schroeder* (Гуам) и улица *Ketten Hadda Drive* (Гуам; от нем. *ketten* — «цепь») — все, что нам удалось отыскать из немецкой топонимической лексики на Марианских островах.

ЯПОНСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ

В конце Первой мировой войны Япония официально оформила право собственности на данные территории. Лига Наций лишила

Германию всех ее заморских владений и передала Марианские острова японцам в качестве административной территории.

Японцы фактически аннексировали острова и приступили к работе по организации рыболовства и выращиванию сахара. К середине 1930-х гг. сахар, поступающий с Марианских островов, составлял 60 % всей экономической продукции Микронезии. Население островов увеличилось, когда рабочие из Японии стали волнами прибывать в регион и обосновались на островах Сайпан, Тиниан и Рота. Чаморро столкнулись с еще одним испытанием на выживание, поскольку японская культура стала доминировать в населенных районах Марианских островов.

В 1935 г. японцы вышли из Лиги Наций, но заявили, что острова остаются частью их империи. Первоначальная островная культура оказалась под еще большим давлением, поскольку еще почти 30 000 японцев были переселены на Сайпан. Это были не рабочие, а гарнизоны солдат, расквартированных там, когда закладывались предпосылки Второй мировой войны.

В то время как немцы мало влияли на жителей Северных Марианских островов, японцы начали заселять их своими поселенцами настолько активно, что к 1938 г. численность японцев на островах превысила численность коренного населения [Кулепанов 2015: 180].

Вскоре они захватили Гуам у США и начали использовать Северные Марианские острова в качестве плацдарма для войны против США. Три года, в течение которых японцы держали Гуам, чаморро помнят как травмирующий и трагический период [Higuchi, 2001: 35; Aguon, 2006].

На Северных Марианских островах семьи чаморро считались японцами частью их колонии, а семьи чаморро Гуама считались заключенными. На Гуаме чаморро были вынуждены рыть туннели с боеприпасами, их отправляли в концентрационные лагеря, избивали, обезглавливали и отправляли в Японию в качестве военнопленных. Многие погибли, было совершено много зверств, которые часто устраивали чаморро с Северных Мариан, верные японцам.

Японская оккупация Гуама продлилась два с половиной года. 21 июля 1944 г. американцы высадились на Гуаме. Битва за Гуам длилась 20 дней, и почти все японцы на острове погибли.

В настоящее время присутствие Японии на Гуаме и Северных Марианских островах осуществляется только в форме туризма. Однако по сей день на всей территории Марианских островов рассыпаны топонимы

японского происхождения. Экономически японцы максимально использовали регион и смело называли населенные пункты, реки, горы, улицы и городские объекты. Приведем несколько примеров.

Река *Tenjo River* (Гуам) — от японск. 天助 (tenjo) — «божественная помощь».

Деревню *Shomushon* (Паган) эвакуировали в 1981 г., спасая жителей от извержения вулкана. *Shomushon* — японск. 庶務シヨン, «общие дела».

Гора *Kutake Yashi* (Паган) — от японск. ヤシ (yashi), «пальма».

Также к японским именам относятся гибридные топонимы и урбанонимы, найденные нами на Сайпане и Гуаме: улица *Matsumi Lane*, памятник *Banzai Cliff Monument*, улица *Banzai Cliff Road*, улица *Tsunami Place*, синтоистский храм *Hachiman Jinja*, кондитерская *Asami's Cake*, рыбный магазин *Sashimi Wagon*.

Интересен также испано-японский гибридный *Isla Teppanyaki* — название ресторана на о. Сайпан. *Isla* — исп. «остров», *teppanyaki* — японское блюдо из мяса или рыбы, жаренное с овощами на горячей стальной тарелке, стоящей в центре обеденного стола.

ГОСПОДСТВО США

В 1898 г. во время Испано-американской войны США без боя взяли у испанцев Гуам. Американцы заменили испанцев на Филиппинских островах и на Гуаме. Но Рота, Тиниан и Сайпан теперь стали жить другой реальностью. Они были куплены у Испании Германией в конце Испано-американской войны, наряду с соседними Каролинскими и Маршалловыми островами. Так началось разделение, которое сделало Гуам политически, демографически и экономически отличным от Северных Марианских островов, хотя народ чаморро оставался на всех Марианских островах [Farrell 2005: 117, 149—150].

После того, как армия США взяла Гуам в 1898 г. и позже приобрела его у Испании до конца Второй мировой войны, некоторые из первых решений, принятых военными губернаторами острова, в частности капитаном Ричардом П. Лири, были прямо антиклерикальными, антииспанскими и, следовательно, антикатолическими. Эти решения включали в себя запрет на проведение праздников святых в городах, изгнание последних испанских католических священников, удаление распятий и религиозных изображений из общественных центров, а также запрет на звон церковных колоколов [Hattori 2009: 286]. Соединенные Штаты Америки понимали, что католицизм испанской традиции и его ритуа-

лы в результате культурного синкретического процесса, продолжавшегося 300 лет, глубоко укоренились в традициях чаморро [Diaz 1994; Hattori 2009] и что необходимо уничтожить любые признаки верности традициям старой колонии.

Одни из самых противоречивых мероприятий США на Гуаме относились к лингвистической политике, которая сводилась к жесткому подавлению использования испанского языка, а затем и языка чаморро. Американским политикам удалось вытеснить первый и поставить под угрозу выживания второго (Диас, со ссылкой на отца Юлиуса Салливана, пишет, что утрата лидерства испанского языка в пользу языка чаморро была вызвана смертельной эпидемией гриппа, привезенной транспортным кораблем ВМФ США и поразившей остров Гуам в ноябре 1918 г. Эта эпидемия убила более тысячи человек, более 80 % взрослого населения. По словам Салливана, одним из последствий было то, что это «резко сократило использование испанского языка на Гуаме» [Diaz 2010: 102]).

Во время Второй мировой войны один из Марианских островов стал местом, где буквально началась новая эра XX в.: именно с американской базы на острове Тиниан американские бомбардировщики отправились бомбить Хиросиму и Нагасаки.

Военно-морской флот США управлял Гуамом сильной рукой, в результате чего на Гуам быстро, продолжительно и настойчиво приносились американские удобства и американская культура [Hanlon 1998: 1—14, 51—54]. Большая часть территории Гуама служила военным целям.

Хотя США спасли Гуам от японской оккупации, перед этим они почти на три года сдали остров японцам. Операции по «спасению» включали взрывы, которые полностью стерли деревню Сумай с лица земли, — это еще одна жертва, оставившая след в памяти чаморро [Palomo 1984: 4—5; Oelke 2007: 26—27]. День освобождения, хотя и отмечается патриотически настроенными чаморро, сегодня вызывает смешанные чувства [Palomo 1984: 201—233; Farrell 2005: 145—149].

Содружество Северных Марианских Островов сегодня административное образование, имеющее статус неинкорпорированной организованной территории, свободной ассоциированной с США.

Территория Гуама также имеет статус неинкорпорированной организованной территории США (т. е. не входящей в состав США, но являющейся их владением).

В целом Марианские острова изобилуют англоязычной топонимической лексикой. Если в создании основной номенклатуры насе-

ленных пунктов американские колонизаторы поучаствовать опоздали, назвав лишь деревни *Capitol Hill* и *Navy Hill*, горы *Peak* и *Capitol Hill* на Сайпане, то в микротопонимическом пласте региона преобладают в основном англоязычные имена. Свои топонимические позиции на территории островов американцы упрочили многочисленными гибридами с английскими компонентами посредством традиционных формантов «village», «river», «island», «mount», «hill» и мн. др. В качестве примеров на макротопонимическом уровне можно отметить полуостров *Cabras Island*, деревни *Alamagan Village* (о. Аламаган), *Agrihan Village* (о. Агрихан), *Anatahan Village* (о. Атанахан), *Bandara Village* (о. Паган), *Sarigan Village* (о. Сариган), *Tinian Village* (о. Тиниан), реки *Dante River*, *Fensol River*, *Fintasa River*, горы *Maru Mountain*, *Togari Mountain*, *Mount Lam Lam*, *Mergagan Point* и др. Название горы *Nimitz Hill* на Гуаме — антропотопоним в честь американского адмирала Честера Уильяма Нимитца (Chester William Nimitz), главнокомандующего Тихоокеанским флотом США во время Второй мировой войны.

Среди урбанонимов, для которых в рассматриваемом нами регионе характерны гибриды из единиц разных языков, испано-английскими гибридами являются *Camacho fruit farm* — ферма, *Sister Remedios Early Childhood Development Center* — центр раннего развития, названия улиц *Flores Rosa Street*, *Flores Paraeso Street*, *Laguna Drive*, *Rizal Street*, *Castro Lane*, *Artero Drive*, *Sentada Court*, *Agua Lane*, *Fiesta Street*, *Buenas Dias Street*, *Paciencia Street*, *Joaquin Flores Street*, *Tun Juan Rivera Street*, *Paseo de oro Drive*, *Father Dueñas Drive*, *Linda Way*, *Carmen Memorial Drive*, *Manzanita Lane*, *Estralita Street*, *Ignacia Street*, *Iglecias Street*, *Ramirez Street*, *Caballero Road*, *Talo Verde Drive*, *Adios Place*, *Mestiza Avenue* (от исп. *mestizo* — «метис»), *Calle de los Marters Street* (от исп. *mártir* — «мученик»), ресторан *Buen Provecho Taco Shack*, гамбургерная *Meskla Dos Upper Tumon* (от исп. *mezcla* — «смешивание, помесь»), названия церкви *Santa Bernadita Church*, продовольственного магазина *La Familia Market*, автозаправки *76 Circle K Ocean Vista*, аптеки *Perezville Pharmacy*, жилого дома *Perlas Courte*, парка *Francisco Perez Park*.

Традиционный для англо-испанских гибридов испаноязычный топоформант *Villa*, так же как и в других странах, где присутствие Испании когда-то имело место, участвует в создании на Марианских островах особого вида урбанонимов — названий отелей:

– *Emerald Villa*;

– *Clear Water Villa*;
– *Garpan Oceanview Villa*.

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Официальный язык Северных Марианских островов — английский. На Гуаме — английский и чаморро. Наряду с ними, на Гуаме также активно говорят на филиппинском. В наши дни испанский язык больше не распространен ни на одном острове, хотя его следы остались в личных именах, лексических заимствованиях и географических названиях.

Язык чаморро относится к австронезийской семье языков, помимо исконной лексики, содержит большое число испанских заимствований [Rodríguez-Ponga 2009].

Первые письменные документы на языке чаморро появились в 1668 г., когда миссионер Сан-Виторес разработал систему письма для этого языка с использованием латинского алфавита.

Алфавит чаморро: A, Á, B, Ch, D, E, F, G, H, I, K, L, M, N, Ñ, Ng, O, P, R, S, T, U, Y

По оценкам 2010 г., на Гуаме крупнейшей этнической группой являются коренные чаморро, составляющие 37,3 % от общей численности населения. К другим значимым этническим группам относятся этнические группы филиппинцев (26,3 %), белых американцев (7,1 %) и чуукесов (7 %). Остальные группы — переселенцы с других тихоокеанских островов или жители азиатского происхождения. Расчетный уровень межрасовых браков составляет более 40 %. Примерно такая же ситуация и на Северных Марианских островах. На сегодняшний день чистокровных чаморро больше нет, их присутствующие потомки — это метисы от браков с филиппинцами, японцами, испанцами, мексиканцами [Кривоногов 2017]. И войны, и болезни, привезенные испанцами, почти уничтожили в свое время местное население [Thompson 1947: 28—35; Hezel 1982: 129; Marche 1982]. Период с 1670 по 1695 год ознаменовался серией бунтов чаморро, подавленных испанскими солдатами. В качестве наказания за восстания большинство мужчин чаморро были убиты, а выжившие женщины вступали в брак с испанцами, метисами из мексиканских испанских колоний и филиппинцами. Современные чаморро работают по найму, в том числе и на военных базах США.

ИСПАНСКИЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ЧАМОРО

Как и в случае с филиппинцами, многие чаморро имеют испанские фамилии, хотя, как и большинство филиппинцев, немногие

жители сами происходят от испанских колонизаторов [Чеснокова, Мартыненко 2019: 14]. Это отражается в мемориальных топонимах:

Antonio M. Borja Amphitheater — парк на о. Тиниан. Антонио Борха (10 декабря 1908 г. — 1 мая 1987 г.) был гуамским политиком и членом Демократической партии Гуама. Он работал первым делегатом от Гуама в палате представителей Соединенных Штатов с 1973 по 1985 год.

Начальная школа *William S. Reyes Elementary School* в г. Chalan Kanoa (Сайпан) названа в честь Уильяма Саблана Рейеса, первого руководителя школ на Северных Марианских островах.

Школа *Leon-Guerrero Middle School* носит название в честь Лурдес Афлаге Леон Герреро (Lourdes Aflague Leon Gerrero) 1950 г. р., политика, девятого губернатора Гуама (с 2019 г.). Ранее Леон Герреро работала медсестрой и сенатором в законодательном органе Гуама (с 1995 по 2005 г.). Она была первой женщиной на тихоокеанских островах, которая стала губернатором штата или территории, подопечной Соединенным Штатам.

Вообще давать школе имя какого-либо выдающегося деятеля — традиция, перенятая у испанцев.

В кухне чаморро часто используется кукуруза. Присутствуют такие блюда, как тортильяс, тамалес, атоле, чилакилес (*tortillas, tamales, atole, chilaquiles*), что явно говорит о влиянии не умерших по сей день испанских и мексиканских традиций в регионе.

Каждый год 8 декабря в столице проходит праздничная процессия в честь покровительницы острова — Санта-Марии Камален. Именно ее имя прославляет католическая церковь *Dulce Nombre de Maria*.

Кроме того, у каждого из 19 муниципалитетов или деревень Гуама есть свой собственный день праздника или фестиваля, называемый на испанский манер фиестой [Бадешко http].

Сегодня присутствие испанской культуры на Гуаме остается символическим элементом, даже несмотря на то, что католическое христианство глубоко пронизывает все социальные структуры на островах и в значительной степени поддерживается как элемент идентичности. Католицизм, почитание святых — особенно Девы Марии — и ритуальная система погребения формируют самую глубокую ткань идентичности современной культуры чаморро. Местная разновидность католицизма на Гуаме сохранила уникальные элементы и до сегодняшнего дня является общим знаменателем для всех поколений чаморро, которые подвергались колониальному натиску и давлению почти

400 лет [Atienza 2013: 24].

ПЕРЕИМЕНОВАННЫЕ ТОПОНИМЫ

Выше уже говорилось, что на карте Марианских островов выделяется большое количество автохтонных имен. Задача исследователя по их выявлению и классификации осложняется малоизученностью и сложностью языка чаморро, а также филиппинского языка. Выше приводились примеры сохранившихся исконных названий островов, а также ойконимов, гидронимов и оронимов.

По окончании господства испанцев на Марианах деколонизации с топонимической точки зрения подверглись прежде всего названия некоторых островов.

Остров *Pagan / Паган* первым из европейцев увидел Диего Луис де Сан-Виторес, который изначально назвал его *San Ignacio / Сан-Игнасио*.

Остров *Tinian / Тиниан* — также переименованное название. Официально испанцы заняли Тиниан в 1669 г. в ходе миссионерской экспедиции Сан-Витореса, который назвал его *Buenavista Mariana / Буэнависта-Мариана*.

Другие острова также подверглись переименованию:

- *Saipan* ← *San José*;
- *Alamagan* ← *Concepción*;
- *Guguan* ← *San Felipe*;
- *Papaungan* ← *Farallón de Torres*;
- *Maug* ← *Las Monjas, San Lorenzo*.

Однако и испанцы меняли доставшиеся автохтонные географические имена доставшихся им во владение объектов, как правило, посредством перевода.

Вывод о том, что испанские колонизаторы прибегали к переводу местных названий, можно сделать на основе рассмотрения названия деревни *Barrigada* (Гуам) и горы *Mount Barrigada* (Гуам). Ввиду того, что оригинальный топоним для этого региона на языке чаморро звучит *Tiyan / 'ti:dʒən/* и означает «живот», мы делаем предположение, что *Barrigada* — перевод на испанский (исп. *barriga* — «живот»).

ВЛИЯНИЕ ТУРИЗМА НА ТОПОНИМИКУ МАРИАНСКИХ ОСТРОВОВ

В наши дни на Марианских островах среди туристов по-прежнему много японцев, американцев и корейцев. К примеру, самая большая церковь на Сайпане — корейская: *Korean Presbyterian Church of Saipan*.

Также в последние десятилетия на Северные Марианские острова въезжало много китайцев и россиян для работы, развития бизнеса и отдыха (гораздо больше по сравнению с Гуамом). Китайские и российские

туристы образовали быстрорастущий сегмент туристического рынка, за который сейчас конкурируют Гуам и Северные острова. В микротопонимии региона появляется все больше китайских имен, пока в виде англо-китайских гибридов: улицы *Leewung Way*, *Hoyu Way*, *Puteng Drive*, продовольственные магазины *Zhen Yu Market*, *MingYang Supermarket*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря испанцам с конца XV в. Тихий океан служил в качестве оживленного тракта для европейских стран, помогая перемещению людей и колонизации новых районов [Buschmann et al. 2014].

Как в зеркале, отражается сегодня колониальное прошлое Марианских островов в их топонимике. Несмотря на современное господство США в регионе, мы не заметили тенденции к увеличению англоязычных географических имен: увеличение туристического и бизнес-потока из соседних стран гораздо больше влияет на топонимическое развитие Северных Мариан и Гуама. Победителя в этой гонке, скорее всего, не будет, учитывая колоссальный исторический багаж островов. Однако территории, о которых идет речь, всегда будут приковывать взгляды исследователей-топонимистов как ввиду их богатого колониального наследия, так и благодаря современному развитию этих подопечных США государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадешко И. Загадочная культура Гуама [Электронный ресурс] // Travel акад. URL: <https://travelask.ru/blog/posts/5857-zagadochnaya-kultura-guama>.
2. Кривоногов В. П. Этнические процессы у чаморро Гуама // Россия и АТР. 2017. № 1 (95). С. 121—137.
3. Кулепанов Р. В. Сражение за Марианские острова в июне — августе 1944 года: трагическая судьба гражданского населения // Вестн. Перм. ун-та. 2015. № 4 (31). С. 179—187.
4. Марианские острова [Электронный ресурс] // Топонимический словарь. URL: https://gufo.me/dict/toponymy/Марианские_острова.
5. Поспелов Е. М. Географические названия мира : топонимический словарь. — М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2002. 512 с.
6. Происхождение названия «Марианские острова» [Электронный ресурс] // Топонимы. URL: <http://toponym.ru/ostrova/proishozhdenie-nazvaniya-marianskie-ostrova.html>.
7. Чеснокова О. С., Мартыненко И. А. Испаноязычная топонимия Филиппин: структура и прагматика // Acta onomastica. 2019. N 2. P. 7—21.
8. Aguon J. Just Left of the Setting Sun. — Tokyo : Blue Ocean Pr., 2006. 85 p.
9. Atienza D. A Mariana Island history story: The influence of the Spanish Black Legend in Mariana Islands historiography // Pacific Asia Inquiry. 2013. Vol. 4. N 1. P. 13—29.
10. Bevacqua M. L. Transmission of Christianity into Chamorro Culture [Electronic resource] // Gumapedia. URL: <https://gumapedia.com/transmission-of-christianity-into-chamorro-culture/>.
11. Buschmann R. F., Slack Jr. E. R. and Tueller J. B. Navigating the Spanish Lake: The Pacific in the Iberian World, 1521—1898. — Honolulu, 2014. 200 p.

12. Campbell B. L. Luis de Torres [Electronic resource] // Gumapedia. URL: <https://www.gumapedia.com/luis-de-torres/>.
13. Cushner N. P. Spain in the Philippines from conquest to revolution // Quezon City: Ateneo de Manila Univ., 1971. 272 p.
14. De la Rosa A.C. Jesuits at the margins: missions and missionaries in the Mariana Islands (1668—1769) // Anais de História de Além-Mar XV. 2014. P. 137—169.
15. Diaz V. M. Repositioning the Missionary: Rewriting the Histories of Colonialism, Native Catholicism, and Indigeneity in Guam. — Honolulu : Univ. of Hawaii Pr., 2010. 280 p.
16. Diaz V. M. Simply Chamorro: Telling tales of demise and survival in Guam // The Contemporary Pacific. 1994. N 6 (1). P. 29—58.
17. Farrell D. A. The Partitioning of Guam and the Northern Mariana Islands: A Diplomatic History 1898—1919 in L. D. // Guam History: Perspectives. Vol. II. Educational Series No. 20, 22, 27. — Mangilao, 2005. P. 117—155.
18. Guam [Electronic resource]. URL: <http://www.worldstatemen.org/Guam.html>.
19. Hanlon D. Remaking Micronesia: Discourses over Development in a Pacific Territory 1944—1982. — Honolulu : Univ. of Hawaii Pr., 1998. 305 p.
20. Hattori A. P. Colonialism, capitalism and nationalism in the US Navy's expulsion of Guam's Spanish Catholic priests, 1898—1900 // Journ. of Pacific History. 2009. N 44 (3). P. 281—302.
21. Hezel F. X. From conversion to conquest: The early Spanish mission in the Marianas // Journ. of Pacific History. 1982. N 17 (3). P. 115—37.
22. Higuchi W. The Japanisation Policy for the Chamorros of Guam 1941—1944 // The Journal of Pacific History. 2001. N 36 (1). P. 19—35.
23. Imprints of Philippine [Electronic resource]. URL: <https://imphscience.wordpress.com/2012/05/01/epic-voyage-and-potteries-an-ancient-connection-between-the-philippines-and-the-marianas/>.
24. Joseph A., Murray V. F. Chamorros and Carolinians of Saipan: Personality studies. — Massachusetts : Harvard Univ. Pr., 1951. 381 p.
25. Marche A. The Mariana Islands. — Guam : Micronesian Area Research Center, 1982. 52 p.
26. Mariana Islands [Electronic resource] // The islands encyclopedia. URL: <https://www.webcitation.org/65IS7MXRc?url=http://www.oceandots.com/pacific/mariana/>
27. McKinnon J. A Colonial Shipwreck in Saipan, Northern Mariana Islands // The International Journ. of Nautical Archaeology. 2015. N 45 (1). P. 1—11.
28. Moses B. Spain Overseas. — New York, 1929. 134 p.
29. Northern Mariana Islands [Electronic resource]. URL: http://www.worldstatesmen.org/Northern_Marianas.html.
30. Oelke J. Broken Spear: The Impact of Federal and Commercial Interests in the Village of Sumay, Guam (1900—1945). — Mangilao : Univ. of Guam, 2007.
31. Owen A. Culture Change Dynamics in the Mariana Islands // Pacific Asia Inquiry. 2011. Vol. 2. N 1. P. 161—194.
32. Palomo T. An Island in Agony. — Hagatna : Bank of Guam, 1984. 261 p.
33. Quimby F. J. Spain in the Mariana Islands, 1521—1898 // Historical Archaeology of Early Modern Colonialism in Asia-Pacific: The Southwest Pacific and Oceanian Regions / by Maria Cruz Berrocal and Cheng-hwa Tsang. — 2017. P. 146—195.
34. Ricart Otero J. A. Gonzalo de Vigo, el robinson gallego [Electronic resource] // Faro de Vigo. 2013. 15 Sept. URL: <https://www.farodevigo.es/sociedad-cultura/2013/09/11/gonzalo-vigo-robinson-gallego/876026.html>.
35. Rodríguez-Ponga R. Del español al Chamorro. Lenguas en contacto en el Pacífico. — Madrid : Ediciones Gondo, 2009. 312 p.
36. Rogers R. F. Destiny's Landfall: A History of Guam. — Honolulu : Univ. of Hawai'i Pr., 1995. 380 p.
37. Skowronek R. K. The Spanish Philippines : Archaeological Perspectives on Economics and Society // Intern. Journ. of Historical Archaeology. 1998. N 2.1. P. 45—71.
38. The Americans [Electronic resource]. Swearing-in of first CNMI legislature. URL: <https://www.webcitation.org/65ISAVQd8?url=http://sio.ucsd.edu/marianas/history/americans.cfm>.
39. The Chamorro [Electronic resource]. The remains of latte stones. URL: <https://www.webcitation.org/65IS97Zt?url=http://sio.ucsd.edu/marianas/history/chamorro.cfm>.

40. The Germans and Japanese [Electronic resource]. Japanese settlement, Saipan. URL: https://www.webcitation.org/65ISA486T?url=http://sio.ucsd.edu/marianas/history/germ_japan.cfm.

41. The Spanish [Electronic resource]. Rock feature, Saipan. URL: <https://www.webcitation.org/65IS9bYYn?url=http://sio.ucsd.edu/marianas/history/spanish.cfm>.

42. Thompson L. Guam and its People. — Princeton : Princeton Univ. Pr., 1947. 367 p.

43. Tucker S. C. The encyclopedia of the Spanish-American and Philippine-American wars: a political, social, and military history. — Santa Barbara, Denver, Oxford : ABC-CLIO, 2009. 1009 p.

I. A. Martynenko

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-9798-3378

 E-mail: irineta@rambler.ru.

Toponymy of the Mariana Islands: Reflection of the Colonial Past and the Current Development Trends

ABSTRACT. *Toponymy of the Mariana islands is far from being thoroughly investigated yet: at present, the authors of scientific articles and monographs studying the colonial past of the region do not pay due attention to the geographical names of the islands; there is not a single toponymic dictionary of the archipelago; the web pages of the cities and towns contain very little information about the etymology of the names, or do not say anything about it at all. This article deals with the peculiarities of formation, development and modern functioning of the Mariana Islands toponyms with the accent on the Spanish language toponymic nomenclature. The aim of the article is to single out the typical features of formation of the toponymic vocabulary of the region, to study the influence of historical events on the changes in geographical nomenclature and to carry out a linguo-pragmatic analysis of the toponymic units identified. For the first time, the article provides a quantitative ratio of English and Spanish toponyms to indigenous names. The author gives numerous examples and poses hypotheses with reference to the origin of some toponyms of the region. The toponyms are studied in the lights of periodization associated with the colonization of the island. A large number of indigenous geographical names on the map of the Mariana Islands are difficult to single out and classify due to the poor knowledge of the Chamorro and Philippine languages. Thanks to the Spanish Catholics and Jesuits there are religious allusions in the names of the Spanish origin in the macro- and micro-toponymy of the region. And the Spanish toponyms have mostly survived in a reduced, transformed and hybridized form. There are also names denoting economic specificity of the regions and called upon to immortalize somebody's memory. In addition to Spanish, the Japanese and English languages have also served as sources of borrowings for the toponymic nomenclature.*

KEYWORDS: *toponyms; toponymy; etymology; geographic names.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Martynenko Irina Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of English Department, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Martynenko, I. A. Toponymy of the Mariana Islands: Reflection of the Colonial Past and the Current Development Trends / I. A. Martynenko // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 159-170. — DOI 10.26170/pl19-05-17.*

REFERENCES

1. Badeshko I. The mysterious culture of Guam [Electronic resource] // Travel aks. [Zagadochnaya kul'tura Guama // Travel aks]. URL: <https://travelask.ru/blog/posts/5857-zagadochnaya-kultura-guama>. — (In Rus.)

2. Krivonogov V. P. Ethnic processes in Chamorro Guam // Russia and Asia-Pacific. 2017. No 1 (95). P. 121—137. [Krivonogov V. P. Etnicheskie processy u chamorro Guama // Rossiya i ATR. 2017. №1 (95). S. 121—137]. — (In Rus.)

3. Kulepanov R. V. Battle of the Mariana Islands in June — August 1944: the tragic fate of the civilian population // Bulletin of Perm University. 2015. No. 4 (31). P. 179—187. [Srazhenie za Marianskiye ostrova v iyune — avguste 1944 goda: tragicheskaya sud'ba grazhdanskogo naseleniya // Vestnik Permskogo universiteta. 2015. № 4 (31). S. 179—187]. — (In Rus.)

4. Mariana Islands [Electronic resource] // Toponymic dictionary. [Marianskiye ostrova // Toponimicheskiy slovar']. URL: https://gufo.me/dict/toponymy/Marianskiye_ostrova. — (In Rus.)

5. Pospelov E. M. Geographical names of the world: Toponymic dictionary. — Moscow : Russian words, Astrel Publishing House, AST Publishing House, 2002. 512 p. [Geograficheskie nazvaniya mira: Toponimicheskiy slovar'. M.: Russkie slovari, Astrel', AST, 2002. 512 s.]. — (In Rus.)

6. The origin of the name “Mariana Islands” [Electronic resource] // Toponyms. [Proiskhozhdenie nazvaniya «Marianskiye ostrova» // Toponimiy]. URL: <http://toponym.ru/ostrova/proishozhdenie-nazvaniya-marianskiye-ostrova.html>. — (In Rus.)

7. Chesnokova O. S., Martynenko I. A. Hispanic Toponymy of the Philippines: Structure and Pragmatics // Acta onomastica.

2019. N 2. P. 7—21. [Ispanoyazychnaya toponimiya Filippin: struktura i pragmatika // Acta onomastica. 2019. N 2. P. 7—21]. — (In Rus.)

8. Aguon J. Just Left of the Setting Sun. — Tokyo : Blue Ocean Pr., 2006. 85 p.

9. Atienza D. A Mariana Island history story: The influence of the Spanish Black Legend in Mariana Islands historiography // Pacific Asia Inquiry. 2013. Vol. 4. N 1. P. 13—29.

10. Bevacqua M. L. Transmission of Christianity into Chamorro Culture [Electronic resource] // Gumapedia. URL: <https://guampedia.com/transmission-of-christianity-into-chamorro-culture/>.

11. Buschmann R. F., Slack Jr. E. R. and Tueller J. B. Navigating the Spanish Lake: The Pacific in the Iberian World, 1521—1898. — Honolulu, 2014. 200 p.

12. Campbell B. L. Luis de Torres [Electronic resource] // Gumapedia. URL: <https://www.guampedia.com/luis-de-torres/>.

13. Cushner N. P. Spain in the Philippines from conquest to revolution // Quezon City: Ateneo de Manila Univ., 1971. 272 p.

14. De la Rosa A.C. Jesuits at the margins: missions and missionaries in the Mariana Islands (1668—1769) // Anais de História de Além-Mar XV. 2014. P. 137—169.

15. Diaz V. M. Repositioning the Missionary: Rewriting the Histories of Colonialism, Native Catholicism, and Indigeneity in Guam. — Honolulu : Univ. of Hawaii Pr., 2010. 280 p.

16. Diaz V. M. Simply Chamorro: Telling tales of demise and survival in Guam // The Contemporary Pacific. 1994. N 6 (1). P. 29—58.

17. Farrell D. A. The Partitioning of Guam and the Northern Mariana Islands: A Diplomatic History 1898—1919 in L. D. //

- Guam History: Perspectives. Vol. II. Educational Series No. 20, 22, 27. — Mangilao, 2005. P. 117—155.
18. Guam [Electronic resource]. URL: <http://www.worldstatesmen.org/Guam.html>.
19. Hanlon D. Remaking Micronesia: Discourses over Development in a Pacific Territory 1944—1982. — Honolulu : Univ. of Hawaii Pr., 1998. 305 p.
20. Hattori A. P. Colonialism, capitalism and nationalism in the US Navy's expulsion of Guam's Spanish Catholic priests, 1898—1900 // *Journ. of Pacific History*. 2009. N 44 (3). P. 281—302.
21. Hezel F. X. From conversion to conquest: The early Spanish mission in the Marianas // *Journ. of Pacific History*. 1982. N 17 (3). P. 115—37.
22. Higuchi W. The Japanisation Policy for the Chamorros of Guam 1941—1944 // *The Journal of Pacific History*. 2001. N 36 (1). P. 19—35.
23. Imprints of Philippine [Electronic resource]. URL: <https://imphscience.wordpress.com/2012/05/01/epic-voyage-and-potteries-an-ancient-connection-between-the-philippines-and-the-marianas/>.
24. Joseph A., Murray V. F. Chamorros and Carolinians of Saipan: Personality studies. — Massachusetts : Harvard Univ. Pr., 1951. 381 p.
25. Marche A. The Mariana Islands. — Guam : Micronesian Area Research Center, 1982. 52 p.
26. Mariana Islands [Electronic resource] // The islands encyclopedia. URL: <https://www.webcitation.org/65IS7MXRc?url=http://www.oceandots.com/pacific/mariana/>
27. McKinnon J. A Colonial Shipwreck in Saipan, Northern Mariana Islands // *The International Journ. of Nautical Archaeology*. 2015. N 45 (1). P. 1—11.
28. Moses B. Spain Overseas. — New York, 1929. 134 p.
29. Northern Mariana Islands [Electronic resource]. URL: http://www.worldstatesmen.org/Northern_Marianas.html.
30. Oelke J. Broken Spear: The Impact of Federal and Commercial Interests in the Village of Sumay, Guam (1900—1945). — Mangilao : Univ. of Guam, 2007.
31. Owen A. Culture Change Dynamics in the Mariana Islands // *Pacific Asia Inquiry*. 2011. Vol. 2. N 1. P. 161—194.
32. Palomo T. An Island in Agony. — Hagatna : Bank of Guam, 1984. 261 p.
33. Quimby F. J. Spain in the Mariana Islands, 1521—1898 // *Historical Archaeology of Early Modern Colonialism in Asia-Pacific: The Southwest Pacific and Oceanian Regions* / by Maria Cruz Berrocal and Cheng-hwa Tsang. — 2017. P. 146—195.
34. Ricart Otero J. A. Gonzalo de Vigo, el robinson gallego [Electronic resource] // *Faro de Vigo*. 2013. 15 Sept. URL: <https://www.farodevigo.es/sociedad-cultura/2013/09/11/gonzalo-vigo-robinson-gallego/876026.html>.
35. Rodríguez-Ponga R. Del español al Chamorro. Lenguas en contacto en el Pacífico. — Madrid : Ediciones Gondo, 2009. 312 p.
36. Rogers R. F. Destiny's Landfall: A History of Guam. — Honolulu : Univ. of Hawai'i Pr., 1995. 380 p.
37. Skowronek R. K. The Spanish Philippines : Archaeological Perspectives on Economics and Society // *Intern. Journ. of Historical Archaeology*. 1998. N 2.1. P. 45—71.
38. The Americans [Electronic resource]. Swearing-in of first CNMI legislature. URL: <https://www.webcitation.org/65ISAVQd8?url=http://sio.ucsd.edu/marianas/history/americans.cfm>.
39. The Chamorro [Electronic resource]. The remains of latte stones. URL: <https://www.webcitation.org/65IS97Zt?url=http://sio.ucsd.edu/marianas/history/chamorro.cfm>.
40. The Germans and Japanese [Electronic resource]. Japanese settlement, Saipan. URL: https://www.webcitation.org/65ISA486T?url=http://sio.ucsd.edu/marianas/history/germ_japan.cfm.
41. The Spanish [Electronic resource]. Rock feature, Saipan. URL: <https://www.webcitation.org/65IS9bYYn?url=http://sio.ucsd.edu/marianas/history/spanish.cfm>.
42. Thompson L. Guam and its People. — Princeton : Princeton Univ. Pr., 1947. 367 p.
43. Tucker S. C. The encyclopedia of the Spanish-American and Philippine-American wars: a political, social, and military history. — Santa Barbara, Denver, Oxford : ABC-CLIO, 2009. 1009 p.

РАЗДЕЛ 5. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'38:81'42
ББК Ш105.55+Ш105.51
DOI 10.26170/pl19-05-18

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

М. Р. Бабикова

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-0814-5936

Ю. Р. Тагильцева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: —

 E-mail: marina-anvarova@yandex.ru; jennifer1979@yandex.ru.

Коммуникативные стратегии и тактики как один из факторов формирования уязвимого поведения молодежи в сети Интернет

АННОТАЦИЯ. В статье излагаются результаты исследования индивидуальных факторов, предрасполагающих к восприимчивости молодежи к манипулятивному воздействию средствами Интернета. Именно они — индивидуально-личностные, социально-средовые факторы и особенности сетевого поведения — позволяют спрогнозировать вероятную реакцию пользователя (представителя молодежи из группы риска) на определенную стратегию воздействия посредством виртуальной среды исходя из мотивационного основания (ориентация на общение в Интернете; ориентация на самовыражение в интернет-среде; ориентация на игровую активность в интернет-среде; ориентация на коммерческую деятельность в интернет-среде; ориентация на получение информации в интернет-среде). Исследования специфики креолизованных текстов экстремистской направленности позволили выявить наиболее эффективные коммуникативные стратегии и тактики, за счет применения которых представители группы риска становятся наиболее чувствительны к воздействию со стороны асоциальных сообществ. На эксплуатации личностной характеристики «неспособность прощать» основано выделение «своих» и «чужих» с использованием тактики агрессии, атаки на оппонента, реализуемой в рамках стратегии дискредитации. Негативизм, депрессивность и повышенная эмоциональность способствуют успеху стратегии формирования эмоционального настроя адресата. В речевом поведении представителей группы риска все чаще проявляются некоторые компоненты нарциссизма (обесценивание других; чувствительность к унижению, обидчивость, зависть) и макиавеллизма. На данную категорию молодежи будет эффективно воздействовать тактика создания образа врага, также проявляющаяся в форме стратегии дискредитации. Отмечается популярность прецедентных феноменов в креолизованных текстах (в частности, отсылки к известным фильмам ужасов).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Интернет; молодежь; экстремизм; экстремистское поведение; политический дискурс; националистический дискурс; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; уязвимое поведение.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Бабикова Марина Рашитовна, аналитик I категории Центра культурно-образовательных проектов Управления научно-образовательной и проектной деятельности, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 219; e-mail: marina-anvarova@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра рекламы и связей с общественностью, Институт общественных наук, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 407; e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бабикова, М. Р. Коммуникативные стратегии и тактики как один из факторов формирования уязвимого поведения молодежи в сети Интернет / М. Р. Бабикова, Ю. Р. Тагильцева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 171-176. — DOI 10.26170/pl19-05-18.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-29-09512 «Интернет как инструмент формирования психологической готовности молодежи к экстремистскому поведению»).

В последнее время наблюдается особый интерес к изучению личностной восприимчивости представителей молодежи к воздействию Интернета и уязвимости перед манипулятивным воздействием, прежде всего материалов (контента) экстремистской направленности. Как отмечают И. В. Воробьева, И. В. Девятковская и О. В. Кружкова, в большинстве психологических и социологических

исследований, как российских, так и зарубежных, Сеть рассматривается лишь в общем виде, внимание заостряется только на некоторых положительных или негативных аспектах ее воздействия на пользователя, а также на степени его включенности. Все это позволяет, конечно же, получить достаточно полное представление о проблеме влияния виртуальной реальности на личность пред-

ставителя подрастающего поколения, но, к сожалению, не дает исчерпывающий список и анализ факторов, способствующих развитию у данной категории лиц чувствительности к воздействию средствами Интернета [Воробьева, Девятовская, Кружкова 2018: 246].

Научный коллектив ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» предпринял попытку анализа индивидуальных факторов, предрасполагающих к большей чувствительности молодежи к воздействию средствами сети Интернет. В ходе исследования были выявлены и описаны поведенческие портреты группы риска среди молодежи по мотивационному основанию:

1) группа молодых людей, ориентированная на общение в интернет-среде (гиперболизированная потребность в общении, открыты, доверчивы, легко включаются в общение, не избирательны в контактах);

2) группа молодых людей, ориентированная на самовыражение в среде Интернета (потребность во внимании, признании, восхищении, стремление к популярности);

3) группа молодых людей, ориентированная на игровую активность в среде Интернета (максимальная погруженность в игровую реальность, стертость границ виртуального и реального мира, отсутствие у представителей молодежи критичности и адекватности в оценке происходящих с ними событий);

4) группа молодых людей, ориентированная на коммерческую деятельность в среде Интернета (чувствительны к коммерческим предложениям и обещаниям материальной выгоды);

5) группа молодых людей, ориентированная на получение информации в среде Интернета (чувствительны к какой-либо новой и никому не известной информации).

Каждый из представителей вышеперечисленных групп при взаимодействии с экстремистским контентом является потенциальной психологической мишенью соответствующих антисоциальных объединений. При этом наиболее подвержены воздействию извне те молодые люди, которые обладают такими характерологическими особенностями, как склонность к обману, низкая оценка себя с позиции других людей, упрямство, агрессивность в отстаивании своей точки зрения, порывистость в поступках и при принятии решений, негативизм и жестокость в коммуникации с окружающими, стремление к самолюбанию, стремление к манипуляции в общении, обесценивание партнера по взаимодействию, эгоистичность. Все это свидетельства заниженных показателей психологического благополучия и негативных переживаний.

В результате исследуемая группа риска обладает следующими поведенческими проявлениями личностных характеристик в интернет-среде.

Во-первых, наиболее ярко проявляется неспособность прощать (прежде всего интолерантность к «чужим» и агрессия и желание отомстить/наказать при негативном воздействии с их стороны) в силу односложного черно-белого восприятия межнациональных и межрелигиозных отношений, а также стремления показать свою принадлежность к группе «своих». Исходя из анализа креолизованных текстов экстремистской направленности, было выявлено, что представители данного поведенческого вектора будут наиболее чувствительны к влиянию «тактики агрессии, атаки на оппонента», реализуемой в рамках стратегии дискредитации. Рассмотрим пример.

Рис. 1

На рисунке 1 представлен визуальный прецедентный феномен — кукла Билли, являющаяся основным антагонистом фильма ужасов «Пила». В рамках реализации тактики этот прием называется «использованием прецедентных текстов с негативной окраской» [Руженцева 2004: 128]. Вербальный компонент: *С каждым лайком я убиваю одного хача. С каждым репостом делаю это медленно* — задает агрессивный тон поведения (на что указывают лексемы «убивать» и «медленно») и отношения к «чужим», к тем, кого подразумевают под лексемой «хач». В результате данный текст — это «игра-провокация»: лайк — убийство, репост — получение извращенного удовольствия от смерти «чужого». У реципиента возникает ощущение погружения в игровую реальность, в которой стерты границы виртуального и реального мира, ведь текст построен по принципу игры-«стрелялки», где можно воевать с кем угодно — солдатами, банди-

тами, роботами, пришельцами, зомби... и даже с «хачами». Поскольку в Интернете такие игры позиционируются как способы снятия «негатива», возникшего в результате накопившихся жизненных проблем, то можно предположить, что данный текст указывает на новый способ их решения, но уже в реальной жизни через «наказание» «чужих». Таким образом, в данную группу риска попадают прежде всего молодые люди, ориентированные на игровую активность в сети Интернет.

Во-вторых, аутогенная норма (негативные эмоции и переживания; негативизм; отрицательный эмоциональный фон; депрессивность) тоже ярко выражена среди представителей молодежи, поскольку они склонны достаточно резко проявлять свои эмоции и переживания относительно событий, не соответствующих их представлению «правильности» мироустройства, их внутреннему «я».

Рис. 2

Рис. 3

Апеллируя к повышенной эмоциональности, к которой склонна молодежная аудитория, авторы рисунка 2 неосознанно прибегают к стратегии «формирования эмоционального настроения адресата» [Паршина 2007, цит. по: Киданова 2015: 16]. Изобразительный компонент — ребенок (мальчик) с широко открытыми глазами, в которых прочитывается некий укор, — обращен к эмоциональной сфере реципиента с целью снятия критики психики, в то время как вербальный компонент усиливает эффект, создаваемый визуальным, предлагая размышления на тему правды и лжи, своего места в мире и отношения к действительности: *Когда я вырасту можно я не буду толерантным??? можно я не буду лицемерить??? можно мне называть вещи своими именами??? белого — белым, а черного — черным??? гея — геем??? а в наркомане вообще не видеть личность??? можно не ценить деньги выше семьи и друзей??? можно я буду нормальным??? МОЖНО Я БУДУ ЧЕСТНЫМ.* Вербальный компонент не только задает вектор размышления, но и способствует выведению на проблему межнационального характера — происходит разделение всех по принципу «свои — чужие», репрезентация «правильности» мироустройства и внутренняя установка на неприятие «чужого», его культуры, традиций, мира, т. е. интолерантность по отношению к нему.

В-третьих, в речевом поведении представителей группы риска все чаще проявляются некоторые компоненты нарциссизма (обесценивание других; чувствительность к унижению, обидчивость, зависть) и макиавеллизма (циничное отношение к другим как

слабым и зависимым от социального давления; ориентация на собственную выгоду, а не на интересы другого; игнорирование норм социальной морали). На данную категорию молодежи будет воздействовать тактика создания образа врага, также транслирующаяся посредством стратегии дискредитации [Руженцева 2004: 141]. На изображении (рис. 3) «свой» (адресат) поставлен в позицию ущемленного, человека, чьими интересами пренебрегают. Именно образ девочки и беспомощность ее отца вызывает у реципиента чувство обиды и желание наказать обидчика, репрезентируемого в тексте через лексему «чурка» и маркированного в качестве «чужого», а вербальный компонент лишь усиливает это ощущение: *Дочь боится идти в школу к чуркам? А ты был за толерантность!*

Остальные маркеры — искренность, мягкость, гибкость, неорганизованность, неразвитое эстетическое чувство, вегетативный коэффициент — проявляются либо не в полной мере, либо вообще отсутствуют.

Таким образом, все вышеперечисленные факторы — индивидуально-личностные, социально-средовые и особенности сетевого поведения — позволяют спрогнозировать вероятную реакцию пользователя на определенную стратегию воздействия посредством виртуальной среды.

Следует отметить, что перечисленный список стратегий и тактик, способных оказывать влияние на молодежную аудиторию, не является исчерпывающим. Создатели экстремистских материалов актуализируют разные поведенческие особенности своих адресатов, опираясь лишь на собственные

ЭМОЦИИ И ИНТУИТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СРЕДСТВАХ МАНИПУЛЯЦИИ, ОДНАКО, КАК ПОКАЗЫВАЮТ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ТАКИЕ ТЕКСТЫ ОКАЗЫВАЮТСЯ В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ЭФФЕКТИВНЫМ ВОЗДЕЙСТВУЮЩИМ ИНСТРУМЕНТОМ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Ю. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — Русский язык. — Екатеринбург, 2007. 184 с.
2. Бабикова М. Р., Тагильцева Ю. Р. Описание речевых стратегий и тактик национального экстремизма как один из этапов профилактических мер в молодежной среде // Молодежный экстремизм: современное состояние и методы противодействия : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — 2018. С. 209—211.
3. Балашова Л. В. Реализация концептов «свой — чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 40—50.
4. Воробьева И. В., Девятковская И. В., Кружкова О. В. Интернет-воздействие: личностные предикторы и уязвимость молодежи / Социальный мир человека : материалы VII Международ. науч.-практ. конф. «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация». Сер. «Язык социального» / под ред. Н. И. Леонова. — Ижевск : Ergo, 2018. С. 246—249.

M. R. Babikova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-0814-5936

Yu. R. Tagil'tseva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: —

E-mail: marina-anvarova@yandex.ru; jennifer1979@yandex.ru.

Communicative strategies and tactics as a factor of formation of vulnerable behavior of young people on the Internet

ABSTRACT. *The article sets out the results of a research of individual factors fostering susceptibility of young people to the manipulative intervention via Internet. It is they – individual-personal and socio-environmental factors and peculiarities of network behavior – that allow predicting a possible response of the user (a young representative of the risk group) to a certain manipulative strategy via virtual environment based on motivation (orientation towards Internet communication; orientation towards self-expression in the Internet-environment; orientation towards gaming in the Internet-environment; orientation towards commercial activity in the Internet-environment; orientation towards getting information in the Internet-environment). The studies of specific features of creolized texts of extremist orientation allowed the researchers to single out more efficient communicative strategies and tactics, the application of which makes the risk group representatives more sensitive to intervention from asocial communities. Separation of people into “own” and “alien” through the tactic of aggression and attack upon the opponent realized within the strategy of discreditation is based on the use of the personal trait “inability to forgive”. Negativism, depression and hyperemotionality facilitate the success of the strategy of formation of the emotional state of the addressee. The verbal behavior of the risk group members more and more often demonstrates some components of narcissism (undervaluation of others; sensitivity to humiliation, resentment and envy) and Machiavellianism. The given category of young people are easily affected by the tactic of creation of enemy images which functions in the form of discreditation strategy. The article notes the popularity of precedent phenomena in creolized texts (and specifically, references to popular horror films).*

KEYWORDS: *the Internet; young people; extremism; extremist behavior; political discourse; nationalist discourse; communicative strategies; communicative tactics; vulnerable behavior.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Babikova Marina Rashitovna, Analyst, Center of Cultural and Educational Projects, Office of Scientific-Educational and Project Activities, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Tagil'tseva Yuliya Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Advertising and Public Relations, Institute of Social Sciences, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Babikova, M. R. Communicative strategies and tactics as a factor of formation of vulnerable behavior of young people on the Internet / M. R. Babikova, Yu. R. Tagil'tseva // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 171-176. — DOI 10.26170/pl19-05-18.*

5. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 242—245.

6. Забияко А. П. Экстремизм религиозный. Религиоведение. — М. : Академический проект, 2006. 1296 с.

7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

8. Киданова Н. Л. К вопросу о коммуникативных тактиках и стратегиях в политическом дискурсе // Иностраный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития : межвуз. сб. науч.-метод. ст. / Псков. гос. ун-т. — Псков, 2015. С. 13—23.

9. Мардиева Л. А. Социокультурная реальность и ее интерпретации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. 358 с.

10. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004. 294 с.

11. Садуов Р. Т. «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» в современном российском политическом комиксе // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. / гл. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. С. 229—232.

12. Экстремистский текст и деструктивная личность : моногр. / Ю. А. Антонова, Л. Е. Веснина, М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов, Ю. Р. Тагильцева, А. А. Карапетян ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. 272 с.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research grant (project № 16-29-09512 “Internet as a Tool for Psychological Readiness Formation of the Young People for Extremist Behavior”).

REFERENCES

1. Antonova Yu. A. Communicative Strategies and Tactics in Modern Newspaper Discourse (responses to a terrorist act) : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences : 10.02.01 — Russian language. — Ekaterinburg, 2007. 184 p. [Kommunikativnye strategii i taktiki v sovremennom gazetnom diskurse (otkliki na terroristskiy akt) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 — Russkiy yazyk. — Ekaterinburg, 2007. 184 s.]. — (In Rus.)
2. Babikova M. R., Tagiltseva Yu. R. Description of Speech Strategies and Tactics of National Extremism as One of the Stages of Preventive Measures in the Youth Environment // Youth Extremism: Current Status and Methods of Counteraction : materials of All-Russian Scientific-practical Conf. — 2018. P. 209—211. [Opisanie rechevykh strategiy i taktik natsional'nogo ekstremizma kak odin iz etapov profilakticheskikh mer v molodezhnoy srede // Molodezhnyy ekstremizm: sovremennoe sostoyanie i metody protivodeystviya : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. — 2018. S. 209—211]. — (In Rus.)
3. Balashova L. V. Implementation of the Concepts “Friend or Foe” in Russian Political Discourse in the Beginning of XXI Century // Political Linguistics. 2014. No 1 (47). P. 40—50. [Realizatsiya kontseptov «svoe — chuzhoye» v rossiyskom politicheskom diskurse nachala XXI v. // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 40—50]. — (In Rus.)
4. Vorob'eva I. V., Devyatovskaya I. V., Kruzhkova O. V. Internet Exposure: Personal Predictors and Youth Vulnerability / Human Social World: Proceedings of the VII Intern. Scientific-practical Conf. “Man and the World: World-creation, Conflict and Mediation.” Ser. “The Language of Social” / ed. N. I. Leonov. — Izhevsk : Ergo, 2018. P. 246—249. [Internet-vozdeystvie: lichnostnye prediktory i uyazvимость' molodezhi / Sotsial'nyy mir cheloveka : materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Chelovek i mir: mirosozidanie, konflikt i mediatsiya». Ser. «Yazyk sotsial'nogo» / pod red. N. I. Leonova. — Izhevsk : Ergo, 2018. S. 246—249]. — (In Rus.)
5. Voroshilova M. B. Cognitive Arsenal and Communicative Strategies of Modern Nationalistic Discourse // Political Linguistics. 2014. No 3. P. 242—245. [Kognitivnyy arsenal i kommunikativnye strategii sovremennoy natsionalisticheskoy diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3. S. 242—245]. — (In Rus.)
6. Zabayko A. P. Religious Extremism. Religious Studies. — Moscow : Academic Project, 2006. 1296 p. [Ekstremizm religioz-nyy. Religiovedenie. — M. : Akademicheskyy proekt, 2006. 1296 s.]. — (In Rus.)
7. Issers O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. Ed. 5th. — Moscow : Publishing House of LKI, 2008. 288 p. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. Izd. 5-e. — M. : Izd-vo LKI, 2008. 288 s.]. — (In Rus.)
8. Kidanova N. L. On the Issue of Communicative Tactics and Strategies in Political Discourse // Foreign Language and Culture in the Context of Education for Sustainable Development : inter-university collection of scientific and methodological works / Pskov State Univ. — Pskov, 2015. P. 13—23. [K voprosu o kommunikativnykh taktikakh i strategiyyakh v politicheskom diskurse // Inostrannyy yazyk i kul'tura v kontekste obrazovaniya dlya ustoychivogo razvitiya : mezhvuz. sb. nauch.-metod. st. / Pskov. gos. un-t. — Pskov, 2015. S. 13—23]. — (In Rus.)
9. Mardieva L. A. Sociocultural Reality and Its Interpretations in Media Texts. Experience in Integrative Research. — Kazan : Publ. House of Kazan Univ., 2016. 358 p. [Sotsiokul'turnaya real'nost' i ee interpretatsii v mediatekstakh. Opyt integrativnogo issledovaniya. — Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 2016. 358 s.]. — (In Rus.)
10. Ruzhentseva N. B. Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse : Monograph. / Ural. State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2004. 294 p. [Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2004. 294 s.]. — (In Rus.)
11. Saduov R. T. “OWN” AND “ALIEN” in the Contemporary Russian Political Comic Book // Political Communication: Prospects for the Development of a Scientific Direction : Materials of the Intern. Scientific Conf. / ch. ed. A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2014. P. 229—232. [«SVOY» I «CHUZHOY» v sovremennom rossiyskom politicheskom komiks // Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. / gl. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014. S. 229—232]. — (In Rus.)
12. Extremist Text and Destructive Personality : monograph / Yu. A. Antonova, L. E. Vesnina, M. B. Voroshilova, K. V. Zlokazov, Yu. R. Tagiltseva, A. A. Karapetyan ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2014. 272 p. [Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost' : monogr. / Yu. A. Antonova, L. E. Vesnina, M. B. Voroshilova, K. V. Zlokazov, Yu. R. Tagiltseva, A. A. Karapetyan ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014. 272 s.]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 6. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.161.1'42:811.581'42
ББК Ш141.12-51+Ш171.1-51
DOI 10.26170/pl19-05-19

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

Линь Сюе

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-0406-4875

 E-mail: linxue@mail.ru.

Русский «медведь» и китайский «лун»*: зоометафора в русском и китайском политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. Зоометафора играет важную роль и в изучении отдельных языков, и в сопоставительных исследованиях. Анализ зоометафор в политическом дискурсе уже несколько десятилетий привлекает внимание лингвистов как в России, так и в Китае (достаточно назвать такие имена, как А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, Ф. Н. Гукетлова, Т. С. Вершинина, Чжао Янфан, Сюе Яхун, Го Вэйхай). По мнению российского лингвиста А. П. Чудинова, «каждая конкретная метафора отражает мировосприятие одного человека», в совокупности метафоры составляют метафорическую картину мира носителей одной культуры. Характерные для русского и китайского национального менталитета представления о животном мире отражены в зооморфных метафорах, употребляемых в политическом дискурсе на обоих языках. В своих исследованиях китайские лингвисты Сюе Яхун и Го Вэйхай обращают особое внимание на концептуальную метафору «Человек — это животное», подчеркивая, что она является одним из важнейших средств познания и представления знаний в языке. Употребление зоометафоры в политическом дискурсе позволяет политикам и государственным деятелям более образно и эффектно представлять свою позицию и успешнее влиять на мнения граждан. В данной статье анализируются метафоры с компонентом «медведь» и метафоры с компонентом «лун» — концептами, занимающими важное место в языковых картинах мира соответственно русских и китайцев. Образ медведя метафорически представляет политический авторитет России, при употреблении слова «медведь» актуализируется значение «сила», в результате россияне воспринимают Россию как мощное государство, способное защитить себя. В свою очередь, лун репрезентирует Китай и в глазах китайцев является символом всего священного, благородного, сильного и успешного, представляя Китай как авторитетное государство. В статье обсуждается вопрос о корректности перевода слова «лун» словом «дракон» и отмечается, что и лун, и дракон — образы с глубокими мифологическими корнями, издавна существующие в культуре, образы, с которыми связаны различные представления, в связи с чем в отношении китайской культуры уместно использовать именно слово «лун», а не «дракон». Попытки подменить слово «лун» словом «дракон» в политическом дискурсе приводят к неверному восприятию Китая в мире, дают основания для ассоциации Китая с опасностью и злом. Анализ случаев употребления метафор с компонентами «медведь» и «лун» в западной прессе позволяет установить, что данные метафоры могут транслировать в том числе негативную оценку, что свидетельствует о неоднозначном восприятии России и Китая западными политиками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: зоометафоры; политическая метафорология; метафорическое моделирование; метафорические модели; политический дискурс; «медведь»; «лун»; русский язык; китайский язык; сопоставительное языкознание.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Линь Сюе, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, кафедра общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: linxue@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Линь, Сюе. Русский «медведь» и китайский «лун»: зоометафора в русском и китайском политическом дискурсе / Линь Сюе // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 177-184. — DOI 10.26170/pl19-05-19.

* Обычно слово «лун» переводится как «дракон», однако с данным китайским словом связаны принципиально иные представления и ассоциации, чем в европейской культуре.

Зооморфная метафора представляет собой сложное языковое явление, в ней закреплены представления целого народа о внеязыковой действительности. Зооморфная метафора, обладающая значительным когнитивно-оценочным потенциалом, является одним из немногих универсальных способов номинации. Факт наличия зоометафор

в разных языках обусловлен тем, что с древних времен человек живет в окружении животных. При том что метафорическая номинация существует в большинстве языков мира, основания образной номинации часто отличаются в разных языках, что обусловлено особенностями среды проживания человека и спецификой культуры. Известно,

© Линь Сюе, 2019

что в каждой культуре разным животным присваиваются разные характеристики, которые и составляют основу для создаваемых метафор. Рассматривая проблему соотношения типологического и национального в зоометафоре, Ф. Н. Гукетлова особо подчеркивает, что, с одной стороны, в каждой зоометафоре отражены общечеловеческие ценности, а с другой — особенности мировосприятия носителей разных языков и культур [Гукетлова 2009: 105].

Исследование зоометафор в политическом дискурсе уже несколько десятилетий привлекает внимание как русских, так и китайских лингвистов, среди которых А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, Ф. Н. Гукетлова, Т. С. Вершинина, Чжао Янфан, Сюе Яхун, Го Вэйхай и другие. По мнению китайских лингвистов Сюе Яхун и Го Вэйхай, концептуальная метафора «человек — это животное» является одним из важнейших средств познания и представления знаний в языке. Установление схожих черт между животными и людьми, признание общих характеристик между ними в сочетании с глубоким культурным наследием позволяет выявлять и сохранять специфику национального менталитета, уникальность каждой культуры и способы ее познания [Сюе, Го 2010: 71]. При этом зоометафора — это не некий раз и навсегда заданный смысл, на что, в частности, указывает А. П. Чудинов, полагающий, что «каждая конкретная метафора отражает мировосприятие одного человека», в целом составляя метафорическую картину мира общества в национальном сознании [Чудинов 2003: 248].

Характерные для русского и китайского национального сознания представления о животном мире отражены в зооморфных метафорах, используемых в политическом дискурсе на обоих языках, и составляют когнитивную модель «Политика — это мир животных». Согласно исследованиям, составляющие данную модель метафоры «имеют в абсолютном большинстве негативную окраску и обладают агрессивным прагматическим потенциалом» [Вершинина 2002: 24].

В данной статье анализируются метафоры с компонентом «медведь» и метафоры с компонентом «лун», занимающие важное место в языковых картинах мира соответственно русских и китайцев. Отметим, что слово «лун» рассматривается в статье как зооним, несмотря на то что является, в отличие от слова «медведь», средством обозначения вымышленного существа. Основанием для такого подхода стал образ луна, который имеет голову верблюда, рога оленя, глаза зайца, шею змеи, чешую карпа, когти орла, лапы тигра и уши быка и таким обра-

зом вобрал в себя признаки сразу нескольких животных.

В российском социуме образ медведя прочно укрепился в арсенале средств воздействия политической сферы, где выполняет самые разные функции, в том числе геральдическую, поскольку медведь — это, например, эмблема партии «Единая Россия», при этом слово «медведь» является средством именованья членов данной партии или вообще жителей России:

Объявляя о прекращении пассажирского сообщения с РФ, министр инфраструктуры Украины глумливо заявил, что „теперь в Москву будут ходить только медведи“ (АиФ. 19.9.2018).

Кроме того, слово «медведь» выступает средством вторичной номинации по ряду существенных признаков, например «крупный», «сильный», «хищный», которые благодаря образности человеческого мышления и языка приобрели в русском языке значения «власть», «могущество». Приведем примеры:

Почему западная публика так легко покупается на недоказанные обвинения: „потому что этот бренд был раскручен ещё в прежние времена. Да, был период, когда казалось, что русский медведь — добрый и приятный. Но так было, пока медведь казался слабым. Пока мы вписывались в их картину мира — мы были „хорошими русскими“. Это, кстати, не значит, что русский медведь должен кусаться. Нет, пусть он улыбается миру. Но только при этом все зубы должно быть видно“ (АиФ. 11.07.2018).

Но на многие вопросы Европа будет закрывать глаза, потому что Украина — это инструмент, который позволяет дразнить „русского медведя“, — сказал Вадим Колесниченко (РИА Новости. 12.11.2018).

В одной из статей Т. Рябовой представлены результаты эксперимента, в ходе которого российские респонденты должны были давать реакции на слово «медведь». Приведем полученные результаты: на первое место участники эксперимента поставили значение «сила» (58,0 %), далее следовали «отсталость» (43,0 %), «неуклюжесть» (37,0 %), «агрессивность» (25,0 %). На вопрос: «Если бы вы сравнивали Россию с медведем, то какими качествами вы бы ее наделили?» — были получены следующие ответы: «сила» — 81 %, «добродушие» — 41 %, «бесхитрость» — 13 %, «неуклюжесть» — 12 %, «отсталость» — 6 %, «глупость» — 6 %, агрессивность — 4 % [Рябова 2012: 338].

Приведенные данные объясняют, почему именно образ медведя наиболее активно

используется российскими СМИ и российскими политиками. Так, министр обороны РФ С. К. Шойгу в ответ британскому коллеге М. Фэллону, заявившему, чтобы «медведь не совал свои лапы в Ливию», сказал: *«Что у них (британцев. — Ред.) на гербе — лев, кажется? Есть такая поговорка: все львы — кошки, но не все кошки — львы. И мы не думаем, что в их зоопарке вырос зверь, который может указывать медведю»* (АиФ. 01.03.2017).

Высказывание британского министра дает основание полагать, что он ассоциирует Россию с медведем, а слова «чтобы медведь не совал свои лапы в Ливию» свидетельствуют о том, что М. Фэллон увязывает данный образ с опасностью и агрессивностью, т. е. для него образ медведя имеет отрицательную окраску. С. К. Шойгу, в свою очередь, считает, что медведь — это самое сильное животное, с которым не может сравниться ни британский лев, ни другое создание. Он особо подчеркивает, что львы — это всего лишь кошки и они гораздо слабее медведя. Образ медведя позволяет российскому министру выразить мнение, что Россия — это самое сильное государство. Примеры доказывают, что в русском сообществе и в западном мире со словом «медведь» связаны разные представления.

Приведем слова президента РФ Владимира Путина, который заявил в ходе общения с участниками Международного дискуссионного клуба «Валдай» следующее:

Помните замечательную фразу: „То, что позволено Юпитеру, не позволено быку“. Но мы не можем согласиться с такими формулировками. Может быть, быку и не позволено, но хочу вам сказать, что медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет... Вообще он считается у нас хозяином тайги, и он не собирается, я знаю точно, куда-то переезжать в другие климатические зоны, ему там неуютно. Но тайги он своей никому не отдаст, я думаю, что это должно быть понятно (Вести 24. 10.2014).

На одной из своих конференций президент РФ Владимир Путин также сказал: *„...медведя не оставляют в покое“ и „всегда будут стремиться к тому, чтобы посадить его на цепь, после чего вырвут и зубы, и когти“* (Вести 18.12.2014).

Данные слова В. В. Путина раскрывают сущность образа медведя с точки зрения русских людей. Медведь умеет за себя постоять, умеет себя защитить, он сильный, гордый и смелый. Для русских образ медведя является символом России, олицетворяет мощь России и силу духа русского народа и,

в отличие от представления в западных СМИ, имеет положительную окраску.

Являясь важным символом России, образ медведя исключительно активно используется также западными СМИ и западными политиками. Приведем еще один пример, в котором Девин Нунес (американский конгрессмен) высказал следующее мнение:

Это единственный способ снизить зависимость Европы от газа из РФ — он поможет странам ЕС, в частности, ФРГ, больше не „подкармливать“ „русского медведя“ деньгами“ (АиФ. 14. 08.2018).

В китайском языке со словом «медведь» связаны значения «крупное, глупое, неуклюжее, простодушное и даже бесполезное животное». Образ медведя в китайской картине мира окрашен отрицательно. Например, выражение 熊市 (рынок «медведей») означает длительный период общего понижения фондовой конъюнктуры, это рынок, характеризующийся тенденцией падения цен, от которого выигрывают «медведи».

В китайской культуре сохранились примеры, когда образ медведя как символ России использовался в карикатурах («Политическая ситуация», 1900 г.; см. рис. 1). Однако сегодня в китайских СМИ образ медведя для описания России почти не используется. Примеры такого употребления были найдены нами только в переводных статьях из зарубежных СМИ.

Причина, по которой китайские СМИ воздерживаются от использования образов животных для описания других государств или известных личностей, заключается в стремлении Китая соблюдать нейтралитет и политическую корректность, а также связана со стремлением избежать неправильного истолкования вкладываемых в образ значений.

В качестве метафорического обозначения Китая обычно используется образ луна. Лун тесно ассоциативно связан с Китаем и играет большую роль в развитии китайской культуры. Существуют разные мнения о происхождении образа луна. Самое раннее его изображение было обнаружено в китайских исторических реликвиях 8000 лет назад, в то время лун считался защитником народа [Линь 2000: 21]. В развитии китайской культуры на протяжении 5 тысячелетий лун всегда был священным символом, современные китайцы называют себя потомками луна.

Надо заметить, что культурные представления, связанные с китайским луном, сильно отличаются от того, как воспринимается дракон в западном мире. Отличия типичных образов продемонстрированы на рис. 2.

Рис. 1. Политическая ситуация (карикатура, 1900)

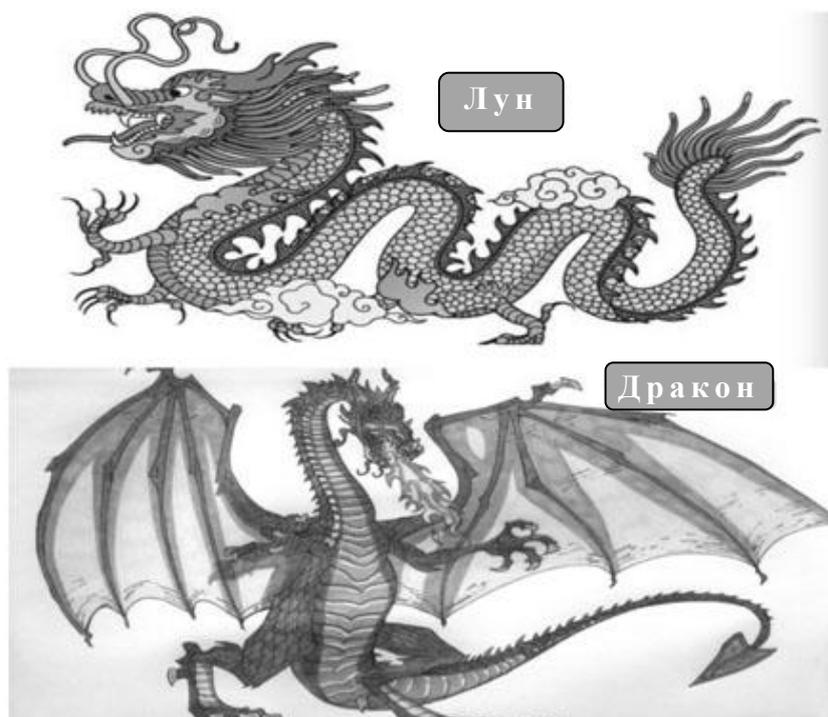

Рис. 2. Лун и дракон

Китайцы издавна поклонялись луну, считая его существом, которое живет в море и контролирует водную стихию, дарует плодородие. С течением времени лун стал символом императорского дома, а сам император именовался 真龙天子 — рус. «настоящим луном и сыном неба»; сына императора на-

зывали сыном луна, лицо императора называли лицом луна.

Сегодня лун уже не имеет прямого отношения к образу императора, тем не менее считается, что люди, рожденные в год Луна, обладают лучшими человеческими качествами. Эти представления отражены в китай-

ских фразеологических оборотах: 望子成龙 (букв. «надеяться, что сын станет луном», т. е. надеяться, что сын станет наилучшим человеком); 人中龙凤 (букв. «лун и феникс среди людей» — об отличном человеке); 龙头企业 (букв. «предприятие — голова луна», т. е. предприятие-лидер) и др. Примечательно, что лун — единственный из двенадцати знаков китайского гороскопа, который является вымышленным животным.

Таким образом, с древних времен и до сегодняшнего дня лун почитается как символ счастливого предзнаменования, его образ превозносится китайской нацией, всегда имел для китайцев положительную оценку. При этом лун может постоять за себя, если проявить к нему агрессию, и это также является его достоинством. За словом «лун» в языке устойчиво закрепились представления о святости, благородстве, таинственности, авторитете, силе, удаче и другие.

В свою очередь, в западной культуре дракон изображается в виде крылатого, огнедышащего змея или крылатой ящерицы. Он воспринимается как опасное, свирепое, большое, страшное и сильное существо. В результате, хотя оба образа — и луна, и дракона — имеют мифологические корни, в соответствующих лингвокультурах с ними связаны разные представления, в связи с чем в отношении китайской культуры уместно использовать именно слово «лун», а не «дракон».

Попытки замены слова «лун» словом «дракон» в политическом дискурсе, в особенности при переводе, приводят к неверному восприятию Китая, дают основания для ассоциации Китая с опасностью и злом. В западных СМИ даже есть выражение «китайский дракон», которое подразумевает, что Китай несет угрозу, является опасным и агрессивным государством, в то время как концепт «лун» не содержит отрицательных оценочных значений. В данном контексте интересно замечание президента Китая Си Цзиньпина, который говорил:

Китайский лун и индийский слон сосуществуют в гармонии, развиваются мирно, в сотрудничестве друг с другом и терпимости друг к другу, с выгодой для обеих стран, принося пользу окружающим и приумножая ее для всего мира (ЖмЖБ. 20.09.2014).

Лун является символом Китая, так же как слон — символом Индии. Соединив два образа в одном контексте, президент Си указал на тесные отношения между двумя странами:

Реальный сектор экономики — это основа стремительного взлета китайского луна, это самые прочные паруса для ки-

тайского корабля, мы достигаем благополучия, опираясь именно на реальный сектор экономики, и будем продолжать это делать в будущем (ВцзЖБ. 26.10.2018).

Привлечение метафорических выражений оказывает большее воздействие, нагляднее доносит идею о необходимости взаимоуважения и сотрудничества в мировой политике. Образ луна используется также и в других контекстах, что доказывает его исключительную значимость для Китая:

Лун уже поднял голову (дельты реки Янцзы), хвост луна — Сычуань и Чунцин — ускоряются в развитии благодаря интеграции, а телу луна — центральной части Китая — необходимо как можно быстрее догонять остальных, превратив свои экологические преимущества в преимущества развития, а географические преимущества — в инновационные. Лун уже начал танцевать, создавая промышленный комплекс мирового уровня, интернационализируя мегаполисы и формируя систему образования высшего класса (ГмЖБ. 14.06.2018).

В приведенной цитате образ луна используется для метафорического представления реки Янцзы, напоминая по своей форме луна. Сравнение с луном позволяет автору более полно выразить свою мысль о текущем состоянии районов, примыкающих к реке Янцзы. Район дельты реки Янцзы — «голова луна», и выражение «поднял голову» означает, что этот район уже хорошо развит. Выражение «лун начал танцевать» указывает на то, что некоторые районы уже достигли высокого уровня развития, в то время как в других перемены только начинаются.

Российские СМИ часто при переводе заменяют слово «лун» словом «дракон», при этом используя последнее для создания положительного образа Китая; например, журналист газеты «Аргументы и факты» («АиФ») Георгий Зотов писал так:

Тигр в пасти дракона. Как России извлечь выгоду из „разборок“ Китая и США? Медведь во время схватки этих крупных животных будет лучше деликатно стоять в сторонке (АиФ. 01.02.2017).

Г. Зотов сравнивает КНР с драконом, США — с тигром, а Россию — с медведем, и тем самым объясняет сложившуюся сложную ситуацию между тремя странами. В данном случае образы животных, представляющие страны, акцентируют идею о непростых межгосударственных отношениях.

Приведем пример использования слова «дракон» в отрицательном значении. Описывая экономические связи между Россией и Китаем, генеральный директор Фонда на-

циональной энергетической безопасности РФ Константин Симонов сказал следующее:

Я три года задавал американским экспертам один вопрос: зачем Соединенные Штаты загоняют Россию в объятия китайского дракона? (Ведомости. 23.01.2017).

Из контекста видно, что российские СМИ также используется слово «дракон» в отрицательном значении, представляя Китай как крупное, жадное, агрессивное и опасное государство.

Автор «АиФ» Георгий Зотов следующим образом охарактеризовал пограничный конфликт между Россией и Китаем:

Аналогичная ситуация и с РФ: Даманский напрочь отбил у Поднебесной желание общаться с россиянами на языке оружия. Гораздо хуже другое — Пекин стал использовать прием „ползущего дракона“ (АиФ. 05.03.2014).

Назвав Китай «ползущим драконом», Г. Зотов выразил мнение о том, что Китай не хочет вступать в открытый конфликт с Россией, создав образ опасного и хитрого соперника, старающегося незаметно установить контроль над спорной территорией при помощи сильной экономики, а не оружия.

В российских СМИ есть и такие заголовки с компонентом «дракон», которые образно представляют некоторую проблему и одновременно создают неблагоприятный образ Китая: «*Тень дракона. Что обещает России грядущее сближение с Китаем?*» (АиФ. 09.04.2014); «*Как дракон съел слона. Почему России не надо следовать путем Индии*» (АиФ. 02.11.2016); «*В желудке у дракона. Как Китай завоевывает Среднюю Азию*» (АиФ. 26.08.2015) и другие.

Проведенное исследование показало, что метафорические образы медведя и луна часто используются в русском и китайском политическом дискурсе. В современных российских СМИ медведь метафорически представляет политический авторитет России, ее внутреннюю и внешнюю политику, также ее правящую верхушку. В современном политическом дискурсе в качестве доминирующего при метафорическом употреблении слова «медведь» выступает компонент значения «сила». Таким образом, в глазах россиян Россия предстает как мощное государство, способное защитить себя. В свою очередь, лун репрезентирует Китай и в глазах китайцев является символом всего священного, благородного, сильного и успешного, представляя Китай как авторитетное государство. В глазах мировой общественности как медведь, так и лун часто транслируют негативную оценку.

Такими образом, при употреблении в политическом дискурсе слов, именующих животных, в функции вторичной номинации, актуализируются связанные с данными животными культурные ассоциации и оценки. Использование метафор с зоокомпонентом позволяет политикам более эффективно воздействовать на аудиторию и при этом раскрывает специфику языковой картины мира говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Л. В. Реализация концептов «свой — чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 40—50.
2. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык средств массовой информации. — М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 134—140.
3. Будаев Э. В., Тихонов В. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 43—49.
4. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002. 24 с.
5. Гукетлова Ф. Н. Зооморфизмы как фрагмент формирования лингвокультурологической компетенции // Вестн. ПГЛУ. — Пятигорск, 2008. № 2. С. 105.
6. Гэн Юаньюань, Плотникова Г. Н. Отзоонимные прилагательные в культурно-языковом пространстве // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 123—127.
7. Жаковска М. Медведь на охоте, охота на медведя: Россия в немецкой карикатуре XIX — XX вв. // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 15—19.
8. Керимов Р. Д. Зоометафоры в языке немецкой политики (лингвокогнитивный аспект) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 58—68.
9. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
10. Линь Линь. Происхождение и эволюция мифологемы Лун // Литературно-исторический журнал. 2000. № 3. С. 20—24. — (На кит. яз.)
11. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., испр. — М.: Академия, 2007.
12. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентично-стей / пер. В. Литвинов, И. Пильщиков. — М., 2004.
13. Рябова Т. Б. Медведь как символ России: социологическое измерение // Русский медведь: история, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. — М.: НЛЮ, 2012. 338 с.
14. Сюе Яхун, Го Вэйхай. Сопоставительное изучение когнитивной семантики зоометафор в китайском и английском языках // Вестн. ин-та Чанцзи. 2010. № 6. С. 71—76. — (На кит. яз.)
15. Тимофеев М. Ю. Красный медведь из страны большевиков // Лабиринт: журн. социально-гуманитарных исследований. № 2. С. 45—49.
16. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург, 2003. 248 с.
17. Чудинов А. П., Нахимова Е. А. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 276—279.
18. Hsieh S. C. The Corpora of Mandarin Chinese and German Animal Fixed Expressions: A Cognitive Semantic Application // Birmingham Univ. Centre for Computer Corpus Research on Language Technical Papers. 2004. Vol. 18. P. 27—35.

Lin Xue

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-0406-4875

 E-mail: email.

Russian Bear and Chinese Long: Zoological Metaphor in Russian and Chinese Political Discourse

ABSTRACT. Zoometaphor plays a very important role in linguistics, especially in contrastive studies, and has long attracted the attention of both Russian and Chinese linguists, including A. N. Baranov, A. P. Chudinov, F. N. Guketlova, T. S. Vershinina, Zhao Yanfan, Xue Yahong, Guo Weihai and others who also show deep interest in the role of this kind of metaphor in political discourse. Russian linguist A. P. Chudinov believes that each concrete metaphor reflects the worldview of one person thus contributing to the creation of a common metaphorical picture of the world of a certain society. Representations of the animal world, characteristic of Russian and Chinese cultures are reflected in zoometaphors involved in political discourse in both languages. Chinese linguists Xue Yahong and Guo Weihai consider the conceptual metaphor “man is an animal” one of the most important means of cognition and representation of knowledge in language. By resorting to zoometaphors statesmen and politicians choose a more effective and efficient way of conveying their political views and thus exercise a stronger influence on the target audience. The article analyzes examples of metaphors with the “bear” component and metaphors with the “Long” component. These two words play an important role in conceptualizing the world of Russian and Chinese people and metaphorically represent the two cultures. The image of the bear metaphorically represents the political authority of Russia; the use of the word “bear” stands for “strength” contributing to a positive image of a powerful state that can protect itself. Likewise, Long represents China, and in the eyes of the Chinese it is a symbol of everything sacred, noble, strong and successful, so it shows China as an authoritative state. It is stressed in the article that both Long and the dragon have mythological roots and arouse different associations, therefore it is appropriate to use the word “Long” rather than “dragon” when addressing Chinese culture. Analysis of metaphors with the bear and Long components in western political discourse shows that respective metaphors can transmit negative attitudes, which points to a controversial attitude of western politicians to Russia and China.

KEYWORDS: zoometaphors; political metaphorology; metaphorical modeling; metaphorical models; political discourse; «bear»; «Long»; Russian; Chinese; comparative linguistics.

AUTHOR'S INFORMATION: Lin Xue, Candidate of Philology Degree Applicant, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Lin, Xue. Russian Bear and Chinese Long: Zoological Metaphor in Russian and Chinese Political Discourse / Lin Xue // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 177-184. — DOI 10.26170/pl19-05-19.

REFERENCES

1. Balashova L. V. Implementation of the concepts “friend or foe” in Russian political discourse in the beginning of XXI century // Political Linguistics. 2014. No 1 (47). P. 40—50 [Realizatsiya kontseptov «svoy — chuzhoy» v rossiyskom politicheskom diskurse nachala XXI v. // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 40—50]. — (In Rus.)
2. Baranov A. N. Political Metaphorics of a Journalistic Text: the Possibilities of Linguistic Monitoring // Media Language. — Moscow : Publ. House of Moscow State Univ., 2003. P. 134—140. [Politicheskaya metaforika publitsisticheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoringa // Yazyk sredstv massovoy informatsii. — M. : Izd-vo MGU, 2003. S. 134—140]. — (In Rus.)
3. Budaev E. V., Tikhonov V. V. Zoomorphic metaphors as a tool for conceptualization of conflict in Syria in US and Russian mass media // Political Linguistics. 2016. No 2 (56). P. 43—49. [Zoomorfnye metafory kak instrument kontseptualizatsii siriyskogo konflikta v SMI Rossii i SShA // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 43—49]. — (In Rus.)
4. Vershinina T. S. Zoomorphic, Phytomorphic and Anthropomorphic Metaphor in Modern Political Discourse : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Ekaterinburg, 2002. 24 p. [Zoomorfhnaya, fitomorfhnaya i antropomorfhnaya metafora v sovremennom politicheskom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2002. 24 s.]. — (In Rus.)
5. Guketlova F. N. Zoomorphisms as a Fragment of the Formation of Linguocultural Competence // Proceedings of PSLU. — Pyatigorsk, 2008. No. 2. P. 105. [Zoomorfizmy kak fragment formirovaniya lingvokul'turologicheskoy kompetentsii // Vestn. PGLU. — Pyatigorsk, 2008. № 2. S. 105]. — (In Rus.)
6. Geng Yuanyuan, Plotnikova G. N. Adjectives derived from zoonyms in the cultural and linguistic space // Political Linguistics. 2016. No 2 (56). P. 123—127. [Otzoonimnye prilagatel'nye v kul'turno-yazykovom prostranstve // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 123—127]. — (In Rus.)
7. Żakowska M. The hunting bear, the bear hunting: Russia in German caricature of 19-th and 20-th centuries // Political Linguistics. 2011. No 1 (35). P. 15—19 [Medved' na okhote, okhota na medvedya: Rossiya v nemetskoj karikature XIX — XX vv. // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 15—19]. — (In Rus.)
8. Kerimov R. D. Zoometaphors in the Language of German Politics (linguocognitive aspect) // Proceedings of Perm Univ. Russian and Foreign Philology. 2013. Iss. 2 (22). P. 58—68. [Zoometafory v yazyke nemetskoj politiki (lingvokognitivnyy aspekt) // Vestn. Perm. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2013. Vyp. 2 (22). S. 58—68]. — (In Rus.)
9. Lakoff J. The Metaphors we Lived by. — Moscow : URSS editorial, 2004. 256 p. [Metafory, kotorymi my zhivem. — M.: Editorial URSS, 2004. — 256 s.]. — (In Rus.)
10. Lin Lin. The Origin and Evolution of the Loon Mythology // Literary and Historical Journ. 2000. No. 3. P. 20—24. [Proiskhozhdenie i evolyutsiya mifologemy Lun // Literaturno-istoricheskiy zhurnal. 2000. № 3. S. 20—24]. — (In Chinese.)
11. Maslova V. A. Linguoculturology : textbook for students of higher institutions. 3rd ed., rev. — Moscow : Academy, 2007. [Lingvokul'turologiya : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. 3-e izd., ispr. — M. : Akademiya, 2007]. — (In Rus.)
12. Neumann I. Using the “Other”. Images of the East in the Formation of European Identities / transl. by V. Litvinov, I. Pilshchikov. — Moscow, 2004. [Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichno-stey / per. V. Litvinov, I. Pil'shchikov. — M., 2004]. — (In Rus.)
13. Ryabova T. B. The Bear as a Symbol of Russia: The Sociological Dimension // Russian Bear: History, Semiotics, Politics / ed. O. V. Ryabova and A. de Lazari. — Moscow : UFO, 2012.

338 p. [Medved' kak simbol Rossii: sotsiologicheskoe izmerenie // Russkiy medved' : istoriya, semiotika, politika / pod red. O. V. Ryabova i A. de Lazari. — M. : NLO, 2012. 338 s.]. — (In Rus.)

14. Xue Yahong, Guo Weihai. Comparative Study of Cognitive Semantics of Zoomethaphors in Chinese and English // *Journal of Inst. in Changji*. 2010. No. 6. P. 71—76. [Sopostavitel'noe izuchenie kognitivnoy semantiki zoometafor v kitayskom i angliyskom yazykakh // *Vestn. in-ta Chantszi*. 2010. № 6. S. 71—76]. — (In Rus.)

15. Timofeev M. Yu. Red Bear from the Country of the Bolsheviks // *Labyrinth : Journ. of Social and Humanitarian Research*. No. 2. P. 45—49. [Krasnyy medved' iz strany bol'shevikov // *Labirint : zhurn. sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. № 2. S. 45—49]. — (In Rus.)

16. Chudinov A. P. Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication. — Ekaterinburg, 2003. 248 p. [Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii. — Ekaterinburg, 2003. 248 s.]. — (In Rus.)

17. Chudinov A. P., Nakhimova E. A. Metaphorical anthropomorphism in socio-political communication // *Political Linguistics*. 2015. No 3 (53). P. 276—279. [Metaforicheskiy antropomorfizm v sotsial'no-politicheskoy kommunikatsii // *Politicheskaya lingvistika*. 2015. № 3 (53). S. 276—279]. — (In Rus.)

18. Hsieh S. C. The Corpora of Mandarin Chinese and German Animal Fixed Expressions: A Cognitive Semantic Application // *Birmingham Univ. Centre for Computer Corpus Research on Language Technical Papers*. 2004. Vol. 18. P. 27—35.

Лю Лифэнь

Гуандунский ун-т иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай
ORCID ID: 0000-0002-0003-0723

У Цзюань

Гуандунский ун-т иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу; Шихэцзыский ун-т, Шихэцзы, Китай
ORCID ID: 0000-0002-9931-3028

Жэнь Яцянь

Гуандунский ун-т иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай
ORCID ID: 0000-0002-7847-6987

E-mail: liulifen1993@163.com; 13579752479@163.com; xiaoshuir@outlook.com.

Сопоставление пространственной конфигурации языкового ландшафта китайских и российских университетов

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена практически не изученной теме, научная новизна работы определяется тем, что впервые проанализированы и сопоставлены вывески китайских и российских университетов с точки зрения пространственной конфигурации языкового ландшафта. Актуальность исследования обусловлена все более тесным сотрудничеством и активным обменом между Китаем и Россией, в частности в сфере высшего образования, что требует подробного описания социокультурных различий между двумя странами. Языковой ландшафт как составляющая часть культурного ландшафта может рассматриваться в социолингвистике и представляет собой комплекс визуальных знаков, включающих вывески, указатели, лозунги, справочную информацию и др. Конфигурация пространства языкового ландшафта — это пространственные структурные особенности, т. е. разнообразие компонентов и их пространственное распределение. Материалом исследования послужили фотографии из 10 университетов Китая и России. Цель работы — выявление различий между двумя странами в географическом положении, лингвокультуре, национальном менталитете, а также в языковой политике, чертах господствующей идеологии. К задачам статьи относилось выявление степени открытости пространства, особенностей конфигурации языкового ландшафта и представленности в нем разных языков. Выявлены различия китайских и российских вузов в рассматриваемых аспектах: 1) пространство китайских университетов закрыто, языковой ландшафт замкнут, представляет собой территорию единого сообщества, в то время как пространство российских вузов открыто; 2) в языковом ландшафте китайских вузов присутствует два языка (китайский и английский), в российских вузах языковой ландшафт преимущественно моноязычен; 3) за счет расположения в кампусах в китайских вузах языковой ландшафт имеет горизонтальное и вертикальное измерение, в российских вузах, объединенных в единое здание, сориентирован по вертикали; 4) в России вывески концентрируются внутри здания, в Китае равно представлены и внутри, и снаружи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковой ландшафт; социолингвистика; китайские университеты; российские университеты; вывески; пространственная конфигурация; языковая политика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лю Лифэнь, доктор филологических наук, профессор, Исследовательский центр переводоведения и Институт европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китайская Народная Республика; e-mail: liulifen1993@163.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: У Цзюань, аспирант, Институт европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу; Институт иностранных языков, Шихэцзыский университет, Китайская Народная Республика; e-mail: 13579752479@163.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Жэнь Яцянь, магистр, факультет русского языка, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китайская Народная Республика; e-mail: xiaoshuir@outlook.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лю, Лифэнь. Сопоставление пространственной конфигурации языкового ландшафта китайских и российских университетов / Лю Лифэнь, У Цзюань, Жэнь Яцянь // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 185-192. — DOI 10.26170/pl19-05-20.

БЛАГОДАРНОСТИ. Данная статья выполнена при финансовой поддержке Минобразования КНР — решение 2014 г. № 14JJD740010 и при финансовой поддержке гранта научного социального фонда КНР от 2016 г. № 16BYU188.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы связи Китая и России в сфере политики и культуры становятся все

теснее. При этом, несмотря на географическую близость двух стран, культура и языковой ландшафт (далее — ЯЛ) на территории университетов отличаются друг от друга,

© Лю Лифэнь, У Цзюань, Жэнь Яцянь, 2019

иногда демонстрируют полную противоположность характеристик.

Как известно, образование служит фундаментом возвышения любого государства: вузы — база для развития производительных сил, а наука и техника — его первая производительная сила.

Названия университетов, транспаранты с нравоучительными надписями на стенах вузов, вывески, лозунги, объявления, полотнище флага формируют университетский ЯЛ, который обеспечивает упорядоченное осуществление деятельности в кампусе путем выполнения функций по выделению отделов и подразделений, распространению информации и созданию культурной среды [Чжан Лэй 2008: 1], в нем воплощаются теории и идеи воспитания, обучения и научных исследований данного университета. По данным китайской научной сети CNKI, существует только одна статья по исследованию ЯЛ в университетах, в которой было сопоставлено количество кодов на вывесках китайского и американского университетов. В базе *Universal Database* не нашлось ни одного источника по данной теме. **Научная новизна** работы определяется тем, что впервые проанализированы и сопоставлены вывески китайских и российских университетов с точки зрения пространственной конфигурации ЯЛ. Данная работа может также обогатить социолингвистические исследования, сформулировать принципы оптимальной пространственной конфигурации ЯЛ в китайских и российских университетах и поспособствовать созданию интегрированного культурного пространства для эффективной коммуникации китайского и российского народов. **Актуальность** нашего исследования обусловлена тем, что в настоящее время Китай и Россия все теснее и активнее сотрудничают на разных уровнях во многих областях, в том числе в сфере высшего образования, что делает востребованным сравнительное изучение культурных и бытовых особенностей жизни в университетах двух стран.

Можно разделять природный и культурный ландшафт. Последний представляет собой «конфигурацию человеческой деятельности, которая добавлена к природному ландшафту», это «комплекс культурных явлений на планете, проявляющий географические особенности в данном районе» (здесь и далее перевод наш. — Лю Л., У Ц., Жэнь Я.) [Шань Цзисян 2010: 22]. ЯЛ как составная часть культурного ландшафта может рассматриваться как объект социолингвистики и представляет собой комплекс визуальных знаков (вербальных и невербаль-

ных, т. е. текстов, изображений или и того, и другого), выполняющих определенные функции в общественном пространстве, включающий «дорожные знаки, рекламные щиты, названия улиц, вывески магазинов, названия организаций и учреждений» [Landry R., Bourhis R. 1997: 25], лозунги, слоганы, краткие сведения о туристических достопримечательностях и др. Конфигурация пространства ЯЛ — это пространственные структурные особенности ЯЛ, т. е. разнообразие составляющих компонентов и пространственное распределение ЯЛ.

В данной работе сопоставлена пространственная конфигурация ЯЛ в китайских и российских университетах на материале более чем 2000 личных фотографий с языковым ландшафтом, снятых в 10 университетах Китая (2050 фотографий) и России (1065 фото), в список которых входят Пекинский университет (ПУ), Университет Цинхуа (Цинхуа), Пекинский лингвистический университет (ПЛУ), Пекинский педагогический университет (ППУ), Университет Фудань (Фудань), Московский государственный университет (МГУ), Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) и Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина). **Целью** данной работы является выявление различий между двумя странами в географическом положении, лингвокультуре, национальном менталитете, а также в языковой политике, транслируемой идеологии и прочем в ходе сопоставления ЯЛ университетов. **Задачи** статьи следующие: выявить степень открытости пространства, районы охвата, направление развертки, сферы конфигурации ЯЛ и степень присутствия разных языков в ЯЛ китайских и российских университетов.

1. Открытость пространства ЯЛ в китайских и российских университетах

Китайские университеты обычно находятся в закрытом пространстве, так как университеты отделяются от окружающей среды (населенных пунктов и коммерческих районов за территорией университета) заборами и оградами с целью безопасности. В пространство вуза входят следующие ландшафтные компоненты: районы — учебный, административный, спортивный, жилой, парковое место и др. Например, на стенах пяти китайских университетов имеются такие основные обозначения, как «аудитория», «административное здание», «библиотека», «общезитие», «столовая», «магазин», «поликлиника», «стадион», «парковочное ме-

сто» и др., поскольку учебные корпуса и здания общежитий составляют единый ансамбль сооружений. Преподаватели, студенты и работники работают в зданиях и вне них на территории университета. В связи с этим ЯЛ присутствует внутри и снаружи строений. Это и опознавательные знаки объектов (рис. 1), и знаки с напоминающей, инструктивной, предупреждающей функциями (рис. 2). Языковой сервис сопровождает человека везде, где он действует, а ЯЛ предоставляет человеку полезную информацию, регулирует действия человека и т. п.

На рис. 1 вывеска “田家炳艺术教育书院” (Художественное училище имени Тянь Цзябина) как составляющая ЯЛ размещена снаружи объекта, выполняя номинативную функцию. А информационные знаки “研究生研修室” (аудитория для аспирантов) и “外国语言文学文化研究数字资源中心” (Центр элек-

тронных ресурсов для изучения иностранных языков, литературы и культуры) на рис. 2 видны внутри помещения.

Российские же университеты рассредоточены в среде города без заборов, отличаясь открытостью. В университетском пространстве также существуют места для учебы, административной работы, бытовых занятий и других видов деятельности студентов и преподавателей. Например, рассматриваемые российские университеты находятся среди дорог, парков, жилых районов и т. п., а не изолированы барьерами. К тому же преподаватели, студенты и персонал работают в объектах, где ЯЛ главным образом расположен внутри зданий (рис. 3, 4). Например, объявления на рис. 3, 4 реализуют информативную функцию ЯЛ [Ян Сюе 2019: 52], оповещая о чем-либо человека.

Рис. 1. Художественное училище имени Тянь Цзябина (ППУ)

Рис. 2. Центр электронных ресурсов для изучения иностранных языков, литературы и культуры (ПУ)

Рис. 3. Объявления в Центре питания, культурного и делового сотрудничества СПбГУ

Рис. 4. Надписи в общежитии МГЛУ

Рис. 5. Дорожный указатель (Цинхуа)

Рис. 6. Дорожный указатель (МГУ)

Хотя в России университеты находятся в открытом пространстве, они пребывают под строгим контролем, в частности необходимо предъявлять пропуска при входе во все объекты университета. В Китае ситуация обратная: охранники стоят у входа в университет, но это лишь формальность, потому что почти для всех вход свободен и осуществляется без предъявления пропуска.

2. Степень присутствия разных языков в ЯЛ китайских и российских университетов

Согласно собранным данным, китайский и русский языки имеют абсолютное преимущество в ЯЛ своих стран и являются его неотъемлемой частью. Тексты объектов ЯЛ с названием университетов, уличными знаками, объявлениями и картами в университетах обеих стран написаны на государственных языках (соответственно китайском или русском). Но ЯЛ в двух стран совершенно отличаются друг от друга количеством языков: в китайских университетах в основном представлен двуязычный ЯЛ, и иностранный язык — английский (рис. 5), потому что он в нашей стране выполняет функцию языка мирового значения. Это привело к тому, что в ЯЛ китайских университетов широко используются разные языки, вывески и указатели могут быть одноязычными, двуязычными или многоязычными. А состав языков в ЯЛ российских университетов относительно закрыт, в основном присутствуют русские одноязычные вывески (рис. 6), а двуязычных знаков немного.

Почти все надписи, вывески, дорожные указатели, таблички в китайских университе-

тах сделаны на двух языках — китайском и английском, как дорожный указатель в Цинхуа на рис. 5. В отличие от китайских университетов, в ЯЛ российских университетов присутствует только один язык — русский, что демонстрирует дорожный указатель на рис. 6.

3. Районы конфигурации ЯЛ в китайских и российских университетах

Составляющие университета приводят к формированию специфики не только структуры пространства, но и университетской жизни и культуры. Было обнаружено, что 5 китайских университетов состоят из трех районов: учебный, жилой и район обслуживания. Поэтому элементы ЯЛ в основном распределяются внутри и снаружи учебных корпусов, служебных зданий, библиотек, стадионов, спортзалов, столовых, супермаркетов, поликлиник при университете, общежитий, парково-рекреационных зон и т. д.

В отличие от китайских университетов, у которых учебные помещения, жилые помещения и зоны обслуживания компактно расположены в закрытом от посторонних пространстве, у российских университетов учебные и жилые помещения находятся далеко друг от друга, в отдельных местах (нередко от общежития до учебного корпуса требуется ехать полчаса и более). Поскольку в учебном корпусе нет постоянных жителей, университеты больше похожи на стационарные места для студентов и преподавателей, предназначенные исключительно для преподавательской и учебной деятель-

ности, поэтому помимо административно-офисных зданий и библиотек имеется лишь небольшое количество мини-маркетов, спортзалов и столовых и отсутствует сервисное обслуживание. К таким университетам относятся МГПУ, МГЛУ и СПбГУ.

Институт русского языка им. А. С. Пушкина отличается от четырех других рассматриваемых вузов России тем, что представляет собой единый самостоятельный объект, где размещены и учебные зоны, и общежитие, но там живет мало студентов, в основном иностранных. Поэтому в дополнение к аудиториям, административным офисам и библиотекам в здании также есть мини-маркеты, спортивные залы, прачечные, кафе и прочие помещения для удобства студентов. МГУ как самый престижный вуз России имеет большое количество факультетов и образует кампус с центральным корпусом (главный корпус). В главном корпусе имеется как учебно-офисная зона, так и небольшое количество жилых помещений. Тем не менее здесь проживает мало студентов, потому что большинство студенческих общежитий расположено на том или ином расстоянии от университета.

Таким образом, ЯЛ российских университетов в основном располагается в аудиториях, кабинетах преподавателей, административных офисах, библиотечных комнатах, столовых и других местах в зданиях, и зона его распространения намного меньше, чем в китайских университетах.

4. Направление конфигурации ЯЛ в китайских и российских университетах

Внутренняя структура университета является отражением архитектурного стиля и культуры региона, на нее влияют не только окружающая среда, география, климат, но и история и культура страны. В основном здания как составляющие китайских университетов независимы друг от друга и размещены горизонтально в кампусе, благодаря чему университет занимает большую площадь. Например, в пяти университетах Китая есть отдельные учебные здания, административные здания, офисные здания, библиотеки, стадионы, поликлиники при университетах, общежития, столовые и т. д. Эти здания распределяются по горизонтали и образуют ландшафт кампуса вместе с другими живописными районами. Таким образом, объекты распределены по плоскости, но ЯЛ в каждом отдельном здании в основном сориентирован по вертикали.

В России совсем другая ситуация: большинство составляющих российских университетов находится в многоэтажном здании,

т. е. «главном корпусе», как в четырех рассматриваемых университетах, за исключением СПбГУ. Главное здание, как правило, является значимым сооружением университета, а также местом проведения масштабных мероприятий в университете, в котором есть аудитории, кабинеты, библиотеки, столовые, спортивные залы, магазины, типографии и т. д. Здесь преподаватели и студенты работают, учатся и занимаются другими видами деятельности, связанными с обучением. В то же время жилые площади, как правило, распределены вокруг главного здания (в нем также имеется немного жилых помещений, как в МГУ) или находятся на небольшом расстоянии от главного здания. Преподавателям и студентам надо пройти пешком или воспользоваться транспортом, чтобы добраться до «главного здания» из общежития. Очевидно, что ЯЛ, соответствующий пространственной структуре, главным образом распределяется по вертикали в одном пространстве, то есть в одном здании.

Хотя в СПбГУ нет так называемого главного корпуса, его пространственная структура не похожа на китайские университеты. Здесь есть отдельные объекты с независимыми факультетами. Расстояние между факультетами невелико, но иногда до них нужно добираться на автобусе. По сути, каждый факультет находится в отдельном здании, в котором интегрированы аудитории, кабинеты преподавателей, буфеты и т. д. Поэтому здания разных факультетов находятся отдельно в горизонтальной плоскости, при этом составные части в каждом объекте представлены в трехмерном распределении. Таким образом, в ЯЛ российских вузов преобладает вертикальное распределение, дополняемое плоскостным.

5. Сфера конфигурации ЯЛ в китайских и российских университетах

Различия в сферах конфигурации ЯЛ в китайских и российских университетах обусловлены такими параметрами, как пространственная закрытость/открытость, содержание компонентов и пространственная структура.

С социологической точки зрения китайские университеты больше похожи на сообщество, чем российские университеты. По Лю Шисяну, «сообщество — это специальная область, сформированная людьми или семьями в определенном районе для политических, социальных, культурных, образовательных и других целей, вследствие чего различаются культура и образ жизни между сообществами» [Лю Шисян 2013: 60]. Поскольку в жилых районах китайских универ-

ситетов проживает множество студентов, преподавателей и их семей, мы считаем, что «обитателями» университета являются студенты, преподаватели и персонал, выполняющий другие работы. Они независимы друг от друга и находятся в условиях конкуренции с точки зрения быта, образования и др. Социально-организационная среда проживания и обучения в китайских университетах довольно насыщена, так что проживающие могут заниматься учебой, жить и развлекаться. Следовательно, китайские университеты представляют собой целостное сообщество, где проживающие представляют собой единый коллектив с целью обучения. Таким образом, его ЯЛ распределен относительно концентрированно. В пространстве «сообщества» содержание текстов на вывесках достаточно полно, оно касается проживания, преподавания, обучения, досуга, развлечений и пр.

Российские университеты отличаются тем, что места проживания и учебные зоны большинства российских университетов, таких как СПбГУ, МГПУ, МГЛУ и МГУ, расположены на большом расстоянии друг от друга. Поскольку рядом с центром кампуса российских университетов нет постоянных жителей, здесь меньше мест и объектов, связанных с бытовыми удобствами, что делает российские университеты более похожими на временные общественные места для учебной и преподавательской деятельности. Таким образом, распределение ЯЛ здесь относительно разбросано, и тексты на вывесках в кампусе не могут касаться еды, жилья, обучения, досуга и т. д. Например, в СПбГУ, МГУ, МГПУ и МГЛУ содержание большинства вывесок связано с научной деятельностью и меньше связано с бытовой жизнью, как это наблюдается в Китае.

Выводы

Из приведенного выше сравнения видно, что ЯЛ китайских и российских университетов значительно различаются по пространственному распределению, отражая следующие характеристики: 1) пространство китайских университетов закрыто, учебные, жилые и служебные зоны распределены в непрерывном пространстве в форме «сообщества», поэтому ЯЛ в основном сосредоточен в рамках определенной территории. В то же время пространство российских университетов в принципе открыто, учебные и жилые зоны расположены отдельно, ЯЛ прерывается и случайно распределяется по нескольким отделенным друг от друга пространствам, без формирования «сообщества»; 2) в ЯЛ в китайских университетах при-

сутствуют два языка — китайский и английский, а в российских ЯЛ по преимуществу одноязычен; 3) здания в китайских университетах размещены в кампусе, а ЯЛ представлен как внутри здания, так и снаружи в вертикальной и горизонтальной ориентации; большинство составных частей российских университетов интегрировано в многоэтажном здании. ЯЛ в основном здесь находится в здании и сориентирован по вертикали; 4) зоны и сфера распределения ЯЛ в китайских университетах намного больше и шире, чем в российских университетах. Это объясняется различиями в географическом положении, климате, культуре и менталитете, а также в национальной языковой политике и идеологии Китая и России. Среди этих факторов важнейшим является культура. В университете она отражается в его пространстве и может рассматриваться в таких аспектах, как технология, социология и сознание [Хоу Синь 2006: 76]. Китайская и российская культуры абсолютно разные, поэтому существует большая разница в оформлении территории вузов. Кроме того, важными факторами, влияющими на пространственные характеристики университетов, являются также климатическая среда и география: например, в России, которая находится в высоких широтах, ЯЛ в основном сконцентрирован в зданиях, а в Китае с относительно теплым климатом располагается и внутри, и снаружи зданий. Поэтому географические и климатические условия в определенной степени определяют характер территории кампуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. 刘视湘 社区心理学 北京: 开明出版社, 2013. 243 p. = Лю Шисян. Психология сообщества. — Пекин: Изд-во «Каймин», 2013. 243 с.
2. 侯鑫. 基于文化生态学的城市空间理论 — 以天津, 青岛, 大连研究为例. 南京: 东南大学出版社, 2006. 349 p. = Хоу Синь. Теория городского пространства на основе культурной экологии на примере Тяньцзиня, Циндао и Далайя. — Тяньцзинь: Изд-во Юго-Восточного ун-та, 2010. 349 с.
3. 张蕾. 大学校园标识系统设计策略研究. 哈尔滨工业大学, 2008. 108 p. = Чжан Лэй. О стратегии проектирования системы идентификации университетского городка. — Харбин: Харбин. технол. ун-т. 2008. 108 с.
4. 单霁翔. 走进文化景观遗产的世界. 天津: 天津大学出版社, 2010. 379 p. = Шань Цзисян. В мир культурно-ландшафтного наследия. — Тяньцзинь: Изд-во Тяньцзиньского ун-та, 2010. 379 с.
5. 杨雪. 校园语言景观比较研究 — 以宁波大学和宁波诺丁汉大学为例. 大学语文建设, 2019 (7): 51—52. = Ян Сюе. Сопоставление языковых ландшафтов в университетских кампусах — на примере университета Нинбо и Нинбо Ноттингемского университета // Язык и литература в университете. 2019. № 7. С. 51—52.
6. Китайгородская М. В. Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / под ред. Л. П. Крыгина. — М., 2003. С. 127—148.

7. Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В. Лексика города (к постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке. — М., 1982. С. 282—295.

8. Михалап К. П., Шмелева Т. В. Слово городской среды // Филологические науки. 1984. № 4. С. 32—40.

9. Синекопова Г. В. Языковые меньшинства в лингвистическом ландшафте Москвы // Вестн. Рос. нового ун-та. Сер.: Человек в современном мире. 2015. № 2. С. 45—49.

10. Федорова Л. Л. Языковой ландшафт: город и толпа // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. 2014. Т. 13. Вып. 6 : Журналистика. С. 70—80.

11. Шмелева Т. В. Ономастикон современного города // Материалы междунар. съезда русистов в Красноярске. — Красноярск, 1997. Т. 1. С. 80—86.

12. Backhaus P. Linguistic Landscapes. A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. — Clevedon ; Buffalo ; Toronto : Multilingual Matters Ltd., 2007.

13. Landry R., Bourhis R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality : An empirical study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. Vol. 16. № 1. P. 23—29.

14. Scollon R., Scollon S. W. Discourses in Place: Language in the Material World. — London : Routledge, 2003. 258 p.

15. Shohamy E., Gorter D. (eds.). Linguistic Landscape. Expanding the Scenery. — New York ; London : Routledge, 2009.

Liu Lifen

Guangzhou, China

ORCID ID: 0000-0002-0003-0723

Wu Juan

Guangzhou, Shihezi, China

ORCID ID: 0000-0002-9931-3028

Ren Yaqian

Guangzhou, China

ORCID ID: 0000-0002-7847-6987

 E-mail: liulifen1993@163.com; 13579752479@163.com; xiaoshuir@outlook.com.

Comparison of linguistic landscape configuration of Chinese and Russian universities

ABSTRACT. *The article deals with the issue which has not been properly studied yet. The scientific novelty of the study is determined by the fact that is the first attempt to analyze and compare the public signs of Chinese and Russian universities from the point of view of spatial configuration of the linguistic landscape. The urgency of the study is determined by more close cooperation and active exchange between China and Russia, and specifically in the sphere of higher education, which needs detailed description of socio-cultural differences between the two countries. Linguistic landscape as a constituent part of cultural landscape may be studied within sociolinguistics and includes a complex of visual signs, including signboards, indicators, slogans, information notices, etc. Configuration of the space of linguistic landscape means spatial structural peculiarities, i.e. the diversity of components and their spatial distribution. The practical study material consists of photos from 10 Chinese and Russian universities. The aim of the article is to find out differences between the two countries in geographical position, linguoculture, national mentality and in language policy and typical features of the leading ideology. The tasks of the article include definition of the degree of openness of the space, peculiarities of the linguistic landscape configuration and representation of different languages in it. The authors have revealed the differences between Chinese and Russian universities in the aspects under study: 1) the space of Chinese universities is closed, the linguistic landscape is locked up within certain boundaries and represents a territory of a separate community, while the space of Russian universities is open; 2) two languages (Chinese and English) are present in the linguistic landscape of Chinese universities, in Russian universities the linguistic landscape is predominantly monolingualistic; 3) due to campus organization, the linguistic landscape of Chinese universities has both horizontal and vertical orientation, in Russian universities situated in a single building the linguistic landscape has vertical orientation; 4) in Russia, signs are concentrated within the building, in China, they are equally found both inside and outside.*

KEYWORDS: linguistic landscape; sociolinguistics; Chinese universities; Russian universities; signs; spatial configuration; language policy.

AUTHOR'S INFORMATION: Liu Lifen, Doctor of Philology, Professor of Center for Translation and Interpretation Studies and the Faculty of the Russian Language at the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

AUTHOR'S INFORMATION: Wu Juan, PhD student of the Faculty of the Russian Language at the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Lecturer of the Russian Language at the Institute of European Languages Shihezi University, Guangzhou, Shihezi, China.

AUTHOR'S INFORMATION: Ren Yaqian, Master's Degree Student of the Faculty of the Russian Language at the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

FOR CITATION: Liu, Lifen. Comparison of linguistic landscape configuration of Chinese and Russian universities / Liu Lifen, Wu Juan, Ren Yaqian // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 185-192. — DOI 10.26170/pl19-05-20.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Ministry of Education of the PRC — 2014 Decision № 14JJD740010 and with financial support of the Scientific Social Foundation of the PRC of 2016 № 16BYY188.

REFERENCES

1. Liu Shixiang. Community psychology. — Beijing : Kaiming Pr., 2013. 243 p. — (In Chinese)
2. Hou Xin. Theory of urban space on the basis of cultural ecology, with the example of Tianjin, Qingdao and Dalian. — Tianjin : Southeastern Univ. Pr., 2010. 349 p. — (In Chinese)
3. Zhang Lei. On design strategy of identification system on campus. — Harbin : Harbin Univ. of technology, 2008. 108 p. — (In Chinese)
4. Shan Jixiang. Into the world of cultural and landscape heritage. — Tianjin : Tianjin Univ. Pr., 2010. 379 p. — (In Chinese)
5. Yang Xue. Comparison of language landscapes on University campuses — with the case of Ningbo University and Ningbo University of Nottingham // *Language and literature at the University*. 2019. № 7. P. 51—52. — (In Chinese)
6. Kitaygorodskaya M. V. Active Sociolinguistic Processes in the Field of Urban Names: Moscow Signs // *Modern Russian language: Social and Functional Differentiation* / ed. L. P. Krysin. — Moscow, 2003. P. 127—148. [Aktivnye sotsiolingvisticheskie protsessy v sfere gorodskikh naimenovaniy: moskovskie vyveski // *Sovremennyy russkiy yazyk: sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* / pod red. L. P. Krysin. — M., 2003. S. 127—148]. — (In Rus.)
7. Kapanadze L. A., Krasil'nikova E. V. The Vocabulary of the City (to the Formulation of the Problem) // *Methods of Nomination in Modern Russian*. — Moscow, 1982. P. 282—295. [Leksika goroda (k postanovke problemy) // *Sposoby nominatsii v sovremennom russkom yazyke*. — M., 1982. S. 282—295]. — (In Rus.)
8. Mikhailap K. P., Shmeleva T. V. Word of the Urban Environment // *Philological Sciences*. 1984. No. 4. P. 32—40. [Slovo gorodskoy sredy // *Filologicheskie nauki*. 1984. № 4. S. 32—40]. — (In Rus.)
9. Sinekopova G. V. Language minorities and signage in the Moscow linguistic landscape // *Proceedings of Russian New Univ. Ser.: Human in the modern world*. 2015. No 2. P. 45—49. [Yazykovye men'shinstva v lingvisticheskom landshafte Moskvy // *Vestn. Ros. novogo un-ta. Ser.: Chelovek v sovremennom mire*. 2015. № 2. S. 45—49]. — (In Rus.)
10. Fedorova L. L. Language Landscape: City and Crowd // *Proceedings of Novosibirsk State Univ. Ser.: History. Philology*. 2014. Vol. 13. Iss. 6: Journalism. P. 70—80. [Yazykovoy landshaft: gorod i tolpa // *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya. Filologiya*. 2014. T. 13. Vyp. 6 : Zhurnalistika. S. 70—80]. — (In Rus.)
11. Shmeleva T. V. Onomasticon of the Modern City // *Materials of the International Congress of Russian Specialists in Krasnoyarsk*. — Krasnoyarsk, 1997. Vol. 1. P. 80—86. [Onomastikon sovremennogo goroda // *Materialy mezhdunar. s"ezda rusistov v Krasnoyarske*. — Krasnoyarsk, 1997. T. 1. S. 80—86]. — (In Rus.)
12. Backhaus P. *Linguistic Landscapes. A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*. — Clevedon ; Buffalo ; Toronto : Multilingual Matters Ltd., 2007.
13. Landry R., Bourhis R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality : An empirical study // *Journ. of Language and Social Psychology*. 1997. Vol. 16. № 1. P. 23—29. — (In Chinese)
14. Scollon R., Scollon S. W. *Discourses in Place: Language in the Material World*. — London : Routledge, 2003. 258 p.
15. Shohamy E., Gorter D. (eds.). *Linguistic Landscape. Expanding the Scenery*. — New York ; London : Routledge, 2009.

Й. СипкоПрешовский университет, Словакия
ORCID ID: — E-mail: jozef.sipko@unipo.sk**СССР — только репрессии, деформации, застой?**

АННОТАЦИЯ. Рассматривается отражение в дискурсе российских и словацких СМИ основных характеристик советского общества и государства, а также такого исторического события, как распад СССР. Особое внимание уделяется ключевым словам журналистских материалов, выделяемым на основе высокой частотности, а также прецедентным феноменам (имена исторических деятелей, крылатые фразы, анекдоты). Дискуссии вокруг советского периода в истории России не утихают с 1980-х годов и активизировались в начале XXI в. Для публицистики периода перестройки была характерна критика советского периода: одной из главных тем были сталинские репрессии, для наименования отрицательных явлений действительности особую популярность приобрела словообразовательная модель с оценочным суффиксом *-щина*, присоединяемым к антропонимам: *сталинщина, ежовщина, бериевщина, ждановщина, брежневщина*. В современном общественном сознании, как демонстрирует дискурс СМИ, советский период истории воспринимается не столь однозначно, является предметом дискуссий. Выделяются основные тематические блоки публикаций, связанных с обсуждением СССР: «Распад/развал СССР» (рост популярности темы вызван 25-летием подписания Беловежских соглашений), «Президентские выборы 2018 г. и советские ценности», «Положительные черты жизни в СССР». Отмечается нередкое обращение при обсуждении современных политических событий и социально-экономических реформ к параллелям с советским прошлым и прецедентным феноменам, возникшим в советское время, также указано на повышенное внимание журналистов к высказываниям президента России В. В. Путина, чьи слова тиражируются и становятся крылатыми. Проанализированные материалы СМИ демонстрируют изменения общественного сознания в России, проявляющиеся в переоценке советского прошлого, в котором начинают отмечать не только отрицательные, но и положительные черты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; медиадискурс; медиалингвистика; медиатексты; российские СМИ; словацкие СМИ; прецедентные феномены; советское общество; Советское государство; прецедентные антропонимы; крылатые слова; политические анекдоты; политический дискурс; политические процессы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сипко Йозеф, профессор, кандидат филологических наук, Институт русистики, Философский факультет, Прешовский университет; 08001, Словакия, Прешов, ул. 17 Ноября, 1; e-mail: jozef.sipko@unipo.sk.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сипко, Й. СССР — только репрессии, деформации, застой? / Й. Сипко // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 193-201. — DOI 10.26170/pl19-05-21.

Материалы будут представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лигвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (состоится 29—30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета)

1. Введение

В конце 1980-х и в 1990-х гг. в России доминировали публицистические материалы со всесторонней критикой советского периода в истории России. Из них явствовало, что в советскую эпоху почти все сферы жизни были деформированы, одной из главных тем были **сталинские репрессии**, рассматривались и другие отрицательные стороны советской действительности, отношение к которым выражалось посредством емких номинаций, образованных от антропонимов с помощью оценочного суффикса *-щина*: *сталинщина, ежовщина, бериевщина, ждановщина, брежневщина*. Определенная тенденция в оценке видных советских деятелей усматривается в почти полном отсутствии

таких единиц, как *ленинщина* и *хрущёвщина*. Постепенно критика советского прошлого, в том числе с использованием тех же приемов выражения оценки, претерпела хронологический сдвиг — ее объектами стали политические руководители последних лет существования СССР и периода после его *распада/развала*: *горбачёвщина, ельцинщина, путинщина*. Попытки воссоздания в публицистике и исторических исследованиях объективной картины жизни в СССР вызывают большие затруднения, но все-таки продолжают.

2. Распад/развал СССР — катастрофа?

В последнее время в прессе регулярно цитируются слова президента В. В. Путина, сказанные им в 2005 г.: *Распад СССР —*

крупнейшая геополитическая **катастрофа столетия**. С одной стороны, слова Путина и сам их автор становятся объектом острой критики, поскольку представляются оправданием государства, которое, по мнению критически настроенных журналистов, проводя несправедливую политику, причинило много бед другим странам (например, оккупация Чехословакии в 1968 г.). С другой стороны, **распад СССР** в патриотических кругах России воспринимается как катастрофа, предательство и обман со стороны тогдашнего руководства СССР и России. На возражения и критику в свой адрес Путин подчеркивает, что в результате **распада СССР** пострадали миллионы россиян, которые, не покидая своего места жительства, потеряли свою родину: *После распада СССР вне своей Родины остались миллионы русских*. С этой точки зрения позицию Путина разделяют многие россияне, в том числе и ученые — историки и демографы.

При оценке **распада СССР** в СМИ характеризуется целый ряд советских исторических реалий, а также **Октябрьская революция**, получающие положительную оценку. З. Станкевич (2016), помимо прочего, пишет: *Продолжаем считать развал Советского Союза настоящей катастрофой для абсолютного большинства граждан бывшей сверхдержавы* (ЛГ. 2016.50). В подобном духе дает характеристику **Беловежских соглашений** и историк А. И. Вдовин (2016). Анализируя развитие СССР за весь период его существования, автор отмечает, что Советская страна проделала сложный, порой неоднозначный путь развития, но события 1991 г. были актом предательским: *Так или иначе 1991 год стал завершением контрреволюционного перерождения страны, образованной в октябрьские дни 1917 года* [Вдовин 2016]. Октябрь в среде патриотически настроенной интеллигенции России считается естественным продолжением исторического пути страны и вместе с тем способом защитить страну от Запада.

В РИА «Новости» (30.6.2017) были опубликованы результаты общероссийского опроса «Левада-центра» о самых великих россиянах в истории. Констатируется, что уже 5 лет подряд первое место занимает Сталин с результатом 38 %. В первую пятерку вошли также Путин, Пушкин, Ленин и Петр Первый. А. Рудалёв, комментируя этот результат, подчеркивает, что указанная пятерка — **это наше всё**. *Это протест россиян против лжи о советском прошлом. Советская эпоха — составная часть тысячелетия России* (РН. 30.6.2017). В данном материале наблюдаем очень интересную линию в **оце-**

ночных тенденциях при восприятии российской и в особенности советской истории. Если во время горбачевской перестройки в значительной части российских СМИ преобладал очень критический настрой по отношению к СССР, то в наше время происходит явная **переоценка** указанной критики советской истории. Оказывается, что результаты упомянутого опроса не случайны, и они связаны с общей обстановкой, сложившейся в России в последние годы. Прежде всего в связи с событиями на Украине Россию обвиняют в агрессивности, и многие жители России данный факт воспринимают как продолжение длительной вражды Запада против своей страны, причем в различных публикациях мы закономерно встречаемся с богатым рядом исторических ассоциаций. Россияне понимают, что они должны сохранить за своей страной статус сильного государства, как это было при Ленине и Сталине. В поэтических воспоминаниях В. Исаева (2017) советская родина предстает с **пионерским галстуком**, упомянута и **книга как символ самой читающей страны в мире** наряду с результатами **электрификации страны**:

*Она является ко мне
Избою свежепобеленной
И фотографиями всей родни
Среди портретов Сталина и Ленина.
И пионерским галстуком, красней пылавших щёк,
И первую бессонной ночью с книгой
Под электролампочкой...*
[Исаев 2017]

Многообразные суждения о Сталине, кроме всего прочего, подтверждают и очень широкий диапазон в оценках данной личности. С одной стороны, Сталина обвиняют в порабощении миллионов жителей СССР и в последующих репрессиях (смотри выше), с другой — ему приписывают большие заслуги при создании сильного государства, вождем которого **прорубил в космос всемирное окно** (смотри выше). Полемика по этим вопросам продолжается: *Систему превращения человека в винтики напрасно приписывают Сталину, она была разработана задолго до него американцем Фредериком Тейлором* (НС. 2018. 3).

Почти три десятилетия спустя после начала **демократизации**, введения **либерализма и капитализма** в России становится очевидным, что и в советскую эпоху были свои ценности, которые в конце концов сделали из СССР мировую державу. Из советской истории можно заимствовать некоторые идеи для дальнейшего развития современной России. Герой произведения А. А. Тра-

пезникова (2018) предлагает свой план: *Я считаю спасительным для России синтез монархизма и народного социализма — соединение „белой головы“ и „красного тела“* (НС. 2018. 3). Такое провозглашаемое духовное единство «красных» и «белых» идей представляет собой, может быть, очередной шаг в процессе объективизации оценки эпохи русских революций и Гражданской войны. В «Литературной газете» (2018. 17) были напечатаны рецензии на две книги: 1. *Я. Леонтьев, Е. Матонин. Красные*; 2. *В. Бондаренко. Белые*. — Москва : Молодая гвардия, 2018. Автор рецензии старается дать объективную картину не только достоинств и недостатков данных книг, но также представителей «красного» и «белого» движения. Суть драматизма указанного противостояния, непримиримости и вражды воплощена в следующих строчках известной песни:

*Смело мы в бой Смело мы в бой
пойдём, пойдём,
За власть Советов За Русь Святую...
тов...*

Анализируя непримиримость двух русских проектов, «красного» и «белого», автор отмечает, что сторонники и того и другого *страстно любили и любят свою Родину*. Такой вывод можно считать шагом вперед в процессе сближения двух русских миров. В данном контексте можно русские революции и Гражданскую войну характеризовать как **Глобальную национальную катастрофу, которая не преодолена до сих пор. И лозунгом должно быть „Национальное применение“** (ЛГ. 2018. 17).

Правда, это лишь идеальные намерения, осуществить которые не так просто из-за проявляемого с обеих сторон эгоизма. Но тот факт, что идут поиски путей гражданского примирения и объединения русского мира, создает определенные надежды на преобразование страны в единое пространство, вызывающее в памяти образную характеристику просторов в словах известной песни: *ширь степная, даль без края*.

Символом распада СССР стала Беловежская Пуца, где в декабре 1991 г. проходили переговоры высших руководителей России, Украины и Белоруссии (Ельцин, Кравчук, Шушкевич). И здесь были подписаны соответствующие соглашения. По поводу 25-летия подписания Беловежских соглашений появилось много публикаций российских авторов, содержащих резкую критику этого документа и всего процесса, приведшего к *распаду СССР*. Отрицательное у многих журналистов отношение к указанному событию следует воспринимать в контексте русской **идеи величия**, которая всегда была

присуща русской мысли. В результате *распада СССР* страна потеряла территорию площадью 5 млн км², с чем многим россиянам сложно смириться.

В контексте сказанного понятны такие заголовки: *Не только предательство* (ЛГ. 2016.50). Автор [Вдовин 2016] пытается определить основные причины *распада СССР* и в целом *Беловежский процесс* характеризует очень остро, даже с привлечением метафорических образов из медицинской среды, отсылая к действиям безответственных врачей: *Под Беловежским актом — подписи врачей-убийц, прячущихся за выписанной ими же справкой о кончине пациента якобы по естественным причинам* (ЛГ. 2016. 50). Одной из причин такого развития событий были недостаточно прочные **позиции русского народа в СССР**, когда часто говорилось о *братстве народов*, о советском народе, но подлинная роль русского народа в государственном строительстве в официальной идеологии не отражалась. А. И. Вдовин в этой связи цитирует видного деятеля СССР В. М. Молотова: *Коммунистическая партия так и не смогла решить русский вопрос. То есть, каким должен быть статус РСФСР — русской нации в СССР* (ЛГ. 2016. 50). Автор критикует многие стороны жизни в СССР, в том числе и отрицательную роль советской номенклатуры, низкие социальные стандарты миллионов людей, а также вооруженные конфликты, в обстановке которых жители СССР жили целыми годами: *Из 70 лет существования СССР около 20 лет заняли войны* (ЛГ. 2016. 50).

В годы горбачевской перестройки главным объектом критики был Л. И. Брежнев, генсек в 1964—1982 г. Этот период стали называть в публицистике единицами с отрицательными коннотациями: *брежневский застой, стагнация, брежневщина, неосталинизм*. Однако в наше время эти пропагандистские клише часто опровергаются. С современных позиций нередко делаются резкие переоценки всей брежневской эпохи, например, А. Замостьянов (2016) прямо заявляет: *Азбука Брежнева. В перестройку и последующие десятилетия из генсека сделали карикатуру — несправедливо и подло. Политика Леонида Ильича Брежнева для большинства из нас остаётся образцовой* [Замостьянов 2016]. При Брежневе, по этой версии, была стабильность, общество развивалось без радикализма и срывов, в международных отношениях СССР сумел добиться взаимного паритета с Западом, осуществлялась политика разрядки, проходили регулярные переговоры с верховным

руководством США и их союзников, чего нельзя сказать о современности: *Советско-американские договоры времён брежневского реализма до сих пор помогают сохранять мир. А соглашения, которые подписывали со Штатами Горбачёв и Ельцин, оказались хлипкими, и для нашей страны — капитулянтскими* (ЛГ. 2016. 50).

В связи с 25-летием подписания Беловежских соглашений публиковались материалы, в которых они расцениваются со ссылкой на значительную часть россиян предательством. На этом фоне высокоположительно оцениваются предшествовавшие периоды советской эпохи, когда СССР был сверхдержавой и оказывал вместе с США решающее влияние на тогдашние события в мире, чего нельзя сказать о постсоветской эпохе, поскольку *распад СССР* был по сути *Обман по-беловежски* (ЛГ. 2016. 50).

Рассмотренные материалы СМИ свидетельствуют: весь исторический опыт отношений России и Запада показывает, что основная причина напряжения, вражды и критики России — это не конкретный строй, т. е. царизм, социализм, советская система и прочее, а существование России как страны, которая не готова признать **доминирование Запада**. В полной мере это относится и к ситуации XXI в. Анализ основополагающих мировых событий показывает, что в первую очередь англосаксонская цивилизация на протяжении столетий своей первоочередной задачей считала порабощение максимально большей части мира, в том числе и подчинение русского медведя: *Все войны и мировые кризисы искусственно сконструированы ради получения прибыли. Развал СССР тоже был затеян для разделывания туши медведя* (НС. 2018. 3).

Для указания на отрицательные стороны советской действительности сохранились определенные **языковые коды**, прецедентные феномены, функционирующие при критике советского периода истории. К ним относится лексема *кухарка*, связанная с приписываемой В. И. Ленину фразой: *Любая кухарка может управлять государством* (более близкий к первоисточнику вариант — «Каждая кухарка должна научиться управлять государством»). Тем самым подчеркивается, что и простые люди могут занимать высокие государственные посты. В то же время оппоненты этой идеи резко осуждают всю кадровую политику Советского государства, а ее негативные последствия находят и в наши дни. В одних теледебатах прозвучало предупреждение в адрес критиков некоторых слоев современных интеллигентов: *А на их место придут кухаркины дети*.

Советский человек — это антропологическая катастрофа (НС. 2018. 1). Комментируя современные отрицательные оценки **советского человека**, С. Куняев (2018) приводит целый ряд примеров, когда *кухаркины дети* стали великими людьми. Среди них автор называет такие фамилии, как **Шолохов, Есенин, Конев, Гагарин, Чкалов, Рубцов, Смеляков, Жуков, Конёнков, Твардовский**, и современное издевательство над простыми людьми вызывает у него острую реакцию: *Такой вот „аристократический“ социальный расизм образовался в нашем обществе за последние четверть века* [Куняев 2018: 116].

Полное отрицание всего советского и социалистического стало идеологическим мейнстримом современности. Если кто-нибудь и напомнит о реальных успехах прошлой эпохи, то современные представители *социального расизма* разнесут его в пух и прах. Актуальны для их характеристики слова В. Белова: *Кого Господь решит наказать, того он лишает памяти* (НС. 2018. 1).

При обсуждении данной темы в рассмотренных публикациях отмечаются характерные для истории социализма парадоксы. Социализм, или научный коммунизм, основоположниками которого считаются **Маркс, Энгельс, Ленин**, получил практическую реализацию главным образом среди славян, которых создатели коммунистической идеологии буквально ненавидели. Вот слова Энгельса: *„Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Да, ближайшая всемирная война сотрет с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом...“* И памятник Фридриху Энгельсу *гордо высится напротив храма Христа Спасителя* (НС. 2018. 1).

Несмотря на экономические и социальные проблемы последних трех десятилетий, однозначной оценки советских времен не выработалось. На разных уровнях, в особенности в СМИ, идут дискуссии о советском прошлом, социализм сопоставляют с капитализмом, и что вызывает на первый взгляд удивление, так это явная тенденция к положительным оценкам социализма. Г. Цаголов (2019) приводит результаты одного анкетирования: *Большинство присутствующих за новый социализм, причем число сторонников капитализма снизилось с 27 до 17 %, а ратующих за социализм возросло с 58 до 67 %* (НС. 2019. 5). Указанные тенденции подтверждаются многими примерами. Россияне осознают, что в советские годы существовали не только отрицательные явления,

советский строй, если верить некоторым публикациям, положительно воспринимают даже дети и молодые люди. В одном из текстов такого рода, где цитируются известные стихотворные строки пушкинской эпохи, подчеркивается, что судьба, аналогичная гибели СССР, постигла в прошлом и другие цивилизации:

«Из искры возгорится пламя» —
Ещё молилась детвора.
Не знал Ильич, что вместе с нами
Уйдёт со школьно двора.

Разбился Цой. Горела Троя.
И боги думали всерьёз,
Что мы — последние герои
Страны, летящей под откос
(ЛГ. 2019. 28, Д. Трибушный).

Подобные тенденции в смене оценок, когда советское прошлое начинают положительно оценивать не только простые граждане, но и работники сферы культуры, проявляются и в наше время, спустя приблизительно три десятка лет после распада/развала СССР. Г. Марчук в рассказе «Праздники моей юности» описывает пять основных праздников советской эпохи, в том числе и христианские, и констатирует: *У всех на душе было тепло. Всё-таки праздник. Есть работа, свой дом, дети растут, мирное небо. Что ещё человеку надо?..* (НС. 2019. 7). Чувствуется, что в подтексте автор проводит аналогии с современностью, которая принесла политическую нестабильность, ненависть, перекося в пользу материальных ценностей и консюмеризма.

3. Президентские выборы — 2018 и советские ценности

На 18 марта 2018 г. были назначены президентские выборы в России, и этот факт стал очередным поводом для всестороннего обсуждения России, ее прошлого и настоящего. В СМИ в центре внимания оказался Алексей Навальный как потенциальный кандидат в президенты и главный противник Владимира Путина. Навального представляли как лидера либеральной России, которая борется против нового тоталитаризма, но поскольку власти запретили ему выставлять свою кандидатуру из-за судимости, Навальный организовал митинги против российских властей и предлагал бойкотировать президентские выборы. Один из таких митингов состоялся в городах России 28 января 2018 г. Его комментировали во многих СМИ. Интересной оказалась статья М. Соколова (2018), который отрицательно оценивает деятельность Навального и при этом проводит исторические параллели с советским прошлым.

В свое время критиковали и Сталина, даже Ленин в известном предсмертном письме высказал целый ряд критических замечаний в его адрес, но все-таки тот находился во главе СССР почти 30 лет. Его обожествляли, по всей стране висели его портреты, о нем слагали стихи, песни:

От края до края, по горным вершинам,
Где вольный орел совершает полет,
О Сталине мудром, родном и любимом
Прекрасную песню слагает народ.

По манере изложения автора очевидно, что А. А. Навальный своим популистским либерализмом ничего не добьется. Автор пытается найти определенное сходство между Ежовым и Навальным, и на основе печальной судьбы сталинского наркома Ежова (был казнен) проводит аналогии с *убогим движением Навального*:

С бойцами он ласков, с врагами суров,
В боях закаленный, отважный Ежов...
Великого Сталина преданный друг,
Ежов разорвал их предательский круг.
Раскрыта змеиная вражья порода
Глазами Ежова — глазами народа...
Ты — пуля для всех скорпионов и змей,
Ты — око страны, что алмаза ясней.

Критическое отношение к Навальному пронизывает весь текст. Интересным представляется также его сопоставление с вождем *Бархатной революции в Праге в 1989 г.* Вацлавом Гавелом. При этом хочется добавить, что в наше время для значительной части общества в Европе актуален совершенно не тот образ Вацлава Гавела, о котором пишет автор статьи: *Образу российского Вацлава Гавела, о котором мечтает либеральная общественность, это совсем никак не соответствует.* В острых идейных и политических спорах постоянно упоминается имя Сталина. С ним, кроме всего прочего, связано величие Советской страны, в которое верили миллионы людей. В. Гроссман в очерке «Треблинский ад» показывает сцену, в которой *еврейские подростки перед дверьми газовых камер кричат в лицо гитлеровским палачам: „Русские отомстят!“, „Сталин отомстит!“ и поют песню „Широка страна моя родная“* (НС. 2018. 1).

В связи с президентскими выборами 2018 г. в России односторонние оценки прошлого и современного положения в России отмечались и в некоторых словацких СМИ. Несмотря на огромный перевес Путина, продемонстрированный окончательными результатами выборов, возникали ассоциации с диктатурой, ограничением свободы и пр. Автор одной из таких статей Репа [Repa 2018] даже вынес в заголовок известный ру-

сизм: *Gosudar Putin: Putin po štvrtý raz. Možno nie naposledy. Je tam faktor obliehanej revnosti. — Путин в четвертый раз. Может быть, и не последний. Там чувствуется фактор осажденной крепости* (Р. 19. 3.2018).

Отдельные комментаторы даже пытаются усмотреть корни результатов прошедших выборов в России в общественном сознании россиян и делают очень интересные выводы, например, говорят о ставке Путина на национальную гордость жителей России: *Putin. Prečo si Rusi nevedia predstaviť iného. Ruský režim romaly zamenil prosperitu za národnú hrdosť. — Путин. Почему русские не могут себе представить другого. Режим России постепенно заменяет развитие на национальную гордость* (S.19.3. 2018). При этом когда А. Меркель стала в четвертый раз канцлером Германии, сторонники Запада это посчитали вершиной развития демократии...

Оказывается, сбрасывание с пьедестала советских ценностей, происходившее в последние годы, было не очень продуманным. Известно, что в недавнее время в России шла дискуссия относительно *Мавзолея Ленина*, захоронения его тела и отказа от целого ряда других унаследованных от советского периода реалий. При этом закономерно встречаемся с упоминанием советских ценностей и достижений, которые трудно выбросить из истории страны и культурного багажа россиян. Примером могут служить советские песни военных лет: *„Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин, а первый маршал нас в бой поведет“... Слова и музыка написаны при Сталине. Мавзолей можно закрыть, но бессмертные слова и бессмертную музыку не закроешь* (НС. 2018. 1). В этой связи хочется заметить, что Ансамбль им. А. В. Александрова во время всех своих концертов исполняет песни времен Великой Отечественной войны и никогда не пропускает «Священную войну» и «Катюшу». Последнюю иногда исполняют по просьбам зрителей концерта.

Как известно, рейтинг популярности Путина после 2014 г. в связи с событиями в Крыму достигал около 80 %. Это тоже сказало на результатах указанных президентских выборов 2018 г. Но когда российские власти приняли решение о **пенсии реформе**, в рамках которой предлагали повысить пенсионный возраст, то рейтинг президента стал резко падать. В данном случае в СМИ появились ассоциативные положительные упоминания Сталина, которые были очевидными и на антиправительственных митингах, где люди несли портреты Сталина

и выражали свое убеждение, что современное правительство не защищает интересы народа: *Почему народ в который раз вспомнил о Сталине* (ЛГ. 2018. 35). В связи с этим необходимо заметить, что решение о повышении пенсионного возраста принимают ввиду резкого снижения рождаемости многие современные правительства.

4. Положительные стороны советской эпохи

В советские годы для характеристики СССР было распространено клише *самая читающая страна в мире*. И действительно, книжная культура была широко распространена. Например, в московском метро почти каждый пассажир читал книгу. По сравнению с теми временами в наши дни книжная культура переживает значительный спад, иногда даже кажется, что она исчезает, и это относится не только к России. У людей среднего и старшего возраста при мыслях о книгах закономерно появляется ностальгия по прошлому:

*Ещё недавно мы любили книги,
Потому, что не было от них подвоха,
А теперь убийства, грязные интриги
И с любовью в книгах стало плохо.
Начитались, наглотались, насмеялись
И запретный плод сполна вкусили,
Мало-мальски сделать бы анализ,
Что случилось с нами и с Россией.*
(НС. 2017.6, Р. Панфёров)

В те же годы прославляли свою страну советские **спортсмены**. Многие из них регулярно занимали первые места на Олимпийских играх, чемпионатах мира и Европы, причем в командном зачете СССР часто был самой успешной страной. Атмосфера тех лет советского спорта показана в романе А. Сегеня «Знамя твоих побед», в центре внимания которого находятся Олимпийские игры в Монреале в 1976 г. Характерная для тех лет атмосфера успеха, патриотизма и гордости показана на примере судьбы олимпийского чемпиона по борьбе И. Шарыгина, который во время торжественного закрытия Олимпиады несет советский флаг: *Ты крепко держишь в вытянутой могучей руке древко, на котором упруго реет красное знамя Родины, озаряя ее непревзойденную славу* (НС. 2017. 6). Ностальгия по успехам советского спорта почти неизбежно возникает при его сопоставлении с современным состоянием отдельных видов российского спорта. И настоящие болельщики *плачут* при соответствующих воспоминаниях. Одним из символов советского спорта была команда «*Крылья Советов*», которая напоминает автору журнального материала,

что и эпоха застоя приносила людям приятные эмоции:

*Я плачу от бессилья,
Жизнь не воротишь вспять,
Я не вернусь на «Крылья» —
В футбол, хоккей играть.
Но не забуду напрочь,
Как жили мы в «застой».
И все мне снится Палыч,
Наш тренер золотой*
(НС. 2019. 6, Е. Степанов).

Особой темой в российской среде становится образ **Ленина**. По этому поводу встречаются и, наверное, долго будут звучать противоположные мнения: был ли он действительно великим русским человеком или только революционером и радикалом, принесшим великой стране ущерб, трагедию и развал. В этом плане типичной представляется такая оценка, в рамках которой Ленин зачисляются в ряды самых великих людей России: **Ленин — наш, Ленин — подлинный сын России. Её национальный герой — рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и Толстым. Имеются сведения о нем, как о человеке добрейшей и поистине христианской души** (НС. 2018. 3).

Старшее поколение россиян прожило практически всю свою жизнь в идеологическом и политическом пространстве господства Ленина, ленинизма, ленинианы. Воспоминания об этих годах вызывают в памяти разнообразные картины, но фактом остается, что вождь Октябрьской революции был и остался великой личностью, причем не только в сознании россиян. В русском языке результатом этого стало закрепление памятных лингвокультурных кодов, в том числе календарных: **22 апреля — должен был быть день рождения Владимира Ильича Ленина, вождя мирового пролетариата. День рождения Ленина отмечался — стенгазетами, и концертом, и торжественной линейкой. И конечно, субботником** (НС. 2018. 3, Е. Рощина).

В постсоветские годы Ленина и большевиков в СМИ беспощадно критиковали, но в год столетия Октябрьской революции зазвучали более взвешенные суждения относительно их деятельности, отмечается, что большевики спасли и в конечном итоге усилили целую страну: **Большевики сумели сохранить Россию, скрепить ее железными обручами, иначе бы она окончательно развалилась** (НС. 2018. 3). Особой темой в этом контексте является образ жизни в современной деревне, которая становится безлюдной, где распадаются колхозы и совхозы, а молодые люди покидают родные для

своих родителей места. Жалоба деревенского старика в полной степени отображает обрыв настоящей связи человека и природы: *От колхоза нашего „Новый мир“ остался один пшик. За что жизни ломали и клали? Чем нам со старухой заниматься? От скотины во вдоре и запах исчез* (НС. 2019. 5, Смердов).

Здесь уместно вспомнить комментарии относительно зимней Олимпиады — 2018 в Южной Корее, где спортсменам России было запрещено выступать под названием страны «Россия», запрещены были также российский гимн и флаг. Их называли *олимпийские спортсмены России*. Официальным поводом для указанных антироссийских мер стал допинг, принимавшийся некоторыми российскими спортсменами в прошлые годы, в особенности во время сочинской Олимпиады в 2014 г.

Естественно, миллионы россиян такие меры МОК посчитали оскорблением своей страны и проявлением ненависти к ней, лежащей в основе политики США и их союзников. Запомнилась сцена из заключительного церемониала олимпийского турнира по хоккею, когда хоккеисты сборной России как олимпийские чемпионы спели гимн своей страны. На такую обстановку можно реагировать по-разному и даже *смехом сквозь слезы*. По Интернету «кочует» карикатура, на которой *Х. Клинтон, Т. Мэй, А. Меркель, одетые в русские национальные костюмы, поют: „Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки Великая Русь“*. *Прослезившийся Путин: „Сука, до слез“*. Многие современные россияне понимают, что *Советская земля* приносила своим жителям и много положительного. Как символ советских дней упоминается *светящаяся башня Кремля*:

*Улыбалась нежным светом
Башня древнего Кремля,
И сияла ей с рассветом
Вся Советская земля...*
(НС. 2019.7, С. Алиханов)

5. Заключение

Почти три десятилетия, прошедшие после *распада/развала СССР*, во многих аспектах привнесли изменения в оценочную шкалу при восприятии советского прошлого. Многие россияне четче стали понимать, что причиной вражды и ненависти Запада к их стране был не социализм и советский строй в целом, что такое отношение вызывает по сути дела Россия, какой бы она ни была. Наглядным примером настоящей русофобии на внешнеполитическом уровне стала 80-летняя годовщина начала Второй мировой вой-

ны, когда на торжественную встречу польское правительство пригласило высокопоставленных представителей Германии, но не был приглашен никто из России. Современная стабилизация ситуации в России и ее устойчивое положение на международной арене вызывают к жизни демонстрации векового антагонизма между Россией и Западом. После наступления определенного отрезвления и утраты иллюзий рядовые россияне и ответственные руководители России часто начинают по-иному оценивать советское прошлое и находить в нем также положительные черты.

ИСТОЧНИКИ

1. ЛГ. = Литературная газета.
2. НС. = Наш современник : литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал
3. P. = Pravda.

ЛИТЕРАТУРА

4. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). — М., 1991.

5. Вдовин А. Не только предательство. Основные причины распада великой державы // Литературная газета. 2016. № 50. С. 3.
6. Замостьянов А. Азбука Брежнева // Литературная газета. 2016. № 50. С. 4—5.
7. Исаев В. В неведомое заглядывает душа. Из цикла «Родина» // Наш современник. 2017. № 6. С. 167—169.
8. Кунаев С. Дневник третьего тысячелетия // Наш современник. 2018. № 1. С. 115—157.
9. Марчук Г. Праздники моей юности // Наш современник. 2019. № 7. С. 69—77.
10. Поспелова Г. М. Социальные ориентации общества в зеркале прессы // Вестн. МГУ. 1990. Сер. 10. № 5, 6.
11. Сегень А. Знамя твоих побед // Наш современник. 2017. № 5. С. 11—59.
12. Словарь перестройки (1985—1992) / В. И. Максимов [и др.]. — СПб. : Златоуст, 1992. 253 с.
13. Смердов А. Трофеи победителей // Наш современник. 2019. № 5. С. 162—168.
14. Соколов М. Революция в Москве: почему вышло так убого // РИА «Новости». 2018. 29 янв. С. 1.
15. Станкевич З. Советский Союз. Обрыв истории. — М. : Книжный мир, 2016.
16. Цаголов Г. Какой строй нам нужен? // Наш современник. 2019. № 5. С. 136—139.
17. Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33—41.
18. Repa M. Gosudar Putin // Pravda. 2018. 19.3.2018. S. 28.

Jozef Sipko

University of Prešov, Slovakia

ORCID ID: —

E-mail: jozef.sipko@unipo.sk.

USSR: Only Repressions, Deformations, Stagnation?

ABSTRACT. *The article studies the reflection of the main characteristics of the Soviet society and the state and the disintegration of the USSR in the discourse of Russian and Slovak mass media. Special attention is paid to the keywords of journalistic materials singled out on the basis of high frequency and to precedent phenomena (names of historical figures, catch phrases, anecdotes). Discussions around the Soviet period in the history of Russia have been going on since the 1980s and became especially active in the early 21st century. The journalistic discourse of the perestroika was characterized by criticism of the Soviet period: Stalinist repressions were one of the main topics; a word building model with the evaluative derivational suffix -shchina (-щина) added to anthroponyms was actively used to nominate negative social phenomena - stalinskchina, ezhovshchina, berievshchina, zhdanovshchina, brezhnevshchina (сталинщина, ежовщина, бериевщина, ждановщина, брежневщина). In the modern social consciousness, mass media discourse demonstrates that the Soviet period is no longer interpreted in such an unequivocal way and is subject to discussion. The article distinguishes the main thematic blocks of publications about the USSR: “Disintegration/breakdown of the USSR” (a growth in popularity of the topic was triggered off by the 25th anniversary of the Belavezha accords), “The 2018 Presidential election and the Soviet values”, and “Positive moments in the life of the USSR”. The author reports that discussions of the modern political events and socio-economic reforms frequently refer to the Soviet times and the precedent phenomena of that era. He also notes that journalists pay special attention to the speeches of President V. V. Putin whose words are often cited and become catchphrases. The mass media materials analyzed in the article demonstrate a change in the social consciousness in Russia reflected in reevaluation of the Soviet past, in which journalists begin to see not only negative but also positive features.*

KEYWORDS: *mass media; mass media language; media discourse; media linguistics; media texts; Russian mass media; Slovak mass media; precedent phenomena; Soviet society; Soviet state; precedent anthroponyms; catchphrases; political anecdotes; political discourse; political processes.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Jozef Sipko (prof. PhDr. Jozef Sipko, PhD.), Institute of Russian Studies, Philosophical Faculty, University of Prešov, Prešov, Slovakia.*

FOR CITATION: *Sipko, J. USSR: Only Repressions, Deformations, Stagnation? / J. Sipko // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 193-201. — DOI 10.26170/pl19-05-21.*

MATERIALS

1. LG. = Literary newspaper. [Literaturnaya gazeta]. — (In Rus.)
2. NS. = Our Contemporary: Literary-artistic and Socio-political Monthly Magazine. [Nash sovremennik : literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy ezhe mesyachnyy zhurnal]. — (In Rus.)
3. P. = Truth [Pravda]. — (In Slovak)

REFERENCES

4. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russian Political Metaphor (Materials for the Dictionary). — Moscow, 1991. [Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu). — M., 1991]. — (In Rus.)
5. Vdovin A. Not only Betrayal. The Main Causes of the Collapse of a Great Power // Literary Newspaper. 2016. No. 50. P. 3. [Ne tol'ko predatel'stvo. Osnovnyye prichiny raspada velikoy derzhavy // Literaturnaya gazeta. 2016. № 50. S. 3]. — (In Rus.)

6. Zamost'yanov A. Alphabet of Brezhnev // *Literary Newspaper*. 2016. No. 50. P. 4—5. [Azbuka Brezhneva // *Literaturnaya gazeta*. 2016. № 50. S. 4—5]. — (In Rus.)
7. Isaev V. The Soul Looks into the Unknown. From the Cycle “Homeland” // *Our Contemporary*. 2017. No. 6. P. 167—169. [V nevedomoe zaglyadyvaet dusha. Iz tsikla «Rodina» // *Nash sovremennik*. 2017. № 6. S. 167—169]. — (In Rus.)
8. Kunyaev S. Diary of the Third Millennium // *Our Contemporary*. 2018. No. 1. P. 115—157. [Dnevnik tret'ego tysyachel'etiya // *Nash sovremennik*. 2018. № 1. S. 115—157]. — (In Rus.)
9. Marchuk G. Holidays of my Youth // *Our Contemporary*. 2019. No 7. P. 69—77. [Prazdniki moey yunosti // *Nash sovremennik*. 2019. № 7. S. 69—77]. — (In Rus.)
10. Pospelova G. M. Social Orientations of Society in the Mirror of the Press // *Moscow State University Journ.* 1990. Ser. 10. No. 5, 6. [Sotsial'nye orientatsii obshchestva v zerkale pressy // *Vestn. MGU*. 1990. Ser. 10. № 5, 6]. — (In Rus.)
11. Segen' A. Banner of Your Victories // *Our Contemporary*. 2017. No. 5. P. 11—59. [Znamya tvoikh pobed // *Nash sovremennik*. 2017. № 5. S. 11—59]. — (In Rus.)
12. Dictionary of Perestroika (1985—1992) / V. I. Maksimov [et al.].— St. Petersburg : Zlatoust, 1992. 253 p. [Slovar' perestroiki (1985—1992) / V. I. Maksimov [i dr.]. — SPb. : Zlatoust, 1992. 253 s.]. — (In Rus.)
13. Smerdov A. Trophies of the Winners // *Our Contemporary*. 2019. No 5. P. 162—168. [Trofei pobediteley // *Nash sovremennik*. 2019. № 5. S. 162—168]. — (In Rus.)
14. Sokolov M. The Revolution in Moscow: Why it Turned out so Miserable // RIA “News”. 2018. Jan. 29. P. 1. [Revolyutsiya v Moskve: pochemu vyshlo tak ubogo // RIA «Novosti». 2018. 29 yanv. S. 1]. — (In Rus.)
15. Stankevich Z. The Soviet Union. Cliff of History. — Moscow : Book World, 2016. [Sovetskiy Soyuz. Obryv istorii. — M. : Knizhnyy mir, 2016]. — (In Rus.)
16. Tsagolov G. What System do we Need? // *Our Contemporary*. 2019. No 5. P. 136—139. [Kakoy stroy nam nuzhen? // *Nash sovremennik*. 2019. № 5. S. 136—139]. — (In Rus.)
17. Shmeleva T. V. Keywords of the Current Moment // *Collegium*. 1993. No. 1. P. 33—41. [Klyuchevye slova tekushchego momenta // *Collegium*. 1993. № 1. S. 33—41]. — (In Rus.)
18. Repa M. Gosudar Putin // *Pravda*. 2018. 19.3.2018. S. 28. — (In Slovak)

РАЗДЕЛ 7. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 811.112.2'42
ББК Ш143.24-51
DOI 10.26170/pl19-05-22

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Е. М. Какзанова

Всероссийский институт научной и технической информации РАН, Москва, Россия

ORCID ID: —

E-mail: em@kakzanova.ru.

Языковые границы политического дискурса на улицах ГДР в монографии Филиппа Дрезена «Границы дискурса: типы и функции речевого сопротивления на улицах ГДР»

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию: Dreesen Ph. Diskursgrenzen: Typen und Funktionen des sprachlichen Widerstandes auf den Straßen der DDR // Diskursmuster/Discourse Patterns. Band 8 / Hrsg. von Beatrix Busse und Ingo H. Warnke. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2015. 426 S. Монография написана в рамках философско-лингвистического направления. Автор работал с большим корпусом текстов — научными и ненаучными монографиями и сборниками, автобиографиями и частным собранием текстов. В корпус вошли некоторые архивные источники, в частности Министерства государственной безопасности ГДР. Остановившись на употреблении официального немецкого языка в ГДР, Ф. Дрезен отмечает его особенности: семантические характеристики, сокращения, сложные слова, неологизмы, новообразования на уровне слов, фразы и определения в родительном падеже на уровне предложений, а также типы текста «лозунг», «петиция» и «домовая книга» на уровне текста. При более подробном рассмотрении официального языка в ГДР становится ясно, что стиль письменной и устной речи был не только канонизированным, но и в высшей степени ритуальным. Рассматриваемый в монографии дискурс Ф. Дрезен делит на две функциональные области — область официальных высказываний (господствующий дискурс) и область невысказываемого (контрдискурс). Господствующий дискурс задает условия для возникновения неявных высказываний о сопротивлении, что рассматривается на примере неявных высказываний, появившихся при массовых протестах на улицах ГДР в с 1945 по 1989 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; господствующий дискурс; улицы городов; немецкий язык; немецкие города; речевое сопровождение.

ТИП ПУБЛИКАЦИИ: рецензия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Какзанова Евгения Михайловна, доктор филологических наук, доцент, научный редактор, Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук; 125190, Россия, Москва, А-190, ул. Усиевича, д. 20; e-mail: em@kakzanova.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Какзанова, Е. М. Языковые границы политического дискурса на улицах ГДР в монографии Филиппа Дрезена «Границы дискурса: типы и функции речевого сопротивления на улицах ГДР» / Е. М. Какзанова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 202-206. — DOI 10.26170/pl19-05-22.

Материалы будут представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лигвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (состоится 29—30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета)

В 1990 г. Германская Демократическая Республика (ГДР) прекратила свое 40-летнее существование, но реалии этого государства продолжают привлекать исследователей различных направлений (например, по истории, политологии) до сих пор.

В 2015 г. вышла монография Филиппа Дрезена [Dreesen 2015], написанная в рамках философско-лингвистического направления. Монография является переработанной диссертацией автора. Всего в монографии 11 глав, которые автор делит на две части — теоретико-методическую и эмпирически-аналитическую. Также Ф. Дрезен работал с большим корпусом текстов —

научными и ненаучными монографиями и сборниками, автобиографиями и частным собранием текстов. В корпус вошли некоторые архивные источники, в частности, Министерства государственной безопасности ГДР.

После исследований различий в немецком языке Восточной и Западной Германии, лексической характеристики официального языка СЕПГ, средств массовой информации, Министерства государственной безопасности и Министерства юстиции ГДР интерес лингвистов переместился в сторону лингвистики текста и речевых высказываний. Остановившись на употреблении официального

немецкого языка в ГДР, Ф. Дреезен отмечает его характерные приметы:

- семантические особенности;
- на уровне слов, фразы — сокращения (например, *DSF = Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft — Общество немецко-советской дружбы*), сложные слова, неологизмы, новообразования (например, *Betriebswandzeitung — стенная газета предприятия*);
- на уровне предложений — определения в родительном падеже (*Genitiv-Attribute*, например, *Generalsekretär des Zentralkomitees der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands — генеральный секретарь Центрального комитета Социалистической единой партии Германии*);
- на уровне текста — типы текста «лозунг», «петиция» (*Eingabe*) и «домовая книга» (*Hausbuch*).

Как указывает исследователь, при более детальном рассмотрении официального языка в ГДР становится ясна не только каноничность стиля письменной и устной речи, но и ярко выраженная ритуальность, что автор связывает с идеологией ГДР. Ритуальность выполняла целый ряд политических функций:

- 1) предлагала тотальную монополию на интерпретацию явлений во всех сферах жизни в ГДР;
- 2) представляла собой общий сигнал к повинению;
- 3) способствовала совпадению официальной картины мира и реальности;
- 4) была одобрена управленческой структурой ГДР.

Автор отмечает, что речевой стиль партии называли в ГДР *Kaderwelsch* (*кадровое аргю*). Стереотипные фразы и коллокации легко превращались в эрратив, например, *Maximus und Lenimus* вместо *Marxismus und Leninismus*.

В пропаганде ГДР лексема *мир* (*Frieden*) была словом с позитивной оценкой (*Fahnenwort*). Оно обращало на себя внимание как слово партии и отражало мнение партии в форме плаката. С такой аргументацией использование лексем *мир* в социализме было неприкосновенным. Это означало, по мнению Ф. Дреезена, непримиримость социализма и пацифизма, что доказывало само применение слова *пацифизм*. Любое озвученное пацифистское высказывание преследовалось в ГДР как государственное преступление (*Staatsverbrechen*), утверждает автор монографии.

Я не знаю, знаком ли Ф. Дреезен с трудами В. И. Ленина, но у последнего, как известно, есть статья «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», в которой он не только разводит эти два понятия, но и

разоблачает бессодержательность, нелепость, лицемерие буржуазного пацифизма [Ленин]. Тем самым были заданы идеологические рамки в оценке пацифистского движения на долгие годы [Воронин 2008: 4].

Рассматриваемый в монографии дискурс Ф. Дреезен делит на две функциональные области — область официальных высказываний (господствующий дискурс) и область невысказываемого (*Bereich des Nicht-Sagbaren*) — контрдискурс. Как известно, одной из отличительных характеристик дискурса является его многозначность. Понятие дискурса по-разному интерпретируется современными учеными. Ф. Дреезен понимает под дискурсом последовательность речевых действий, а для анализа речевых действий он использует категорию речевых ситуаций. Также автор вводит еще одно понятие — неявные высказывания о сопротивлении (*nicht-explizite Widerstandsaussagen = NEWAS*, в единственном числе *NEWA*).

Ф. Дреезен формулирует несколько правил господствующего дискурса:

1. *Общее правило высказываемого*: если частное лицо высказывается в публичном месте, то исключительно устно, исключительно однозначно, по личным вопросам, ограничиваясь непосредственным собеседником.

2. *Правило индивидуального своеобразия*: если кто-то высказывается в публичном месте (независимо от предмета высказывания), то ему не разрешается привлекать к себе внимание отрицательным внешним видом.

3. *Мы-правило (Wir-Regel)*: если в публичном месте произносятся местоимение *мы*, то под ним подразумевается социалистически-коллективное *мы*.

4. *Правило серьезности (Ernsthaftigkeitsregel)*: если кто-то высказывается о состоянии ГДР, социализме или СЕПГ, то это должно быть серьезно.

Особенность господствующего дискурса автор монографии видит в том, что в официальных документах и в журналистских текстах было принято называть политиков полным именем и указывать их партийную должность.

Ф. Дреезен поясняет, что господствующий дискурс задает условия для возникновения неявных высказываний о сопротивлении, т. е. эти условия становятся предметом таких высказываний. В работе анализируются только такие неявные высказывания о сопротивлении, которые появлялись на улицах ГДР в массовых протестах с 1945 по 1989 г.

Ф. Дреезен называет высказывания мельчайшими единицами дискурса. Под неявными высказываниями о сопротивлении он понимает речевые высказывания, которые направлены против господствующего

дискурса таким образом, что они лишь частично нарушают его правила. Как говорит Н. Д. Арутюнова, семантически противоречивые высказывания нередко входят в естественно-языковой текст на законных основаниях [Арутюнова 2003: 234]. Явное высказывание о сопротивлении, продолжает Ф. Дрезен, примером которого служит направленное против СЕПГ требование «Партия должна исчезнуть!» («*Partei muss weg!*»), нарушает правила господствующего дискурса уже полностью, игнорируя СЕПГ как адресата и тем самым как потенциальное контактное лицо, не ожидая от нее какого-либо ответа, потому что он с самого начала исключен. Таким образом, неявными в отличие от явных называются такие высказывания о сопротивлении, которые в своем конкретном проявлении не пытаются полностью отрицать политическую систему. Они находятся на границе контрдискурса, но по отношению к господствующему дискурсу не являются однозначно противостоящими (*fundamentalopponierend*).

Предмет своего исследования автор определяет как знаки рече-коммуникативной деятельности, которые по своей форме не соответствуют идеальному типу сопротивления, а явно отличаются от него в большей или меньшей степени. Он предлагает несколько тезисов:

1. Ни одно сопротивление, которое пользуется языковыми знаками, не может полностью находиться за пределами дискурса.

2. Отличительная черта неявных высказываний о сопротивлении — вскрыть правила господствующего дискурса и сделать их предметом обсуждения.

3. Неявные высказывания о сопротивлении в своем толковании или понимании открыты, вследствие чего они образуют коммуникацию согласованности.

4. Неявные высказывания о сопротивлении превращают публичное пространство улицы в общественность в нормативном смысле.

5. Неявные высказывания о сопротивлении появляются в контрдискурсе, потому что они могут в высшей степени эффективно вскрывать хитроумные правила господствующего дискурса, сделать их предметом обсуждения и вытеснить.

6. В момент высказывания неявные высказывания о сопротивлении образуют границу между высказываемым (*Sagbares*) и уже более не-высказываемым (*gerade-nicht-mehr-Sagbares*).

Господствующий дискурс характеризуется, по мнению Ф. Дрезена, речевыми высказываниями официальных инстанций системы, представляющей диктатуру Социалистической единой партии Германии (*SED*).

Понятно, что функции контрдискурса отличаются от функций господствующего дискурса. Примером контрдискурса Ф. Дрезен называет единичный выкрик «Долой СЕПГ!» («*Nieder mit der SED!*») на улице во время восстания 17 июня 1953 г.

Особенность коммуникации в ГДР автор видит в явном противопоставлении господствующего дискурса контрдискурсу. Для описания напряжения между господствующим дискурсом и контрдискурсом он использует позитивистское понимание сопротивления. При этом воссоздается граница между еще высказываемым (*gerade-noch-Sagbares*) и уже более не-высказываемым. Именно уже более не-высказываемое автор называет неявным высказыванием о сопротивлении (*NEWAS*) в свете прагматики и дискурсивной лингвистики. Эти высказывания являются, по мнению Ф. Дрезена, двуликими (*janusköpfig*), но всегда имеют доминирующий характер. Иначе говоря, они действуют как единичное событие, но при определенных условиях становятся обычными. Их можно описать, потому что они затрагивают что-то, что выходит за рамки единичного события, если рассматривать их как часть одной цепи неявных высказываний о сопротивлении.

Подробно останавливаясь на дискурсивно-лингвистических особенностях неявных высказываний о сопротивлении, автор говорит, в частности, об использовании иностранного языка (*Fremdsprache*). Так, на демонстрациях 7-го и 8-го октября 1989 г. в Лейпциге пели *Dona nobis pacem* (*Даруй нам мир*). Ф. Дрезен объясняет это тем, что, с одной стороны, демонстрация началась у церкви Св. Николая, а с другой — латынь кажется гуманистической.

Еще одной распространенной формой неявных высказываний о сопротивлении автор называет цитирование незапрещенных предложений и текстов. Цитировались тексты из произведений, которые в ГДР были не запрещены, но не напечатаны, а также тексты, которые относились к господствующему дискурсу, а частично даже принадлежали к социалистическому канону.

Транспарант *Power to people* на демонстрации 23 октября 1989 г. вызвал вопрос, не является ли английский в данном случае менее определенным, чем немецкий. Такой же вопрос возник в связи с транспарантом *Liberty!* Это вызвано тем, что лексема *Freiheit* (*свобода*) как единичное плакатное слово до конца октября 1989 г. практически никогда нигде не появлялась.

Дискурсивно-лингвистический подход позволяет автору рассматривать сопротивление с помощью письма, говорения и неиспол-

нения требуемых речевых действий (*Unterlassen geforderter sprachlicher Handlungen*) как речевое действие в практическом аспекте.

Условия проживания в ГДР автор называет псевдожизнью (*Pseudoleben*), жизнью во лжи. Интересно, что в естественнонаучной литературе понятие «псевдожизнь» тоже употребляется, например, при описании свойств жидких кристаллов [Соколов и др. 2017]. Существование человека, проживающего псевдожизнью, находится, по мнению Ф. Дреезена, под угрозой. Речь идет о кризисе самой идентичности. Альтернативой жизни во лжи автор называет жизнь в истине (*Leben in der Wahrheit*).

В этом контексте Ф. Дреезен не может не затронуть некоторые важные события, связанные с историей ГДР — строительство стены в 1961 г., строительство социализма с 1961 по 1972 г., демонстративное [Леман 2019] лишение гражданства оппозиционного поэта-барда Вольфганга Бирмана в 1976 г., движение за мир с 1979 по 1983 г., фальсификацию результатов голосования в 1989 г., следствием чего были большие демонстрации в Лейпциге и Берлине с количеством участников больше 1000. Он также отмечает, что по вопросу о том, была ли ГДР тоталитарным государством, историки спорят до сих пор.

Большое внимание Ф. Дреезен уделяет понятию улицы (*Straßen*), часто используя контекстуальные синонимические понятия — публичное пространство (*öffentlicher Raum*), публичное место (*öffentlicher Platz*). Именно на улице проводятся фестивали, велогонки, демонстрации. В то же время автор отмечает, что в либеральной политической системе есть запреты на определенное поведение, например, на организацию незарегистрированных демонстраций в публичных местах и участие в них. Автор подчеркивает, что хотя молчание в маленькой группе в публичном месте в либеральной системе тоже является выражением протеста, оно не запрещено, т. е., как правило, не преследуется. Ф. Дреезен рассуждает так: в системе ГДР, в которой не было свободы мнения и права на демонстрации, публичное молчание в группах тоже регистрировалось и санкционировалось государством. Таким образом, политика улицы (*Straßenpolitik*) всегда связывалась с некоторой формой протеста.

На самом деле эта идея не нова. Так, М. А. Хевеши пишет, что пролетарские массы всегда выплескивают на улицы свое возмущение и негодование, о чем свидетельствуют события 1830 г. в Англии, знаменитое восстание силезских ткачей 1844 г., волна революций 1848 г. по всей Европе [Хевеши 2014: 42—43].

Значение улицы было подчеркнуто транспарантами первомайской демонстрации 1989 г.: *Улица — это трибуна народа (Die Straße ist die Tribüne des Volkes)* и *У нас есть армия, полиция и государственная безопасность — у нас есть только улица! (Ihr habt die Armee und Polizei und Staatssicherheit — wir haben nur die Straße!)*.

Ф. Дреезен не может обойти молчанием различные механизмы, которые использовала правящая система ГДР для защиты своей власти. Основным механизмом сохранения власти автор считает превентивно-репрессивный контроль над общественным и частным. Он утверждает, что господствующий класс и сопротивление оказывают друг на друга взаимное влияние, а СЕПГ должна была научиться справляться с вечным недовольством (*Nörgeleien*) общества. Автор настаивает на том, что на протяжении всей истории ГДР существовала пропасть между, с одной стороны, использованием немецкого языка в форме языка государственной партии, а с другой — многочисленными разновидностями немецкого языка в быту и в полуофициальных структурах.

Таким образом, основными теоретическими понятиями, затрагиваемыми в монографии, являются дискурс и высказывание. Как отмечает сам Ф. Дреезен, в работе расширены понятия политической лингвистики и дискурса благодаря концентрации на партии и государстве, причем первично исследовалась не функция официально-публичного речевого стиля СЕПГ, а высказывания в адрес государства и других членов общества, которые вторично критикуют официальные речевые нормы, изменяя и цитируя их.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. — М.: Индик, 2003. 695 с.
2. Воронин В. Ю. Пацифистское движение в США в 1914—1919 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Тамбов, 2008. 24 с.
3. Леман Ю. Русская литература в Германии. Восприятие русской литературы в художественном творчестве и литературной критике немецкоязычных писателей с XVIII века до настоящего времени. — М.: Litres, 2019. 487 с.
4. Ленин В. И. Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический [Электронный ресурс] // Полное собрание сочинений. Т. 30. URL: <http://uaio.ru/vil/30.htm> (дата обращения: 10.09.2019).
5. Соколов Е. А., Кондратенко А. П., Буланкина Н. Е. Проблемы интеграции гуманитарного и естественнонаучного знания в современном образовании. — М.: Litres, 2017. 441 с.
6. Хевеши М. А. Толпа, массы, политика. Историко-философский очерк. — М.: Directmedia, 2014. 275 с.
7. Dreesen Ph. Diskursgrenzen: Typen und Funktionen des sprachlichen Widerstandes auf den Straßen der DDR // Diskursmuster/Discourse Patterns. Band 8 / Hrsg. von Beatrix Busse und Ingo H. Warnke. — Berlin ; Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2015. 426 S.

E. M. Kakzanova

All-Russian Institute for Scientific and Technical Information, Moscow, Russia

ORCID ID: —

E-mail: em@kakzanova.ru.

Linguistic boundaries of political discourse in the streets of GDR in the monograph by Philipp Dreessen “Discourse Boundaries: Types and Functions of Speech Resistance in the Streets of GDR”

ABSTRACT. *The article contains a review of the monograph: Dreessen Ph. Diskursgrenzen: Typen und Funktionen des sprachlichen Widerstandes auf den Straßen der DDR // Diskursmuster/Discourse Patterns. Band 8 / Hrsg. von Beatrix Busse und Ingo H. Warnke. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2015. 426 S. The monograph is written within the framework of philosophic-linguistic approach. The author has worked with a large corpus of texts – scientific and popular monographs and collections, autobiographies and a private collection of articles. Some archive sources, and specifically those of the Ministry for State Security of the GDR are part of the corpus. Studying the functioning of the official German language in the GDR, Ph. Dreessen highlights its peculiar features: semantic characteristics, shortenings, compounds, neologisms, new phenomena on the level of the word, phrases and attributes in the Genitive case on the level of the sentence and the types of texts “slogan”, “petition”, “house register” on the level of the text. A close look at the official German language in the GDR makes it clear that the style of written and oral speech was not only canonized but also highly ritual. Ph. Dreessen subdivides the discourse under study into two functional areas – the sphere of official utterances (institutionalized discourse) and the sphere of the non-said (counterdiscourse). The institutionalized discourse determines the conditions for emergence of indirect utterances about resistance, which is studied on the example of indirect utterances generated during mass protests in the streets of the GDR from 1945 to 1989.*

KEYWORDS: political discourse; leading discourse; streets of the cities; German; German cities; verbal support.

TYPE OF PUBLICATION: review.

AUTHOR’S INFORMATION: Kakzanova Evgeniya Mikhaylovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Scientific Editor, All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Kakzanova, E. M. Linguistic boundaries of political discourse in the streets of GDR in the monograph by Philipp Dreessen “Discourse Boundaries: Types and Functions of Speech Resistance in the Streets of GDR” / E. M. Kakzanova // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 202—206. — DOI 10.26170/pl19-05-22.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Logical Analysis of Language. — Moscow : Indrik, 2003. 695 p. [Logicheskiy analiz yazyka. — M. : Indrik, 2003. 695 s.]. — (In Rus.)
2. Voronin V. Yu. The Pacifist Movement in the USA in 1914–1919 : synopsis of thesis ... of Cand. of History. — Tambov, 2008. 24 p. [Patsifistskoe dvizhenie v SShA v 1914—1919 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. — Tambov, 2008. 24 s.]. — (In Rus.)
3. Leman Yu. Russian Literature in Germany. The Perception of Russian Literature in the Art and Literary Criticism of German-speaking Writers from the 18th Century to the Present. — Moscow : Litres, 2019. 487 s. [Russkaya literatura v Germanii. Vospriyatie russkoy literatury v khudozhestvennom tvorchestve i literaturnoy kritike nemetskoyazychnykh pisateley s XVIII veka do nastoyashchego vremeni. — M. : Litres, 2019. 487 s.]. — (In Rus.)
4. Lenin V. I. Bourgeois Pacifism and Socialist Pacifism [Electronic resource] // Complete works. Vol. 30. [Patsifizm burzhua-ny i patsifizm sotsialisticheskiy // Polnoe sobranie sochineniy. T. 30]. URL: <http://uaio.ru/vil/30.htm> (date of access: 10.09.2019).
5. Sokolov E. A., Kondratenko A. P., Bulankina N. E. Problems of the Integration of Humanitarian and Science Knowledge in Modern Education. — Moscow : Litres, 2017. 441 p. [Problemy integratsii gumanitarnogo i estestvennonauchnogo znaniya v sovremennom obrazovanii. — M. : Litres, 2017. 441 s.]. — (In Rus.)
6. Kheveshi M. A. Crowd, Masses, Politics. Historical and Philosophical Essay. — Moscow : Directmedia, 2014. 275 p. [Tolpa, massy, politika. Istoriko-filosofskiy ocherk. — M. : Directmedia, 2014. 275 s.]. — (In Rus.)
7. Dreessen Ph. Diskursgrenzen: Typen und Funktionen des sprachlichen Widerstandes auf den Straßen der DDR // Diskursmuster/Discourse Patterns. Band 8 / Hrsg. von Beatrix Busse und Ingo H. Warnke. — Berlin ; Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2015. 426 S.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Научные направления:

10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»

10.02.01 «Русский язык»

10.02.04 «Германские языки»

10.02.19 «Теория языка»

10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

• Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).

• Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
 - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
 - Ученая степень, звание, должность.
 - Полное и точное место работы автора.
 - Подразделение организации.
 - Открытый идентификатор автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>).
 - Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5—10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2019. ВЫПУСК 5 (77)**

Адрес редакции:
620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.
Адрес учредителя:
620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет
Адрес издателя:
620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.
Подписано в печать 22.10.2019. Формат 60x84/8.
Дата выхода в свет: 29.10.2019.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. — 23,1. Усл. печ. л. — 24,4. Тираж 500 экз. Заказ 5083.
Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.me